1 марта
1881 года.

Москва,
1933 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ТРУДЫ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ ПРИ О-ВЕ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ

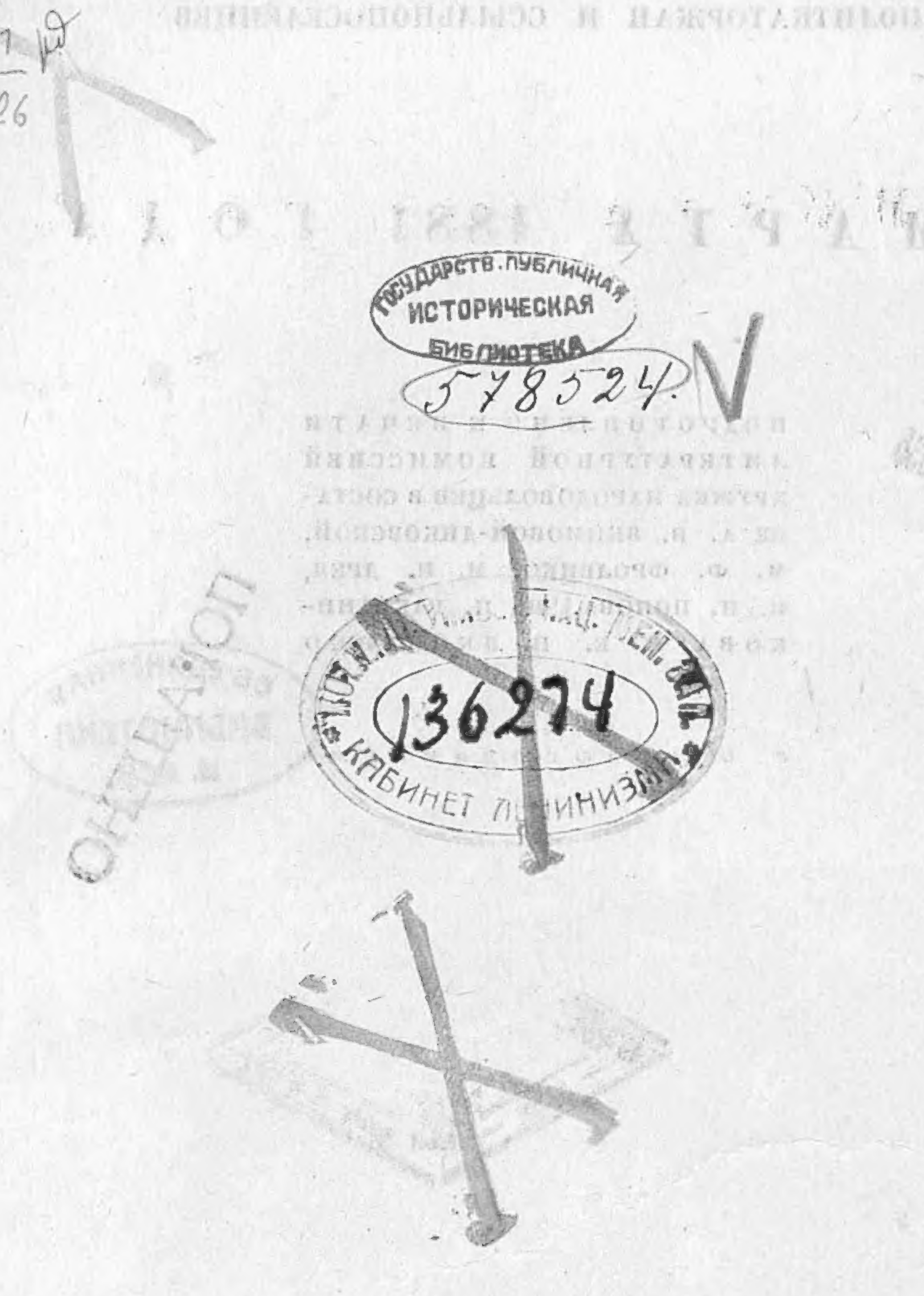
1 МАРТА 1881 ГОДА

ПОДГОТОВЛЕНО К ПЕЧАТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОМИССИЕЙ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ В СОСТАВЕ А. В. ЯКИМОВОЙ-ДИКОВСКОЙ, М. Ф. ФРОЛЕНКО, М. И. ДРЕЯ, И. И. ПОПОВА, И. Н. РАКИТНИКОВА И Е. И. ЯКОВЕНКО

с 6 иллюстрациями

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1933

Обложка работы художника Г. Д. Епифанова

ТИПОГРАФИЯ ИМ. ВОЛОДАРСКОГО, ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 57

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник, являющийся результатом работы кружка народовольцев, в своей основе представляет сводку сырого материала.

В тех случаях, когда составители сборника и авторы помещаемых в нем статей пытаются хотя бы мимоходом проанализировать «первомартовскую» эпоху, они не в состоянии дать правильной оценки ни обстановки, ни явлений, ни роли классов или их прослоек.

Для них события, участниками которых они являлись, в которые они вложили «все, что могли», и сейчас представляются непревзойденной ступенью. Исходя из таких посылок, безусловно имевший большое историческое значение акт 1 марта 1881 г. для них и сейчас «является наикрупнейшим актом среди событий, совершенных не только партией «Народная воля», но и другими революционными партиями».

С нашей марксистско-ленинской точки зрения заслуживает очень большого внимания не только акт 1 марта, но и вся деятельность партии «Народная воля».

Резюмируя взгляды В. И. Ленина на историю революционного народничества, тезисы Культпропа ЦК ВКП(б), посвященные 50-летию «Народной воли», характеризуют ее, «как партию, отражавшую интересы крестьянства в пореформенной России, как партию крестьянской революции, как партию, основная заслуга которой — в решительной самоотверженной борьбе против крепостничества и самодержавия в России».

Это неоспоримо. Но составители сборника нигде не отразили того факта, что подлинно героическая деятельность «Народной воли» «представляет собой пройденный и уже давно превзойденный пролетарской борьбой этап в истории революционного движения в России».[1]

Каждому участнику революционного движения свойственно преувеличивать значение тех актов, в которых он принимал участие. Каждому участнику революционного движения свой-

[1] Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли».

ственно полагать, что та стадия революционного движения, в которой он принимал наиболее деятельное участие и значит отдал ей большую часть своих духовных и физических сил, именно эта стадия и является в истории революции наиболее интересной, красочной, героической, наложившей наиболее глубокий отпечаток на ход всех последующих событий.

Составители переоценивают свое прошлое, но еще в большей мере они повинны в том, что при оценке действий их современников, хотя бы и не их сторонников, они оперируют либеральной терминологией, мешающей современному читателю правильно понять эпоху, — события и позиции социальных группировок.

Например, на стр. 18 настоящего сборника автор статьи «Печать и 1 марта» гововит: «Из всех либеральных столичных газет только «Порядок», издававшийся Стасюлевичем, оказался тактичным и воздержался от всяких славословий и резких выпадов против революционеров». А на самом деле в приводимой им выдержке из передовой статьи «Порядка» акт 1 марта квалифицируются как «глубоко горестное, ужасное событие».

Приводя образцы мерзостно-пакостных писаний реакционной печати того периода, откликавшейся на события 1 марта, составители бесстрастны. Они ни считают возможным хотя бы отдельными фразами заклеймить «мошенников пера и разбойников печати».

На стр. 43 настоящего сборника, цитируя высказывания «СПБ ведомостей» от 8 марта 1881 г., о природе самодержавия, у составителей также не вырывается ни единой фразы, могущей помочь неподготовленному читателю критически разобраться в предлагаемом материале.

Благоговеющие, как мы уже говорили, перед действительно героической деятельностью партии «Народной воли», составители сборника не замечают, как они в оценке позиций либеральной печати начинают говорить не языком сторонников партии «крестьянской революции», а языком либералов. Так, например, на стр. 48 перед большой цитатой из передовой статьи газеты «Молва» они говорят:

«Исчерпывающий, горячо написанный ответ либеральных органов на разгул сыскной фантазии охранителей и их реакционное вожделение дала „Молва“». А на стр. 49 упомянутую цитату из «Молвы» они заключают словами: «Все в ней характерно: и эта подчеркнутая благонамеренная позиция между «красной» и «белой коммуной»... и это преклонение перед «великими реформами» Александра II... и пылкие надежды на Лорис-Меликова».

Если бы составители умели не только восторгаться деятельностью народовольцев, если бы они на прошлое смотрели

глазами сторонников хотя бы только крестьянской революции, они смогли бы дать истинную оценку позиций всей либеральной печати, отражавшей даже в мелочах настроения российской буржуазии, смирением и раболепием выслуживавшей у самодержавия крохи политических и экономических благ.

Этих недостатков не восполняет и страница 52 сборника, на которой автор статьи «Печать и 1 марта» пытается дать революционную оценку позиций либеральной печати. Он даже говорит: «Либерализм ясно и недвусмысленно выразил только свой страх перед революцией и свою ненависть к ней, свою готовность бороться с ней вместе с правительством». Но эта оценка находится в противоречии с предшествующим утверждением безусловно либерального свойства: «Несомненно, общественное мнение было не на стороне охранителей «исконных» начал русской жизни и в том числе самохержавия. Но проявилось оно даже в наиболее смелых либеральных органах рабскитрусливо и косноязычно».

Вне всякого сомнения, автор статьи под «общественным мнением» подразумевает мнение либеральной буржуазии, и, таким образом, его как бы революционная, а не леберальная оценка позиций либерализма полна противоречий: то либерализм стоит против самодержавия, то выражает готовность бороться против революции вместе с самодержавием.

В статье «Аресты перед 1 марта» автор говорит: «...подвиг Клеточникова нужно признать совершенно исключительным, даже среди блестящих дел народовольцев, — человек пошел в стан врагов, в III отделение, всеми проклинаемое и презираемое, положил на себя клеймо Каина для того, чтобы охранять партию и предупреждать ее членов об грозящей им опасности. Чтобы решиться на такое дело нужно было быть человеком твердой воли и высоких моральных качеств. Клеточников же был таковым» (стр. 53).

Эти строки малоориентированный в истории революционного движения читатель может воспринять как апологию не только личности Клеточникова, но и метода, при помощи которого Клеточников служил революции. Такой вывод читатель может сделать тем более, что в дальнейшем автор ни единым звуком не упоминает о том, что все попытки со стороны ряда революционеров впоследствии пойти по стопам Клеточникова приводили к обратным результатам, что все революционеры, совершавшие такого рода попытки, гибли, не только не принося пользы революционному движению, а вредя ему, вынужденные вставать на путь предательства.

Автор статьи «Отголоски 1 марта 1881 г.» ставит очень интересный вопрос — как реагировали м а с с ы н а р о д а на деятельность партии «Народная воля»?

В начале статьи он говорит:

«Эта («Народная воля») централистически построенная замкнутая партия, сосредоточившая главные свои силы на борьбу с правительством, — была ли она действительно так изолирована, так отрезана от масс, как это обычно себе представляют? Как воспринимались ее деяния этими массами, как отражались они в их сознании, что будили в них?

«Что представлял собой в эпоху «Народной воли» этот таинственный, безмолвствовавший сфинкс, именуемый народом? Да и был ли он действительно безмолвствующим?» (стр. 89).

Если эти цитаты как бы полуутверждают, что «Народная воля» не была изолированной от масс, то на стр. 96 автор уже категорически утверждает: «Обычно принято думать, что народные массы ничем не реагировали на 1 марта, что «народ» встретил это событие полным молчанием и ничем не отозвался на него. Это представление ошибочно».

Прочитав эти строки, каждый читатель станет ожидать, что статья познакомит его с рядом фактов, доказывающих, что «Народная воля» не была изолирована, не была отрезана от масс, что н а р о д не был безмолвствующим. Но.... эти ожидания будут обмануты, ибо для того, чтобы подтвердить это утверждение, автор сообщает, что с 1881 по 1891 г. (за 11 лет!) привлечено к дознаниям жандармскими управлениями на протяжении всей царской России за распространение слухов о переделе земли и других «политических» слухов (в том числе и о 1 марта) 934 человека»!!!

Эти цифры никого из читателей не убедят в правоте утверждений автора, читатель поймет, что массы народа не поддержали легендарных борцов «Народной воли», что н а р о д к активной борьбе с эксплуататорами не был разбужен и взрывом бомб на Екатерининском канале.

Указывая на необоснованность вышеупомянутых утверждений, мы отнюдь не хотим создавать у читателя впечатление, что деятельность «Народной воли» прошла бесследно. Мы знаем, что многие из нас, вступивших на пути к нашим конечным целям в борьбу с самодержавием в последующие годы, в течение десятилетий черпали свое вдохновение из подлинно славных страниц истории партии «Народной воли», истории ее героической борьбы, и что образы ее борцов витали перед нашими глазами, вливая в наше сознание неисчерпаемую бодрость в самые тяжелые моменты борьбы с царизмом.

Но, если г е р о и ч е с к а я б о р ь б а «Народной воли» вдохновляла на беззаветную борьбу с самодержавием не одно поколение рабочих революционеров, во главе с В. И. Лениным, то, с другой стороны, и д е о л о г и я партии «Народной воли», являвшейся в годы расцвета ее деятельности идеологией р а з о-

ряемого капитализмом крестьянина, выродилась впоследствии в идеологию так называемых эпигонов, т. е. в идеологию кулацкой части крестьянства. «Либералы с бомбой» — партия эс-эров, партия Керенского черпала свою «мудрость» в идеологии партии «Народной воли» особенно ее правого крыла. Это обстоятельство обязывает нас как на недостаток сборника указать и на то обстоятельство, что, приводя статьи из «Набата» (стр. 214—217) и из «Самоуправления» (стр. 217—220) составители сборника не оговорили, что эти статьи грешат как идеализацией индивидуального террора, так и чрезмерным преувеличением значения акта 1 марта.

Но здесь читатель нас в праве прервать вопросом:

— К чему издавать этот сборник, если он грешит столькими недостатками?

Несмотря на отмеченные недостатки, мы считаем издание этого сборника полезным и необходимым по следующим соображениям:

Сборник исключительно рассчитан на читателя историка, на читателя специалиста, могущего свободно ориентироваться в предлагаемом ему сыром материале, представляющем огромную ценность для изучения первомартовской эпохи и в особенности для изучения отношения современников к акту 1 марта 1881 г.

Взять, например, приводимые в сборнике высказывания буржуазной прессы об убийстве Александра II. Какой великолепной иллюстрацией является этот материал для доказательства одного из утверждений большевизма!

В борьбе с меньшевиками В. И. Ленин всегда подчеркивал то обстоятельство, что российская буржуазия, в отличие от английской XVII и французской XVIII веков, не революционна, а контрреволюционна, что она не захочет доведения до конца буржуазно-демократической революции, что в любой момент, когда она почувствует опасность победы революции, она пойдет на сделку с самодержавием.

И читая помещенный в сборнике материал, читатель почувствует омерзение, видя в каждой строке высказываний либеральной прессы страх буржуазии перед революцией и ее холопство перед самодержавным сапогом.

Издать сборник в его настоящем виде редакция считает возможным и потому, что он является плодом работы не только современников, но и непосредственных участников события 1 марта 1881 г. и, именно потому, будет иметь для историка еще больше значения, если сохранит в себе характерный колорит восприятия эпохи ее деятелями и через полвека после убийства Александра II.

Напомним читателю, что не только дела, но и идеи народовольчества уже в прошлом, что путь, по которому шло

оно, закончился крахом, потому что народовольцы являлись не идеологами пролетариата, а представителями крестьянства, выражавшими от его имени протест против крепостничества и паразитических форм капитализма.

Являясь по своим устремлениям партией крестьянской революции, народовольчество сошло со сцены, не поняв, что в условиях уже развивавшегося в России капитализма крестьянская революция могла бы победить только при одном условии.

Это условие было указано В. И. Лениным, его поняли те из народовольцев, которые вступили в коммунистическую партию.

Крестьянская революция сможет победить только в том случае, если ее возглавит пролетариат, если эта революция перерастет в революцию пролетарскую.

Путь бедняцко-середняцкого крестьянства к социализму лежит только через революцию пролетарскую, потому что «только руководство пролетариата способно преодолеть и парализовать все колебания крестьянства, обусловленные его психологией мелкого товаропроизводителя, и только под руководством пролетариата возможно вовлечение бедняцко-середняцкого крестьянства в строительство социализма».[1]

Воздавая дань должного уважения героям народовольчества, читатель должен помнить, что «Социализм пролетариата, научный социализм прямо противоположен народническим, а также неонародническим воззрениям, игнорирующим положение мелкого товаропроизводителя, рождающего капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, ежеминутно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). (Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли».)

Признавая историческое значение и за актом 1 марта 1881 г., читатель настоящего сборника не должен забывать слов В. И. Ленина:

«Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали это участие».[2]

Этого-то и не смогли сделать народовольцы.

---

[1] Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли».
[2] В. И. Ленин, Сочинения, 3 издание, т. V, стр. 145.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В марте 1931 года исполнилось 50 лет со дня события 1 марта 1881 г. о котором П. А. Кропоткин писал: «событие 1 марта — это огромный шаг к грядущей революции в России, и те, кто подготовил и совершил это дело, запечатлевшие своею кровью этот подвиг, не напрасно принесли себя в жертву». Позднейшие историки и мемуаристы вполне подтвердили эти слова, напечатанные в № 2 «La Révolte» от 18 марта 1881 г.

Приведение в исполнение приговора Александру II, вынесенного Исполнительным комитетом 26 августа 1879 г., несомненно, является наикрупнейшим актом среди событий, совершенных партией «Народная воля». 1 марта 1881 г. остановило зрачок всего мира на борьбе, которую вели народовольцы с царским самодержавным правительством, и оказало громадное влияние на развитие революционных идей и революционного настроения как среди общества, так и среди широких масс населения.

В день 50-летия события 1 марта 1881 г. кружок народовольцев при Обществе б. политкаторжан и ссыльнопоселенцев не мог, конечно, не откликнуться на этот юбилей.

В марте 1931 г. была издана иллюстрированная памятка «1 марта 1881 г.», в которой были напечатаны краткие воспоминания и статьи здравствующих участников и современников события.

Тогда же редакционная комиссия кружка приступила к составлению сборника, посвященного 1-му марта 1881 г.

Редакция предполагала вначале придать этому сборнику всесторонний, исчерпывающий характер, но потом пришлось сузить задание и ограничиться только лишь почти одним информационным материалом, относящимся к тому времени.

За полвека, протекшие после 1 марта, ни одно из событий из деятельности партии «Народная воля» не нашло такого полного отражения в литературе, как 1 марта 1881 г. Ему посвящены многие тома воспоминаний самих участников и других современников и революционеров, и между ними такая ценная работа, как «Запечатленный труд» В. Н Фигнер, с характеристикой события и отдельных участников дела. На событии 1 марта неоднократно останавливались и историки революционного движения; около этого акта велась и ведется полемика о значении его для революционного движения в России. Исторические журналы не раз, по случаю юбилейных дат, посвящали этому событию свои книги («Былое», 1906 г., № 3, и 1918 г., № 4—5; «Каторга и ссылка», 1926 г., № 3, и 1931 г., № 3).

В сборнике нет оригинальных воспоминаний современников, даже участников события 1 марта 1881 г. Пришлось отказаться и от оригинальной исторической статьи.

Несмотря на это сужение задач сборника, собранный материал оказался столь значительным, что его было невозможно вместить в одну книгу. Мы, вероятно, не раз будем пользоваться этим материалом для будущих сборников. Мемуаристы совершенно игнорировали этот материал, да

и историки мало прибегали к нему. За исключением нескольких страниц в журн. «Былое», отсутствует он и в исторических журналах, посвященных 1 марта. Между тем статьи, заметки, хроника газет и журналов, как русских, так и заграничных, за март и апрель 1881 года представляют большой интерес не только для историка-исследователя, но и для читателя. Не менее интересны и ценны письма и воспоминания не только революционеров, но и лиц, принадлежавших к тогдашним правительственным кругам, а также к либеральному обществу, так как они рисуют настроение и растерянность правительства, шатание и мятущееся настроение либерального общества, боявшегося революции и не желавшего самодержавия.

Этот информационный материал, из русской и иностранной печати, и дает главное содержание настоящему сборнику. Статья Н. Лебедева «П. А. Кропоткин и 1 марта» — впервые на русском языке описывает деятельность Кропоткина за границей по получении им известий о 1 марта 1881 г. Статья Н. Н. Гусева, по нашему мнению, освещает отношение Л. Н. Толстого к событию более всестороннее и правильнее, чем статьи А. Хирьякова и П. Щеголева в «Былом». В редакцию поступила статья «В. С. Соловьев и 1 марта 1881 г.», но редакция предпочла дать информационный материал о лекции В. С. Соловьева, так как он ярче и правильнее освещает вопрос.

Мы не приводим и не цитируем статей из «Народной воли», «Рабочей газеты» и «Черного передела», потому что народовольческие издания после 1905 года не раз издавались и в последний раз были собраны и проверены с подлинником редакционной комиссией Кружка народовольцев и изданы в 1930 г. Издательством Общества б. политкаторжан. В это издание — «Литература партии Народная воля» — включено и письмо Исполнительного комитета к Александру III, почему оно и не вошло в настоящий сборник. В 1923 году ж. «Черный передел» был издан Госиздатом в I томе сборника «Памятники агитационной литературы». Статьи же «Набата» и «Самоуправления» стали библиографической редкостью, почему мы и использовали их в настоящем сборнике. Мы не комментируем их, не даем объяснений, примечаний и оговорок, хотя отдельные места, например в «Набате» об еврейских погромах, требуют, быть может, объяснений. Мы печатаем их как сырой материал. Не приводим мы и народовольческих прокламаций по поводу 1 марта, потому что они войдут в II том «Литературы партии Народная воля», который подготовляется к печати.

В сборнике даем статью, освещающую на основании архивных и иных данных вопрос, какое отражение вызвало 1 марта среди широких кругов народа.

Заметка об арестах А. Д. Михайлова, Н. В. Клеточникова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони и др. показывает, какие тяжкие потери понес Исполнительный комитет перед самым 1 марта, и, несмотря на этот удар, приговор над Александром II был приведен в исполнение: дело, которым руководил А. И. Желябов, было поручено С. Л. Перовской, которая, как пишет В. Н. Фигнер, «день спасла и заплатила за него жизнью».

Иллюстрации к статье «Отклики за границей» доставлены т. Светловой из Музея каторги и ссылки.

В просмотре газет для статьи «Печать и 1 марта» принимали участие, кроме автора статьи, еще т.т. Алакритский, Беллах, Витковская и Ровенский.

Н. В. ПАРБЕКОВ

ПЕЧАТЬ И 1 МАРТА

(Обзор столичных газет и журналов)

Столичные газеты март и апрель 1881 г. полны материалами о событии 1 марта. Впечатление взрывов на Екатерининском канале, положивших предел царствованию Александра II, открытие конспиративной квартиры на Тележной улице и подкопа на Малой Садовой улице было настолько огромно, момент в общественной жизни страны, после долгих лет реакции и напряженной революционной борьбы, создался настолько острый, что все другие вопросы политические и общественные, заполнявшие ранее газетные листы, отошли после 1 марта на задний план.

Редакционные статьи, написанные под первым впечатлением непосредственно после известия о смерти Александра II, последующие передовые и другие статьи дают довольно полный материал для характеристики отношения печати к акту 1 марта и партии, его совершившей, оценки прошлого царствования, требований и пожеланий, какие газеты предъявляли к новому царствованию, их понимания тех общественных условий, результатом которых явился акт 1 марта, и, наконец, мер, которые они рекомендовали для борьбы с «крамолой».

По своему направлению более крупные столичные газеты могут быть грубо разбиты на следующие две группы: 1) либеральные органы, к которым из петербургских газет относятся «Голос», «Порядок», «Страна», «Молва», «Новости», «Неделя» и «Биржевые ведомости»; из московских — «Русские ведомости», «Русский курьер», «Московский телеграф» и «Земство»; 2) консервативные и ультрареакционные; из петербургских — «Новое время», «С.-Петербургские ведомости» и «Сын отечества»; из московских — «Московские ведомости» и «Современные известия».

Эти два направления боролись между собой все годы царствования Александра II. Либеральное направление преобладало в правительстве в первой половине царствования, а реакционное — во второй половине, начиная с 1866 г.

Более детальную группировку трудно сделать, так как условия печати того времени не позволяли газетам выявить вполне определенно свое лицо. Но, несомненно, и в либеральной прессе и в реакционной были свои оттенки, а иногда и крупные разногласия по отдельным частным вопросам. По отношению к некоторым газетам, как, например, «Новому времени», следует отметить, что они слишком чутко прислушивались к настроениям правящих верхов. Политика же нового царя определилась, как известно, не сразу после 1 марта. Поэтому статьи в первых номерах этой газеты близки к некоторым умеренным либеральным органам, а затем они начинают все более и более приближаться к консервативным и даже реакционным.

Особо стоят славянофильская еженедельная газета «Русь», издававшаяся в Москве И. С. Аксаковым, и еженедельная газета «Гласность», выходившая в Петербурге под редакцией А. Иероглифова и рекламировавшая себя органом «научного социализма и масонства».

1. КОНСТИТУЦИЯ ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Прежде чем перейти к обзору газетных статей, необходимо напомнить, хотя бы в немногих словах, некоторые факты последних лет царствования Александра II. Иначе некоторые места газет, выраженные иногда намеками, могут быть непонятны.

Начиная с выстрела Каракозова в 1866 г., борьба с «разрушительными учениями» и вызванным ими революционным движением, все время усиливавшимся, достигла к концу 70-х годов своего крайнего предела и в то же время не давала желательных результатов. Революционное движение росло, а методы борьбы обострялись вместе с усилением правительственных репрессий. На террор правительственный ответил террор революционный. Широкие общественные круги были недовольны усиливавшейся реакцией и начинали терять веру в силу правительства. В высших правительственных сферах появились растерянность и нервность. «Высшая власть будто улетучилась», «единства нет», «есть отрывки правительства», «государь имеет вид усталый и сам говорил о нервном раздражении, которое он усиливается скрывать», «чувствуется, что почва зыблется, зданию угрожает падение», — писал в своем дневнике председатель комитета министров Валуев. Правительство, очевидно, почувствовало наконец свое одиночество, свою изолированность, создавшиеся бюрократическим режимом. Почувствовало потребность в содействии общественных сил.

Впервые заговорило оно об этом в правительственном сообщении, опубликованном 20 августа 1878 г. в «Правительствен-

ном вестнике»: «Правительство, — говорилось там, — должно найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать к себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи самых превратных понятий и самых ужасных преступлений. Русский народ и его лучшие представители должны на деле показать, что в среде их нет места подобным преступлениям, что они действительно считают их отверженцами». Русский народ, не имея представителей, ничего, конечно, не мог ответить на этот призыв. Прения же в некоторых земских собраниях, выразивших полную готовность их дворянского большинства отстаивать «общественный порядок, собственность, семью и веру», все-таки отметили, что «земские силы не имеют никакой организации, «а харьковское земство даже просило государя дать верному народу то, что он дал болгарам», т. е. конституцию. После покушения Соловьева наряду со свирепыми репрессиями начались «конституционные веяния». Правительство попыталось разрешить задачу, по существу не разрешимую — заставить общество работать в направлении своей политики и тем укрепить шатающуюся власть, не давая обществу никаких прав. В первую очередь остановились на проекте Валуева о «съезде государственных гласных», составленном им еще в 1863 г., во время польского восстания. Проект оказался неподходящим для данного момента и был отклонен. Тогда с новым, более «деловым» проектом «совещательного собрания» выступил председатель Государственного совета в. кн. Константин Николаевич. Его «совещательное собрание» должно было состоять всего из 46 лиц — 35 представителей от губернских земств и 11 от крупных городов. Проект представлялся настолько консервативным, что против него, повидимому, ничего не имел даже наследник, будущий Александр III, отрицательно относившийся ко всему мало-мальски похожему на конституцию. Но 5 февраля 1880 г. Халтурин произвел взрыв Зимнего дворца, и все внимание правительства снова было отвлечено на полицейские репрессии. Указом 12 февраля была учреждена «Верховная распорядительная комиссия» под председательством гр. Лорис-Меликова, которому в сущности передавалась «вся полнота» самодержавной власти в делах, касавшихся охранения государственного порядка и общественного спокойствия. При вступлении своем в должность, 6 марта 1880 г., Лорис-Меликов сообщил через «Правительственный вестник» свою программу, где он обещал «не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных деяний, позорящих наше общество», но в то же время выра-

жал желание «успокоить и оградить законные интересы здравомыслящей части общества».

Через неделю Лорис-Меликов получил случай применить на деле первую часть своей программы: неудачно покушавшийся на него Млодецкий был судим впервые полевым судом, приговорен к смерти и казнен в 24 часа. Труднее было выполнить вторую часть программы. Лорис-Меликов пишет в своем обращении: «На поддержку общества смотрю, как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». Для успокоения общества и привлечения его сочувствия и содействия нужны были уступки, но, конечно, без ограничения самодержавия. Были уволены наиболее непопулярные администраторы, раздражавшие «общественное мнение», в том числе министр народного просвещения гр. Толстой, облегчено положение административно высланных, особенно из среды учащейся молодежи, многие их них были возвращены, ослаблен внешний режим в учебных заведениях; удовлетворены некоторые земские ходатайства, остававшиеся прежде без движения; предпринят пересмотр законов о печати; отменен ненавистный для народа соляной налог. Все эти меры «задабривания и прихорашивания», как их назвал Валуев, внесли в общество некоторое успокоение, создалось впечатление начала «новых веяний», Лорис-Меликов приобрел популярность, многие земские и городские собрания приветствовали его адресами. Режим его получил название «диктатуры сердца». Лорис-Меликов решил, что при таких результатах можно отказаться от «чрезвычайных мер» и возвратиться «к законному течению дел». 6 августа 1880 г. «Верховная распорядительная комиссия» была закрыта и одновременно уничтожено страшное III отделение, взамен которого был образован при министерстве внутренних дел департамент государственной полиции. Министром внутренних дел был назначен Лорис-Меликов, но он при этом не потерял своего исключительного влияния и занял положение, напоминавшее положение первого министра в объединенном правительстве. Большая часть докладов других министров делалась в его присутствии.

Став министром, Лорис-Меликов провел назначение по некоторым губерниям сенаторских ревизий с широкой программой для выяснения назревших «нужд страны и задач очередных реформ». Данные, собранные этими ревизиями, и должны были послужить материалом для дальнейшей планомерной законодательной работы. К участию в этой работе Лорис-Меликов предложил привлечь общественные силы. Он полагал, что «призвание общества к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий есть именно то средство,

какое полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой». С этой целью Лорис-Меликов предложил образовать редакционные комиссии, как это было сделано при подготовке Положения 19 февраля 1861 г. В эти комиссии, состоящие из чиновников и членов-экспертов по назначению правительства, должны были передаваться для предварительного обсуждения те вопросы, которые правительство признало очередными. Из этих комиссий рассмотренные правительственные проекты поступали в учреждения более «общественного характера», напоминавшие губернские комитеты, существовавшие при проведении крестьянской реформы. После этого «составленные подготовительными комиссиями законопроекты подлежали бы,— говорится в докладе Лорис-Меликова, — предварительному внесению в общую комиссию, имеющую образоваться, под председательством назначенного высочайшею волею лица, из представителей и членов подготовительных комиссий, с призывом выборных от губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, а также от некоторых значительных городов, по два от каждой губернии и города; при чем, в видах привлечения действительно полезных и сведущих лиц, губернским собраниям и городским думам должно быть предоставлено право избирать таковых не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению губернии или города. Из губерний, где земские учреждения еще не открыты, могли бы быть призваны лица по указанию местной власти». Для занятия общей комиссии предлагалось не более двух месяцев. Рассмотренные общею комиссией законопроекты подлежали внесению в Государственный совет, с заключением соответствующего министра. Чтобы и тут сохранить некоторую тень участия общества в законодательной работе, предполагалось «призвать в состав Государственного совета с правом совещательного голоса несколько, от 10 до 15, представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности».

Вот этот проект привлечения общественных сил для содействия правительству и получил впоследствии название «конституции Лорис-Меликова». Ясно, что это даже не «куцая» конституция. На ограничение самодержавия тут нет и намека. Да об этом не думали ни сам автор проекта, ни защищавшие этот проект другие министры. Лорис-Меликов говорил впоследствии: «Для России немыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия к ей трудно предвидеть». На заседании же совета министров 8 марта, где этот проект об-

суждался уже под председательством Александра III, военный министр Милютин, министр финансов Абаза и государственный контролер Сольский говорили:

Милютин: «Не о конституции тут у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде, т. е. приглашение людей практических для обсуждения законодательных проектов».

Абаза: «Если бы предложение гр. Лорис-Меликова клонилось к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры. Проектированная редакционная комиссия должна иметь значение учреждения только совещательного».

Сольский: «Никто не помышляет о конституции,— в проекте прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос совещательный; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в Государственном совете остается без изменения, в виду этого о конституции нет и речи».

Так понимал этот проект и Александр II, который, конечно, тоже не думал об ограничении самодержавия, а потому проект получил при нем некоторое движение. Александр II поручил предварительное обсуждение проекта особому совещанию под председательством Валуева. Совещание одобрило проект, а журнал совещания был утвержден Александром II с тем, чтобы проект был окончательно обсужден в совете министров 4 марта. Составлен был и проект правительственного сообщения о созыве «общей» комиссии, который был одобрен Александром II утром 1 марта. Это последнее распоряжение Александра II и называли потом «утверждением конституции Лорис-Меликова».

Слухи о «конституционных веяниях» в правительстве проникли в общество и за границу, и, по словам гр. Милютина, «все благомыслящие люди им от души сочувствуют», факт же «утверждения» этой «конституции» Александром II утром 1 марта стал известен лишь после его смерти.

Конец этих «конституционных веяний» был таков. Заседание совета министров для обсуждения этого дела состоялось 8 марта. Большинство присутствующих высказалось за принятие утвержденного Александром II правительственного сообщения о созыве «общей» комиссии. Но в виду явного несочувствия такому решению Александра III, который разделял вместе с меньшинством, возглавляемым Победоносцевым, опасения, что предлагаемый путь есть первый шаг к конституции, никакого решения принято не было, и вопрос был передан для новой, более тщательной проработки в особую комиссию. Комиссия эта не

была созвана, а 29 апреля 1881 г. был опубликован манифест Александра III, написанный Победоносцевым, в котором было объявлено о непоколебимой вере «в силу и истину» самодержавной власти и об обязательстве ее «охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». После этого манифеста, положившего конец «конституционным веяниям» и недолгим колебаниям Александра III, Лорис-Меликов и Абаза подали в отставку, а через некоторое время и Милютин.

2. ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ

Обращаясь к обзору столичной печати, приходится прежде всего отметить, что разногласия между органами различных направлений начались не сразу и по некоторым вопросам разногласий нет. Так, все органы, за единичными исключениями, заявили, после первых же правительственных сообщений о покушении и смерти Александра II, свое безусловно отрицательное отношение к событию 1 марта. Другого отношения, конечно, и не могло быть в легальной печати. Но либеральные органы выразили свое отношение в более или менее пространных редакционных статьях, написанных обычно в высокопарном тоне и соответствующими выражениями, реакционные же ограничились немногими строчками. Причины понятны. Либеральные органы думали, что их могут заподозрить в сочувствии «крамоле», и желали как можно резче отгородиться от революционеров. Они даже избегали названия партии, заменяя его выражениями: шайка злоумышленников, горсть фанатиков и т. п.

Реакционные газеты были, разумеется, вне подозрений и в выражениях своих чувств могли быть короче.

Первые редакционные статьи почти всех либеральных органов написаны по одной и той же схеме и в одинаковом тоне. Достаточно привести некоторые из них, чтобы дать представление о всех остальных.

Вот выдержки из этих статей наиболее значительных либеральных органов.

«Голос», 2 марта: «Россия в трауре! Не стало великого царя-освободителя. Адские силы совершили свое темное злодейское дело. В настоящую минуту, под тяжестью страшных ощущений, русскому человеку трудно справиться с наплывом овладевающих им чувств. Царь-освободитель будет жить вечно в сердцах освобожденного им от цепей рабства русского народа. Имя его вознесется высоко, облечется в неувядаемую славу на скрижалях истории. Через тяжелое, страшное событие вступает наследник на престол. Народ, им возлюбленный, окружит его своею любовью, и в единении царя с народом Россия совер-

шит со славой предстоящий ей исторический путь. С надеждой и упованием встречает Россия нового государя. Он будет верным памяти своего родителя, да продлит и довершит он благие начинания: да царствует в России закон и да развиваются те начала правильного, разумного гражданского быта, первый камень которого положен императором Александром II».

«Голос» оплакивает «царя-освободителя». «Молва» отмечает и оборотную сторону «славного» царствования. Но как!

«Молва», 2 марта: «Погиб порфироносный страдалец. Государь России, стяжавший себе при жизни народное наименование «царя-освободителя», погиб насильственной смертью. Погиб после неисчислимых нравственных страданий, после горького сознания, что его чистейшие намерения, что наилучшие создания его царственной мудрости, благодаря недостаточной прозорливости исполнителей, были часто искажены и обращаемы в тяжкое бремя для того самого народа, для которого они должны были служить источником счастья и благоденствия...» Царь-то и хорош, да исполнители — лихие супостаты. И газета выражала надежду, что новый царь завершит «начинания своего отца, — те начинания, к которым рвалась душа его и которых, однако, реакционные стремления исполнителей верховной власти не дали возможности осуществить ему».

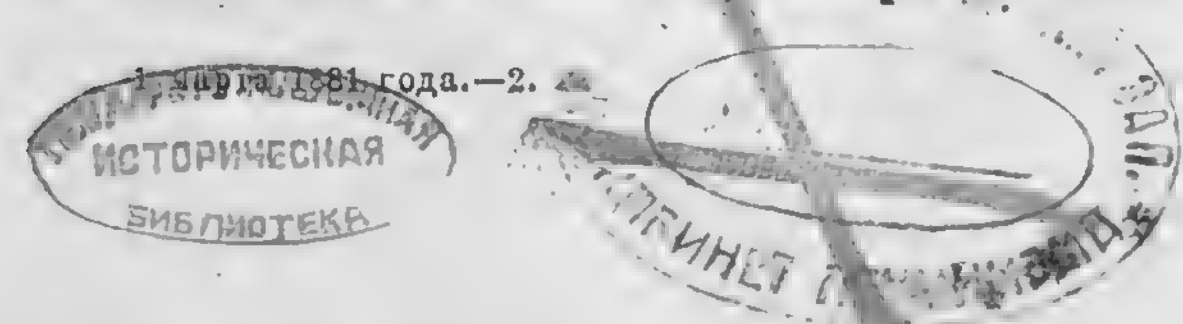
«Страна», 3 марта, выступившая с наиболее радикальными «советами», в первом отклике на событие выразила лишь свое изумление, что «у государя, с сердцем истинно добрым, с характером мягким», явились «отчаянные ненавистники, которые приняли на себя беззаконную преступную роль — совершить насилие над волею народа, запятнать историю России таким страшным делом, которому нет примера в истории всемирной!» Как будто газета не понимала того, что «Народная воля» не раз объясняла, — что дело вовсе не в личности монарха.

«Русские ведомости», 2 марта: «Адский умысел совершил свое адское дело. Глава государства пал жертвой злодейской руки. Впечатление так громоносно, так потрясающе, что под его ударом мысль с трудом овладевает собой» — и т. д. в том же стиле. Но в этих фразистых излияниях плавают все-таки две определенные мысли. Во-первых, боязнь реакции: «Удар упал на Россию, начинавшую, после долгих лет томления, освежаться надеждами на возможность радующего просвета. Злой рок, повергший в скорбь наше отечество, застелет ли туманом готовившийся просветлеть его горизонт?» И во-вторых — пожелание на будущее: «Злая язва, заразившая наш государственный организм, требует всех сил народных для ее врачевания, и эти силы придут и поборют зло, лишь бы их не чуждались. Доверия, побольше доверия к этому лучшему из советчиков». Обыч-

ный аргумент наших либералов и в печати, и в земских и др. собраниях.

«Земство» 4 марта: «Страшная, потрясающая весть разнеслась по русской земле, распространяя ужас, разливая глубокую, беспредельную скорбь во всех концах России. Император Александр II погиб от руки убийцы! Великие преобразования, ознаменовавшие царствование Александра II, займут одно из самых почетных мест в русской истории. Ужасное злодеяние совершено в то самое время, когда наше отечество, после мрачной эпохи смуты, приостановившей было правильное течение государственной жизни, вновь вступило на предуказанный ему государем путь мирного развития, когда новые преобразования готовы были упрочить народное благосостояние и благополучие и явить новое доказательство заботливости царя о благе его народа». И народное благосостояние и благополучие—и все в результате реформ Лорис-Меликова!

Никому не может притти в голову искать в приведенных (и в еще большем количестве опущенных) излияниях искренние мнения либеральных газет о событии 1 марта. Ничего неожиданного 1 марта не должно было представлять ни для кого, кто был в курсе последних событий, и все выражения удивления по этому поводу напускные. Но, конечно, вполне искренне осуждение самого акта, несмотря на явную фальшь и напускную ложь формы, в которой оно выражено. Либералы всегда были против террористических актов, даже когда они направлялись против агентов политического сыска. Тем более они были против цареубийства, да еще в период «диктатуры сердца», когда они преисполнились надежд и ожиданий. До каких нелепостей договаривались некоторые газеты, видно из следующих суждений «Страны»: «Какое преступное нетерпение дерзало винить лично монарха, сделавшего столь много, за то, что он не сделал еще больше? Кто мог знать, почему монарх-преобразователь остановил дело русского возрождения на таком-то временном пределе; кто мог знать, был ли он нравственно волен итти далее, не связывал ли его безусловно когда-либо данный им обет? Периоды задержек, временных приостановок в развитии, неосуществление надежд бывали в разных странах. Русский народ, с образованным русским обществом во главе, переносил недоделанность наших реформ, неудовлетворение некоторых, совершенно законных, нравственных нужд. Перед личностью царя-освободителя двадцати миллионов преклонялись в России и те двести тысяч людей, которые уже прозрели необходимость, даже неотложность дальнейшего освобождения. И вот несколько человек, которые не хотели признать этого,

считали себя не связанными никакими нравственными узами с русским обществом и народом, те, не остановясь перед самым возмутительным средством, умертвили государя. Но их дело не избегнет самого беспощадного приговора, как в родной стране, так и во всем образованном мире». Правитель великой страны, связывающий себя какими-то обетами в проведении преобразований, и народ, с благоговением останавливающийся перед этими обетами. Не правда ли, какой глубокий «научный» взгляд на историю, на общественные отношения? Двести тысяч либералов — и те преклонялись, и те готовы ждать и гадать, а каких-то «несколько человек» не хотят ни с чем считаться! Несомненно, негодование либеральной газеты искренне и глубоко.

Как ни искренни были осуждения либеральных газет убийства Александра II, все-таки не вполне неправы были и их противники, когда обвиняли их в сочувствии террору. В глубине их возмущавшейся души все-таки теплилась надежда, что решительная, самоотверженная борьба «Народной воли» может заставить правительство встать на путь желательных для них реформ. Ведь и «диктатура сердца» явилась в результате террора. Осуждения акта 1 марта особенно подогревались у либералов мыслью о его несвоевременности и боязнью, что он заставит правительство отказаться от начатых преобразований, на которые некоторые либеральные круги возлагали, очевидно, надежды. Намеки об этом есть в приведенной статье «Русских ведомостей», более определенно говорится об этом же в выдержке из статьи «Земства», то же самое, но уже в последующих статьях, говорили «Голос», «Молва» и «Биржевые ведомости»:

«Вопрос о формах, в каких содействие общества должно было выразиться, назревал в последнее время, и можно полагать, что если бы злодейская рука не положила конец царствованию Александра II, он направил бы его решение в духе беспредельной любви к своему народу, о котором свидетельствуют все его царственные деяния». («Голос», 3 марта.)

«Россия вспомнит, что озлобленные покушения на его жизнь не ослабили в нем желания благотворить народу и что за несколько дней до последнего совершенного над ним преступления он подписал распоряжение, в котором выразилась вся мера любви его к отечеству». («Молва», 15 марта.)

«Злодейская рука преступника убила жизнь царя-освободителя накануне усовершенствования предпринятого им 25 лет тому назад освобождения русского народа» («Биржевые ведомости», 3 марта.)

Из всех либеральных столичных газет только «Порядок», издававшийся Стасюлевичем, оказался тактичным и воздержался

от всяких славословий и резких выпадов против революционеров. Вот его редакционная статья, написанная совершенно в другом тоне:

«В такой день, какой пришлось пережить сегодня, каждому из нас, нужно много самообладания, чтобы подавить в себе самые естественные чувства, просящиеся наружу, и произнести, в минуту всеобщей тяжелой тревоги, успокоительное разумное слово. Трудно теперь же измерить и взвесить все значение этого глубоко горестного, ужасного события для тех, на долю которых выпало быть его современниками. Знаем только одно, что дело истории — связывать настоящее с прошедшим; для современников необходимо искать в настоящем опоры для будущего. Это будущее не наше личное будущее, а будущее многомиллионного народа; его вековыми трудами создано государство; этому государству и создавшему его народу должна принадлежать первая мысль в такую эпоху, когда прошедшее оставляет будущему в наследство — начатое закончить — и начать то, что осталось не начатым. Новый вождь земли русской найдет в ней для себя много непочатых сил, которые тесно окружат его с любовью к нему и преданностью к общей всем нам родине всякий раз, когда верховная власть мужественно и не колеблясь поведет свой народ по пути правды мира и свободы. Воля всевышнего совершилась. Теперь остается только смириться пред несокрушимою волей провидения и, не вступая с нею в тщетную борьбу, посвятить все заботы тому, чтобы положить прочное основание для будущего».

Из ежемесячных толстых журналов такую же «тактичность» проявили «Отечественные записки», «Дело» и «Слово», органы радикального направления. В первых книжках этих журналов, вышедших после 1 марта, напечатаны лишь некоторые правительственные сообщения, а в «Отечественных записках» и «Слове», кроме того, сделана подробная сводка фактических сведений о событии 1 марта и последующих дней, на основании газетных и правительственных сообщений. Заканчивается эта сводка в «Отечественных записках» следующими словами: «Искреннее желание каждого благомыслящего русского, чтобы с наступлением нового царствования начался и новый период русской жизни, и чтобы все эти ужасающие деяния отошли в область предания».

Либеральные московские журналы «Русская мысль» и «Юридический вестник» поместили в начале книжек обширные редакционные статьи, начала которых и по тону и содержанию повторяют первые редакционные статьи либеральных газет.

«Р у с с к а я м ы с л ь», совершенно в духе славянофильской «Руси» и катковских «Московских ведомостей», с несколько многословным пафосом заверяла, что «совесть наша... громко

вопиет, что между нею и проклятым, невозможным для нее делом — бездна непроходимая. Чиста совесть русского народа, светла, как солнце, и пламенна любовь его к почившему и горяча молитва за него к богу. Нет, нет, русский народ не может принять на свою голову этого позора: он всецело падает только на отверженцев русской земли, слепых и бессмысленных орудий замысла врагов наших за пределами русского государства, куда ведут и все нити неестественного для русских дела».

«Юридический вестник», издававшийся Московским юридическим обществом, под редакцией Гольцева и Муромцева, писал в № 4: «Деяние, возмутительное в нравственном и безумное в политическом отношении, совершилось!... Мы переживаем век, который составляет как бы возрождение явлений низшей культуры. Извращенная в своих формах политическая борьба приводит к чудовищным последствиям» и т. д.

А вот выдержки из кратких статей консервативных и реакционных газет:

«Новое время», 2 марта: «Никогда еще сердце русского народа не было поражено так нагло и так бесчеловечно, как в сегодняшний день. Никогда и горе народное, горе всех не было так тяжело и не был так велик позор, которым так запятнана история великого народа. На венец славы освободителя миллионов русского народа, освободителя современной Болгарии надет терновый венец, и в этом венце он опочил навек. Рука убийц неутомимо преследовала лучшего из русских царей, самые адские замыслы приводились в исполнение с настойчивостью ужасною и наносили раны всей России, всем прекрасным начинаниям и делам почившего».

«Московские ведомости», 3 марта: «Страшное событие! Так вот конец славного царствования, вот чем завершилось двадцатилетие непрерывных преобразований, поражавших мир своею быстротою и обгонявших ожидания самых либеральных партий во всех странах!»

«Современные известия», 3 марта: «Царь-освободитель в узах смерти. Плачь, осиротевшая русская земля! Плачь, поруганный русский народ! Да незыблемо будет упование наше на законную власть, но да крепко будет упование и самой власти на верность народа».

Приведем, наконец, выдержки из статей «Гласности» — органа «научного социализма и масонства», как он себя рекламировал.

«Гласность», 15 марта: «С последней горстью земли, брошенной на могилу покойного государя, закончились его мирские величие и власть, которой русский народ обязан за

те начатки свободы и правды, семена коих насаждены в нашем отечестве его властной рукой. В сознании народа ясно, что покойный государь принял мученический венец ни за что другое, как за свой народ, за несомненную любовь к нему. Молчаливо, с глубокой и смутной думой проявляет народная масса свои чувства, вызванные внезапной смертью искренно любимого государя, убитого одичалыми безумцами. Кто не отделяет себя от народа, кто считает безумством насиловать народную волю и его сознание, кто хочет стоять в передовых рядах этого народа, тот должен разделить глубокую и истинную народную печаль».

Очевидно, «научный социализм» «Гласности» г. Иероглифова помещался недалеко от черносотенства.

Наконец «Русь» «славянофила» Ив. С. Аксакова, от которого в то время стали старательно отгораживаться даже славянофилы вроде Кошелева.

«Русь», 4 марта: «Царь убит. Русский царь у себя в России, в своей столице, зверски, варварски, на глазах у всех — русскою же рукою. Пусть же жгучая боль стыда и горя проникнет нашу землю из конца в конец, и содрогнется в ней ужасом, скорбью, гневом, негодованьем всякая душа! Небывалое, неслыханное творится на святой Руси! Кто те, что смеют пятнать грехом и преступлением наше историческое бытие, класть позор и срам на наши головы? Посягательство на царя — это посягательство на самый народ, это насилие над народной волею и свободою. Пусть, как и утешают нас, сам русский народ неповинен, непричастен этим злодействам... но эти гадины... это отребье все же порождения русской земли, русского общества, плоть от плоти, кость от костей наших. Никакие правосудные казни не смогли до сих пор его истребить, и никакими внешними силами не извести этого семени зла. Неужели, однако, это новое страшное поругание над русскою совестью пройдет и на сей раз бесследно, и не воспрянет русская совесть, и не стряхнет с себя греха, лени, праздного коснения и недомыслия?»

3. ПРИЧИНЫ «КРАМОЛЫ» И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Нет разногласий между газетами различных направлений и по вопросу о необходимости в первую очередь борьбы с «крамолой» и уничтожения ее, чтобы обеспечить безопасность нового царя и спокойное развитие общественной жизни. Но здесь более красноречивыми становятся консервативные и реакционные газеты, либеральные же лишь кратко с ними соглашаются. «Мы хорошо понимаем, — писал «Голос» 11 марта, — что в настоящую минуту все умы направлены на

вопрос: как парализовать шайку злоумышленников, как обеспечить безопасность того, с жизнью которого тесно связана жизнь самой России».

«М о л в а», 14 марта: «В данный момент мы стоим лицом к лицу с двумя колоссальными задачами внутренней нашей жизни: во-первых, нужно с корнем уничтожить террористическое движение, во-вторых, нужно упорядочить хозяйственно-экономический склад, строй и ход внутренней нашей жизни» и т. д.

Согласны все газеты и с тем, что после 1 марта борьба с революционным движением должна вестись в международном масштабе. На борьбе с «правом убежища» в эти дни, можно сказать, специализировался в «Голосе» проф. Мартенс, статьи которого были весьма замечены и за границей.

Даже туманная формула объединения царя с народом, в которую можно вложить любое содержание и которую часто употребляли для выражения своих пожеланий либеральные газеты, встречается в газетах и других направлений. «Ведай и веруй,—восклицает «Русь», обращаясь к государю,—что только в теснейшем единении со всем своим народом обретешь ты нам исцеление от наших недугов». «Да соблюдет верховная власть на Руси, — писали «Московские ведомости» 5 марта, — все значение и всю полноту, всю свободу свою в живом единении с народными силами».

Разногласия между газетами различных направлений начинаются тогда, когда они после первых впечатлений перешли к вопросу об источниках «крамолы», мерах борьбы с ней и формулировке своих пожеланий о направлении нового царствования. Разногласия здесь настолько существенны, различные направления стоят на столь противоположных позициях, что примирения между ними не могло быть. В пылу полемики страсти настолько разгорелись, что дело дошло, наконец, до угроз физического насилия: «Наша полемика с некоторыми московскими газетами, — писала «Молва» 13 марта, — приняла следующий совершенно неожиданный и небывалый еще в печати оборот. Вчера, 12 марта, мы получили из Москвы письмо, в котором какой-то «доброжелатель» извещает нас, что 10 марта, в 9 ч. 30 м. вечера, выехали 11 человек «с твердым намерением учинить злодейскую расправу» над редакцией «Молвы». Доброжелатель просит «ради бога остерегаться».

а) Либеральные органы

Начнем обзор с либеральных органов. Но предварительно необходимо сказать, что либеральная печать могла высказываться более или менее свободно, насколько это было возможно

по условиям цензуры, лишь первые три-четыре дня после 1 марта. Уже 4 марта «Голос» получил первое предостережение, а «Страна» второе. В этот же день редакторы всех бесцензурных изданий были приглашены к начальнику Главного управления по делам печати, который сделал, по поручению министра внутренних дел, указания, каких вопросов они не должны касаться в настоящий момент. Редактор «Биржевых ведомостей», успокаивая заграничные финансовые сферы, опасавшиеся реакции, писал 10 марта: «Мы сами были на собрании редакторов, и мы сами слышали оповещение министра внутренних дел. О реакции там не было упомянуто ни слова. Начальником Главного управления по делам печати указано было в убедительной речи только на преждевременность суждений в прессе о будущих деяниях правительства в момент, когда останки царя еще не преданы земле; об этих-то будущих деяниях не рассуждать пока требует один уже такт». На самом деле, как об этом сказал Лорис-Меликов на заседании Государственного совета 8 марта, было объявлено редакторам, «что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 г., а в силу особого полномочия, дарованного государем. Угроза эта подействовала». Да, угроза подействовала, и «диапазон печати, — как выражались газеты, — сразу упал». «Страна» сообщала 8 марта читателям, что «передовые статьи, посвященные обсуждению политических вопросов, на некоторое время — надеемся, короткое время, по собственному нашему решению, помещаемы не будут». Прекратил передовые статьи «Порядок». Другие либеральные газеты продолжали их печатать, но тон и содержание их резко изменились. Только реакционные газеты, — писал «Голос» 17 марта, — «пользовались в эти скорбные дни правом голоса и громко вопияли от имени России». Но, очевидно, трудно было либеральным газетам совершенно лишиться права голоса, а потому цензурные кары продолжали обрушиваться на них и даже на некоторые консервативные органы: 16 марта были приостановлены на 1 месяц «Молва» и «СПБ ведомости»; 24 марта приостановлен на 8 месяцев «Смоленский вестник» и воспрещена розничная продажа «Порядка»; 31 марта «Земство» получило первое предостережение, а «Голос» второе. В конце марта привлечены к судебной ответственности «СПБ ведомости» за резкую передовую статью в № 67, от 10 марта, о бюрократии, и было предположено привлечь к той же ответственности «Земство» за напечатание без разрешения губернатора корреспонденции о Самарском губернском земском собрании, которое отказалось послать адрес новому царю.

Посмотрим, как газеты воспользовались относительной свободой первых дней.

На первый вопрос — о причинах возникновения «крамолы» в русской жизни — либеральные органы отвечают краткими историческими обзорами царствования Александра II. Обзоры эти почти одинаковы, достаточно поэтому привести один из них, дополнив его некоторыми деталями, более ярко выраженными, из других.

«Когда император Александр II вступил на престол, — писал «Голос» 3 марта,—предстоявшая ему задача была ясна. Необходимость освобождения крестьян, предоставление всему русскому народу гражданского равноправия, снятия оков, в которых задыхалась личность, назрела уже во время предшествующей Крымской войны; война прибавила только доказательство, что и самый правительственный режим предшествовавшего царствования не мог устоять. Александр II совершил свою задачу, увековечив себе в истории и благодарной памяти русского народа имя царя-освободителя. Последующие реформы царствования по обстоятельствам, о которых теперь не время говорить, не получили ни того дальнейшего движения, ни того значения в реальной жизни народа, которое предназначал им покойный император. Реформы, имевшие главной целью своей подъем общественного самосознания и призыв к деятельности общественных сил, оказались при своем исполнении далеко не достигающими предназначенной цели, так как для действительного полезного применения этих начал требовалось взаимодействие правительственных и общественных сил, чего в действительности, к сожалению, долгое время не оказывалось. В России настала крамола, порожденная и поддерживаемая общественной апатией. В борьбе с крамолой обнаружилось бессилие правительственных мер; выяснилась, как последствие этого бессилия, необходимость положить конец общественной апатии, призвать на содействие правительственному организму общественный. Но силы, долго дремавшие, не вызываются к деятельности по мановению волшебного жезла. Чувства к своему царю, привязанности к своему правительству у русского народа всегда много. Но времена были такие, что довольствоваться одним излиянием чувств было бесполезно. Правительство призывало общество к деятельности, но органов, через которые общество могло бы помогать правительству, в распоряжении общества не оказывалось». Газета как будто вполне довольна реформой 19 февраля и не вполне удовлетворена лишь последующими. Как «апатия» общества породила «крамолу», остается секретом газеты.

«Молва», 3 марта, излагает историю царствования Александра II несколько яснее: «Преобразования, благополучно на-

чавшиеся, тотчас же возбудили против себя ожесточенную злобу всех затронутых ими интересов. Каждый, считавший себя обиженным или обделенным, печаловался на верховную власть. Государя уверяли, что реформы идут будто бы слишком быстро, что к реформам следует ставить точки. Начались замедления, остановки, а разгоряченное воображение пылких мечтателей, возбужденное веяниями свободы, тем с большим увлечением поскакало вперед, не справляясь с действительностью. Государь сделался виноватым и в том, что реформы идут слишком быстро, и в том, что они двигаются слишком медленно. Одна сторона тормозила, шипела, клеветала, возбуждала недоверие и подозрительность; другая, возбуждаемая противодействием, тем более рвалась вперед и, удерживаемая насилием, переходила к заговорам и наконец бросилась в покушения против верховной власти, в которой видела единственное препятствие к осуществлению в России необузданнейших фантазий самых крайних социалистических учений. Логические последствия этого неизбежного раздора всею своею тяжестью упали на судьбу государя».

«Страна», характеризуя общественные условия, создавшиеся при усилении реакции после выстрела Каракозова в 1866 г., и бессилие репрессивных мер, писала 3 марта: «В каждом доме был обыск, перед каждым домом, днем и ночью сидел дворник, вокруг дворца ездили пикеты, печать была взнуздана, земство было стоптано, из университетов высылали сотни людей, и всем правила молчаливая, недоступная ни для каких народных «веяний» канцелярия. Так было с 1866 г. Дальше того, что было в то время, уже и итти некуда, разве к закрытию всех школ, газет, земств, даже правильных судов. Однако в результате всего того явились — Соловьев, взрыв под ж. д. близ Москвы, взрыв под Зимним дворцом в Петербурге, и наконец государь изувечен и истек кровью».

Общественный подъем, создавшийся в начале царствования Александра II, ярко охарактеризовал Шелгунов во «Внутреннем обозрении» № 3 журнала «Дело» за 1881 г.: «Шестидесятые годы явились моментом необыкновенного подъема нашего духа, необыкновенного напряжения наших умственных сил и небывалого еще развития критической мысли, во главе которого стало само правительство, для которого совершенно было ясно, что для борьбы России за свое международное государственное существование ей необходимо открыть новые возможности для развития внутренних сил. Во время шестидесятых годов, когда возвышенные идеи носились у нас в воздухе, всякий стремился думать в направлении общего блага, блага России, блага народа, и только в этом возвышенном направлении мысли на народное и государственное благо

всякий видел свое достоинство и признак умственной силы. Тогда все или думали, или старались думать в этом направлении. Другого, более напряженного состояния критической мысли в истории России никогда не бывало. Умственная революция, которую мы пережили в шестидесятых годах, была не меньше умственной революции, которую переживала Франция с половины XVIII века».

И вот этот-то подъем реакция пыталась подавить, пыталась парализовать развившиеся в результате этого подъема общественные силы мерами грубого насилия.

«В этом причина, — писала «Молва» 4 марта, — тех потрясений, которые пережиты русским обществом с 1866 г., и той государственной потери, которую переживаем мы теперь».

Что же делать теперь, — спрашивали либеральные органы, и в один голос отвечали: необходимо продолжение реформ и логическое завершение их путем привлечения общественных сил к участию в государственной жизни, «создания общественной организации для служения вместе с правительством на благо столь дорогой всем нам русской земли», — как писал «Голос». Слово «конституция» не было сказано при этом ни одной газетой.

О формах, в каких должно было выразиться это привлечение общественных сил, газеты не высказывались. Большинство ограничилось или туманной формулой об «единении царя с народом», или выражало надежду, как это сделал «Русский курьер» 5 марта, «что народ русский получит право облегчить государю его трудную задачу». «Голос» в первый момент и «Земство» готовы были, повидимому, примириться с проектом Лорис-Меликова. «Земство» писало 18 марта: «Доставить либеральной системе ту опору, которой ей недоставало, и тем укрепить ее, и должна была та мера, на которую решился Александр II в последние дни своего царствования». «Порядок» 3 марта выразил свои пожелания в форме речи, обращенной к государю: «В минуты исторической важности необходима полная и бестрепетная искренность. Дай бог, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы: — Государь! Вы начинаете свое царствование в трудную минуту, когда тяжесть вашего венца усугубляется скорбью растерзанного сыновьего сердца. Но идите смело по ступеням трона на ваше великое положение и станьте на страже порядка и законной свободы. За вами доверие многомиллионного народа, в ваших руках его любовь, с помощью которой можно все сделать. Будьте другом и оберегателем начал, вложенных в реформы вашего родителя. Пусть как дым разлетятся сомнения в том, что этим началам не суждено развиваться и дальше и шире. Суровые меры стеснения доказали свою непригодность и односторонность. Земля ваша

веками хранила в себе и разум и силы для государственного порядка и уклада. Спросите ее в лице излюбленных людей. Что они скажут, мы не можем с точностью предсказать, но верно то, что в одном чувстве, святом и глубоком, они теперь сольются с вами — в чувстве горячей любви к России. А это чувство залог всего хорошего для будущего. Вы в расцвете сил, — пред вами давно уже раскрыта книга государственного управления, — раскройте же душу народа вашего и дайте выйти на свет желаниям, давно живущим в ней. Они все имеют целью успокоение и развитие России».

Если тут что можно уловить, то разве намек на совещательный земский собор.

Более определенно и радикально высказались «Страна» и «Молва».

«Страна» 3 марта, указав, что в сторону реакции нет выхода, писала: «Посмотрим в другую. Момент ныне крайне неблагоприятный, чтобы говорить о ней. Иные советы могут показаться даже просто неприличными, когда произносятся в такую минуту, как нынешняя. Но чрезвычайные обстоятельства побуждают дать совет, свободный от чувства негодования и мести, оправдывают искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящим из намеченных граней. Нет иного выхода, как уменьшить ответственность главы государства, а тем самым и опасность, лично ему угрожающую. Пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словах, сами несут ответственность на себе. Надо устроить в правильном общественно-государственном порядке громоотвод для личности главы государства. Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безответственные».

«Молва», 4 марта: «Верховная власть должна стоять выше какой бы то ни было борьбы политических партий. Обаяние и значение верховной власти не может быть поставлено в зависимость от исхода подобной борьбы. Пускай политические партии борются друг с другом, пускай доходят в своей борьбе до крайних последствий, но пускай все это совершается без вмешательства верховной власти, которая при всех изменениях борьбы должна оставаться недосягаемою на высоком пьедестале, созданном для нее общенародным ее признанием. Общество само должно разбираться в сумбуре среди него возникающих и развивающихся политических мнений и увлечений. Верховная власть должна стоять выше всех этих мнений и увлечений, она не

может быть ни соучастником какой бы то ни было из политических партий, ни тем более ответчиком за которую-либо из них. Носитель верховной власти не может быть мишенью для политических фанатиков, к какой бы фракции политических мыслей они ни принадлежали. Иначе порядок государственный никогда не получит твердого основания. Надо твердо увериться в непреложной справедливости этого вывода; надо проникнуться сознанием необходимости привести его к осуществлению; надо признать его неопровержимым догматом политического символа веры, основанием государственного здания, и тогда рассеется туман, нас теперь окружающий, водворится во всех нас спокойствие, и исчезнут навсегда наши страхи и опасения за неприкосновенность главы государства... Умудренные опытом веков и никогда не прекращающейся борьбой политических партий, англичане прочно и незыблемо установили основание своего государственного здания. Sapienti sat!» Здесь достаточно ясно выражен принцип английского парламентаризма: государь царствует, но не управляет. Но ведь это принцип и английских радикалов, и вигов, и тори. С кем же «Молва»: с крупными землевладельцами английского типа или с демократами? Никакого намека на ответ.

Не столь ясно и определенно выражался «Голос» 4 марта: «Разделение ответственности за государственные меры между ближайшими советниками и исполнителями державной воли было бы только первым шагом к выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этот шаг непременно условливает дальнейший — установление тех органов общественно-государственной жизни, пред которыми исполнители ответственны». В том же номере «Голос» говорил, что с проведением этой меры медлить нельзя: «переходное время не может длиться до бесконечности. Процесс перехода от одного порядка вещей к другому, затягиваясь, переходит в разложение. И признаки разложения, несомненно, обнаружились в последние годы».

«Русские ведомости» воздержались от собственной формулировки своих пожеланий. 5 марта они писали: «Чем оберегать себя теперь, в чем искать ныне спасительных средств? Что оплот, прочно ограждающий наш общественный организм, может быть создан лишь при содействии общества и им охраняем — стало ходячей истиной, аксиомой; от этой аксиомы отправляются и суждения газет», — далее следуют выдержки из «Голоса», «Порядка» и «Страны».

На этом и закончились конституционные пожелания либеральной печати. Лишенные возможности после внушения министра внутренних дел и цензурных кар говорить прямо о необходимости привлечения к государственному управлению общественных сил, некоторые газеты старались воспользоваться

каждым возможным случаем так или иначе вернуться к этой теме. Повод для этого дали: 1) циркулярная депеша министра иностранных дел Гирса, направленная иностранным правительством. 2) высочайшее повеление 18 марта об образовании при петербургском градоначальнике временного совета из выборных от всего столичного населения для содействия полиции.

Отмечая в депеше Гирса следующие слова: «на России лежит, прежде всего, забота о себе самой; государь посвятит себя, прежде всего, делу внутреннего государственного развития, тесно связанного с успехами гражданственности и с вопросами экономическими и социальными, составляющими ныне предмет особой заботы всех правительств», «Голос» 7 марта писал: «Социальные вопросы, волнующие европейскую жизнь и озабочивающие европейские правительства, известны русским образованным людям; им известны также и способы, какими европейские государства пользуются для решения этих вопросов. Не должны ли будут понять в Европе из слов Гирса, что у нас и социальные вопросы такие же, как на Западе, и способы для их решения должны уподобиться западным?»

По поводу совета при градоначальнике из выборных от столичного населения тот же «Голос» 20 марта писал: «Создана в Петербурге по вопросам общественной безопасности форма участия общества в делах администрации, возникает орган, через который общество может проявить свою деятельную силу для служения государственным целям, хотя в небольшом районе столицы. Меру эту нельзя не приветствовать, как первый очевидный шаг к осуществлению той новой идеи, того живительного начала, которые не раз высказывались в правительственных сообщениях. Не раз в этих сообщениях заключались призывы к общественным силам. Общество, выслушивая эти призывы и замечая растущее зло подпольной крамолы, пылало готовностью служить делу, но не знало, как и чем служить, не видело форм, организованных путей, какими участие его в государственном деле могло бы с пользой осуществляться». По этому же поводу в «Земстве» 25 марта находим следующие строки»: «Этому распоряжению мы придаем весьма важное значение, так как им в значительной степени устраняются те сомнения, которые невольно возникают в виду события 1 марта. Градоначальник заявил, что государь, выражая твердую волю свою рядом энергичных мер положить конец нарушению спокойствия столицы, вместе с тем изволил повелеть, чтобы эти меры в то же время ничем не стесняли честных людей. Русское общество, в виду столь ясно выраженной высочайшей воли, может теперь смело смотреть в будущее: между ним и правительственной властью не будет более розни, не будет недоверия, государь призывает общество, в лице его представителей, к со-

действию правительству, указывая притом вполне определенно и те способы, которыми содействие это может быть оказано». Поучительная черта в истории русского либерализма. «Общество», жаждущее участия в государственных делах, призывают к участию в охранке и в изловлении революционеров, — и либеральная газета в восторге: общество теперь может смело смотреть в будущее, ему доверяют. Есть ли предел бестактности русского либерала? И как должна была удивлять иностранцев эта странная позиция либеральной печати!

В последующих передовых и других статьях много говорилось о необходимости пересмотра европейскими правительствами законоположений о праве убежища в целях международной борьбы с революционным движением, при чем газеты настаивали, что политические убийцы не должны пользоваться правом убежища. Это также надо помнить, чтобы знать настоящую цену русского либерализма, так охотно присоединявшегося к хору охранителей.

Либеральные газеты, лишенные возможности в первые же дни после 1 марта высказываться по самым насущным вопросам в этот серьезный момент жизни страны, естественно, не могли не протестовать против этого неестественного положения.

О значении печати в общественной жизни «Порядок» 6 марта высказывал такие мысли: «Никто не навлекает на себя столько обвинений, как печать. О проступках печати говорят обыкновенно, что они неуловимы путем закона, а отсюда прямое заключение — печать может быть преследуема только за пределами закона. Ни в каком другом вопросе не представляется с такой резкостью противоречие теоретических представлений с требованиями практики дня, как именно в вопросе о печати. Печать, как и всякая другая функция общественной жизни, естественно, желает быть тем, чем она должна быть, и служить тому, что остается неизменною истиной, с точки зрения того или другого убеждения. Практика дня опять, точно так же естественно для нее, желает только утилизировать печать и видит в ней пользу только под условием пригодности ее, как средства для достижения практических целей данной минуты. Вот где коренится настоящее затруднение к примирению практики с теорией в вопросе об устройстве положения печати в государстве и ее отношении к другим его функциям. Поставленный таким образом этот вопрос, повидимому, кажется столь же неразрешимым, как квадратура круга: желают, чтобы печать при всей многоугольности была непременно круглой. Достигнуть этого, конечно, возможно не иначе, как доведя печать до размеров точки, которая представляется круглой, не будучи круглой в действительности. Но такое достижение цели, помимо того, что оно всегда только кажущееся, выводит на сцену новое затруднение — легко по-

нятное для всякого государственного человека. С уничтожением печати, повидимому, для практики развязываются, так сказать, руки: она не встречает ни противоречий, ни затруднений, но зато несет все последствия такого своего искусственного, кажущегося удобства: она ослабевает в энергии, широко расплывается, решает все с необычайной легкостью, и потому решает без оглядки, без боязни всегда и везде неизбежных ошибок и только в конце, к удивлению, замечает, что легкость достижения цели может служить иногда гораздо бо́льшим препятствием, чем все препятствия, вместе взятые. Истинный государственный человек, или даже просто человек крепкого здравого смысла, когда ему будут говорить об опасностях, какие представляет печать, о ее противодействии его личным планам и замыслам, всегда может справедливо сказать: «избави меня от друзей, а с врагами я справлюсь».

«Молва» 6 марта подходила к тому же вопросу с другой точки зрения: «Общество живой, мыслящий, чувствующий организм... Нельзя сказать человеку: не мысли, не чувствуй, перестань стремиться к обмену с другими людьми своими думами, чувствами, ощущениями. Тем менее можно сказать это обществу, психические отправления которого несравненно острее, бурливее, требовательнее, нуждаются в более осторожном отношении к ним, чем психические отправления отдельного человека... Отнять у общества возможность непосредственного выражения мыслей, чувств, желаний, стремлений — это значит сразу поставить его в такие условия, при которых простой слух естественно обобщается с фактом, воображаемое сливается с действительностью. Словом нарушается нормальное психическое отправление общественной жизни, — и вместо здравых мыслей, трезвых чувств, воцаряется какая-то сумятица душевная, сумбур, метание из стороны в сторону. Общество теряет почву под ногами, теряет сознание цели, к которой нужно итти, сознание пути, по которому необходимо двигаться. И чем острее, серьезнее переживаемый момент, тем пагубнее нарушение нормальных душевных отправлений, — нарушение естественного непосредственного обмена тем, что подавляет собою в данное время отдельное лицо или целое общество».

«Страна» 29 марта, отметив, что «настроение общества можно характеризовать двумя словами: «все растерялись», и что это настроение поддерживается отчасти вынужденным молчанием значительной части печати определенного направления, в то время как «на полном просторе раздаются только такие голоса, которые никакого возможного и успокоительного выхода не указывают», — выступила с таким предложением: «Не лучше ли было бы предоставить, именно теперь, всем воззрениям, не враждебным самому государству, — высказаться, хоть

временно, с полной свободой. Весьма вероятно, кто-нибудь и назовет нашу мысль парадоксом, но мы искренно убеждены в ее основательности. Мы полагаем, что допущение полного простора печатного суждения не только не усилило бы возбуждения в обществе, но произвело бы действие обратное, оно предоставило бы правильное русло для общественных дум и желаний, выражению которых в России и представляется только одна форма — заявление их в печати. Определим нашу мысль точнее: мы предложили бы дать русской печати ныне же и хоть на некоторое время, в виде опыта, положим, лишь впредь до издания нового устава о печати, — полную свободу. Последствий такого опыта мы, по крайней мере, ожидали бы с полным спокойствием, в искренной уверенности, что верховная власть увидела бы новое подтверждение глубокой преданности к ней не только большинства народа, но и образованных классов, убедилась бы в полной солидарности этих классов с интересами и духом народного большинства, так что и русское общество и Западная Европа убедились бы, как сильна Россия нравственной связью между различными общественными слоями, а также между всеми этими слоями и династией. Свободный голос общества заявил бы глубокое и крепкое единение, в котором никто не мог бы отрицать силы, непоколебимой никакими попытками злодеев».

Однако автор не соблазнил правительства такими прекрасными результатами предлагаемого опыта. Печать получила лишь сугубые стеснения.

б) Консервативные и реакционные органы

Консервативные и реакционные газеты, или «охранительные», как их еще называли, были вдохновителями и ярыми защитниками той реакции во вторую половину царствования Александра II, которая и была, по мнению либеральных органов, главной причиной революционного движения в России. К этим охранительным органам можно причислить и «Русь», защищавшую самодержавие и другие «исконные» начала русской жизни с своей славянофильской точки зрения.

Все эти органы доказывали обратное положение, — доказывали, что революционное движение не имело никаких корней в русской жизни, что в развитии революционного движения, чуждого русской жизни, виноваты главным образом либерализм и либеральничание, которыми были заражены оторвавшиеся от народа и народного сознания широкие слои образованного общества и даже некоторые представители власти.

Доказать беспочвенность революционного движения легче всего было простой ссылкой на внешние влияния, на происки

некоторых русских окраин или заграничных государств, заинтересованных в ослаблении России.

Особенно усердно, с редкой настойчивостью, настаивали на этом «Московские ведомости». Они уверяли, что виновницей смуты является Польша — «польская справа». Об этом они писали почти в каждом номере. «Подобно древнему Катону, каждую речь свою заканчивавшему требованием разрушить Карфаген, «Московские ведомости» тоже каждую статью свою кончают указанием на «польскую справу» — отмечало «Новое время» 22 марта. Вот, например, что писали «Московские ведомости» в номере от 6 марта: «Крамола идет из Польши. Мы не освободили польскую народность от яда, которым она заражена и который делает ее отравой для России; мы только вогнали этот яд глубоко внутрь. Опыт ничему не научил нас, но вожаки «польской справы» стали гораздо опытнее и переменили план действий. Не рассчитывая более на поддержку европейских держав, они постарались примкнуть к так называемой всесветной революции, и в 1864 г., на митинге рабочих в пользу Польши в Лондоне, впервые явилась на свет «интернационалка», а уже в 1866 г. Каракозов стрелял в царя-освободителя. Революционная организация была перекинута внутрь России с тем, чтобы клетки ее наполнять людьми чисто русского происхождения, во имя всемирной анархии и всякого рода революционных идей».

К этой точке зрения, хотя и не совсем уверенно, присоединилась другая московская реакционная газета, «Современные известия», 21 марта. «В какой мере близка связь нашей революционной пропаганды с «польской справой», мы утверждать не беремся; но что она есть, едва ли в этом можно сомневаться. Цареубийство есть прямая догма иезуитов. Во всей политике русских нигилистов — цель оправдывает средства».

«Новое время» 12 марта считало эту мысль нелепой и бессодержательной: «Приписывать гнусные преступления последних лет проискам «польской справы» так же нелепо и бессодержательно, как, например, утверждение «Познанского дневника», что корень теперешних несчастий России в участии польской национальности, что будто бы в Польше воспитала Россия ту свору нигилистов, которая не признает никакого права, не знает ничего святого».

Но то же «Новое время» писало 6 марта: «Многие начинают склоняться к тому убеждению, что истинные руководители злодейского замысла действуют из-за границы, а русские исполнители лишь жертвы глубокой умственной и нравственной испорченности, которая делает их чуждыми своему народу и бросает в хищные руки людей, которые считают всякие средства дозволенными для достижения вполне сознательно

преследуемой цели — ослабить Россию, чтобы, опираясь на ее бессилие, достигнуть того, чего не удалось достигнуть в открытой борьбе теми силами, которыми располагают эти враги России».

В «СПБ ведомостях» 8 марта находим такие строки: «Петербург, стоящий на окраине государства, кишит инородными элементами. Тут свили себе гнезда и иностранцы, жаждущие разложения России, и деятели наших окраин, которые действуют против самодержавия потому, что в нем видят они главенство великорусского народа, а его, по их мнению, надо унизить и ослабить».

Прямые указания на Польшу, неопределенные указания на врагов России и иностранцев, жаждущих ослабления России, казались охранительной печати, повидимому, недостаточными для доказательства нерусского происхождения смуты в России, и они прибегли к аргументам другого порядка, пытаясь доказать, что «разрушительные учения» и политические идеалы, органически возникшие на Западе, чужды русской жизни, никаких оснований в ней не имеют, а потому русские последователи их, действующие в России, являлись лишь слепыми подражателями. Не имея никаких предпосылок в русской жизни для этих учений, русские последователи неизбежно являлись только отрицателями, чистыми нигилистами, и могли стремиться лишь к разрушению всего, что дорого русскому народу.

«Что такое эти анархисты, эти социал-демократы и революционеры? — спрашивает «Русь» 28 марта. — Слышится ли, видится ли в их учении хотя какое-либо веяние русского не только духа, хотя бы какое историческое и социальное основание? Напротив, народ-то наш именно и презирают они глубоко. Они не более как раболепные последователи учений и идеалов, возникших органически на чуждой, европейской почве. Но там возникновение их понятно: там они являются как естественный протест, протест против несправедливого распределения поземельной собственности, протест против политического преобладания буржуазии, или буржуазной интеллигенции, над четвертым сословием, лишенным гражданской организации и политических прав, — словом, протест против современных конституционных политических форм. Но именно этой-то всей неправды у нас и нет. У нас, благодаря именно усилиям убитого государя, так называемое четвертое сословие, или крестьянство наше, т. е. почти 80% всего населения, составляет основание и реальную политическую силу всей русской державы, наделено землей, организацией и мирским самоуправлением». В номере от 4 апреля «Русь» доказывает, что у цареубийц не было никаких положительных идеалов, «им равномерно претят всякие существующие формы политического бытия, а в

том числе и конституционализм по европейскому образцу, и, как у последователей социалистического учения, у них имеется только попугайское повторение чужих, иностранных формул, в конце концов оказывается, что они в подлинном смысле «нигилисты», отрицающие всех и все: бога, государя, нравственность и проч. ради одного голого разрушения».

«Новое время» 4 марта писало: «Во всех этих фанатиках, во всех этих поклонниках крови и ужасов есть что-то родственное, однородное, какими бы названиями и партиями они себя ни величали — террористами, анархистами и проч. Родственное именно в средствах для достижения самой широкой революции. Да, не конституции, хотя и эту идею они выставляют, как бандиты знамя мира. Самой широкой революции, резни, бешенства убийц, торжества крови, передела всего существующего порядка — вот любимая цель. Перед нами не просто фанатическая идея, ищущая выхода, но какой-то особый, страшный вид маньячества, и притом заразительного».

Крамола, — писали «Московские ведомости» 4 марта — «добивается одного: произвести смуту в России, подорвать всякий авторитет, парализовать правительственную силу, вооружить сословия одно против другого, разжечь усобицу, повергнуть все в хаос».

К таким характеристикам, которые показывают, что авторы их что-то слышали о классовой борьбе, «Сын отечества» 11 марта прибавляет еще обвинение в лицемерии: «анархисты новейшей школы, как бы они ни назывались, нигилистами, социалистами или непримиримыми, повинны в одном и том же грехе, который одинаково всеми презирается — в лицемерии. Да, они лицемерят, когда совершают свои преступления во имя свободы. Если бы только им удалось восторжествовать и разрушить все современное общественное устройство, то они явились бы такими тиранами, каких мир не видал с самого сотворения своего. Терпимость мнений, свобода слова были бы совершенно немыслимы при их господстве. Против всего несогласного с их убеждениями были бы пущены в ход те же самые средства, которые употребляются ими против существующих властей; всякая власть, не принадлежащая к крайней партии и не окрашенная в самый яркий красный цвет, была бы низвергаема теми же бомбами и теми же подкопами, которые действуют теперь. Один французский писатель очень верно определяет эту свободу следующим образом: «Я желал бы, чтобы весь мир пользовался свободой делать то, чего бы я желал».

Но откуда брались все эти слепые орудия врагов в России или раболепные последователи западно-европейских учений, чуждых русской жизни? Почему революционное движение в России, несмотря на, казалось бы, энергичные меры правительства, развивалось вширь и вглубь? Все это объясняется, по мнению

охранительных органов, либерализмом и либеральничанием, которые развратили общество, оторвавшееся от народа, печать, семью, школу и, наконец, власть. Развращенное общество относилось легкомысленно, снисходительно к революционерам, даже сочувствовало их деятельности, в среде этого общества революционеры и находили последователей. Развращенная власть стала бездеятельной, продажной, в борьбе с революцией принимала полумеры, в результате чего революционное движение развивалось и достигло крупных успехов. Этой теме охранительная печать уделила очень много внимания и посвятила немало газетных листов.

«Не будем самообольщаться, — писали «Московские ведомости»,—не будем сваливать всю вину на ничтожную кучку одичалых мальчишек. Мы сами еще более виноваты. Мы вскормили эту среду, среди нас они выросли, мы ее поддержали нашей дешевой насмешкой, легкомысленным детским отношением ко всем основам общественной жизни; мы сами в ослеплении помогали расшатывать один за другим все нравственные и исторические устои общества. Мы оставили наших детей на произвол всяких веяний, и нашим молчанием давали этим вздорным веяниям укореняться; хуже того: мы часто лицемерно одобряли нелепости, гаерствовали заодно с мальчишками, рукоплескали нравственной разнузданности. Могли ли мы при таком положении сохранить свой законный авторитет? Естественно, нет. Мы выпустили его из рук, и он перешел к болтунам, фразерам, якобы несущим нам последнее слово науки и прогресса, и чем менее смысла и нравственного достоинства имело это слово, тем казалось оно истиннее, патентованнее. Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали в самый худший вид рабства — духовное рабство со всеми его последствиями. Оно развило в нас присущие ему пороки: трусость, лицемерие, угодливость, бесхарактерность. Прежде чем высказаться, мы справляемся мысленно: подходит ли то, что хотим сказать, под камертон того или другого болтуна? Мы потеряли естественность и самостоятельность, мы перестали быть самими собой. Сколько лганья, сколько лицемерия накопилось в нас! Дошло до того, что люди стыдятся лучших своих чувств, и, если эти чувства проскальзывают в них по неизбежной потребности натуры, торопятся как можно скорей задушить это отсталое, несвоевременное проявление». Здесь отмечена и заклеймена с реакционной точки зрения поучительная страничка из истории нашего привилегированного сословия. Было время, — это было в конце 50-х и в начале 60-х годов,—когда оно прислушивалось к голосу европейской науки и философии и, хотя голос классового инстинкта ни на минуту не умолкал у них, но они его как бы стыдились. Теперь они поумнели и заговорили, как откровенные крепостники.

«СПБ ведомости» поместили в номере от 10 марта яркую передовую статью, в которой характеризовали в самых мрачных красках бюрократию и общество. За эту статью было возбуждено против газеты судебное преследование. «В минуту цареубийства сказалось все бессилие охранителей и нравственное бессилие общества, из которого выходят цареубийцы. Бессилие — произведение не одного дня. Это продукт постепенного умаления и исчезновения государственных идей в общественном сознании, во внутренней нашей жизни. Ее заменила идея наживы и меркантилизма. Одушевленная сверху донизу одной наживой, наша администрация прикрывала свою бессодержательность или официозным либерализмом, насколько это касалось прогрессивного движения русского народа, или репрессивными мерами, когда дело касалось прикрытия своего бессилия. Именно нажива определяла чиновничий либерализм, который здравый ум называл просто ничегонеделанием. Действительно: либеральная администрация не могла иметь у нас иного определения. Всех обуяло либеральничанье, и все это вместе создавало тунеядную администрацию, которая, когда требовалась от нее интенсивная деятельность, ровно ничего не могла выставить, как только грубую силу для повальной административной ссылки. Если такая администрация являлась преступной относительно государства, то вдвое преступнее она становилась относительно русского общества. У нас всегда администрация представляла, за неимением иного центра, общественное сосредоточие: все общественное восходит к административной среде и все от административной среды нисходит к обществу. Под камертоном тунеядной администрации могло образоваться только общество повального тунеядства. И в самом деле: по мере того как наши общественные слои приближались к административным центрам, они становились все более и более тунеядными, так что, наконец, в центре обиталища русского царя тунеядство общества достигло состояния принципиальности! Здесь администрация опиралась на концессионеров железных дорог, банков и других предприятий, на подрядчиков, поставщиков, комиссионеров, контрагентов; к ним приютились всякого рода обширные подразделения своеобразных людей, отвечающих различным потребностям, гласным и негласным; все это вместе сформировало организацию, которая занималась не чем иным, как колоссальным казнокрадством. Чего можно было ожидать и на что было способно, таким образом, организованное общество повального тунеядства? Что могли дать тунеядные матери и тунеядные отцы, занимавшиеся только оформлением казнокрадства, с цинизмом измерявшие все заслуги, отличия и нравственность рублями? Тунеядство не могло дать даже поколение; оно, не доведя юношество до зрелости, пере-

хватывало их в возрасте порывистых стремлений и обращало в самоубийц. Общество, кладя сотню миллионов, высасываемых из производительных труженических сил русского народа для пополнения своих ненасытных карманов, не имело возможности организовать даже учебную часть таким образом, чтобы устранить молодежь из низших общественных слоев от необходимости заботиться о куске хлеба и приюте, издырявленных сапогах и лохмотном сюртуке, прикрывающем их слабое тело! Вот почему на пороге же к просвещению юность обнимается с недовольством, в котором надо искать начала всестороннего отрицания. Таким образом, тунеядная среда наживы, разврата и мещанского цинизма давали те ручьи своих отпрысков, которые, сливаясь в реки, образовали море нигилистов, самоубийц, из которых враги России выуживают цареубийц! Самоубивающееся юношество всегда будет естественным контингентом для цареубийц! На самом деле: в последние 20 лет у нас утроилось самоубийство; на 10 самоубийц приходится 9, не достигших 25-летнего возраста! Бесчисленное множество процессов против государства раскрывает нам 95% преступников, не переступивших тот же возраст! Что же это свидетельствует? А то, что не практическая жизнь, не превратности зрелой, сознательной жизни размножили это охлаждение к жизни, которое берет бритву и режет себе горло; не сознательный, разумный протест, приобретаемый опытом жизни, творит у нас политического преступника, а домашняя, семейная среда и школа тунеядного общества. Оно творило у нас материал, из которого нечистая вражеская сила лепит государственного преступника и цареубийц! Достойный отпрыск тунеядного, казнокрадного общества!»

Когда феодал начинает рисовать буржуазное общество, в его картине мы находим почти всегда много ярких и верных красок. И здесь дана яркая и правильная характеристика «высшего общества» семидесятых годов, все более пропитывавшегося буржуазной погоней за «наживой». Автор не забыл и о народе, разоренном и доведенном до хронической голодовки. Тем не менее вся его «критика» во имя «государственных идей» остается вполне бесплодной.

В доказательство сочувствия либерального общества революции и бездействия власти, развращенной либерализмом, газеты приводят целый ряд примеров. «Русь» 12 марта писала: «Еще слишком год назад, незадолго до взрыва на железной дороге, когда подпольные издания «Народной воли» тысячами распространялись по Москве, какая-то жрица нигилизма совершенно бесцеремонно расхаживала по домам и предлагала за деньги подписаться на эти издания, в твердой уверенности (в чем и не ошиблась), что никто ее не задержит. Такое пассивное отноше-

ние к пропаганде равнялось прямому потворству. Не спрашивалось: честно или бесчестно, благородно или подло, клонится ли к добру или злу, а только о том: либерально ли? Техник, осматривавший лавку Кобозевых и ничего подозрительного не усмотревший, конечно, остановился перед глубокомысленным соображением: будет ли с его стороны либерально произвести осмотр строгий, отбросив в сторону всякую деликатность: «Ну, как ничего не найдется и в либеральной прессе продернут статейкой?» Судится важный государственный преступник, участник убийств и подкопов, узнать имя которого в высшей степени нужно. Но едва он успел раскрыть рот для ответа, как судья с извиняющейся любезностью спешит остановить его словами: вы можете и не отвечать, можете, если хотите, утаить правду».

«Московские ведомости» 12 марта по поводу того же осмотра лавки Кобозевых писали: «Сырная лавка, из которой велся подкоп, давно уже признана была полицией подозрительной и требовала осмотра. Но сколько было колебаний, прежде чем на этот осмотр отважились, сколько формальных сношений ему предшествовало, с каким либеральным формализмом он произведен». «Администраторы у нас, — обобщают «Московские ведомости» 4 марта, — заговорили сами, если не языком «Земли и воли», то фельетонов «Голоса». Против зла принимались полумеры, только раздражавшие и возбуждавшие дух злоумышленников».

Не правда ли, замечательный «либерализм», обращающий и технический надзор в орудие полицейского сыска? Фельетоны «Голоса» мы тут, правда, узнаем; но как могли «Московские ведомости» уловить здесь язык «Земли и воли», совершенно непонятно.

Вредный либерализм охранительные органы находили и в гласности политических процессов и даже в публичных казнях революционеров; они выражали протест против вообще суда над ними, считая, очевидно, необходимой простую расправу. «Не скроем, — писали «Московские ведомости» 29 марта, — что суд, который теперь творится над виновниками цареубийства, производит тяжелое, невыносимое впечатление. Неужели следует относиться к виновникам такого дела, как к обыкновенным преступникам? Виновность преступников не подлежит сомнению: они не скрывают своего участия в деле, они хвалятся им. Но суд над этими людьми творится с точным соблюдением всех формальностей установленной процедуры. Судебная процедура дает этим людям средства выставляться партией, имеющей право на существование, засвидетельствовать о своем торжестве, явиться героями — мучениками своего дела. К чему весь этот парад, который только смущает умы и общественную

совесть?» В номере от 11 апреля читаем: «Было нечто непримиримое для простого чувства в предоставлении подсудимым возможности рисоваться своим темным делом перед избранной публикой и, с помощью типографских станков, перед целой Россией. Суд может присудить их, но не может выбросить из стенографического листа того, что ими сказано; суд может уличить извращение факта, но не может состязаться в живописи, в поэзии своего рода, которую обнаружили Желябов и Кибальчич, разрисовывая полотно процессуальности социально-революционными арабесками. Разве можно серьезно утверждать, что все это лишено известного соблазна? Нашему судебному ведомству дано такое направление, что там каждый стремится быть архиевропейцем». «Для таких злодеев, — писали «Современные известия», высказываясь против публичной казни, — эшафот своего рода трибуна, говорить они не могут, зато стараются держать себя, позировать, рисоваться своим званием осужденного преступника». Еще недавно цареубийцы были для «Московских ведомостей» «ничтожной кучкой ошалелых мальчишек». Начался суд, и газета сразу почувствовала, что каждое слово подсудимых обличает ложь и клевету, которую она нагородила об этом деле. Газета почувствовала, что каждый день публичного суда наносит правительству и его защитникам страшное поражение. И она возопила о расправе в застенке.

Какие же меры предлагали охранительные органы для борьбы с революционным движением? Меры эти логически должны быть двух родов — одни для устранения указанных ими пороков общества, другие для искоренения крамолы. Охранительные органы уделили больше внимания последним, проявив при этом значительную изобретательность и достаточную решительность. Меры, предлагавшиеся ими для устранения пороков общества, страдают полной неопределенностью. «СПБ ведомости», например, соглашаясь, что «России нужно много улучшений», что «внутренний быт ее ждет пересоздания», писали 8 марта: «но это улучшение и пересоздание явятся сами собой, естественным ходом жизни». «Сын отечества» 5 марта советует обществу перестать «только охать и ахать, а серьезно оглянуться на себя, проверить свою жизнь, начать серьезнее относиться к своим обязанностям. Общество не должно относиться равнодушно ни к какому проявлению язвы, существующей на его организме, должно подавлять всякое проявление зла, не давать ему нигде, ни в чем обнаруживать себя. Никакому ложному мнению не должно быть сочувствия, никакая выходка какого-либо сумасброда не должна встречать поощрения. А главное тут дело родителей. Их теперь священный долг серьезнее заняться воспитанием своих детей и начать повнимательнее

относиться к их жизни и направлению». «Московские ведомости» 15 марта уверяли, что «лишь тогда в крамольниках ослабнет уверенность в своей правоте и вера в своих отвратительных идолов, когда они увидят себя окруженными недвусмысленным презрением и явною враждебностью всего образованного общества». «Русь» взывала к духовному возрождению: «Неужели, однако, это новое страшное поругание над русскою общественною совестью пройдет и на сей раз бесследно и не воспрянет русская совесть, и не стряхнет с себя греха лжи, праздного коснения и недомыслия? Неужели не поймем, что нам нужно обновление, всеобщее, всецелое возрождение духа, того исторического, народного, земского духа, который создал русское царство, которым единственно, даже еще и доселе, стоит и крепко оно!» Для возрождения этого духа «Русь» 7 марта советует «всем народом поскорбеть».

Для искоренения крамолы в Петербурге энергичные и решительные меры предлагали «СПБ ведомости» 3 марта: «Целая шайка убийц явилась в Петербург и поселилась в нем. Пока в Петербурге гнездится не сотня, не десяток, а один такой убийца, Петербург не может быть спокоен. Рассчитывать только на деятельность полиции было бы в высшей степени наивно. Нужен ряд сильных, энергичных мер, нужно непременно и во что бы то ни стало выловить убийц и очистить от них столицу. Для этого не надо останавливаться ни перед чем. На 800 тысяч населения столицы имеется несколько десятков негодяев, и 800 тысяч не могут набраться воли и твердости, чтобы переловить их! Когда в Париже, при Наполеоне I, явился Жорж Кадудаль с целью убить его, что сделал Наполеон? Он оцепил немедленно Париж кордоном: в течение нескольких дней ни один человек не вошел и не вышел из Парижа, не удостоверив личности; была объявлена смертная казнь тому, кто, зная о местопребывании Кадудаля, не донесет о нем, конфискация того дома, где он будет найден или где будет ночевать. Это было несколько дней террора, но благодаря этим мерам Кадудаль был пойман. — Оцепить Петербург дело трех полков и трех часов времени, конфисковать дома беспечных и тем самым преступных домовладельцев, начиная с дома гр. Менгдена, где была лавка Кобозевых, уже потому необходимо, что это вполне справедливо. Конфисковали же дома в Варшаве, и притом за выстрел только в генерала, почему же в Петербурге не конфисковать домов, делающихся притонами цареубийц! При осмотре домов домовладельцами, о всех живущих в них, за которых домовладелец не может отвечать, — сообщать полиции. Меры эти приложить со всею строгостью, составив для решения дел комиссию из самих же домовладельцев при содействии городской думы, — и можно смело ручаться,

что в несколько дней Петербург будет очищен от убийц. За вновь прибывающими тогда уже будет легко наблюдать. Это будет террор. Но чем-нибудь надо же вызвать массу из ее равнодушного, пассивного состояния».

«Современные известия» 12 марта, соглашаясь с этими мерами, считали их все же недостаточными и предлагали свои: «Домовладелец отвечает своим имуществом, если в его доме будут открыты тайные сборища, типографии, мины. Против действительности этой меры ничего не возразим, пока она имеет в виду предупреждение вещественных приготовлений к преступлению. Но бомба, которую может кинуть один человек и притом бросить на улице и которую можно укрыть от постороннего взгляда? Материальная ответственность и надзор домовладельца здесь не помогут. Поможет нравственная ответственность, порука нескольких за одного. Полицейское начальство должно ведать не единицы, а кучки, и с тем, чтобы каждый ответствовал за всех в своей кучке и все за одного. Человек, не представивший за себя порук в определенном числе лиц, не имеет права жительства. Обществу нет потери, если такой неугодный человек вынужден будет удалиться. Предлагаемая мера нам кажется и действительной и безопасной».

В номере от 13 марта та же газета предлагала «вместо всего немалочисленного штата приставов, помощников, старших и младших городовых, дворников — сдать городскую безопасность на круговую ответственность артели с солидным капиталом. Это самая лучшая, самая легкая, самая действительная форма и притом вполне русская». В номере от 17 марта газета предлагала еще новую меру: «чтобы раскрыть корни нигилистической заразы, нужно собрать весь материал, обнародованный и необнародованный, и составить объективную историю нигилистической пропаганды в России. Эти исторические изыскания должны быть предоставлены свободной критике печати».

«Русь» 10 марта, чтобы покончить с ненавистным ей «порождением темных сторон петербургского периода нашей истории», предлагала перенести столицу из Петербурга в Москву: «Да, в Москву, в Москву! — призывает теперь своего царя вся Россия! Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории, со всеми кровавыми преданиями переворотов, измен, крамолы XVIII и XIX веков!.. Здесь только, в колыбели государственной власти, почувствует себя русский царь вполне у себя; здесь окружит его народ твердым, несокрушимым, как он сам, оплотом, — таким оплотом, которого не заменит никакая полиция в свете — круговою порукою всей земли». Забыла газета о том, что сама сообщала о распространении в той же Москве нелегальной «Народной воли», и помнит, очевидно, только умиляющих ее московских «охотнорядцев».

Вслед за московскими изобретателями универсальных средств к уничтожению зла потянулись и провинциальные. Какой-то самарский обыватель проектировал в «Современных известиях» медаль для ношения на груди в память события 1 марта: «Знак должен иметь изображение на одной стороне креста с девизом: «Сим победиши», а на другой изображение лика убиенного царя-мученика, с надписью вокруг него: «Счастье, свобода и единение у трона самодержца. 1 марта 1881 г.» Медаль носит каждый русский полноправный верноподданный от 18-летнего возраста. Тайные злоумышленники не решатся надеть знак, иначе он растопится на груди изменников от взоров честных граждан».

По поводу всех этих предложений «Новое время» 7 марта пессимистически отмечало «где и какие средства противодействия этому, очевидно, не русскому только, но и международному сообществу? Все эти вопросы остаются без ответа. В эти дни не одна печать, но и люди практические раздают только советы самого общего свойства; мы в том числе».

Все охранительные органы считали, конечно, необходимой борьбу с крамолой международными усилиями и, рассматривая вопрос о праве убежища, настаивали, что «для русских нигилистов и анархистов такого права признавать не следует, так как они против всякого права и государства». («Современные известия», 20 марта.)

Главное, к чему были направлены все усилия консервативных и реакционных газет, — это защита неприкосновенности самодержавия. Эта настойчивая, упорная защита производит даже странное впечатление, она кажется ненужной при тех воззрениях на незыблемость самодержавия, которые высказывали все охранительные органы. Ярче и полнее других формулировали эти воззрения «СПБ ведомости» 8 марта: «Что такое царская власть в России? Что такое самодержавие? Разве они основаны на завоевании, разве они держатся благодаря комунибудь? Самодержавие в России — это символ народного и государственного единства, это воплощение народного сознания о народной силе и мощи, о великих задачах России. Великому народу нужен сильный, властный монарх. Народ русский не потерпит умаления власти своего государя и не откажется от своего монарха, покуда будет сознавать и чувствовать свое народное бытие, покуда будет способен осуществлять свои исторические задачи. От таких преступлений, каким мы были свидетелями, страдает лицо монарха, но не идея; гибнет человек, но не порядок. Такие преступления еще потому бесполезны, что они ни в каком случае не могут даже устрашить власть, не могут заставить ее сложить с себя бремя или ослабить себя. Ибо — как путем устрашения устранить сильную власть, когда она вызывается и требуется самим народом?»

И вот при такой вере в незыблемость, основанной на народном сознании, самодержавной власти — охранительные органы считали необходимым защищать ее. Очевидно, эта вера не была особенно крепка, и появилось опасение, что и в новом самодержце, под влиянием событий последних лет царствования его предшественника и события 1 марта, тоже поколебалась вера в незыблемость своей власти, и он пойдет на какие-нибудь уступки либеральным требованиям общества и печати. Особенно усердствовали в защите самодержавия «Московские ведомости» и «Русь». Они всеми силами старались внушить новому самодержцу, что самодержавная власть не только не поколеблена, но даже крепче, чем прежде, и ни на какие уступки итти не нужно. Вот что писали эти газеты:

«Московские ведомости», 7 марта: «Начало верховной власти в России священно и могущественно, оно, может быть, сильнее нынче, чем когда-либо в сердце русского народа. Но к несчастью России и почившего императора действие этого начала ослаблено, парализовано колеблющимся мнением. Оно мнимо ослабело, но мнимая слабость есть тоже слабость. Мы все страдаем мнением, несоответствующим истине нашего положения, и мнимая слабость наша, выражаясь в наших действиях, поднимает дух в злоумышленниках. Как же злому умыслу не вознестись духом при одной возможности борьбы с этой силой, а тем более при борьбе небезуспешной? Нельзя без трепета подумать о последствиях, если бы и теперь, после того, что совершилось, при начавшемся новом царствовании, какое-либо действие власти могло быть истолковано, хотя бы и ложно, в смысле слабости и неуверенности в себе».

15 марта: «Путь цареубийства был принят в безумной надежде повергнуть страну в хаос и среди всеобщего смятения захватить власть и раздробить государство. Злодеяние совершилось, но что же выходит последствием? Падение ли власти, расторжение ли государства? Нет, никогда самодержавие русского государя не было так могущественно, так бесспорно, так незыблемо твердо в сердце русского народа, как теперь».

20 марта: «Что требуется в настоящее время? Более всего требуется, чтобы почуяла себя государственная власть России во всей непоколебимой силе своей, ничем не смущенная, не расстроенная, вполне в себе уверенная».

«Русь», 10 марта: «Опасность в том, чтобы гам, шум, клики и крики петербургской интеллигенции и либеральной среды не были возведены на степень выражения мыслей, нужд и потребностей русской земли. В особенности любит своего царя Россия. Нужно, чтобы высоко и грозно было вознесено царское имя и ведала бы предержащая власть, что всякие

в смысле западно-европейского устройства политические бредни не выражают мнения русского народа, не от его духа!»

12 марта: «Избави бог от какого бы то ни было действия, которое могло бы быть истолковано в смысле уступки крамоле или даже требованиям европейского либерализма. России нужно самодержавие, а самодержавие мыслимо крепко только в союзе с народом, на народной почве, на земской основе. Если бы только русский царь захотел быть царем по старине и призвал себе в опору русскую землю (не бюрократов и либералов-говорунов, а великую, молчащую теперь землю), как воск от лица огня растаяла бы крамола».

14 марта: «Необходимо признать за непреложную истину одно: в России только две реальных государственных силы — царь и народ. Так было искони, так и теперь. В этом отношении ничего не переменилось, — никакой порухи, никакого ущерба ни царской чести, ни царской власти. Наши государи, особенно времен новейших, и не подозревают, сколько могут они в союзе с народом. Ложь, будто власть государя основывается у нас только на неразвитости, на невежестве народном! Тысячи лет исторической страды претерпел он ради созидания и укрепления своего государства! Возсоздал его вновь, когда оно разрушилось почти в конец в эпоху самозванцев. Конечно, говоря о народе, мы разумеем настоящий русский народ, а не лже-народ, ибо много теперь всякого рода так называемых либералов, употребляющих во зло имя народа... Подло бы мыслили и поступали те, которые выдумали бы воспользоваться настоящими затруднениями власти для того, чтобы исторгнуть какую-либо меру, которая могла бы казаться уступкой, вынужденною лишь современными грозными обстоятельствами! Единственно, что теперь, сейчас на потребу, это принять такие меры, которые были бы способны оградить безопасность царского дома и Россию от позорного гнета тайных злодейств! Затем уже можно помыслить и о том, как бы еще сильнее утвердить власть, поставив ее на единственно-крепкую, т. е. народную и истинно-земскую (а не казенно-земскую только) основу».

Итак, самодержавная власть должна остаться неприкосновенной, во всей своей прежней силе. Никакие уступки либеральным требованиям не допустимы. Но какую же программу рекомендуют этой власти охранительные органы? «Московские ведомости» — никакой, кроме призыва к силе власти. В защите власти у «Руси» есть программа — нужно единение царя с народом — настоящим народом, а не лже-народом. Хотя «Русь» и не объяснила, что такое «настоящий народ», но это ясно из всего направления газеты. Это — народ охотнорядцев, старозаветных купцов, поднимающейся в деревне сельской буржуазии. Славянофилы уже давно поставили ставку на «сильного мужика».

Не указывала «Русь» и тех форм и средств, в каких она мыслила единение, находя это, повидимому, несвоевременным до окончательного уничтожения крамолы и «тайных злодейств». Впрочем, редактор «Руси» — Аксаков — в речи, произнесенной им 22 марта в Петербурге на собрании «Славянского благотворительного общества», грезил о земском соборе: «История наша хранит также и предание всенародного представительства на земских соборах, призывавшихся самодержавной властью, и никаким усилиям бюрократии и либеральных поклонников Запада не удалось еще воздвигнуть достаточно сильных преград, способных остановить в будущем осуществление сызнова этого родного, исторического нашего идеала взаимных отношений государства и земли. И именно теперь, когда на самом Западе ветшают его исторические государственные формы, и со всех сторон поднимается протест против парламентаризма и конституционализма, обретаются в русской так называемой интеллигенции страшные конституционные вожделения, — нашу-то Россию облечь в обноски Европы. Но кто хочет причин, тот хочет и их политических последствий — социальной революции со всеми ее проявлениями».

«СПБ ведомости» 10 марта давали такую неопределенную программу:

«Единственное спасение — это законоуправление. Законоуправление при местном самоуправлении — вот что требуется России в настоящее время. Единицы местного самоуправления, связанные между собой законоуправлением, исходящим от державного вождя русской земли, — вот искомая формула для нашего обновления, для нашего дальнейшего гражданского и государственного развития».

«Новое время» 7 марта, в момент колебаний в правящих сферах, полагало, что программа нового царствования намечена вполне определенно в манифесте нового царя: «Путь России в грядущем намечен весьма определенными чертами. Это путь к раскрепощению русского народа, к освобождению его от всех пут, наложенных двумя предыдущими веками и противоестественно разделяющих его от власти и от других сословий. Глубоко ошибаются поэтому те, которые в страшной катастрофе 1 марта видят основание для немедленного переустройства всего сделанного Александром II, в сторону ли европейских укладов жизни, или в сторону сурового режима прежних, но не старых времен. Молодой государь торжественно засвидетельствовал о своем намерении следовать по пути отца своего, и здесь ясный ответ на вопросы относительно дальнейшего направления русской государственной жизни».

4. ГАЗЕТНАЯ ПОЛЕМИКА

Понятно, что робкие, неуверенные конституционные выступления либеральных газет должны были вызвать злобные окрики охранительных органов, так настойчиво защищавших самодержавие. «Могила не приняла еще тело царственного страдальца, — писали «Московские ведомости» 6 марта, — а уже сколько фальши наговорено либеральной прессой! Какая логика, кроме логики обмана была бы в состоянии обратить факт совершения цареубийства в доказательство необходимости либеральных учреждений», а 20 марта они прибавляли: «Нельзя без гадливого чувства взять в руки некоторые из наших газет. «Голос» — эта ложью дышащая газета — хочет уверить, что все теперь только и думают о так называемых либеральных учреждениях, что в принципе все согласны, и разница только в способах». «СПБ ведомости» писали 7 марта: «Предложение «Страны» об уменьшении ответственности русского царя, которому так рукоплескала и газета «Голос», есть один из наиболее прискорбны моментов, который своей грубостью и даже дерзостью, в тепехрешнее удручающее, тяжелое время, должен огорчить не одного честного публициста периодической печати. Пред чудовищным злом, покрывающим нас позором, бесчестно писать так, чтобы искать смысл между строками. Такой прием есть прием «замаскированного врага». Двусмысленность публициста в настоящее время есть, по меньшей мере, обличение в нем внутреннего врага. Нельзя соболезновать тяжкому положению данного времени и протягивать руку, хотя и очень далекую, той крамоле, которая расставляет нам тенета позора и бесславия. Неясность и есть такое протягивание руки. Нам нужны ясные, конечные слова зрело-сознанной идеи, а не фразы, смысл которых следует искать за публицистической ширмой. Нам нужна положительность в публицистике, а не политичность».

«Русь» 10 марта, после призыва царя в Москву, так характеризовала Петербург: «Петербург — творец и пестун казенщины — породил и другое зло, колоссальное, представляющееся на степени истинно исторического явления — это пошлость. Пошло все, что не искренно, условно, легковесно, скользит поверх жизни, что не имеет корня в глубинах личного духа, ходит как общее место, бессмысленно повторяемое словом или делом. Пошла казенщина, но еще более пошл — истинный расцвет пошлости — петербургский либерализм. Ее глашатай по преимуществу наша именно петербургская печать, самовольно величающая себя — либеральною».

«Эта печать, — продолжала «Русь», — признает настоящую минуту самою благоприятною для успеха некоторых своих европейски-либеральных чаяний. Можно опасаться, что в петер-

бургской бюрократической среде мнение этой, якобы либеральной прессы и в самом деле может быть признано за мысль и желание всей русской земли. Это мнение, выступающее между строк и в строках, состоит в том, что для России необходимо иметь однородные либеральные учреждения с Западной Европой по известному шаблону. Без этого-де нельзя найти выход из настоящего террора, нельзя восстановить безопасность, нельзя заключать международных договоров о выдаче политических убийц и злодеев, хотя бы они взорвали на воздух десятки тысяч людей».

Исчерпывающий, горячо написанный ответ либеральных органов на разгул сыскной фантазии охранителей и их реакционные вожделения дала «Молва» 10 марта: «Если среди нас имеется горсть фанатиков, готовых видеть единственное средство для торжества своих идей в разрушении, а не в правильном развитии всех существующих государственных и общественных условий, то они должны теперь торжествовать. Под видом борьбы с этими идеями, реакционная вакханалия гораздо вернее и скорее всяких анархистов разрушит все основы не только нынешнего, но и всякого другого общежития, — лишь бы ей предоставлена была воля. Уже один проект возвращения к московскому периоду и уничтожения двухвековых трудов многих поколений, направленных к общению России со всем образованным человечеством, — радикальнее самых смелых разрушительных стремлений! Страшно подумать, что такие «мероприятия», предлагаемые газетами, как система взаимного доноса, повального обыскивания, круговой ответственности и произвольных расправ с каждым не нравящимся мнением, могли бы когда-нибудь осуществиться. Тогда действительно рушится всякая возможность общежития, люди станут разбегаться или, доведенные до отчаяния, обнищалые, утратившие веру в законность и справедливость, начнут отплачивать местью за месть, произволом за произвол, дикими насилиями за дикие насилия. Это будет война всех против всех...» «Мы уверены, что нашей «белой коммуне» не удастся ее разрушительное дело, но все же лучше, если эти «петролейщики реакции» во-время будут обузданы здравым смыслом и призывом к порядку. Их умственное и нравственное бессилие сказалось уже достаточно в течение тех тяжелых годов, когда, среди подавленной умственной жизни и общественной дезорганизации, им удалось извратить все великие преобразования минувшего царствования и привести к материальному закабалению освобожденный народ, закрепощенный в тот любезный им «московский период», во имя которого они теперь кричат: «Назад, домой»... Было бы непростительно, если бы этой «белой коммуне» удалось, хотя на некоторое время, восторжествовать и снова начать свою

разрушительную работу, предел которой начали было полагать последние месяцы прошлого царствования, во многом напоминавшие первые, нерешительные шаги к реформам после крымского разгрома и многолетнего застоя».

За эту статью «Молва» была приостановлена на один месяц. Все в ней характерно: и эта подчеркнутая благонамеренная позиция между «красной» и «белой коммуной», между «петролейщиками справа и слева», и это преклонение перед «великими реформами» Александра II, извращенными «петролейщиками реакции», которые ухитрились даже материально закабалить освобожденный Александром народ, и эти пылкие надежды на Лорис-Меликова.

Либералы, названные Аксаковым пошлыми, прислали в «Порядок» в форме письма в редакцию следующую защитительную речь: «Прочитав выдержки из речей Аксакова и других ораторов Славянского комитета, вероятно, весьма многие задались вопросом: кого эти господа желают обманывать? Мы согласны с ораторами, что Россия переживает одну из самых тяжелых и решительных минут; на этом и оканчивается наше согласие. Перед нами лежит путь прогресса, тот путь, которым открылось царствование почившего императора, и затем другой путь, испытанный уже раньше, путь, уже стоивший так дорого России и заключившийся крымской войной. Мы, «пошлые» либералы и ненавистники народа, мы стоим за тот путь, который дал народу освобождение от крепостной зависимости, освобождение от военной кабалы, освобождение от ваших приказных, и скорбим всею душою только о том, что путь этот был не ровный, что не успел он привести народ к освобождению от жестоких оков невежества, которое вам так мило. Мы, «пошлые» либералы, оторванные, по вашим словам, от народа гнилою западною цивилизацией или, иными словами, знанием, наукой, уважением к личности, великим идеалом человечности, т. е. всем тем, из-за чего в продолжение 19 веков борется человечество, — мы всегда думали и продолжаем думать о том же пути... Ничего иного, кроме бесшабашного фразерства, не заключается и в том месте речи вашего оратора, где он толкует, что не в интеллигенции, не в высших слоях, а в народе отечество черпает духовную силу, в «земской мысли его». Но либерализм только к тому и стремится, чтобы народу была предоставлена возможность, право выражать свою «земскую мысль». Но тогда вы потеряете возможность с таким апломбом драпироваться в мантию народолюбцев и за него высказывать, без всякого права, навязанные ему ваши же «земские мысли»... Но не запугивайте, не застращивайте, это уже нечестно! К чему вы, например, говорите, что западные начала имеют своим неизбежным последствием социальную революцию? Вы ведь

знаете, что это неправда, вы знаете, что западные порядки сами в борьбе с социальной революцией и только благодаря прочности своих учреждений сдерживают ее натиск и вместе с тем дают разрешение сложным социальным вопросам, что они являются самым солидным оплотом для предупреждения взрыва как политической, так и социальной революции».

Либералы вполне правы, бросая Аксакову упрек в «бесшабашном фразерстве» и в самозванстве, когда тот говорит от имени народа, но сами могли противопоставить ему такое же бесшабашное фразерство. И лишь конец их письма вскрывает, как близки по существу эти два страстных спорщика и как далеки они оба от народа. Ведь весь смысл их спора сводится именно к тому, как лучше бороться с социальной революцией — «европейскими» методами или своими, доморощенными.

5. ОТКЛИКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ И ИТОГИ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКИ

В столичных газетах приводились выдержки из откликов на событие 1 марта и некоторых провинциальных органов, в том числе из «Южного края», «Киевлянина», «Волги», «Смоленского вестника», «Кавказа». Все эти газеты повторяли мотивы либеральной столичной прессы, даже «Киевлянин» писал: «Возврата к той системе, которая была признана неудовлетворительной год назад, невозможен; эта система не указала нам пути и не дала выхода. Но дала ли выход и наметила ли ясно путь новая система? Дали ли результаты новые веяния, как принято выражаться в последнее время?» Высказав мнение, что новая система действовала только отрицательно, — она уменьшила старое зло, но не внесла новых начал, — газета продолжала: «Необходимо итти вперед; необходимо развивать общественные силы, нужно делать это последовательно, облекая эту деятельность в определенную форму и строго очерченные законом границы. Если закон оказывается стеснительным, его нужно изменить, но не выбрасывать за борт, как лишний балласт, не заменяя его другим, более ценным грузом. Без строгого соблюдения закона и развития чувства законности не может быть истинной свободы, а является только безвластие, произвол и деморализация управляющих и управляемых. Будет ли это произвол консервативный, либеральный или радикальный, — он одинаково не ведет к добру». «Порядок» 11 марта, где была напечатана эта выдержка, заметил: «Это совершенно верно, но не менее верно и то, что такие верные мысли «Киевлянин» еще недавно назвал бы «красными».

«Южный край», издававшийся в Харькове, писал: «Сила власти должна быть солидарной с силами и стремлениями

к тем же целям (борьба с крамолой) спокойного общества и всего преданного власти народа. Но спокойствие, сила и взаимное доверие всегда будут достоянием тех обществ, народов и тех правительств, которые идут дружными шагами, имея под ногами устойчивую почву общественного и гражданского прогресса, обеспеченного уже нам, русским, раз навсегда великими реформами Александра II. Нет той власти, которая могла бы цинически отрицать для себя значение важного подспорья за общественным мнением». («Русский курьер», 24 марта.) Из того же «Южного края» напечатана в «Русском курьере», 1 апреля следующая характеристика либерализма и радикализма: «Либерализм верит в пользу содействия народа; радикализм хочет из народа сделать неограниченного господина. Либерализм идет вперед по знакомой почве, радикализм, как бешеный, делает прыжок в темноту, не зная хорошенько, что его ожидает: твердая почва или бездонная пропасть? В либерализме есть большая доля консерватизма, в радикализме либерализма нет, а есть деспотизм идеи, деспотизм воли, насилие над историей. В либерализме и радикализме, конечно, есть одна общая черта, — это стремление вперед: но либерализм идет по рельсам, радикализм прыгает в пропасть».

«Волга», издававшаяся в Саратове, обозревая провинциальную печать, писала: «Надо отдать честь провинциальной печати: в нынешние смутные времена она ведет себя несравненно с бо́льшим достоинством, чем пресса столиц, а особливо пресса Москвы. Там целая вакханалия расходившихся страстей, проповедь необузданной реакции и мракобесия, вопли о необходимости повсеместного обуздания и усыпления, требования произвола вместо законности, повальный сыск и донос, дьявольская злоба на всех и вся. Провинция оказалась более благоразумной и сдержанной, чем те, говорящие всякий вздор именем русского народа». («Неделя», № 16.)

Цензурные кары, посыпавшиеся на либеральные газеты, постигли и некоторые провинциальные; выше было уже отмечено, что «Смоленский вестник» был приостановлен на 8 месяцев. В результате тон провинциальных газет понизился. «Порядок» 17 апреля писал: «Недавно отмеченное нами оживление местной печати сменилось теперь прежней бесцветностью. Некоторые провинциальные газеты прямо ссылаются на «независящие обстоятельства», другие приходят с пробелами, пополненными точками, вместо слов выражаемых ими мыслей».

В «Неделе», № 13, Д. Мордовцов, подводя итоги полемики двух главных направлений периодической прессы, спрашивал: «На чьей стране больше общественного мнения?» — и дал на этот вопрос такой ответ: «Столичная, как петербургская, так и московская печать — вся налицо: в Москве три обвиняющих

органа, скорей два, голоса, которые раздаются с Страстного бульвара и с Никитской; в Петербурге было три, как и в Москве, а за смертью одного осталось всего два. Вся остальная печать, насчитывающая в Петербурге до 180 органов, в Москве до 55 и в провинции до 43, т. е. около 280 органов,— вся эта печать стоит не на стороне московских обвинителей, а скорее или в числе обвиняемых и защищающихся, или в числе просто молчащих, исключая, конечно, тех — тоже не более двух или трех — провинциальных органов, которые дуют в обвинительную дудку просто по найму и которые в Европе называются не органами печати, а рептилиями, т. е. пресмыкающимися. И так — всего 8 органов против 280. Это очень знаменательно».

Несомненно, общественное мнение было не на стороне охранителей «исконных» начал русской жизни и в том числе самодержавия. Но проявилось оно даже в наиболее смелых либеральных органах рабски-трусливо и косноязычно. Либерализм ясно и недвусмысленно выразил только свой страх перед революцией и свою ненависть к ней, свою готовность бороться с ней вместе с правительством. Он поддержал правительство в его борьбе с партией «Народная воля», с единственной реальной силой, бывшей в стране, и, не представляя сам никакой силы, предал то самое дело свободы, о котором робко заикался. Нигде не прозвучало ни одного смелого голоса, достойного убежденного человека. Самые смелые умели только прилично молчать. Не раздалось такого голоса и ни на одном общественном собрании. Граждане были только среди революционеров. Либерализм выявил в эту историческую минуту только рабов да, в лучшем случае, скорбно молчащих зрителей.

Самодержавие, получив 1 марта такой тяжкий удар, пошатнулось, заколебалось; но, так дружно поддержанное и реакционерами и либералами, быстро выпрямилось и тяготело над жизнью страны еще долгих 36 лет. Могучие удары «Народной воли» свергли самодержавие лишь с пьедестала недосягаемости и пошатнули веру в его непоколебимость, подорвали обаяние правительственной силы и доказали возможность борьбы с ней — в этом ее громадное историческое значение. Беспримерная героическая борьба «Народной воли» пробудила революционные силы в народе и в течение целых десятилетий вдохновляла новых борцов, пришедших ей на смену. Через 24 года — в 1905 году, когда на арену общественной жизни вышли широкие народные массы пролетариата, выросшего за это время, и крестьянства, самодержавие получило новый и уже смертельный удар, но агония продолжалась еще 12 лет. И лишь в 1917 году самодержавие было окончательно свергнуто восставшим народом, а вместе с ним и монархия.

А. Н. ПОПОВ

АРЕСТЫ ПЕРЕД 1 МАРТА 1881 Г. И АРЕСТ С. Л. ПЕРОВСКОЙ

Аресты, начавшиеся в ноябре 1880 г. и продолжавшиеся буквально до кануна 1 марта 1881 г., нанесли партии «Народная воля» жестокий удар. Особенно тяжким для партии, по утверждению Л. А. Тихомирова, были аресты организатора партии А. Д. Михайлова, стоявшего на страже партии внутри ее организации, и Н. В. Клеточникова, охранявшего партию извне, и, конечно, арест, уже перед самым 1 марта, А. И. Желябова.

За два года своей революционной работы Н. В. Клеточников оказал неоценимые услуги революционным партиям — «Земле и воле», «Черному переделу» и «Народной воле». К сожалению, среди имен народовольцев имя Н. В. Клеточникова как-то затерялось, и его даже редко вспоминают. Между тем подвиг Клеточникова нужно признать совершенно исключительным, даже среди блестящих дел народовольцев, — человек пошел в стан врагов, в III отделение, всеми проклинаемое и презираемое, положил на себя клеймо Каина для того, чтобы охранять партию и предупреждать ее членов об грозящей им опасности. Чтобы решиться на такое дело, нужно было быть человеком твердой воли и высоких моральных качеств. Клеточников и был таковым. Исполнительный комитет высоко ценил и оберегал его. Для свидания с Клеточниковым была снята специальная конспиративная квартира (Н. Н. Оловянниковой), которую, кроме Михайлова, почти никто из революционеров не посещал, и сама Оловянникова должна была вести замкнутую жизнь.

28 ноября 1880 г. А. Д. Михайлов был арестован при выходе из фотографии, где он заказал переснять карточки казненных А. А. Квятковского и А. К. Преснякова. Почти одновременно с арестом А. Д. Михайлова пришлось ликвидировать по болезни Н. Н. Оловянниковой ее квартиру, предназначенную для свидания с Клеточниковым. Для свидания с ним была назначена квартира Н. Н. Колодкевича. На беду Клеточникова, право производить обыски и аресты было предоставлено градоначаль-

нику, и об этих арестах Клеточников, несмотря на свое служебное положение — заведывание секретным столом в департаменте полиции, — мог узнавать лишь по совершении их.

24 января 1881 г. на своей квартире был арестован Г. М Фриденсон; на другой день у него попал в засаду А. И. Баранников, а 26 января на квартире Баранникова был арестован Н. Н. Колодкевич, с которым имел сношения Клеточников. 28 января Клеточников, узнав об аресте Баранникова, решил предупредить Колодкевича и пошел к нему. В этот же день А. П. Корба, также сносившаяся с Клеточниковым, дважды приходила к нему на квартиру и, не застав его, оставила записку, вызывая его на свидание. Она хотела предупредить его об аресте Баранникова и Колодкевича. Но было уже поздно. На квартире Колодкевича Клеточников, не заметив предупреждающих знаков, попал в засаду и был задержан агентами. Департамент полиции и власти были поражены: в их стане, в наиболее оберегаемом от посторонних лиц, даже своих, в самом департаменте полиции, который вел борьбу с революционерами, на ответственном посту служил революционер. Понятны и растерянность правительства и изумление общества, узнавшего, что в самом центре политического сыска у революционеров был свой человек. Растерянность жандармов выявилась в тех умышленно неверных сведениях, которые давались департаментом полиции в газеты, с целью ослабить впечатление от ареста и набросить неблаговидную тень на Клеточникова.

Так, «St.-Petersburger Herold», в номере от 16 февраля, называя Клеточникова — Клетчальниковым, писала:

«Допрос бывшего агента тайной полиции Клетчальникова и политического преступника, задержанного на Васильевском острове, дал чрезвычайно важные сведения. Задержание этих двух лиц, [1] из которых последний является участником убийства генерала Мезенцева, привел таким образом к раскрытию и освещению всего ряда преступлений, приписываемых социально-революционной партии. Как известно, некоторые члены этой партии, по подозрению со стороны своих сотоварищей в измене и сообщении сведений III отделению, самым таинственным образом отправлялись на тот свет. Все убийства подобного рода падают на голову Клетчальникова, который, служа в тайной полиции, мог легко указывать тайному комитету на тех членов социально-революционной партии, которые изменили ей. Теперь объясняется также, почему обыски, производившиеся у лиц подозрительных в политическом смысле, так часто ни

[1] Раньше говорилось об аресте Н. Н. Колодкевича и А. И. Баранникова.

к чему не приводили. Самым сильным свидетельским показанием против Клетчальникова являются показания именно того лица, в квартире которого он был арестован на Васильевском острове» [подчеркнуто мною. — *А. П.*]. В этом сообщении, явно официального характера, департамент полиции, обеспокоенный за своих агентов, имена которых через Клеточникова стали известны Исполнительному комитету, набрасывает тень на безукоризненного революционера Н. Н. Колодкевича, ложно обвиняя его в даче откровенных, против Клеточникова, показаний.

Через несколько дней в газете «Улей», № 1791 (от 21 февраля), появились дополнительные сведения об этом событии.

«Фамилия арестованного не Клетчальников, а Клеткин, и данные им при допросе показания, что он не состоял в общении с революционной средой, относительно его образа мыслей, подтверждаются отчасти ходящими о нем слухами, что он действительно не состоял членом революционной организации, а пользовался от нее деньгами за разные услуги, что, как известно, и было разоблачено лицом, в квартире которого он и был задержан. Клеткин исполнял обязанности секретаря в сыскном отделении, состоящем в ведении г. Кириллова, и через его руки проходили как бумаги и справки, восходившие до его начальства, так и все распоряжения последнего.

«Вследствие этого, ему были заблаговременно известны все без исключения меры, предписывавшиеся сыскным отделением относительно арестов и обысков у подозрительных лиц, и он имел возможность предупреждать их обо всем, за что и получал от нигилистического кружка ежемесячную довольно крупную субсидию. Кроме того он был посредственным звеном между арестованными и находившимися еще на свободе деятелями революционной шайки, передавая письма и пакеты и давая средства разыскиваемым лицам своевременно скрыться от преследования. Услужливость свою он доводил даже до того, что предупреждал друзей своих нигилистов относительно неблагонадежности (в революционном отношении) некоторых лиц, втиравшихся в нигилистические кружки с целью тайного за действиями их наблюдения. Так, между прочим, его предостережениям приписывают ужасную смерть одного из агентов сыскной полиции, найденного убитым в Москве в Кокоревской гостинице.[1] С упразднением III отделения Клеткин остался не у дел и потому не мог быть полезен нигилистам-агитаторам настолько, чтобы своевременно предупреждать о всех касавшихся их распоряжениях. Но благодаря прежним своим отношениям

[1] Рейнштейн, — не в Кокоревском подворье, а в Мамонтовских номерах.

он все-таки имел возможность кое-что узнать о предположениях и предписаниях начальства, и, между прочим, до сведения его дошло и состоявшееся распоряжение о производстве обыска в квартире помянутой выше подозрительной личности на Васильевском острове. Но тут он и осекся. Полагая, что обыск, по обыкновению, будет произведен в ночное время, он отправился утром предупредить квартиранта об угрожающей ему опасности и вместе с тем дать ему средства выехать из Петербурга. Но обыск произошел в 12 часов дня; производившим его лицам было приказано остаться в квартире и всех приходивших в нее, кто бы они ни были, прямо задерживать. Нетрудно представить себе изумление агентов при внезапном появлении в квартире социалиста-революционера должностного лица, в котором они отчасти признавали как бы своего начальника. Видя, что попал впросак, Клеткин хотел было импонировать бывшим своим сослуживцам, приняв перед ними вид начальника и повысив свой тон. Агенты остались непоколебимыми и в точности исполнили данное им приказание. У Клеткина все дело сорвалось».

Это второе газетное сообщение, изображая роль Клеточникова, не обошлось без изрядной доли фантастических измышлений. Клеточников при аресте, учитывая свое особое положение как секретаря сыскного отделения и опасаясь со стороны властей особой по отношению к себе мстительности, на первых допросах действительно пытался выставить себя политически индифферентным обывателем, который как будто служил революционерам только из желания пополнить свое скудное казенное жалованье. Указание на его связующую роль между арестованными с волей нужно отнести к области фантазии, так как он не имел для этого и возможности.

Клеточников был арестован не в один и тот же день с Н. Н. Колодкевичем, как это утверждает вышеприведенное сообщение газеты «Улей», а на следующий день: Н. Н. Колодкевич был арестован 27 января (8 февраля), а Клеточников — 28 января. После ликвидации III отделения он «вовсе не остался не у дел», а перешел вместе с сыскным отделением и в прежней своей должности секретаря во вновь образованный департамент полиции. Меньшая осведомленность Клеточникова после этого преобразования объясняется, как мы уже отметили, тем, что общей полиции — градоначальнику — было предоставлено право производить обыски и аресты, не предваряя об этом заранее департамент полиции. Понятно, обо всех таких действиях общей полиции Клеточников мог узнавать лишь post factum.

Самым любопытным из всех газетных сообщений об аресте Клеточникова является, несомненно, «Письмо» в редакцию

Арест типографии в Саперном пер.
(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки)

газеты «Голос» бывшего начальника III отделения А. Ф. Шульца, который пытался опровергнуть неопровержимый факт и доказать, что в подначальном ему отделении никогда не было Клетчальникова (Клеточникова).

Вот что он писал: «Некоторые столичные газеты, описывая обстоятельства задержания в Петербурге тайного агента III отделения Клетчальникова или Клеткина, изобличенного в предосудительных сношениях с социалистами, называют его чиновником III отделения собственной его величества канцелярии. Желая оградить моих бывших сослуживцев от незаслуженного и унизительного титула, я считаю долгом заявить, что до оставления мною в ноябре 1878 г. поста управляющего III отделения чиновники сего учреждения никогда не имели ничего общего с тайными агентами и занимались исключительно канцелярской работой в четырех стенах здания III отделения. Что же касается вышеупомянутого Клетчальникова или Клеткина, то подобная личность при мне в III отделении не служила и мне совсем не известна.»

Г. Шульц желал показать обществу свое благородство! Для него было унизительно иметь что-либо общее с тайными агентами. У III отделения работа была самая чистая. К сожалению преемник Шульца, при котором поступил на службу Клеточников, не поддержал его, а предпочел отмалчиваться.

Н. В. Клеточников судился по «процессу 20-ти», держал себя на суде с достоинством, отказался от своих показаний на предварительном следствии, был приговорен к смертной казни, замененной заключением в Алексеевском равелине, где через полтора года умер.

На суде А. Д. Михайлов проявил к Клеточникову трогательное внимание и признал его своим другом.

Н. В. Клеточников был верным хранителем партии. Если бы не его арест, потери «Народной воли» в феврале и даже марте 1881 г. могли бы быть не столь тяжкими для партии. Он, конечно, знал бы о слежке за М. Н. Тригони и мог бы предупредить арест его и Желябова, — а следовательно и Перовской.

«Около 12 февраля секретная полиция получила из-за границы сведения, что один из вожаков террористов, известный в их среде под кличкой «Милорд», направляется в Петербург. Действительно, в скором времени студент [1] Тригони («Милорд») прибыл в Петербург, где, переменив две-три квартиры, поселился на Невском проспекте, против Аничкова дворца, в доме № 66, Лихачева, в меблированных комнатах г-жи Мессюра, кв. № 22, где и прописался под своим настоящим именем.

---

[1] Во время ареста Тригони уже был кандидатом прав и окончил университет.

24 февраля начальник секретной полиции назначил помощника пристава 1-го участка Спасской части Н. И. Ван-ден-Бергена, околоточного Ляйкома и агента отделения Молоковича учредить надзор за Тригони. Следившие агенты поселились в одной из ближайших комнат. Следили за каждым его шагом, следуя по пятам. Хотя Тригони и не замечал слежки, но проявлял изумительную осторожность и кружил несколько часов по городу, прежде чем направиться в нужное место: заходил в кафе, гостиницы и т. д. Первые двое иногда караулили целые ночи у ворот тех домов, куда заходил Тригони. Оказалось, что бывал он в д. № 18 по 1-й роте Измайловского полка; далее открылось, что булочная-кофейная Исакова на углу Малой Садовой служила местом свидания революционеров, где они в поздние ночные часы обсуждали свои планы. Отсюда возникли в городе слухи о таинственном исчезновении хозяев кафе.

«27 февраля начальник секретной полиции отдал распоряжение арестовать Тригони вечером того же числа, когда у него в комнате находился некто «Петр Иванович», жилец дома № 18 по 1-й роте Измайловского полка. Четверо следивших находились в одной из комнат г-жи Мессюра, и, по их приказанию, горничная под каким-то предлогом вызвала Тригони в коридор. Едва он вышел в коридор, как его схватили и затащили в свою комнату, заткнув рукой рот, чтобы он криком не оповестил своего гостя. В это время его гость, человек с чрезвычайно красивым, выдающимся лицом и длинной черной бородой, по-видимому, догадавшись о случившемся, выскочил из комнаты и бросился к выходным дверям, которые, как и следовало ожидать, были заперты. Он пытался плечом высадить дверь, но был схвачен подоспевшей полицией. «Петр Иванович» моментально выхватил из кармана револьвер, который у него удалось выбить из рук неожиданным сильным ударом рукояткой револьвера по его руке.

— «Я цареубийца из Александровска, — заявил «Петр Иванович» и удивился, как это удалось его так легко арестовать, объясняя это неожиданностью. — У себя бы на квартире или на улице вам бы не удалось меня задержать!

«Неизвестный отказался себя назвать, и задержавшие думали, что в их руки попался Гартман.

«Задержанные в тот же вечер были препровождены в Дом предварительного заключения. На завтра доставленный к товарищу прокурора Добржинскому «Петр Иванович» был опознан последним.

— «Здравствуйте, Желябов, я помню вас по 1874 году.

«Петр Иванович» ответил:

— «Я самый!»

Арест Желябова и Тригони вызвал ликование в жандармско-полицейских кругах и внес успокоение в правительственные сферы. Очень вероятно, что, не будь этого ареста, — 1 марта Александр II не поехал бы в манеж. Полиция также успокоилась. Арест Желябова — это был страшный удар для партии и победа для правительства. Об его аресте Исполнительный комитет узнал почти немедленно; квартира его и С. Л. Перовской в Измайловском полку была тотчас же брошена. Эта квартира дала нить для задержания Перовской, жившей под фамилией Войновой. Полиция привлекла к розыску хозяйку молочной, в которой С. Л. покупала молоко. С этой хозяйкой околоточный ездил по улицам Петербурга и 10 марта на Невском встретил Перовскую, которую ему указала хозяйка.

Вот что писали газеты по поводу этого ареста.

В газете «Голос», от 12 марта, в отделе «Хроника» было напечатано:

«Вчера [нужно — третьего дня] на одной из наиболее многолюдных улиц столицы арестована важная преступница, участвовавшая как в злодейском преступлении 1 марта, так и в покушении 19 ноября 1879 г. взорвать императорский поезд на Московско-Курской железной дороге. Сообщница Гартмана, подававшая ему сигнал для взрыва, подруга Желябова, руководительница Рысакова — женщина невысокого роста, худая, скромная, по внешности ничем не похожая на нигилистов, — проживала уже несколько дней в Петербурге. Полиция усиленно разыскивала ее и встретила: она ехала на извозчике и была на улице же арестована. Ее показания заставили дополнить обвинительный акт, включить ее в число подсудимых по делу о цареубийстве; необходимость проверить ее показания и в соответствии с ними изменить обвинительный акт не потребует, говорят, более двух-трех дней».

Это официальное сообщение «Голоса» было подтверждено кратким правительственным сообщением от министерства внутренних дел:

«10 марта в С.-Петербурге арестована Софья Перовская, скрывавшаяся с 1878 г. По собственному сознанию, она участвовала под фамилией Сухоруковой 19 ноября 1879 г. в покушении под Москвой, посредством подкопа, на жизнь... почившего императора, а ныне руководила, после ареста Желябова, заговором на злодейское преступление 1 марта. Софья Перовская будет привлечена к суду вместе с прочими участниками упомянутого злодеяния. По обыску, при Перовской были между прочим найдены: печатные прокламации: от 2 марта 1881 г. по поводу событий 1 марта, 18 экземпляров от «Исполнительного комитета» и 14 экземпляров от «Рабочих членов партии «Народная воля».

Н. В. НАРБЕКОВ

ВОКРУГ 1 МАРТА

(Из газетной хроники)

Вся хроника внутренней жизни в мартовских номерах столичных газет заполнена событием 1 марта, но создать цельную связную картину из отдельных, отрывочных хроникерских сообщений, разбросанных в газетах, почти невозможно. Поэтому остановимся на нескольких наиболее интересных группах фактов, не входя в их оценку. Все они так или иначе характеризуют переживаемый момент.

1. ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

В событии 1 марта, конечно, скоро нашлись свои предзнаменования, как у всякого факта, поразившего воображение современников.

«Недели две тому назад государь стал замечать каждое утро убитых голубей на своем окне; оказалось, что огромная хищная птица, одни говорят — коршун, другие — орел, поместилась на крыше Зимнего дворца, и все усилия ее убить оказывались тщетными в течение нескольких дней. Это обстоятельство встревожило государя, и он говорил, что это дурное предзнаменование. Наконец был поставлен капкан, и птица попала в него ногой, но имела силу улететь, таща его за собой, и упала на Дворцовой площади, где была взята. Это оказался коршун таких небывалых размеров, что чучело его будет помещено в кунсткамере». («Страна», 5 марта.)

Газета «Улей» писала, что вечером накануне 1 марта была видна на небе «звезда необыкновенно яркая, с двумя хвостами, одним вверх, другим вниз». («Петербургская газета», 7 марта.)

2. ПЕТЕРБУРГ ПОСЛЕ 1 МАРТА

«Уже к 4 часам дня 1 марта вид Дворцовой площади совершенно необычен. Перед Зимним дворцом выстроена длинная шпалера конных казаков. За ними местность оцепляют конные

жандармы. Множество экипажей мчится со всех сторон ко дворцу. У Салтыковского подъезда сотни карет. Густые толпы народа быстро образуются в разных местах, а в особенности у Главного штаба. Возбуждение и тревога чрезвычайные. На всех лицах написано оцепенение, негодование, ужас. Несколько лиц, навлекших на себя подозрение толпы, схвачены, окружены».

«Надо было видеть улицы Петербурга в ночь с 1 на 2 марта, чтобы судить о силе всеобщего оцепенения жителей столицы. Самые многолюдные улицы, на которых никогда не прекращается движение, были совершенно пусты». («Петербургская газета», 7 марта.)

«Все время в Аничковом дворце стоит караул л. гв. Павловского полка. Мы слышали,—говорит корреспондент,—что тотчас после катастрофы 1 марта командир Павловского полка Шмидт, взяв из казарм роту в полном составе, бегом явился в Аничков дворец, чтобы охранить государя наследника и его семейство; сам генерал не оставлял дворца в течение двух суток». («Сын отечества», 11 марта.)

«В день катастрофы войска были оставлены весь день и ночь в казармах, и все офицеры находились при своих частях». («Порядок», 4 марта.)

«Газеты сообщают, будто бы в клинику профессора душевных болезней Мержеевского за последние три дня поступило около десяти человек больных, внезапно помешавшихся, видя все, что в настоящее время в Петербурге натворилось». («Порядок», 8 марта.)

Сообщение оказалось «лишенным всякого основания. Не только десять, но даже не явилось и одного больного в течение всей недели». («Сын отечества», 11 марта.)

«Все фабрики и заводы, находящиеся на Выборгской стороне, за Московской и Нарвской заставами, приостановили 6 марта, на два дня работы свои, дабы дать возможность рабочим присутствовать в церквах при совершающихся ежедневно панихидах по почившем государе». («Петербургская газета», 7 марта.)

3. СЛУХИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«Ныне выяснилось, что еще несколько ранее катастрофы 1 марта произведено было покушение на жизнь императора посредством присланных из-за границы пилюль. Вот подробности об этом ужасном замысле: пилюли были посланы по почте из Парижа прямо на имя государя. На них находился этикет с надписью доктора «Juste», и они были завернуты в обертку с обыкновенными рекламами, особенно рекомендующими эти пилюли против одышки и ревматизма. Пилюли при-

были по адресу, не возбудив никаких подозрений, и государь, всегда очень интересовавшийся средствами против этих болезней, передал их проф. Боткину. Вернувшись домой, Боткин снял обертку и нашел, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали; он дернул за один из кончиков и раздался мелкий треск, как от обыкновенной хлопушки. Боткин подумал, что это просто шутка, и отложил их в сторону. Только испуг государя, когда он узнал о взрыве, заставил обратить серьезное внимание на пилюли. Они были переданы Лорис-Меликову, и оказалось, что затевалось новое покушение с дьявольской хитростью. Пилюли содержали такое количество динамита, что взрыва его было достаточно, чтобы убить двух-трех стоящих поблизости человек. Боткин обязан спасением жизни только счастливой случайности: должно быть, механизм, приводившийся в движение торчащими кончиками ниточек и производивший взрыв, как-нибудь отсырел или испортился, так что не мог оказать требуемого действия». («Отечественные записки», № 3.)

Об этом невероятном случае сообщали и многие газеты, причем, по словам некоторых из них, царь сам раскупорил пилюли, а взрыв не произошел потому, что он не разорвал торчащих ниточек и разрезал ножницами обвязку.

Мина на Малой Садовой улице произвела особенно сильное впечатление. Об этой мине «Московские ведомости» 7 марта писали: «По полученным нами известиям, оказалось, что мина на Малой Садовой есть последнее слово минной науки. Каковы у нас недоучки!»

О Богдановиче писали: «По сообщенным нам слухам, тот же Кобозев разыскивается Владимирским окружным судом с 4 февраля для привлечения к уголовной ответственности по делу о совершенной им краже со взломом у телеграфиста Голубева. Это сведение характеризует состав производящей злодейства шайки», — умозаключила либеральная газета «Московский телеграф» 7 марта, а 9 марта в той же газете напечатано: «По слухам, настоящая фамилия Кобозева — Орлов».

Под влиянием этого впечатления возник целый ряд слухов о громадных денежных и технических средствах, которыми располагала «Народная воля», и целом ряде других предприятий, аналогичных подкопу из лавки Кобозева: «В квартире преступника [Желябова], взятого 27 февраля, во Второй роте Измайловского полка, как говорят, была найдена громадная (миллионная) сумма денег, принадлежащих террористам» («Московский телеграф», 10 марта); «полиция нашла в квартире одного из «вожаков» стол с кувертами, винами и закусками, приготовленный на сорок человек» («Порядок», 10 марта). В «Wiener Allgemeine Zeitung» пишут из Петербурга: «Достоверно, что

в течение последних семи недель в Петербурге было изготовлено до 200 пудов [!] динамита. Этот взрывчатый материал изготовлялся в восьми местах, и в изготовлении его принимало участие слишком 150 человек. Число вновь поступивших членов нигилистической партии в Петербурге со времени ноябрьского процесса превосходит, по сведениям, собранным полициею, 1000 человек» («Сын отечества», 16 марта). «St.-Peter. Herold» сообщает, что в субботу 7 марта открыты два больших тайных склада динамита» («Сын отечества», 11 марта). В «Wiener Allgemeine Zeitung» пишут от 21 марта: «Здесь ходят слухи о мине, заряженной динамитом и будто бы положенной нигилистами в Кронштадте, счастливо открытой без вреда для кого бы то ни было. Уверяют, что мина эта заключает в себе $1^1/_2$ пуда нитроглицерина, но говорят, что в этом городе находится еще несколько значительных складов динамита» («Сын отечества», 17 марта). «Немецкие газеты сообщают об открытии будто бы другой мины, которая вела из той же лавки Кобозева в противоположную сторону, т. е. к Караванной улице» («Порядок», 20 марта). «Гласный СПБ городской думы бар. Фредерикс в заседании 11 марта предложил ходатайствовать о командировании саперного батальона для производства раскопки набережной Екатерининского канала, между Театральным и Казанским мостами, с целью удостоверения, не сделано ли там каких-либо преступных приготовлений» («Порядок», 11 марта). «Рассказывают о следующем происшествии: в одной из улиц Семеновского полка в суровскую лавку на-днях вошел участковый пристав и, севши на стул, попросил показать ему тесемок. Женщина, торговавшая в лавке, подала ему тесемки, но затем, выйдя в другую комнату, как бы за чем-то нужным, скрылась из лавки» («Сын отечества», 10 марта). «Молва» приводит рассказ о новом умысле злоумышленников, к счастью предупрежденном. В Петропавловской крепости есть мелочная лавочка, находящаяся невдалеке от собора. К хозяину ее за несколько времени до катастрофы 1 марта явились люди, желавшие снять лавочку, предлагая хозяину 2 тысячи рублей, так называемых «выходных», но сделать этого они не успели. Есть предположение, что люди эти не кто иные, как нигилисты, желавшие и в крепость ввести свои разрушительные орудия под видом товаров в лавку» («Сын отечества», 14 марта). «Рассказывают, что арестовано три молодых человека, которые заказывали кафтаны придворных певчих; портной, к которому они обратились, донес на них» («Порядок», 10 марта). Венгерская радикальная газета «Fugget beñseg», довольно хорошо знакомая с делами русских нигилистов, сообщает, что разрывные снаряды для петербургских покушений были отправлены в Россию через Венгрию. Три или четыре недели тому назад последний транс-

порт был провезен через Венгрию, о чем уведомлена и таможная полиция, которая передала это уведомление в Вену, а оттуда оно сообщено в Петербург. Ответ на это состоял в том, чтобы снаряды (от 2 до 3 цент. динамита) были отправлены в Петербург, что и исполнено с особым, безопасным от огня поездом. Прежде чем этот поезд достиг Петербурга, на одной ж. д. станции явились русские полицейские, которые приняли посылку и увезли ее с собой. Лишь спустя несколько дней обнаружилось, что эти полицейские были переодетые нигилисты» («Сын отечества», 13 марта). «В «St. Petersb. Zeitung» пишут от 10 марта: «До нас дошел слух о новых постыдных планах нигилистов. Уверяют, будто бы многие из убийц, которым теперь в Петербурге, как говорится, чересчур жарко, намеревались ехать в Берлин, чтобы вчера, в день рождения императора Вильгельма, учинить покушение на священную жизнь нашего достойного монарха» («Сын отечества», 13 марта).

Вскоре прошел слух, оказавшийся ложным, что Кобозевы арестованы: «Нам пишут из Кронштадта что там произведены аресты в гостинице «Россия». Арестованные лица возбудили подозрение тем, что прибыли в гостиницу в такое время, когда с поезда, по случаю остановки поездов 1 марта, никто не мог приехать. Они приехали на извозчике, заплатив ему 10 руб. По слухам, в числе арестованных Кобозев. По словам «Петербургского листка», схвачена и та женщина, которая называлась его женою» («Порядок», 9 марта).

«В лавке не найдено никаких письменных документов, ни торговых книг, ни даже простых расписок, — никаких следов почерка пера, подписи фамилии или чего-нибудь подобного. Найдено только: а) торговое свидетельство, б) паспорт и в) рубль с запиской, в которой Кобозев просит уплатить этот рубль кошатнику за мясо для кота Васьки, который оказался в лавке» («Новости», 6 марта).

«4 апреля за Екатерингофом, в гавани строящегося морского канала, был уничтожен взрывом черный динамит, извлеченный из мины на М. Садовой ул., и гремучий студень, которым были снаряжены метательные снаряды, найденные на Тележной ул. Количество этих веществ составляло 2 п. 5 ф. Выяснилось, что черный динамит имел не только сильное разрушительное действие, но также довольно значительное метательное действие» («Голос», 6 марта).

4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

«Для усиления полицейского надзора в Петербурге прикомандировано к полиции от войск 570 чел. нижних чинов» («Страна», 2 марта).

Развозка арестованных в Саперном пер.

(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки)

В исключительных случаях к охране привлекались гласные городской думы: «При переносе тела почившего государя из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, в виду безмерной дерзости злоумышленников, были приняты чрезвычайные меры для охранения траурного кортежа от каких-либо преступных посягательств. 5 марта Лорис-Меликов обратился к городскому голове бар. Корфу с предложением, не найдет ли возможным городское общественное управление оказать содействие полиции по охране порядка и безопасности во время следования печальной церемонии. Вследствие такого обращения гласные думы особыми повестками были созваны к 10 ч. утра, 6 марта, в экстренное заседание.

Собрание, происходившее при закрытых дверях, постановило: поручить все дома, находящиеся по пути следования процессии, наблюдению гласных, с таким расчетом, чтобы на каждого гласного приходилось не более одного дома. Назначенный для наблюдения за известным домом гласный обязан был лично осмотреть подвалы, чердаки и т. п. помещения, с целью удостовериться, не сделано ли там каких-либо подозрительных приготовлений. В самый день перенесения гласные должны были наблюдать: а) чтобы все входы и выходы на улицу были заперты, б) чтобы черные лестницы, ведущие на крыши и чердаки, были закрыты, в) чтобы до конца шествия никто из посторонних лиц не был допускаем в охраняемые дома, г) чтобы хозяева квартир, выходящих окнами на улицу, под опасением личной ответственности за могущие произойти от того несчастия, не допускали посторонних зрителей». («СПБ ведомости», 8 марта.)

О начавшихся после 1 марта массовых обысках и арестах газеты писали: «В последние дни в Петербурге произведено несколько повальных домовых обысков. В ночь на 9 марта такой же повальный обыск произведен по Кавалергардской ул. д. № 20. Дом этот, громадный по своим размерам, имеет до сотни мелких квартир, которые заняты преимущественно людьми небогатыми из мелкого чиновного мира и, отчасти, учащейся молодежью. Для производства обыска было командировано 40 частных приставов и их помощников, при каждом из них было по 3—4 околоточных надзирателя, по нескольку человек городовых и понятых дворников. Полиция явилась в дом в начале третьего часа ночи, когда в доме все уже спали; вскоре по прибытии полиции все обитатели дома были на ногах, всюду слышалось хлопанье дверьми, плач проснувшихся малолеток, бряцанье сабель, топот полицейских чинов. Обыски были произведены буквально во всех квартирах, даже пустых. Производство обыска окончено в начале 9 ч. утра. Были арестованы три девушки, слушательницы женских врачебных курсов, из разных квартир». («Порядок», 11 марта.)

«После осмотра полицией и техниками всех подвальных этажей весьма многие из этих помещений очищены от жильцов, причем многие из подвалов заколочены». («Новое время», 13 марта.)

«Все эти дни в городе ходят слухи о множестве арестов производимых полицией. Если верить известиям, полученным «Новым временем», на-днях на одной Выборгской стороне арестовано более 200 человек, из которых многие были в тот же день освобождены». («Порядок», 10 марта.)

«Сообщают, будто бы масса лиц, скомпрометированных перед правительством, арестованы в момент выезда из города, т. е. у всех застав были поставлены полицейские агенты с целью предупреждения побега революционеров». («Порядок», 10 марта).

«Лихорадочная поспешность, с которой производятся аресты подозрительных лиц, при неумелости низших агентов полиции, ведет к многим неприятным недоразумениям, которым подвергаются частные лица на улицах, в виду толпы, которая теперь настолько возбуждена, что печальные самосуды уже приобретают последователей. Вот факты, которые передают очевидцы: 1) Дело происходило в воскресенье; толпа народа стоит на месте взрыва. В круг ее входит молодой человек, прилично одетый. Как все, он молчит и смотрит; на беду его, поворачивает голову в его сторону околоточный или пристав, тут же стоящий. Пристальный взгляд его надолго останавливается на нем. Такой взгляд кого не смутит, в особенности теперь. Молодой человек смущается — и этого было достаточно, чтобы подвергнуть публичному допросу о месте его жительства; после опроса свисток, и совершенно побледневшего и растерявшегося молодого человека отправляют под арест. Нечего и говорить, что публика в негодовании на молодого человека, навлекшего на себя подозрение полиции. 2) Другой факт происходил тоже вчера. Молодой офицер-артиллерист в очках прогуливается по Невскому. Очки навлекают на него подозрение полицейского, который, не долго думая, подходит к нему и осматривает с ног до головы.

«—Что вам угодно?—спрашивает офицер.

«—Подозрительно!.. Вы совсем не похожи на военного,— отвечает полицейский, — у вас очки.

«—Как так? Да если я не вижу без очков, как же прикажете мне быть?

«—Видите, какое теперь время. Вы могли бы очки оставить дома.

«—Я не для франтовства ношу очки, а потому, что без них ничего не вижу, поэтому и не могу снять их. Если сомневаетесь, то можете со мной отправиться на место моего жительства. — Весь этот разговор происходит в виду моментально собравшейся публики, и стоило только чем-нибудь высказать

неудовольствие против такого обращения полиции, как толпа набросилась бы на офицера; но он сумел сохранить хладнокровие, чтобы безропотно снести оскорбление и отправиться с полицейским на квартиру, где удостоверили его личность и тем отстранили возможность ареста». («Порядок», 10 марта.)

«8 марта в одном из домов Васильевского острова в табачной лавочке найдены компрометирующие бумаги, мужские костюмы, парики, накладки и бороды. Содержательница лавки, отрицающая возведенное на нее обвинение, арестована». («Порядок», 11 марта.) Впоследствие выяснилось, что обыск был сделан по доносу одного молодого человека, который неудачно ухаживал за одной из дочерей хозяйки лавки, и при обыске ничего не найдено.

«Известие газет о поимке на одной станции Финляндской ж. д. 18 нигилистов, пировавших будто бы и произносивших возмутительные речи по случаю кончины государя, оказывается, по словам газеты «Ostra Finland», неверным. На станцию действительно прибыли на той неделе 18 молодых людей, но они оказались не нигилистами, а просто приказчиками и молодыми купцами из немцев. Приехав на станцию с винами и закусками, они устроили кутеж, на котором пели немецкие песни. Эти люди действительно были задержаны на станции в Петербурге, куда они возвратились, но тотчас же отпущены по домам». («Голос», 7 марта.)

Вновь назначенный петербургским градоначальником Баранов еще более энергично принялся за восстановление порядка в столице. По его инициативе «18 марта главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского округа было сделано распоряжение о безотлагательном командировании в распоряжение градоначальника по нескольку офицеров от каждой отдельной части. Было командировано 53 офицера, разделенных на очереди, каждая в течение 24 часов будет находиться неотлучно в здании градоначальства для исполнения разных экстренных поручений. Баранов, приглашая офицеров стать его искренними сотрудниками при выполнении задачи, обстоятельствами настоящего времени возложенной на полицию, сослался на то, что и он сам не готовил себя для полицейской службы, тем не менее верит в мудрость пословицы, что «не место красит человека, а человек место». («Голос», 21 марта.)

По высочайшему повелению 18 марта был учрежден при градоначальнике временный совет из выборных от всего столичного населения «для принятия мер к прекращению дальнейшего развития преступной деятельности злоумышленников, врагов порядка». Порядок выборов был следующий: а) от каждого из 228 околотков избирался один выборный; б) правом голоса пользовались все домовладельцы и все хозяева квартир; в) каждое лицо указывало одного достойного быть выбранным;

г) для отобрания отзывов образованы были особые комиссии, которые обходили все квартиры; д) комиссии состояли из полицейского чиновника, гласного думы и двух военных офицеров, или гражданских чинов, приглашенных градоначальником; е) выбранным от околотка считался получивший простое большинство голосов; ж) выборные избрали 25 членов совета и 25 кандидатов, которые высочайше утверждались. Население совершенно не было подготовлено к выборам, а потому при избрании выборных от околотка происходила масса курьезов. Избранными в члены совета оказались преимущественно лица высокопоставленные, в том числе Трепов, граф Воронцов-Дашков, барон Фредерикс, граф Бобринский, Глазунов, Лихачев, ректор университета Бекетов и пр. Государственный секретарь Перетц писал в своем дневнике, что члены совета были заранее указаны градоначальником. Совет собрался поздно вечером 20 марта. «Градоначальник, — писал «Голос» 21 марта, — заявил о двух полицейских мерах, которые предложил на обсуждение: 1) учреждение застав по всем шоссейным, грунтовым и проселочным путям, ведущим в столицу, и 2) установление полицейского надзора за наймом извозчичьих экипажей приезжающими в столицу по железным дорогам. — Всякий въезжающий на лошади или входящий в Петербург должен вписать в особую книгу звание, фамилию и место остановки. Приезжающие в Петербург по железным дорогам обращаются к полицейскому агенту, если желают иметь извозчичий экипаж; полицейский агент записывает имя приехавшего и место остановки, им указанное; в случае же изменения седоком первоначально указанной остановки извозчик обязан немедленно дать знать об этом ближайшему агенту полиции. О тех приезжающих по железным дорогам, которые со станции отправляются пешком, будет, вероятно, обсуждено потом особо».

«Предложенные Барановым меры относительно прибывающих в Петербург удостоились высочайшего утверждения, и вчера же все въезды в столицу, кроме железных дорог, были оцеплены военными командами». («Голос», 22 марта.)

Мера эта оказалась настолько стеснительной для населения, в виду того, что город давно уже вышел за пределы застав, что через три дня оцепление было снято.

Вторая мера относительно приезжающих по железным дорогам осталась, повидимому, на бумаге; дело ограничилось лишь выработкой таксы для извозчиков.

В следующем заседании совета, 23 марта, был возбужден вопрос, одобренный советом в принципе, об установлении артели дворников. Кроме того состоялось постановление, чтобы отнюдь в газетах не появлялось никаких сведений о ходе занятий совета. («Страна», 26 марта.)

Современниками этот совет был назван «бараньим парламентом», или «советом 25 баранов». Реально он ничего не сделал. В административных способностях Баранова скоро разочаровались, и 20 августа 1881 г. Баранов был назначен губернатором в Архангельск.

Под впечатлением подкопа на Малой Садовой улице были приняты какие-то чрезвычайные меры для охраны Аничкова дворца — резиденции нового царя до его переезда в Гатчину. Об этих мерах газеты сообщали следующее: «Вчера публика, проходившая и проезжавшая по Невскому проспекту, начиная с часу дня, была поражена новой неожиданностью: тротуары, прилегающие вокруг Аничкова дворца, заставлены рогатками и огорожены веревками. Вокруг дворца вновь беспрестанно ходят патрули Павловского полка и ездят казачьи разъезды с пиками наперевес. Между дворцом и домом в Толмачевом пер. производились какие-то земляные работы. Мы полагаем, что эти раскопки производятся с целью убедиться, что вокруг Аничкова дворца не было произведено никаких работ для проложения мины наподобие мины на Малой Садовой. Надо желать только, чтобы это исследование не было поручено какому-нибудь новому г. Мровинскому».[1] («Московский телеграф», 17 марта.)

Несколько позже, 1 апреля, «Земство» писало: «В настоящее время езда по Невскому и проход близ Аничкова дворца, где остается жить Александр III, не допускается; кругом всех строений дворца вырывается широкая и глубокая канава. По словам одних, в этой канаве будет заложена каменная стена, проникающая в землю гораздо глубже фундамента; по словам других, в этом месте будет устроена галлерея, по которой караулу можно будет обходить кругом всего дворца».

«Сын отечества» 1 апреля сообщал: «Вокруг некоторых зданий в Петербурге предполагается положить противоминный разряжающий кабель, чем будет предупреждена всякая возможность взрывов со стороны злоумышленников».

5. САМОСУДЫ

Консервативная пресса много писала о любви простого народа к царю и не раз пророчила, что в случае чего народ разнесет вдребезги всю интеллигенцию. Победоносцев высказывал опасения, что ярость народа обрушится даже на чиновников — правительственных лиц, не сумевших охранить царя. Но на

[1] Мровинский — городской инженер, производивший осмотр лавки Кобозева. Он был отдан под суд и сослан на 3 года в Архангельскую губ. Характерны для либерального органа эти вылазки против Мровинского за то, что техник не слишком вошел в роль полицейского и не чересчур перешел границы чисто технического осмотра.

самом деле после 1 марта газеты могли отметить лишь несколько хулиганских выходок, весьма напоминающих приводившиеся уже случаи чрезмерной подозрительности полиции.

В Петербурге «все питейные дома и портерные вечером 1 марта были закрыты, и нельзя не признать эту меру вполне разумной, так как легко могли произойти буйства. Нам сообщают, что на Дворцовой площади в $3^1/_2$ часа дня, 1 марта, толпа бросилась на двоих человек с криком: «держи, бей». Затем раздались раздирающие вопли истязуемых. Кто они были и остались ли они живы, не удалось узнать». («Порядок», 4 марта.)

«Юнкер конвоя Койтов после катастрофы находился на площади Зимнего дворца, где около 3 ч. ему удалось спасти от ярости толпы три личности, вызвавшие подозрение ее своими замечаниями. Откуда-то нашлась уже веревка, на которой хотели повесить на фонаре этих субъектов, но их успели вовремя загнать во двор Главного штаба и они поплатились только боками». («Порядок», 6 марта.)

«К появившимся сообщениям о народной расправе, — писала «Петербургская газета» 15 марта, — мы можем прибавить еще следующие два. Один из университетских студентов был 2 марта у Зимнего дворца; почему-то на него народ обратил внимание и хотел бить. Тогда молодой человек сказал, что он не студент. — Перекрестись! — Студент перекрестился, и его оставили в покое. Другой случай был на Невском, на углу Троицкого пер. Один из типографских работников ударил несколько раз слушательницу женских курсов, которая вышла из квартиры. Она вскочила на первого попавшегося извозчика и приехала на курсы, где сейчас же упала без чувств... Многие из студентов приняли все меры, чтобы не вовлекать народ в ошибку. Одни оставляли дома пледы и форменные фуражки, другие снимали очки, заботились о внешности; студенты подстригали волосы, женщины закутывали голову в платки; рассказывают, что многие продавали пледы по самой дешевой цене».

Меры эти были, повидимому, не лишними, — «Русский курьер» 10 марта сообщал: «В среду, 4 марта, на Невском случилось происшествие, которое, как говорят «СПБ ведомости» недурно принять к сведению гг. нигилистам, нигилисткам, пледистам и пледисткам, которые так любили отличаться внешним безобразием. Шла девица по Невскому пр., окутанная в плед, в синих очках, с подстриженными волосами. Началось с того, что какой-то подвыпивший крестьянин крикнул: «А, студентка!» — и ударил ее. В одно мгновение эту госпожу окружили извозчики, дворники и другие проходившие, и на нее посыпались удары. Полиция и другие проходившие едва освободили «студентку» и полуизбитую отвезли в участок».

Были случаи, когда дело обходилось без избиения, а заподозренные передавались полиции. «На этих днях студент Петербургского университета М., принимавший участие в оппозиционной агитации, ехал домой на извозчике. Он хотел воспользоваться поездкой для пропаганды и беседовал в этом духе с извозчиком. Этот последний слушал, повидимому, сочувственно, но вдруг остановился возле участка и передал полиции студента». («Русский курьер», 10 марта.) «В четверг, 5 марта, несколько крестьян, возвращавшихся по Бронницкой ул. с работы, заметили какого-то молодого человека в холодном пальто и пледе, что-то наклеивающего на забор. Так как при приближении их к этому месту молодой человек пустился бежать, то один из крестьян бросился за ним вдогонку и поймал его сзади за воротник пальто и, предварительно схватив его за обе руки, дабы он не имел возможности опустить их в карман, препроводил его в участок. Между тем к забору приблизился другой молодой человек, сорвал наклеенную на заборе бумагу и разорвал ее на мелкие клочки. Содержание бумаги так и осталось неизвестным. («Петербургская газета», 7 марта.)

Торговцы Сенной площади опубликовали в газетах письмо, в котором между прочим писали: «Кроме божья и общего гражданского суда, у нас еще хранится суд народный, которому гуманность или пустая вежливость к злодеям покуда неизвестна и как-то не с руки. Пусть гласно и открыто перед народом они выйдут с адским красноречием своим, мы покажем и докажем, насколько им сочувствуем». «Порядок» 13 марта отмечает, что появлению подобного рода угроз в значительной мере помогает некоторая часть печати, терроризирующая общество и распространяющая самые тревожнее слухи.

Вероятно, в этом случае да и при некоторых самосудах дело не обошлось без прямого участия полиции. Странно, например, что крестьянин, возвращавшийся с работы, применил при задержании молодого человека, расклеивавшего, очевидно, прокламации, прием чисто полицейский — схватил за руки, чтобы лишить возможность вынуть из кармана оружие.

«6 марта в Москве по улице, идущей от Садовой к Николаевскому вокзалу, проходил разносчик с портретом Александра II. Двое прохожих купили два портрета, разорвали их, бросили на мостовую, говоря: «Вот вам ваш государь». Разносчик обратился к окружающим со словами: «Посмотрите, что делают». В одно мгновение образовалась толпа, и началась расправа, били до потери сознания и добили бы до смерти, если бы какой-то мужчина не уговорил оставить их в живых, чтобы можно было снять допрос. Лежавшие уже без сознания были увезены городовым в Мещанскую часть. То же было на-днях на Тверской, против Долгорукова пер. Хорошо одетый господин

разорвал телеграмму с известием о кончине государя. Народ бил его даже тогда, когда полиция, уложив в сани, везла его в часть». («Порядок», 9 марта.)

Вот и все сообщения о самосудах, какие можно было найти в газетах. Ничего похожего на предсказания реакционных газет, К. П. Победоносцева в его «Письмах», на опасения Ю. Самарина не произошло. Народ отнесся к событию довольно спокойно.

6. БИРЖА И 1 МАРТА

«Биржевые ведомости» — газета биржи, финансов, торговли, политики и общественной жизни — дает в ряде статей довольно полное представление о том, как отразилось событие 1 марта на деятельности биржи, торговле и государственных финансах.

В передовой статье 6 марта газета писала: «Биржа и торговый мир уже целую неделю не производят никаких оборотов, отдаваясь всецело впечатлению страшной катастрофы 1 марта. Но хотя дел и не происходит, толки о направлении, которое должны принять биржевые дела в ближайшем будущем, идут тем оживленнее. Не доверяя своим собственным силам, здешний финансовый мир ждет руководства из-за границы. Иностранные биржи высказали в начале недели неожиданную устойчивость, под влиянием суждений, встречаемых в биржевых органах. Со вчерашнего же дня наши фонды начали понижаться, и никто не может решительно сказать, будет ли это понижение временное или продолжительное. Решение этого вопроса не зависит от биржи и лежит в других руках. На бирже господствует хаос, туман. Пожелаем, чтобы скорее заблистало солнце и рассеяло облака, затемняющие нынешнее положение».

10 марта, тоже в передовой, газета сообщала: «Прошла первая скорбная неделя. Волнение умов улеглось, биржа и торговый мир возвращаются к своим обычным занятиям. После катастрофы 1 марта казалось, что наши ценности должны потерпеть мгновенное понижение на 10—15%. К общему удивлению, биржи понедельника (9 марта) высказали замечательную устойчивость; о повальном падении цен не было больше и речи; на все русские бумаги были усердные покупатели, а цены, ими предлагаемые, были только немного ниже предыдущей недели. Такое отрадное явление было вызвано интервенцией всемирного дома Ротшильдов, который, вспомнив о своих прежних интимных связях с русским министерством финансов, задался задачей — удержать наши бумаги от неминуемого падения на заграничных биржах и тем доказать нашему мин. финансов, на какие жертвы решаются Ротшильды для поддержания своих финансовых друзей. В ночь с воскресенья на понедельник телеграф передавал беспреры-

вно приказы Ротшильдов на покупку всего предлагаемого публикой количества русских бумаг. На понедельничьей бирже распространилось мнение, поддерживаемое всеми биржевыми и политическими газетами за границы, что теперь реформы в России пойдут ускоренным шагом и что новое русское правительство занято переустройством государственного строя, первым явлением коего должно быть созвание представителей 36 земств. Полученные во вторник телеграммы из СПБ подтверждали все заграничные рассуждения, передавая и выдержки из статей первенствующих столичных газет, особенно касающиеся начертанной еще усопшим императором программы... В среду и четверг, во время закрытия русских бирж по случаю панихид, последовал неожиданный поворот, имевший последствием крупное падение русских ценностей на всех заграничных биржах. Первый толчок к этому движению дало полученное из СПБ в искаженном виде известие об открытии мины на Малой Садовой. Известие было передано в Берлин в таком виде, что будто бы мина из Малой Садовой была подведена под Аничков дворец, или, другими словами говоря, будто бы план этого дерзкого покушения был направлен не против жизни убитого государя, а против жизни Александра III, бывшего во время замысла еще наследником.[1] Переданное в такой форме известие произвело в Берлине неописуемое подавляющее впечатление. В каком ужасном виде представилось там всеми слоями общества положение в СПБ можно судить уже по тому, что по настоянию берлинской публики наследник германского престола, принц Карл, граф Мольтке и барон Мантейфель, поездка коих в СПБ была назначена на вторник ночью, сочли нужным отложить свою поездку на неопределенное время. В Берлине стали опасаться чего-то ужасного во время перенесения тела императора из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Новое треволнение, овладевшее умами за границей, нашло свой отклик в цене русских бумаг. На бирже воцарилась паника. Ротшильдская группа, делавшая в понедельник необыкновенные усилия для поддержания русского вексельного курса, выступила в среду сама продавцом русских кредитных билетов. Кроме того в четверг днем телеграфное агентство поторопилось сообщить заграничным газетам, что «Голосу» дано первое, а «Стране» второе предостережение; кроме того получены в Берлине известия о циркуляре Главного управления по делам печати, приглашающем редакции газет воздерживаться в настоящее тяжелое время от суждений, волнующих общество, а также и о состоявшемся в тот же день, в 4 ч. дня, в главном

---

[1] Не этот ли слух вызвал и те странные раскопки кругом Аничкова дворца, о которых писали газеты?

управлении собрании редакторов, в котором была повторена и объяснена выраженная в циркуляре просьба министра внутренних дел. Сопоставляя последнее сообщение с переданным по телеграфу извещением о предостережении, данном двум газетам, заграничные капиталисты и биржевые органы почему-то сообразили, что в России наступает царство реакции и политических преследований. Подобное же мнение вынес и здешний финансовый мир. Петербургские газеты не возражали против таких суждений, не считая себя в праве писать о затронутом вопросе. Мы имеем полную возможность сказать, что слухи о реакции такой же положительный вымысел, как переданное в Берлин известие о подкопе из Малой Садовой в Аничков дворец».

В следующем номере, 11 марта, «Биржевые ведомости», возмущаясь мерами, предложенными «СПБ ведомостями» для борьбы с революционерами, писали: «СПБ ведомости» проповедуют террор, оцепление СПБ, конфискацию домов. Что скажут теперь за границей, что скажут капиталисты, узнав о рассуждениях, высказанных печатью в столице России. Нам надо успокоение, а не возбуждение умов. Для наших финансов нужно спокойствие, а не волнение умов; нам угрожает финансовый крах, против которого ополчилось и министерство финансов, пожертвовав на прошлой неделе для поддержания вексельного курса 750 тыс. штук полуимпериалов из средств таможенного фонда... Спокойствие, господа, кому дорого финансовое развитие и политическое значение России!»

В марте газеты сообщали:

«В финансовом мире воцарилось наконец-то успокоение, которое было желательно для каждого, кому дорого экономическое развитие России. Купечество принимается за свои обычные дела, биржа начинает оживляться, опасения заграничных капиталистов улеглись, русские бумаги возвращаются к своему прежнему уровню».

«Участие Государственного банка, — сообщали «Биржевые ведомости» 19 марта, — в операции искусственного поддержания вексельного курса после катастрофы 1 марта выразилось в выдаче банком 750 тыс. штук полуимпериалов на сумму $5^1/_2$ мил. руб. Дальнейшая поддержка была прекращена в пятницу по распоряжению министра финансов, в виду нового затребования $^1/_2$ мил. полуимпериалов учетным банком и вследствие появившейся таким образом перспективы лишиться в конце концов почти всего запаса золота, как это случилось в 1876 г., в котором операции поддержки вексельного курса обошлись России в 80 мил. рублей золотом».

По тому же поводу «Новости» 11 марта писали: «Катастрофа 1 марта не только отодвинула на второй план все политиче-

ские и общественные вопросы дня, но легко могла внести такое расстройство в дела, которое даже трудно было предусмотреть. Надо было опасаться, что на заграничных биржах распространится сильная паника, влияние которой прежде всего отразилось бы на русской валюте, а затем и на русских фондах. Поэтому одной из главных забот нашей администрации было позаботиться о том, чтобы удар, постигший Россию, не отразился на нашей экономической жизни. Надо было позаботиться о том, чтобы паника, которой опасались на заграничных биржах, не была усилена влияниями, исходившими из Петербурга. Деловой мир должен был уже из чувства патриотизма сохранить наружное спокойствие, чтобы таким образом предотвратить невыгодные последствия. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно к тому, что Государственный банк, вполне сознавая трудность положения, созвал всех представителей крупных банков и указал им на необходимость избегать всего, что могло бы встревожить общественное мнение за границей и подать повод к усилению паники, которая казалась неминуемой. С своей стороны Государственный банк заявил готовность содействовать успокоению общественного мнения, продавая, в случае надобности, полуимпериалы из своих касс по курсу 7 р. 10 к., в видах поддержания нашей валюты. Благодаря этому заявлению, большинство наших банков поспешило отправить за границу телеграммы успокоительного характера. Готовность Государственного банка оказать поддержку нашей валюте была вызвана чрезвычайными обстоятельствами и внушена чувством патриотизма, а потому надо было ожидать, что этой готовностью воспользуются очень деликатно. К сожалению, этого, должно быть, не поняли, так как распоряжение Государственного банка было на-днях отменено. Эта отмена была вызвана тем, что один из петербургских банков взял у Государственного банка в один день огромную сумму, как говорят, до 600 тыс. штук полуимпериалов, и на другой день предъявил требование на такую же сумму».

Наступившее в финансовом мире успокоение, о котором сообщали «Биржевые ведомости» 13 марта, объясняется, вероятно, отчасти тем, что церемония перенесения тела из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость совершилась без всяких событий, которых ожидали под впечатлением предыдущих событий.

Между прочим, «Биржевые ведомости» сообщали 20 марта, что, «по слухам, первоначальная цифра расходов, ассигнованных на церемонию перенесения и погребения тела почившего государя, достигла до двух миллионов рублей, но впоследствии она была сокращена до девятисот тыс. рублей».

1 МАРТА В ПРОВИНЦИИ

Н. В. НАРБЕКОВ

Из газетной хроники

Весьегонский уезд. Серьезный характер имели происшествия в Весьегонском уезде. Но они уже имели определенно классовый характер. Вот что рассказывалось в корреспонденции от 20 марта: «Пишу вам под свежим впечатлением жестокого события. На границе Бежецкого и Весьегонского уездов есть торговое большое село Молаково. В нем на 4-й неделе поста бывает большая ярмарка. На торгу между продавцом крестьянином и покупателем в барском платье произошло какое-то недоразумение; подвыпивший мужик ударил барина, и немедленно произошла страшная свалка. В этот момент проезжал с колокольчиками местный помещик Горбатов, — толпа бросилась на него и избила; началось общее побитие всех и каждого в немецком платье. Многие избиты насмерть. Урядник, появившийся по обыкновению поздно, был тоже избит; он убежал в дом священника, но толпа шла следом за ним с криками: «тебя то нам и надо», перебила все стекла в доме священника и заставила выдать урядника. Как только он показался, на него мгновенно набросились. Становой спрятался, и толпа бушевала без всякого ограничения — баре кое-как успевали убираться втихомолку. Страшное возбуждение было мгновенно развезено по всем окрестностям, — теперь с колокольчиками ездить нельзя, — мужики останавливают проезжающих и разбивают колокольчик, говоря: «А, вы рады, что царя убили, вы подкупили убить его за то, что он освободил нас!» За последние три дня масса оскорблений и побитий. Сегодня в Весьегонске экстренное земское собрание, и почти все съехавшиеся гласные пережили много неприятностей по дороге сюда — с каждым была какая-нибудь история. Власти положительно бессильны — и становые и урядники совсем стушевались. Как масло на огонь, подействовала присяга: непонимающий ее смысла серый народ убежден, что по смерти царя баре забрали силу и загоняют опять

мужика в кабалу. Масса самых разнообразных столкновений и сопротивлений по этому поводу. Возбуждение растет».

На общественных собраниях. «Земство» 29 апреля, подводя итоги этих выступлений, писало:

«Событие 1 марта вновь побудило некоторые общественные собрания к откровенному выражению их мыслей. И на этот раз большинство собраний воздержалось от обсуждения общегосударственных вопросов, но те, которые высказались, выразили одно и то же пожелание — чтобы будущая правительственная деятельность не отклонялась от того пути, который указан царем-освободителем. Адреса Казанской думы и Казанского земства одинаково выражают одну надежду и одни пожелания завершения великого дела обновления государства, начатого царем-освободителем; Солигаличское уездное земство выражает желание, чтобы «новое царствование было продолжением великих реформ предшествовавшего», и т. д. Земские люди с мольбой взывают к престолу, чтобы между верховной властью и народом было установлено тесное, близкое общение. «Когда беда поражала отечество, — говорит Тверское земство в своем адресе, — в непосредственном единении земских людей и верховной власти русский царь и народ всегда приобретали могучую, неодолимую силу». «Соберите нас вокруг себя, — говорит Рязанское земство, — и мы всегда готовы, по вашему повелению, делить с вами труды и опасности». Новгородское земское собрание единодушно соглашается со словами гласного Нечаева: «Мы должны умолять государя выслушать свободный голос русской земли, через посредство истинных ее представителей и действительных выразителей народных нужд, интересов и задушевных мыслей». Самарское дворянство высказывает ту же мысль».

О Самарском дворянском собрании, происходившем 8 марта, напечатана подробная корреспонденция в «Московском телеграфе» 27 марта:

«Собрание отклонило послать адрес на том основании, что никакие адреса не в состоянии выразить тех чувств, которыми преисполнены сердца верноподданных. Вместо адреса собрание постановило послать депутацию. После этого поднялся г. Тенняков, почти 70-летний старец, Николаевский уездный предводитель дворянства, и произнес, приблизительно, такую речь: «Гг. дворяне! Мы только что порешили послать в Петербург депутацию. Но необходимо подумать о будущем. Необходимо обсудить меры, которые должны быть приняты для предупреждения подобных ужасных событий. Я предлагаю собранию обсудить этот важный вопрос». На это г. Нудатов ответил, что по его мнению, эту в высшей степени трудную задачу могут разрешить только свободно избранные представители всех сословий, а не одного дворянства, которых необходимо созвать

для этой цели». (Слышны крики: «Правда! Правда!») Г. Марычев заметил, что дворянству не следует поднимать этот вопрос, как неуместный. На это г. Племянников взволнованным голосом вскричал: «Когда же в таком случае будет уместным обсуждать этот вопрос? Не тогда ли, когда совершатся еще новые преступления?» Г. Дансберг сказал, что «стыдно дворянству сторониться и умывать руки в то время, когда убивают его государей!» Г. Племянников: «Нужно являться на помощь без зова, по крайней мере для сохранения жизни государя». Гр. Толстой: «Народное представительство скажет правду царю». Г. Жданов: «Я разделяю мнение о народном представительстве». Снова поднялся г. Нудатов и сказал: «Гг! я уже стар и на склоне дней моих. Я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозрит и не скажет, что я революционер. Но ради блага отечества, ради счастья детей наших, говорю вам, что смута, вот уж два года терзающая русскую землю, может быть устранена только общими усилиями всех свободно избранных представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могут обсудить и принять меры, которые бы дали мир и спокойствие нашей несчастной родине».

«Слезы душили его, и он опустился на стул, оглушенный громом рукоплесканий. Крики: «Верно! Правда! Правда!» — довершили общий энтузиазм, охвативший все собрание. Затем встал гр. Толстой и сказал: «Путь, указываемый нами, не новый и не революционный. Он уже издавна практиковался на Руси. Так, даже самые абсолютные монархи, как Иоанн Грозный и Алексей Михайлович, и те созывали земские соборы. Кому же, как не представителям народа, защищать своего царя? Не тем ли, которые обманывали покойного»... Но здесь речь его была прервана председателем, который заметил, что он не может допустить подобной критики. Г. Тенняков заметил, что он предлагал обсуждение этих мер здесь, в собрании, а не имел в виду народное представительство, на что г. Тургенев возразил: «Все собрание, если он не ошибается, аплодировало не г. Теннякову, а г. Нудатову?» Отовсюду слышатся крики: «Верно! Правда!» — и вновь рукоплескания. Результатом всего было то, что собрание постановило избрать депутацию для отправки ее в Петербург, вручив ей адрес для личной передачи государю с ходатайством о созыве избранных представителей народа для обсуждения и принятия мер, которые должно предпринять к умиротворению отечества и искоренению смуты. Но особой депутации не избрали, а к избранной уже прибавили г. Нудатова, единогласно избранного всем собранием».

О Самарском чрезвычайном губернском земском собрании 5 марта тоже подробная корреспонденция напечатана в «Земстве» 25 марта.

«Всех гласных собралось 37 человек. Председатель Юрасов предложил составить всеподданнейший адрес с выражением соболезнования и поздравлением по случаю восшествия на престол. По поводу предложения высказался гл. Жданов, Бузулукский уездный предводитель дворянства, который находил данный момент весьма неудобным для подобного адреса. «Мы, — сказал он, — в течение этих последних лет послали пять адресов, но все они ни к чему не послужили и ничего в действительности не выражали, ибо все то, что было и есть у нас на душе, оставалось и остается невысказанным», и потому он находит отправление адреса неудобным из опасения умалить «торжественность минуты». Гл. Наумов также воспротивился предложению, говоря, «что слов нет, достойных выразить все, что у нас на душе. Мы не знаем, что нас ждет. К чему пустая формальность? — лучше молчать». Председатель Юрасов настаивал на адресе. Гл. Нудатов также был против адреса. Он считал себя нравственно ответственным за те адреса, под которыми он прежде подписывался. «Разве мы, – продолжал он, — говорили что-нибудь о тяжести налогов, лежащих на крестьянах, о подавлении труда капиталом, об отсутствии гарантий в личной неприкосновенности? Нет! Ну, в таком случае лучше ничего не говорить, и просто молчать». Все собрание, исключая трех человек, в том числе председателя, отклонило предложение об адресе».

Для характеристики воззрений и настроений немногочисленных представителей либеральных земцев, а также окружавшей их среды следует упомянуть еще о речи гласного и члена губернской земской управы Нечаева в Новгородском экстренном земском собрании, которая была напечатана в «Голосе» 29 марта, и о письме известного земского деятеля Костромской губ. Колюпанова, напечатанном вместо передовой статьи в «Русском курьере» 17 марта. Речь Нечаева — хороший образец либерального земского пустословия. Приводим ее в сокращении:

«Мы собрались здесь, чтобы выразить новому монарху глубокое негодование по поводу страшного злодейства, жертвой которого пал покойный государь, чувства безраздельной преданности к его наследнику и готовность пожертвовать всем для блага его и дорогой ему России... Но, выражая одушевляющие нас чувства, можем ли мы умолчать о том, что тревожит и томит всю Русь? Нет, русские люди, сознающие свои обязанности, понимающие, насколько дороги для русского царя интересы его народа, не могут умолчать о том, что составляет в настоящую минуту всю суть русской жизни, на чем сосредоточиваются все мысли и заботы русского народа». Вы, конечно, думаете, что он заговорит сейчас о конституции? Ничуть не бывало. «Я говорю о той ужасной, подземной силе, которая нанесла тяжелый

удар в сердце русского народа, о той силе, уничтожение которой безусловно необходимо для правильного развития народной жизни. Едва ли можно сомневаться в нашей обязанности высказаться по этому предмету»... И т. д... Поговорив далее о реакционерах и их планах оздоровления России, оратор продолжает: «С одной стороны, мы слышим голос той партии застоя, на которую должна пасть большая доля ответственности за все теперь совершающееся, а из-под земли раздается голос анархии; неужели же должен молчать народ, голос которого один только достоин проникнуть до царского слуха? Перед нашими глазами длинный ряд попыток бороться со злом посредством одних полицейских мер, без прямого участия общества. Бесплодность такой борьбы выяснилась достаточно определенно для каждого... Остается другой путь — остается только призвать общество к деятельному участию в борьбе со злом, и успешный исход ее тогда не может подлежать сомнению... Мы, земские люди, хорошо знаем, как ничтожна горсть злоумышленников, как велико у подавляющего большинства русского народа желание сделаться щитом для главы государства, с безопасностью которого связано благоденствие всей России. И, зная это, мы должны умолять монарха дать нам возможность принять участие в борьбе с крамолой. Но, конечно, мы не можем и не хотим просить о даровании каких-нибудь особых прав. Мы должны умолять государя выслушать свободный голос русской земли через посредство истинных ее представителей и выразителей народных нужд, интересов и задушевных мыслей. Тогда будут отысканы верные средства для уничтожения преступной силы. Тогда только мы увидим монарха в полной безопасности, и Россия получит возможность вновь вступить на путь мирного преуспевания».

Речь была покрыта общими рукоплесканиями гласных и посторонней публики. Собрание постановило при составлении адреса руководствоваться мыслями, высказанными Нечаевым.

Колюпанов писал: «2 марта, по окончании панихиды, гласные Ветлужского уездного земского собрания собрались в очередное утреннее собрание, послали телеграмму и молча разошлись: никому на ум не шли заботы дня! Такого тягостного впечатления, такого общего уныния и сознания собственного бессилия не переживал из нас никто... Ограничиваться одним излиянием своей скорби мало... Для нас, русских, есть обязанность более насущная, предстоит вопрос более серьезный: что, кроме глубокой скорби народной, принесем мы на свежую могилу царя-мученика?.. Странное дело: у русского царя, кроме верной и преданной ему армии, есть еще 80 миллионов населения, из среды которого найдутся миллионы, готовые беззаветно заслонить его своим телом от всякой опасности. И его не стало! Царю с 1865 г. постоянно,

систематически и открыто грозила небольшая шайка, от которой с негодованием отворачивалось целое общество. И все это признательное население не смогло оградить царя от такой ужасной кончины! Очевидно, что подобного факта нельзя объяснить иначе, как ненормальным положением общества. Общество живет исключительно пассивными инстинктами, в нем не пробудилось стимулов к активной деятельности, и потому каждая его горсть, — лишь только она перешла в сферу действия, — может безнаказанно творить, что ей угодно, и в хорошую и дурную сторону, отпора со стороны пассивной массы не последует. В самом деле, как жило до сих пор русское общество? Мы думали, говорили, писали, сочувствовали, бранили, просили, желали, надеялись... но ничего не делали». И далее длиннейшие размазывания на ту же тему о пассивности русского общества и русского народа, без всякого практического вывода.

Но вот автор подошел к условиям, в которые у нас поставлена деятельность. «Само собой разумеется, — пишет автор, — что никакая деятельность не мыслима без простора. Прямое основание этому простору положил почивший государь, и его преемник обещал продолжение его начинаний. Но простор только облегчает, но не создает деятельности. Источник деятельности в самом обществе, и плодотворной она является тогда, когда охватываются ею все слои общественные, снизу доверху. Как бы ни были существенны реформы, они не могут достигнуть цели, если общество относится к ним безучастно и если деятели остывают на первых порах и, не проявляя никакой устойчивости, ограничиваются словами и пожеланиями». Так дальше обличений и не пошел наш автор.

Заканчивая подведение итогов выступлений общественных собраний, «Земство» писало:

«Все эти заявления ясно свидетельствуют, что в основных воззрениях большинство русского общества совершенно солидарно. Симпатии большинства мыслящих людей, несомненно, принадлежат не движению вспять, а тому политическому направлению, которое ознаменовало начало и конец царствования Александра II. Эти воззрения известны правительству, и мы считаем себя в праве надеяться, что при выработке новой политической программы они будут приняты в соображение».

Надежды не оправдались, и эти выступления постигла та же участь, как и аналогичные выступления органов либеральной прессы. Да и сами наиболее активные, либеральные, оппозиционно настроенные земские деятели, по инициативе которых включались в адреса робкие мольбы и просьбы о том, чтобы между верховной властью и народом было установлено тесное, близкое общение, чтобы государь собрал земских людей вокруг себя и выслушал свободный голос русской земли, — не особенно

верили, по опыту прежних таких же выступлений, что их голоса на этот раз будут услышаны, — и Самарское губернское земское собрание демонстративно отказалось от посылки адреса, согласившись с гл. Нудатовым, что «в таком случае лучше ничего не говорить, а просто молчать». Понятно, что в результате посылки адресов, телеграмм могло явиться лишь тягостное впечатление, уныние и сознание собственного бессилия, о чем свидетельствовал Костромской земский деятель Колюпанов, который вынес суровый приговор всему русскому обществу и в частности среде земских деятелей. Но и он, возмущаясь, что «дела не вызовет ничто», сам никакого дела не указал.

С. ПАНОВ

Из воспоминаний современников

Казань. «2 марта Казань, как и вся Россия, принимала присягу новому воцарившемуся государю Александру Александровичу. И в этом случае наш университет не мог обойтись без крупного скандала. Почти все студенты, в числе не менее 700 человек, собрались в актовом зале и устроили здесь колоссальную сходку. На приглашение ректора пожаловать в церковь (рядом с актовым залом), где должна была совершиться присяга, они ответили, что присягать не будут. Тем временем на кафедру взошел один из студентов, медик 5-го курса Н., и обращается к товарищам с такою речью: «Господа! старая пословица говорит: «de mortuis aut bene, aut nihil». Это глупая пословица. В жизни нужно говорить только одну правду, не взирая на то, хороша она или дурна. Такую правду я и намерен сказать вам про покойного государя». В это время в актовом зале была налицо вся университетская инспекция, с ректором и проректором во главе, и многие из профессоров, привлеченные необыкновенною сходкою. Успел приехать и попечитель Шестаков, которому было дано знать о беспорядке. Увещания прекратить сходку не имели никакого успеха. Лишь только попечитель или ректор заведут об этом речь, начинаются свистки и крики: «Вон!» Даже оратору университетские власти не имели силы запретить его речь с кафедры. Она продолжалась в порицательном духе истекшего царствования, при чем доказывалось, что монархическое правление в России отжило свой век и в настоящее время нужно позаботиться о другом государственном порядке. Все это мы слушали, видели всех сочувствующих таким речам и не имели силы ничего сделать. Когда «правда» оратора стала переходить уже всякие границы приличия, декан медицинского факультета Виноградов, любимец студентов, бывший по обыкновению «навеселе», взошел на кафедру и провозгласил, что он будет продолжать речь,

и просил Н. уступить ему место. Толпа закричала: «Хотим слушать Виноградова». Тот заплетающимся языком в шутливом тоне произнес несколько бессвязных фраз. Толпа захохотала, закричала «браво!», и этим сходка закончилась».

«...Возмутительная дерзость студентов, которой трудно приискать название, обращена была в какую-то глупую шутку. О ней не только не сообщили министерству, но не сделали даже никакого замечания более выдающимся участникам и коноводам. Как будто все произошло в порядке вещей. Оратор Н. в том же году благополучно окончил курс и, как стипендиат, получил место врача в одном из областных городов Западной Сибири». (Заметки и воспоминания В. И. Флоринского, «Русская старина», 1906, т. 126, стр. 613 — 614.)

«...Кроме сходки, казанские студенты проделали и другую, не менее возмутительную выходку. После получения телеграмм о кончине Александра II они скупили в магазине канцелярских принадлежностей купца Печаткина всю почтовую бумагу, налитографировали на ней множество экземпляров возмутительных прокламаций и в первую же ночь расклеили их на всех фонарных столбах и на других видных местах, где обыкновенно расклеиваются афиши. Утром полиция, конечно, сорвала все эти воззвания к народу и тут же без труда расследовала, у кого и кем была куплена такая масса почтовой бумаги. Оказалось, что ее купили студенты. Легко было узнать по почерку литографированных листков, кто именно занимался этим художеством, но такие расследования не признали нужным производить. Губернатором в Казани в это время был генерал Гейке, человек очень мягкий и добрый, сочувствовавший молодому поколению. И на это дело посмотрел сквозь пальцы, как на невинную шутку». (Там же, стр. 614 — 615.)

«...В связи с прокламациями произошел один забавный случай в соборе во время панихиды по усопшем государе. На полу собора полиция подняла заряженный револьвер. В первое время подумали, не есть ли это признак какого-либо злого умысла; но потом разъяснилось, что револьвер принадлежит бывшему генерал-губернатору Восточной Сибири барону Фредериксу. Барон, напуганный прокламациями, вообразил, что в городе может вспыхнуть мятеж, и, отправляясь в собор, захватил с собой огнестрельное оружие, положив его в боковой карман шинели. Лакей, которому была передана эта шинель, нечаянно вытряхнул из нее револьвер и таким образом был причиною некоторого смущения полиции». (Там же, стр. 120–121.)

«1 марта совершилось ужасное, неслыханное, беспримерное злодеяние... Совершившая это злодеяние шайка надеялась в это время, как ходили слухи, поднять простой народ на дворян и всю интеллигенцию. Понятно, что они не могли

оставить в покое университеты. Революционные агенты с жаром то призывали молодежь поднять клич «к топорам», то подбивали их отказаться от присяги державному наследнику в бозе почившего, то подстрекали их к сходкам, волнению и смуте. К счастию, Казанскому университету эти подстрекательства агентов революции обошлись сравнительно благополучно, но тяжелым гнетом легли на некоторые другие университеты.

«...Что в это время и в Казанском университете подстрекаемая злоумышленниками часть студентов дозволяла себе безрассудные выходки, доказательством тому могут служить сохранившиеся у меня два письменные документа: объявление совета университета и присланное мне в марте месяце безымянное письмо за подписью «студенты».

«Объявление совета университета: «В тяжелые дни скорби переживаемые нашим отечеством, совет университета, известившись, что в последнее время, вопреки существующим правилам, созываются нередко в стенах университета сходки, принимающие характер, не соответствующий целям и достоинству университета, а равно и интересам самих студентов, единодушно обращается к здравомыслию и добрым чувствам казанских студентов, приглашая их решительно воздержаться от всяких проявлений, несвойственных университетской жизни. Совет университета, взывая к благородным и законным чувствам студентов, надеется, что они и впредь не изменят себе. Для профессоров Казанского университета было бы поразительно и неожиданно прискорбно убедиться, что они ошибались в своих высоких представлениях о благородном настроении юношества, пришедшего в университет готовиться к высокому служению на разных поприщах к благу отечества и во славу государя». (Шестаков, Тяжелые дни Казанского университета, «Русская старина», 1897, т. 89, № 1, стр. 137.)

«А вот что пишут студенты:

«Мы, составляющие большинство благонамеренных студентов Казанского университета, покорнейше просим вас, как нашего попечителя, устранить из стен университета беспорядки, подобные происходившим 15 февраля и 2 марта, и тем дать нам возможность заниматься своим делом. На свое ближайшее начальство нет никакой надежды. Оно смотрит на гадкие выходки наших некоторых товарищей сквозь пальцы и этим дает меньшинству повод предполагать, что это начальство относится сочувственно к их бредням. Грустно нам смотреть на все это, одна надежда на вас». (Там же, стр. 137—138.)

Томск. В некоторой связи с 1 марта стоят розыски по пути следования Кобозева-Богдановича во время его поездки в Сибирь для налаживания побегов ссыльных. Заведующий Европейской гостиницей Н. Н. Бранко рассказывает:

«Летом 1882 года находился в Томске известный следователь корпуса жандармов капитан Иванов, с товарищем прокурора Киевского окружного суда Романовым.

«...В этот приезд гг. Иванова и Романова в Томск я жил в Европейской гостинице, временно заведуя ею до сдачи ее. Приезжает ко мне полицеймейстер А. Е. Дзерожинский и предъявляет фотографическую карточку с вопросом, не знаю ли я такую личность. Я отвечал, что знаю, что это Русаков, владелец сырной лавки па Малой Садовой.[1] При этом Дзерожинский рассказал мне, что Русаков до моего житья еще в гостинице в 1881 году жил в ней проездом, что необходимо расследовать. Позвал я номерного третьего этажа Лаврентия и предъявил ему карточку. Лаврентий, как и другие, отзывались незнанием такой личности. Показал я карточку швейцару Ивану Андрееву, который определенно рассказал, что этот господин еще с другим и барынею приехали с Иркутского тракта и останавливались в № 9 суток двое, а затем выехали на пароходе в Тобольск.

«Начали мы с Дзерожинским рассматривать сохранившуюся книгу гостиницы 1881 г., и, действительно, в ней оказалась запись: что такого-то числа, кажется, в августе, прибыл и остановился в № 9 могилевский мещанин, не помню фамилии, и отбыл тогда-то; но спутник его и спутница прописаны не были.

«...Весть о приезде капитана Иванова облетела Томск с быстротой жидовской почты. — «Вот теперь их будут судить», — говорили жители. Кого судить? Вот это-то я и хочу разъяснить.

«В ночь с 24 на 25 декабря 1881 г., после полуночи, полиция и жандармы одновременно производили обыски у разных лиц в разных местах города. Удивительно только одно, что, несмотря на большой праздник, когда и лавки, и магазины, и даже питейные заведения заперты, все в городе знали об обысках.

«Останавливаюсь на обыске квартиры Орлова.

«... Отворилась дверь, вышел хозяин в одном белье и за ним огромнейшая собака, не перестававшая лаять и мешавшая разговору. Тем не менее Дзерожинский кое-как высказал Орлову просьбу следовать за ним. Орлов ответил, что ему необходимо одеться, и вышел в другую комнату. За Орловым последовал полицеймейстер, но верный пес оставался в первой комнате, следя за посетителями и рыча при малейшем их движении. Оба гостя не смели шевельнуться и изображали из себя две статуи.

«...Пока пес сторожил полицию, Орлов успел одеться и... почел за более удобное выйти через окно, оставив начальника города при печальном интересе.

«Месяца через два Орлов был разыскан и отвезен в сопровождении врача Смирнова и жандармов в Казань, в дом умали-

[1] Г. Бранко путает Кобозева с Рысаковым.

щенных. Говорили в городе, что в его квартире было найдено множество оттисков печатей и т. п.

«В ту же ночь были после обысков арестованы, как рассказывали, какой-то Поспелов, фотограф Николай, впоследствии освобожденный, Шварц и др. Арест Шварца интересовал очень многих дам. Лично я не знал его, но слышал, что это был человек с прекрасным образованием, принимавший самое живое участие в восстании 1863 года. До восстания он жил в Париже, где был принимаем императрицей Евгенией, и, осужденный в каторжные работы, был помилован по ходатайству Наполеона III. Сосланный сначала в Оренбург, он затем жил в Томске». (Н. А. Бранлко, Из воспоминаний и рассказов, «Русский архив», 1897, кн. 1, № 6, стр. 303—304.)

Тверская губ.

«7 апреля. В сегодняшнем заседании Государственного совета рассматривалось в соединенных департаментах дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей.., Когда начались прения и обнаружилось, что ни с чьей стороны нет серьезных возражений по существу, Лорис-Меликов заявил, что желательно обнародовать предполагаемый закон в возможно непродолжительном времени, так как в разных местах, между прочим в Бежецком и Весьегонском уездах Тверской губернии, злонамеренными людьми распространяется между крестьянами слух, что нынешний государь, по наущению помещиков, хочет вновь закрепостить людей. В виду этого необходимо доказать народу, и как можно скорее, что царствующий император следует в крестьянском деле воззрениям своего отца». (Е. А. Перетц, Дневник, Гиз, 1927, стр. 59—60.)

«Какое тревожное теперь время! Крестьяне в Тверской губ. бунтуют, не хотят присягать, говорят, что убийцы государя подкуплены дворянами и что они этим отомстили за освобождение крестьян. Туда потребованы войска». (И. Ф. Духовская, Мои воспоминания.)

Уфа.

«Помню, ранним утром он [1] вошел в мою квартиру необычно взволнованный и сказал мне:

«—Царь убит. Я только что с телеграфа. Предупредите вашу гостью. [2]

---

[1] Д-в, либеральный земский деятель, рязанский помещик. Вначале он жил в Рязанской губ., но к описываемому времени, провалившись на выборах в Рязани, где одержала верх крепостническая каста дворян, перебрался в Уфу.

[2] Гостьей Елпатьевского была ссыльная Н. Д. Долгорукая; больная tbc; она приехала к Елпатьевскому погостить, но, узнав о 1 марта, уехала. Она ввела Рысакова в партию.

«Мы молча смотрели друг на друга изумленно. Потом Д... подошел к окну и, тихо барабаня пальцами по стеклу, выговорил:

«—Динамит скверное учреждение!

«—Веревка еще более скверное учреждение,—ответил я.

«Мы молча пожали друг другу руки и разошлись». (Елпатьевский, Воспоминания за 50 лет, 1929, стр. 113.)

А вот как, по рассказу того же наблюдателя, относились провинциалы к предшествовавшим покушениям.

Скопин.

«...Не особенно возмущалось и дворянство. После освобождения крестьян, вплоть до возвращения дворянского царя Александра III, когда дворянство снова собралось около престола, существовало некоторое охлаждение в верноподданнических чувствах дворянства, а дворяне-помещики, помнившие еще крепостные времена и не забывшие учиненной им «обиды», открыто злорадствовали: «Вот вам и реформы! Достукались!» А то те же скопинские люди рассказывали мне, как по-другому было встречено 15 лет перед тем покушение Каракозова и как возмущалась тогда толпа». (Там же, стр. 68.)

«Приходили известия о покушении на царя. Учителю церковного училища, мастеру писать в выспреннем стиле, заказывалось верноподданническое послание. Нехотя, ругаясь, разыскивали чиновники треуголки, облекались в парадные мундиры, шли в собор на обязательное благодарственное молебствие и расходились оттуда, обсуждая, ловко или неловко произведено покушение. А толпа городского населения оставалась равнодушной и тоже рассматривала покушение больше с точки зрения ловкости и смелости террористов и умелой или неумелой организации покушения». (Там же, стр. 66.)

Шенкурск.

«Известие об убийстве Александра II произвело на нашу шенкурскую колонию несколько ошеломляющее впечатление. Мы положительно стали втупик, так как перед нами был не акт товарищеской мести, а переход к продолжительной борьбе с существующей системой. Мы долго обсуждали это новое для для нас явление, но, не имея никаких данных, прекратили вскоре свой спор, основанный на чисто субъективных выводах и взглядах.

«... Кое-кто из товарищей обратил внимание, что некоторые чиновники и купцы бросают на нас, политиков, весьма недоброжелательные взгляды и даже знакомые из них показывают вид, будто не замечают нас. Поэтому были некоторые основания опасаться какой-либо провокации со стороны этих «патриотов», и успокаивало нас то обстоятельство, что жандармы и полиция попрежнему продолжают нам козырять... Через некоторое время

мы получили распоряжение местного исправника в таком-то часу всем явиться в церковь для принятия присяги.

«...Через два-три дня наша жизнь снова вошла в колею». (Котов, Записки землевольца, Гиз Украины, 1925.)

«По селам распространялись слухи, что царя убили дворяне за лишение их крепостных людей. В городах пугали смутами по деревням. Даже в войсках не было совершенно спокойно. Рассказы о беспорядках против евреев в Елизаветграде, Киеве и др. городах усиливали общее беспокойство». (Кошелев, Записки, Берлин, 1884, стр. 255.)

Пермь.

«Не помню, на второй или на третий день пришла в Пермь весть о цареубийстве 1 марта. Утром в этот день я шел, помнится, к Маликовым, чтобы от них пойти на службу, когда на перекрестках двух улиц услышал разговор. Какой-то крестьянин или рабочий из Мотовилихи [пригородный завод] говорил извозчику:

«—Чудак! Как же ты говоришь, не твое дело... А кто дал волю?

«Извозчик махнул рукой.

«—А по мне хоть белая береза не расти... Мне все одно...

«Придя к Маликову, я понял значение этого разговора. В Петербурге убили Александра II. Самодержавие выродилось в режим исключительно полицейский, все творческие функции великой страны были обращены на одну охрану, но и этого одного выполнить не сумели». (Короленко, История моего современника, т. III, М., 1921, стр. 242.)

«... Большинство нашего пермского кружка разделяло мои рефлексии и не видело причины для особенной радости. Но были и другие чувства. Жена одного ссыльного, человек вообще недурной, выражала злобную радость при мысли об окровавленных ногах царя и об его беспомощной просьбе: «везите во дворец... Там умереть».

«В то время у меня жил рабочий Башкиров, тоже возвращавшийся на родину по распоряжению лорис-меликовской комиссии. Когда, придя со службы, я сообщил ему новость о цареубийстве, этот дюжий и простодушный человек сразу поднялся на ноги и, инстинктивно повернувшись к иконе, осенил себя широким радостным крестом. Я вспомнил озлобленных ходоков в Починках, вспомнил предсказание Сапина и, наверное, радость этого богобоязненного коренного крестьянина, когда мрачное предсказание сбылось, вспомнил равнодушие одних, проснувшуюся вражду других. Было ли бы все это, если бы самодержавие, тогда еще очень сильное, продолжало итти путем дальнейших реформ?» (Там же, стр. 242.)

Н. И. РАКИТНИКОВА

ОТГОЛОСКИ 1 МАРТА 1881 Г.

(По материалам «Ведомостей дознаний о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи» с 1881 г. по 1891 г.)

1. ОБЩИЙ ОБЗОР

При изучении истории партии «Народная воля» чрезвычайно интересным и важным является вопрос о связи ее с широкими слоями населения, о влиянии — прямом или косвенном, — которое она на них оказывала.

Связь «Народной воли» с рабочими кружками, степень и характер ее влияния на них достаточно освещены как в мемуарной, так и в документальной литературе, посвященной «Народной воле». Попытки воздействия на крестьянство если не «Народной воли», то ее ближайшей предшественницы, «Земли и воли», также имеют свою обширную литературу. Но если мы находим в этой литературе, в воспоминаниях рабочих-народовольцев указания на то, как воспринималась программа и тактика «Народной воли» как отдельными рабочими, так и рабочими организациями, то мы почти не видим в этой литературе ответа на вопрос об отношении к партии «Народная воля» тех широких слоев, на которые она не могла воздействовать непосредственно.

Эта централистически построенная замкнутая партия, сосредоточившая главные свои силы на борьбе с правительством, — была ли она действительно так изолирована, так отрезана от масс, как это обычно себе представляют? Как воспринимались ее деяния этими массами, как отражались они в их сознании, что будили в них?

Что представлял собой в эпоху «Народной воли» этот таинственный, безмолвствовавший сфинкс, именуемый народом? Да и был ли он действительно безмолвствующим? Вот вопросы, которые требуют своего разрешения и на которые пока еще так мало мы находим ответов в соответствующей литературе.

Тем более приходится дорожить всякими попытками приподнять завесу, в течение десятилетий скрывавшую за собой решение поставленных выше вопросов. К таким попыткам мы относим появившуюся в 3-м народовольческом сборнике статью

Л. Л. Бермана — «После 1 марта 1881 г.» («Народовольцы», сб. 3-й, изд. О-ва политкаторжан, 1931 г.), составленную на основании материалов «Обзоров важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях».

«Вопрос о влиянии деятельности партии «Народная воля» на все слои населения здесь только намечен, только затронут», — говорит автор в своей статье. И приводя факты, рисующие это влияние, он приходит к заключению, что партия «Народная воля» «оказала определенное воздействие на отношение народа к царю», что под влиянием 1 марта 1881 г. «в умах и чувствах даже отсталых аполитичных людей... произошел известный сдвиг» (стр. 282). «Общественная мысль, — говорит он в другом месте своей статьи, — стала работать в определенном направлении» (стр. 276).

Автор на основании приведенных им фактов сделал совершенно правильные и ценные выводы, хотя пределы его работы, по его словам, «были ограничены» и он имел возможность только лишь в небольшой части использовать тот материал, который дают «Обзоры».

Мне бы хотелось данной работой продолжить эту попытку, более детально и систематически разобрав данные «Обзоров», прибавив к фактам, приводимым автором, еще ряд других, не менее характерных. Работая над темой «Кружки Народной воли» и изучая ее периферию, я имела возможность более или менее детально разобраться как в материалах, приводимых «Обзорами», так и в приложенных к ним «Ведомостях дознаний», занося на карточки все сообщаемые там факты, начиная с 1881 г. и кончая 1891 г., при чем, не ограничиваясь одними чисто народовольческими кружками, я собирала и факты, указывающие на более широкую сферу их влияния.

Полученный материал, оставляя в стороне дела об «оскорблении величества», приводимые Л. Берманом в его статье, можно по его содержанию распределить по следующим 4-м категориям.

1. Дознания, по которым привлекались виновные в распространении «ложных», «вредных» или «нелепых» слухов, — как увидим, наиболее многочисленная категория дознаний.

2. Дознания о ложных доносах и самообвинениях «в государственных преступлениях».

3. Дознания по обвинениям «в подстрекательстве к бунту», «в угрозах начальствующим лицам» и т. д., дознания, связанные с выражением «порицания» государственному порядку или главе его — царю, сюда же можно отнести и дознания о выражении прямого сочувствия революционерам и делу 1 марта.

4. Дознания, связанные с получением, хранением или распространением случайно полученных тем или иным путем революционных прокламаций и брошюр.

Конечно, не все дознания точно подходили под намеченные рубрики и укладывались в определенные рамки.

«У страха глаза велики», и этот страх охранников перед террором создавал иногда совершенно нелепые, смехотворные дела, но таких дел сравнительно немного и на них будет указано отдельно.

Прежде чем мы перейдем к подробному рассмотрению каждой из указанных категорий, следует отметить пространственный охват дел, возникавших по этого рода обвинениям. Следует проследить также колебания по годам числа пунктов, где возникали эти дознания.

В 1881 г. указаны следующие жандармские управления, в которых велись дознания, возникавшие по вышеуказанным обвинениям: Бессарабское, Воронежское, Вятское, Варшавское, Волынское, Виленское, Енисейское, Екатеринославское, Калужское, Казанское, Киевское, Ковенское, Кубанское, Московское, Минское, Нижегородское, Новгородское, Олонецкое, Петербургское, Петроковское, Пензенское, Полтавское, Псковское, Пермское, Самарское, Саратовское, Симбирское, Седлецкое, Сувалкское, Таврическое, Тамбовское, Тульское, Уфимское, Херсонское, Черниговское, Эриванское, Ярославское, — всего в 1881 г. 37 губернских жандармских управлений.

Наибольшее число привлеченных по дознаниям этого года падает на следующие жандармские управления — Тамбовское (23), Екатеринославское (15), Самарское (12), Черниговское, Кубанское, Полтавское (по 11), Херсонское (10), Уфимское (9), Воронежское (8), Петербургское (6), — в остальных единичные дознания. Таким образом, наибольшее число дознаний в 1881 г. возникает на юге и в Поволжье.

Всего за вторую половину [1] 1881 г. возникло 159 дознаний с 175 привлеченными (из них 9 женщин). Укажем здесь же попутно и социальный состав привлеченных.

Социальный состав привлеченных по дознаниям 1881 года

Крестьян	65
Мещан	32
Нижних военных чинов	21
Казаков	13
Служащих	14
Купцов	2
Духовных	15
Дворян	10
Учащихся (без указания сословия)	4
Иностранцев	3
Всего	175

Таким образом, общее число крестьян, мещан, военных чинов и казаков (131) составляет по отношению к общей массе привлеченных 75%.

[1] «Обзоры» жандармских дознаний и приложенные к ним «Ведомости дознаний» начинаются лишь с июля 1881 г.

В 1882 г. к указанным жандармским управлениям прибавились еще следующие: Архангельское, Витебское, Владимирское, Гродненское, Келецкое, Курское, Лифляндское, Могилевское, Орловское, Одесское, Омское, Оренбургское, Плоцкое, Подольское, Смоленское, Ставропольское, Тверское, Тифлисское, Тобольское, Томское, Харьковское, Эстляндское — 22 новых пункта, что составит всего 59 жандармских управлений для дознаний 1882 года.

Наибольшее число дознаний падает на Екатеринославскую губернию, Черниговскую — по 14, Херсонскую, Полтавскую — по 11, Петербургскую — 8, Московскую — 11, Киевскую — 7, затем Лифляндскую, Ковенскую, Витебскую — по 6, — т. е. на юг, столицы и Северо-Западный край.

Общее число привлеченных в 1882 г. — 252 (из них 10 женщин) на 239 дознаний. Число обвиняемых было бы еще больше, так как в 22 дознаниях виновные не были обнаружены.

Социальный состав привлеченных в этом году следующий:

Рабочих	2	
Крестьян	84	(4 женщ.)
Мещан	42	(4 женщ.)
Нижних воен. чинов .	39	
Казаков	9	
Служащих	21	(1 женщ.)
Купцов	6	
Духовных	11	
Военных	5	
Дворян	23	(1 женщ.)
Иностранцев	4	
Неизвестных	2	
Всего	252	

Общее число первых пяти групп составит 176, т. е. 69% к общему числу привлеченных в 1882 г.

Таким образом, для этого года мы видим значительное увеличение как числа пунктов, где возникали дознания, так и количества самих дознаний и привлеченных по ним, что, естественно, объясняется неполнотой материала 1881 г. Высокие — по сравнению с последующими годами — цифры привлеченных по этого рода дознаниям в 1881 и 1882 гг. объясняются тем напряжением революционной борьбы, которым отмечаются именно эти годы (отчеты «Ведомостей дознаний» являлись суммированием данных, полученных за предыдущие месяцы). В дальнейшем эта связь возникавших дознаний с борьбой, которую вели народовольцы, станет еще более очевидной.

В 1883 г. дознаниями охвачен почти такой же обширный круг, как и в предыдущем году, — 57 губернских жандармских управлений.

События, создававшие почву для этих дознаний, очевидно еще не утратили своей свежести, а коронация, как мы в этом убедимся ниже, еще дала новый толчок.

Новыми пунктами в 1883 г. явились Бакинское жандармское управление, Калужское, Костромское, Люблинское, Ломжинское, Иркутское, Рязанское. Наибольшее число дознаний сосредоточиваются в Черниговском — 16, Екатеринославском и Таврическом — 10, Владимирском — 8, Киевском и Полтавском — по 6, Московском, Петербургском, Нижегородском, Херсонском, Подольском, Тифлисском, Минском и Седлецком — по 5. Следовательно, как и в предыдущие годы, на первом месте стоит неизменно юг, затем идут столицы и Северо-Западный край.

Общее количество дознаний, однако, ниже, чем в 1881 г. — 151 с 165 привлеченными (из них 3 женщины).

Социальный состав привлеченных в 1883 году:

Рабочих	10
Крестьян	45
Мещан	31
Нижн. воен. чинов	19
Служащих	27
Купцов	2
Духовных	5
Учащихся	9
Дворян	16
Иностранец	1
Всего	165

Процентное соотношение первых четырех групп (105 ч.) к общему числу привлеченных — 64%.

В 1884 году число жандармских управлений, в которых возникают интересующие нас дознания, сокращается до 39, количество дознаний — 73, число привлеченных — 107, из них 9 женщин. Наибольшее число привлеченных — приходится на южные губернии: Полтавскую — 15, Саратовскую — 9, Кубанскую и Киевскую — 6, Екатеринославскую и Бессарабскую — по 5, и на Северо-Западный край: Гродненскую — 9, Минскую — 7.

Социальный состав привлеченных в 1884 году:

Рабочих	1
Крестьян	17
Мещан	24
Нижних воен. чинов	18
Казаков	6
Служащих	6
Купцов	1
Духовных	5
Учащихся	18
Дворян	11
Всего	107

Первые пять групп составляют 62% по отношению к общему числу привлеченных.

Процентное снижение этих групп можно отнести на счет увеличения числа учащихся, в составе которых, однако, могут быть крестьяне и мещане. Уменьшение как числа пунктов, где возникали дознания, так и количества дознаний и числа привлеченных в 1884 г. связано с ослаблением если не революционного движения, то во всяком случае с распылением его, умень-

шением таких революционных актов, которые привлекали общественное внимание обширностью своих замыслов и смелостью выполнения.

Но источники, питавшие слухи, будившие интерес к чему-то лежащему вне сферы обычных житейских интересов, интерес к «политике», хотя и смутно понимаемой, — эти источники еще оставались, как оставались и основные факторы, создававшие настроения масс в 80-х годах, — недовольство своим экономическим и правовым положением. Поэтому и в 1884 году, как и в ряде последующих, продолжали возникать дознания, характер которых в общем остается прежним.

Таким образом общее количество дознаний и число привлеченных по ним в годы интенсивной революционной борьбы выражается в следующих цифрах.

Годы	Число дознаний	Число привлеченных
1881	159	175
1882	239	252
1883	151	165
1884	73	107
Всего	622	699

Для последующих годов отмечается дальнейшее падение и числа пунктов, где возникают дознания, и числа дознаний и привлеченных по ним.

Год	Число жанд. упр.	
1885	23	т. е. в среднем на год за эти 7 лет по 20 пунктов, тогда как за 4 предыдущие года это число—49.
1886	12	
1887	24	
1888	19	
1889	26	
1890	15	
1891	22	

Число возникших дознаний и количество привлеченных по ним по годам:

Год	Дозн.	Привл.	
1885	32	49	(1 женщ.)
1886	20	21	(1 женщ.)
1887	36	39	(1 женщ.)
1888	23	25	
1889	35	36	
1890	17	28	(1 женщ.)
1891	33	37	(1 женщ.)
Всего: . . .	196	235	

Наибольшее число дознаний за эти года падает на Харьковскую, Курскую, Киевскую, Ставропольскую губ., т. е. юг на протяжении всего десятилетия дает наибольшую цифру дозна-

ний. Рост числа дознаний в Иркутской губернии в 1891 г. связан с вспышкой слухов, возникших благодаря проезду через Сибирь наследника.

Из новых пунктов, в которых появились дознания, можно указать Астраханскую губернию и Закаспийскую область, куда, очевидно, с большим запозданием докатились настроения, создавшие эти дознания.

Социальный состав привлеченных остается и для этих лет тот же.

В 1885 г. процент крестьян, рабочих, мещан и нижних военных чинов составляет к общему числу привлеченных — 73%, в 1886 г. — 70% в 1887 г. — 70%, в 1888 г. — 80%, в 1889 г. — 69%, в 1890 г. — 83%, и в 1891 г. — 79%.

Общая картина за десятилетие такова:

Максимальное число пунктов, где возникали дознания — 59 (1882 г.), минимальное — 12 (1886 г.). Максимальное число дознаний — 239 и число привлеченных — 252, тоже падают на 1882 г. А минимальное — 20 дознаний и 21 привлеченный — на 1886 г.

Общее количество дознаний за 10 лет — 818 с 934 привлеченными, из них 38 женщин (4%).

Число дознаний за 10 лет, в которых не обнаружены виновные — 58, т. е. 7%, при чем наибольшее число не обнаруженных дел падает на 1882 — 83 — 84 годы.

О чем говорят все эти цифры?

1) Число дознаний о слухах, самообвинениях и пр., число привлеченных по ним и число пунктов, где они возникли, находится в прямой зависимости от интенсивности той борьбы, которую вели народовольцы с правительством. Наибольшее число привлеченных падает на 1882 год и является прямым отражением акта 1 марта 1881 года.

2) Влияние этой борьбы на настроения широких масс не прекращается и не исчезает совсем на протяжении ряда лет.

Социальный состав привлеченных с 1881 г. по 1891 г. включительно, т. е. за 11 лет, почти неизменно остается один и тот же, — с значительным преобладанием крестьян, мещан, низших военных чинов, процент которых колеблется от 62 до 83% и в среднем составляет 70%, т. е. состав этот является тем, что по терминологии тогдашнего времени являлось «народом».

2. «ВРЕДНЫЕ СЛУХИ»

Перейдем теперь к рассмотрению содержания этих дознаний, поскольку позволяют нам это материалы «Ведомостей дознаний».

Расшифруем, что подразумевала охрана под казенным выражением «распространение вредных слухов». В некоторых случаях дознания и ограничиваются только подведением «преступления» под такую общую рубрику. Но довольно часты в дознаниях и указания на содержание этих слухов. «Преступность» их обусловливалась или проявлением в них надежд на то, что всего ближе было крестьянским массам, — земельное переустройство, отобрание земли от помещиков. Это слухи аграрного характера. Или содержанием слухов были смутные представления об изменении политического устройства России, — слухи политического характера. Не одна лишь «земля», но и «воля», — вот что давало пищу тем слухам, которые составляли на протяжении ряда лет главную основу интересующих нас дознаний. И, наконец, богатую пищу для этих слухов, носивших в этом случае иногда совершенно фантастический характер, давало событие 1 марта 1881 года.

Обычно принято думать, что народные массы ничем не реагировали на 1 марта, что «народ» встретил это событие полным молчанием и ничем не отозвался на него. Это представление ошибочно. Судя по «слухам», приведенным в «Ведомостях дознаний», событие это сильно поразило народное воображение и в течение ряда лет сильно занимало его. Не будучи в состоянии понять и осознать его смысл, народное воображение тем не менее угадывало его политическое значение, связывая его или с вопросом о смене династии, или с вопросом об изменении формы правления в России. А следовательно, невольно должно было связывать и с вопросом о том, кто добивался этой смены и почему.

Дознания, связанные с распространением слухов, являются наиболее многочисленной категорией дознаний. Количество привлеченные по этим дознаниям дает такую картину:

Год	Общее число привлеченных	Привлечено за слухи о переделе земли	За политические слухи (по 1 марта)	Всего	В %%
1/2 г. 1881	175	60	51	111	63
1882	252	28	82	110	43
1883	165	7	48	55	34
1884	107	24	12	36	33
1885	49	15	2	17	36
1886	21	7	—	7	23
1887	39	20	3	23	59
1888	25	Не указан характер слухов		6	24
1889	36			11	32
1890	28			12	43
1891	37	—	8	26	70
Всего	934	161	206	414	—

Цифра 414 привлеченных по дознаниям о слухах составляет к общей массе привлеченных (934) — 44%.

Оговоримся, что приведенные цифры не дают, конечно, точного представления о количестве возникавших в то время слухов о разделе земли. Можно определенно сказать, что район их распространения был гораздо шире, и, возникая в связи с каким-нибудь событием, они захватывали целые волости и уезды. На это, как увидим ниже, есть указания и в жандармских материалах. Носителями этих слухов были сами крестьяне, и, конечно, до жандармских ушей могла случайно дойти лишь незначительная часть того, что циркулировало по деревням.

Аграрные слухи не были, конечно, особенностью именно данной эпохи, они возникали и раньше и позже нее. Приводя данную таблицу, мы хотели лишь указать на то, какой толчок дала к усилению этих слухов революционная борьба «Народной воли» и ее ближайшей предшественницы «Земли и воли», и в частности событие 1 марта, весть о котором могла попасть в деревню не только официальным путем, но и через те многочисленные «объявления», которые партия «Народная воля» выпустила непосредственно после 1 марта и в которых предлагала крестьянам требовать «нарезки земли без всякого выкупа», уменьшения податей и т. д. [1]

Сущность «преступлений» по дознаниям аграрного характера определяется, как мы видели, распространением слухов, связанных с изменением существовавших тогда земельных отношений. Это слухи о «переделе земли», «о нарезке земли крестьянам», об «отобрании земли от помещиков и раздаче ее крестьянам», о «прекращении крестьянами работы на помещика», об «уменьшении» или «уничтожении податей». Такого рода дознания возникли в 28 жандармских управлениях. [2] Так, в Пензенском жанд. упр. возникает дело о кантонисте Зах. Медовиче, обвиняемом в распространении «зловредных слухов среди крестьян Пензенского уезда» об уже «производящейся будто бы повсеместной нарезке земли крестьянам, об уничтожении податей» («Ведомости дознаний», 1881 г.).

Наибольшое число дознаний падает на Херсонское, Полтавское, Кубанское, Екатеринославское, Пензенское и Тамбовское жанд. упр.

---

[1] «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому объявление» от Комитета «Народной воли» 2 марта 1881 года.

[2] Жандармские управления: Херсонское, Черниговское, Кубанское, Полтавское, Киевское, Екатеринославское, Харьковское, Воронежское, Пензенское, Тамбовское, Самарское, Казанское, Новгородское, Таврическое, Уфимское, Одесское, Бессарабское, Псковское, Оренбургское, Петербургское, Московское, Орловское, Нижегородское, Витебское, Ковенское, Минское, Седлецкое, Курляндское, Эриванское.

В некоторых случаях слухи о передаче земли крестьянам приурочивались к определенному сроку. Так, в Московском жанд. упр. возникло дознание о крестьянине 49 лет, распространявшем слухи о «предстоящем переделе земли и уменьшении податей с 1883 года».

Запасный рядовой Колпашников привлечен за распространение слухов «о предстоящем будто бы в день священного коронования отобрании земли от помещиков и уничтожении податей» (Пензенское жанд. упр., «Вед. дозн.» 1884 г.)

В других случаях слухи эти соединяются со слухами об уничтожении дворянского сословия или уравнении всех сословий» (два рядовых и один мещанин, Воронежское жанд. упр.)

Интересно дознание, возникшее в Харьковском жанд. упр. в 1885 г., по которому привлечено шесть крестьян и один запасный унтер-офицер, [1] все сектанты, — за распространение учения о том, что «по кончине Александра II больше не существует царя, что земля должна быть общая, и что за нее не следует платить податей, в виду того, что она уже выкуплена у помещиков». [2]

В Орловском жандармском управлении возникает дело, любопытное по обстановке: «19 марта 1885 г. в церкви с. Липовки, Елецкого у., во время окончания церковной службы крестьянин Е. Котомин обратился к находящемуся в церкви народу со словами, в которых выразил желание, чтобы помещичьи земли были разделены между крестьянами». [3] В дознании прибавлено, что дело «прекращено», так как Котомин «страдает психическим расстройством».

Из приведенной выше таблицы мы видим, что слухи аграрного характера не прекращаются на всем протяжении десятилетия и с 1884 г. относительно даже растут, по мере того как затихают слухи политического характера. Все с тем же напряжением крестьяне ждут разрешения аграрного вопроса, по-прежнему, в 1886 — 1887 гг. так же, как и в 1881 — 82 — 83 г., упорно держатся среди них слухи об отобрании земли от помещиков, о переделе земли, о близком избавлении от помещичьего гнета. Попрежнему предсказываются сроки, когда это сбудется.

Так, крестьянин Никонов (Новгородское жанд. упр.) привлекается в 1886 г. к дознанию за его рассказы в волостном правлении о том, что он слышал, будто бы «через $1^1/_2$ года отберут от помещиков землю и прибавят каждому крестьянину по 9 десятин». [4]

---

[1] Ф. Гарман, Ф. Кириллов, Ф. Петров, братья Мещанины, С. Яковенков и К. Дегтярь.

[2] «Вед. дозн.», 1885 г., Обз. X.

[3] «Вед. дозн.», 1885 г., Обз. X.

[4] «Вед. дозн.», 1886 г., Обз. XI.

А в других местах бродят слухи об уже совершившемся отобрании земли от помещиков. Так, мещанин Боричевский (Минское жанд. упр.) привлекается за утверждение, что «в других губерниях уже нет помещиков, земля их разделена между крестьянами, и что уже последовал высочайший указ об отобрании земли у всех помещиков». («Вед. дозн.», XI, 1886 г.)

Как велико было напряжение, с которым ждали крестьяне разрешения тем или иным путем земельного вопроса, показывает дознание Орловского жанд. упр., в котором приводится заявление гласного Елецкого уезда на очередном земском собрании «о существовании в Елецком уезде брожения среди крестьян («Вед. дозн.», XI, 1886 г.) об ожидании ими предстоящего передела земли».

Такой же массовый характер носило распространение слухов и по другим местам. Так, дознание Псковского жанд. упр. говорит о «распространении ложных слухов между крестьян Вышгородской волости, Островского уезда» («Вед. дозн.», 1889 г., Обз. X, IV).

Перейдем теперь к дознаниям о распространении слухов политического характера.

Политические слухи очень разнообразны. Сюда входят слухи:

«О введении республики в России», — дознания в жанд. упр. Херсонском (1 мещанин и отст. колл. регистратор), Кубанском (священник, казаки отст. рядовой), Черниговском (сын учителя), Полтавском (землевладелец), Екатеринославском (отст. рядовой), Костромском (крестьян 45 чел.), Калужском (унтер-офицер и крестьянин). Волынском (зап. унтер-офицер 37 л.), Лифляндском (рабочий), Херсонском (мещанин).

«О всеобщем равенстве и уменьшении податей» — в Херсонском жанд. упр. (крестьянин) и в Пермском (крестьянин).

«О ненадобности платить подати» — Черниговское жанд. упр. (крестьянин).

«О предстоящей революции в России» — в Воронежском (унтер-офицер 60 л.), Петербургском (провизор Царскосельской аптеки); Екатеринославском (отст. рядовой 68 лет), Полтавском (чиновник), Лифляндском (рабочий).

«Об управлении Сената государством» — Седлецкое жанд. упр. (крестьянин).

«О манифесте» (?)—Петроковское жанд. упр. (мещанин)

«О восстановлении крепостной зависимости» — Киевское жанд. упр. (крестьянка и мещанин).

«Об изменении существующего строя»—Ковенское жанд. упр. (крестьяне Шавельского у.), Витебское (крестьяне Люцинского у.), Нижегородское (отст. колл. регистратор), Таврическое (крестьянин).

«О выборе нового государя»—Херсонское жанд. упр. (мещанка).

«О введении в России конституционного правления»—Тобольское жанд. упр. (купец).

«О всеобщем недовольстве среди крестьян»—Эстляндское жанд. упр. (крестьяне).

«О предстоящих реформах»—Сувалкское жанд. упр. (служ. в отставке).

«О тайных сходках в жел. дор. мастерских»—Пензенское жанд. упр. (крестьянин).

«О съезде держав в Риме»—Петроковское жанд. упр. (крестьянин).

«О предстоящей войне и изгнании панов»—Полтавское жанд. упр. (казак), Сувалкское (землевладелец).

«О нерасположении польского общества к государю императору»—Виленское жанд. упр. (дворянин).

«Об угрожающем письме, подброшенном царю»—Полтавское жанд. упр. (колл. регистратор).

«О противоправительственных изданиях»—Московское жанд. упр. (ремесленник).

«О появлении в Моршанске неизвестной личности под именем государя императора»—Тамбовское жанд. упр. (крестьяне).

Дознания об этих слухах относятся к 1881—1882 гг. Но такие же слухи встречаются, хотя значительно реже, и в более поздних дознаниях. Так, в 1885 г. возникло дознание в Гродненском жанд. упр. о распространении слухов «о предстоящей перемене царствования в России» (мещ. Богушевский), а в Орловской—«о происходящем в Петербурге бунте» (обер-офицерский сын). Такой же слух «о бунте в Петербурге», следствием которого было уменьшение выкупных платежей, возник в Новгородском жанд. упр. (крестьянин Виноградов).

Непосредственным отражением 1 марта являлись слухи, возникавшие в связи с особой царя. Это или плод досужей фантазии всякого рода «отставных», вроде слухов «о заточении государя императора» (отст. рядовой 47 л., Херсонское жанд. упр.),—«об убиении государя императора по желанию ныне царствующего государя императора» (отставной колл. секретарь, там же),—«об отравленных свечах в императорском дворце и о похищении наследника престола» (отст. рядовой Лапшин, 45 лет, Тамбовское жанд. упр.),—«о прикосновенности особ императорского двора к событию 1 марта» (отст. унтер-офицер, Тамбовское жанд. упр.),—«о происходившем при участии вел. князя Константина покушении на жизнь государя императора»

(крестьянка Шильденск. у. Олонецк. губ., Олонецкое жанд. упр.).

«Ложные слухи о злодеянии 1 марта 1881 г.» встречаются в ряде дознаний—Саратовского жанд. упр. (с. губ. секретаря, крестьянин), Новгородского (1 мещанин), Седлецкого (отст. рядовой).

Все эти дознания относятся к 1881 г. Следующие 1882 и 1883 г. волнуют ожиданием каких-то событий, связанных с предстоящей или уже совершившейся коронацией. Дознание Новгородского жанд. упр. указывает на происходивший между рабочими купца Волхонского разговор «по поводу преступных замыслов тайного сообщества, готовящихся будто бы ко дню св. коронования». [1]

В Екатеринославском жанд. упр. возникает дознание о крестьянине Холяве, распространявшем слухи «о предстоящем в день коронации покушении на жизнь священной особы его величества».

В Ковенском—дознание о крестьянине Чекулис, обвинявшемся «в выражении намерения осуществить преступные замыслы во время предстоящего коронования». [2]

В Подольском жанд. упр. за слухи о беспорядках, произведенных «членами преступного сообщества в Петербурге в дни празднования торжества св. коронации», привлечено четверо (отст. подп. Крыжановский, дворяне Протасевич, Жлобинский, Макенсон. «Вед. дозн.», 1883 г.).

В Пермском—«о посягательстве на жизнь царя» (зав. мастерской Опянов).

Ряд таких же дознаний возникает в Саратовском жанд. упр., в Вятском, Тифлисском, Орловском, Кубанском, Новгородском, Ярославском. [3]

О коронации не только ходили в народе всевозможные слухи, но о ней же писались и распространялись письма. Так, в Эстляндском жанд. упр. возникает дело о солдатском сыне Грубе, у которого было отобрано письмо по поводу «ходивших нелепых слухов о таинственных обстоятельствах, сопровождавших возвращение их величеств из Москвы». («Вед. дозн., 1883 г., VII). Дознание «о распространении ложных слухов о коронации» мы встречаем в делах Рязанского жанд. упр. и в следующем 1884 г.

Обилие возникавших в разных местах слухов говорит об одном—об ожидании каких-то событий, которые должны нарушить сложившийся порядок, о широко разлившемся беспокойстве, о сознании неустойчивости данного порядка.

---

[1] «Вед. дозн.», 1882 г. Обз. IV.

[2] «Вед. дозн.», 1883 г.

[3] О последних см. в статье Л. Бермана: После 1 марта 1881 года. Сб. «Народовольцы».

Разбуженная актом 1 марта обывательская мысль стала решать вопрос о политическом устройстве России, об изменениях, которые следовало бы внести в порядок управления. Об этом говорят как дознания, приведенные нами выше, так и ряд других.

Екатеринославским жанд. упр. привлекаются казаки Борисов и Ляпичев, выражавшие мнение, что после смерти царя «следовало бы вступить на престол кому-либо из братьев или же всем народом избрать царя».

Слухи шли об «изменении существующего порядка престолонаследия», — дознание Полтавского жанд. упр. (казаки Корниенко и Лобода), дознание в Херсонском жанд. упр. (стст. фейерверкер Богдан), — об «отречении царя от престола», Ковенского жанд. упр. (крестьяне Жуковский и Павловский).

В Казанском губ. жанд. упр. возникло дело о Кузьме Титове: «19 мая в питейном заведении Чебоксарского уезда деревни Урановой Титов рассказывал, что от помещиков отберут землю, что произойдет бунт, а государя зарежут» («Вед. дозн.» за время с 1 июля по 1 октября 1881 г.»).

Несомненно, что слухи эти все порождены актом 1 марта, когда ясно стало, что «священная» коронованная особа царя может быть повержена в прах, как любой смертный, и что старый порядок далеко не незыблем.

Особенно распространенными были слухи о покушениях на царя, о подкопах, взрывах и т. д. Мы приводили уже слухи о покушениях, связанные с коронацией. Но и независимо от нее слухи эти не прекращаются и держатся чуть не на протяжении всего десятилетия.

Тамбовским жанд. упр. привлечен крестьянин Горобичев 80 л. за слухи о взрыве Петропавловского собора.

В Гродненском губ. жанд. упр. возникает дознание о распространении в конце февраля по городу слухов по поводу «бывшего 26 февраля злодейского покушения на жизнь государя императора», при чем виновные остались не обнаруженными. («Вед. дозн.», 1882 г.)

В Тобольском жанд. упр. возникает дознание о найденной в камере ссыльно-каторжного Компаева записки, содержащей сведения о «готовящемся покушении на жизнь его величества» полученной, по его словам, от неизвестного, работавшего с ним за оградой тюрьмы». («Вед. дозн.», 1883 г.) Там же привлечены за разговоры на почте о «готовящемся покушении» против царя два чиновника—Матвеев и Димковский. («Вед. дозн.», 1883 г.), VII.

О бывших и готовящихся замыслах против царя, хотя без указания места, привлечен ряд лиц в разных концах России—

в жандармских управлениях: Архангельском (кол. регистратор), Владимирском (крестьянин), Костромском (отст. рядовой), Кубанском (отст. унтер-офицер и урядник, 1884 г.), Лифляндском (прусский подданный), Ставропольском (учитель).

Интересно дело, возникшее в 1886 г. в Самарском жанд. упр., характеризующее то впечатление, которое произвело на народ 1 марта: сельским писарем села Вязового Гая, крестьянином Обуховым, было получено письмо «подозрительного содержания», почему у него был произведен обыск. Найдено было революционное стихотворение и письмо рядового лейб-гвардии Павловского полка Е. Синева, который, описывая свое пребывание на службе, «дерзко отзывался о священной особе государя императора и о членах императорской фамилии, сообщил о том впечатлении, которое, по словам будто бы других солдат, произвело на войско злодеяние 1 марта и казнь цареубийц, при чем просил Обухова прислать ему свой дневник, в котором последний описывает произвол, испытываемый крестьянами».[1]

Отголоски идут и дальше.

В «Ведомостях дознаний» 1887 г. Екатеринославского жанд. упр. мы встречаем дознание о слухах «о предстоящем будто бы совершении важного государственного преступления в Новочеркасске во время пребывания его императорского величества» (казак. «Вед. дозн.», XII).

В некоторых случаях указывались и сроки готовящихся террористических актов.

В Оренбургском жанд. упр. в заметках, найденных у вольноопределяющегося Клычкова, говорится о «готовящемся будто бы 15 мая подкопе под Успенский собор» («Вед. дозн.», XII, 1887 г.).

Крестьянин Апартов привлечен Саратовским жанд. упр. за предсказание об «уничтожении в 1885 г. царствующего дома Романовых» («Вед. дозн.», 1882 г.).

3. ДОНОСЫ И САМООБВИНЕНИЯ

Есть еще одна рубрика дознаний, которую нельзя обойти молчанием при характеристике настроений широких слоев населения той эпохи. Это—ложные доносы в совершении государственных преступлений,—доносы как на других, так и на самих себя. Причины первых ясны, они объясняются или корыстными целями, желанием выслужиться перед начальством, или это акты мести—такими являются анонимные доносы. Дознания о таких

---

[1] «Вед. дозн.», 1886 г., Обз. XI, стр. 23.

доносах представляют для нас интерес лишь в том отношении, что они указывают на то, насколько ум обывателя был прикован к террористическим актам и насколько в них обыватель правильно учитывал тот страх перед террором, который испытывали всякого рода правительственные агенты. Кроме того, интересно проследить—и на кого и кем иногда направлялись эти акты мести.

Вот донос «агента полиции» на существование целого кружка, «намеревавшегося с преступной целью отправиться в Москву во время пребывания там царя». Донос квалифицируется Тамбовским жанд. упр. как «вымышленный».

Бывшая игуменья (Одесское жанд. упр.) доносит на дворянина Кончинского о его участии в готовящемся покушении на царя («Вед. дозн.», 1884 г.).

Вот донос (Саратовское жанд. упр.) на двух мещан, изготовлявших будто бы «разрывные снаряды»,—«снаряды оказались безвредными» и т. д.

В 1884 г. возникает 17 дознаний о ложных доносах, из них четыре с указанием на террористическую деятельность. Заметим, что из 12 указанных обвинителей в этих дознаниях 1884 г. охранителями установленного порядка являются 9 лиц (из них 2 женщины), принадлежащих к так называемым привилегированным сословиям, — дворяне, военные, духовные. Из этого, конечно, не следует, что не было доносчиков из крестьян, мещан и низших военных чинов, путем доносов обделывавших свои личные дела.

Вот пример. «Крестьянин Кортц доносит на рабочего Ангу, который рассказывал «о всеобщем недовольстве среди крестьян» и о «намерении владельца мызы Карлова командировать в Москву ко дню священной коронации лиц для совершения злодейского покушения на священную жизнь государя императора», при чем Ангу предложил Кортцу «участвовать в преступных замыслах» (Эстляндское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1882 г., обз. V).

Но в некоторых случаях можно предположить и то, что к доносам прибегали из желания напакостить слишком лихому помещику, попу или тому же начальству и таким образом доносы являлись у малосознательных людей как бы своего рода средством классовой борьбы.

Вот донос крестьянина на помещика Модзалевского и местного ксендза о распространении ими слухов об отравлении Скобелева и готовящемся покушении на царя (Сувалкское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1883 г.).

Донос крестьянина на землевладельца Лихачева по обвинению в подстрекательстве к цареубийству (Ярославское жанд. упр.).

Или нелепый анонимный донос из Бендер (Бессарабское жанд. упр.) «о соучастии пристава Тираспольского уезда и двух урядников в злодеянии 1 марта» («Вед. дозн.», VIII, 1884 г.).

Доносы на участие или готовность участвовать в террористической деятельности встречаются и в более поздних дознаниях; относительно они, по мере распыления революционного движения, даже увеличиваются. Канцелярский служитель Смельский обвиняется в 1885 г. в том, что он «в разговорах с рабочими порицал существующий порядок и заявлял о желании посягнуть на особу его императорского величества» (Таврическое жанд. упр.).

Донос «о готовящемся покушении на царя» мы находим даже в дознаниях 1890 г. (Иркутское жанд. упр.).

Характерно, что, несмотря на очевидную вздорность большей части этих доносов, дознания о них ведутся из года в год. Страх охранников перед террором порождал иной раз курьезные дела.

Так, в Бессарабском жанд. упр. возникает дознание о шкипере греческого судна, обвиненном «в провозе динамита, патронов, капсюль». По проверке оказалось, что эти страшные вещи служили всего-на-всего... «для убоя рыбы» («Вед. дозн.», 1885 г.).

А вот дело «о сне» крестьянина Колбасова, который в сентябре 1880 г., находясь на ст. Лозовой Лозово-Севастопольской дороги, «видел сон о подложении мин с целью совершить цареубийство». (Калужское жанд. упр. «Вед. дозн.», 1881 г.).

Перейдем теперь к дознаниям, которые мы отнесли к категории самообвинений. Возникновение этих на первый взгляд странных дознаний может быть объяснено разными причинами, которые иногда и указывались в дознаниях. Если дело касается уголовных арестантов или ссыльных, эти самообвинения объясняются желанием перейти в разряд «политических» или для того, чтобы избавиться от позора уголовщины, или из материальных соображений, в надежде на лучшее содержание и т. д.

Стремившиеся попасть в разряд политических нередко не останавливались перед тем, чтобы возвести на себя наиболее устрашавшее жандармов обвинение, — участие в террористическом акте. Так, бродяга Пахомов обвиняет себя «в сношениях с казненным Халтуриным и содействии ему в подготовке взрыва 5 февраля 1880 г.» (Вятское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1883 г., VI). Поселенец Третьяков — «в принадлежности к преступному сообществу, переписке с петербургскими рабочими по поводу злоумышляемого в Петербурге цареубийства» (Енисейское жанд. упр. «Вед. дозн.», 1883, VII). Другие возводят на себя обвинение в «прикосновенности» в подкопе или в деле 1 марта

(Тобольское жанд. упр., Седлецкое жанд. упр. и др.). Понятно, что дознания этого рода не представляют интереса в наших глазах.

Но были и еще причины для возникновения самообвинений — психическое расстройство, помешательство, что указывает на то, какое впечатление произвела террористическая борьба на умы обывателя. Это все воображаемые участники террористических актов, — вдова надв. советника Гиллер (Московское жанд. упр.), мещанин Маслов (Астраханское жанд. упр., 1885 г.) мещанин Петров, Езынин, который еще в 1866 г., намеревался покуситься на Александра II и т. д. (Московское жанд. упр., 1885 г.)

Но приведенным не исчерпываются мотивы самообвинений.

Есть ряд дознаний, связанных с своеобразной похвальбой, обывательской хвастовней, указывающей на то, каким ореолом чего-то таинственного и большого было окружено имя революционера и особенно террориста даже в глазах обывателя. Любопытно, что в некоторых случаях сами жандармы называют такого рода самообвинения «хвастовней».

Это не только многочисленные случаи похвальбы своим участием в «тайном обществе» или своей близостью к революционерам, похвальба во многих случаях идет и дальше и связывается с участием или в деле 1 марта, или «в подкопе», или в каком нибудь предполагающемся террористическом предприятии.

Целый ряд таких самозванных революционеров и террористов проходит перед нами, начиная с 1881 г.

Казак Пидаренко хвастается тем, что он «участвовал в преступной пропаганде в продолжение 4 месяцев и получал за это по 75 рублей в месяц» (Полтавское жанд. упр.. «Вед. дозн». 1884 г.). В дознании прибавлено, что Пидаренко «скрылся».

Неизвестное лицо, назвавшее себя крестьянином Григорьевым, 35 лет, «явившись в Тихвинский уезд, в Липную Горку, объявило, что стреляло в государя и было к тому вынуждено; что таких, как он, решавшихся стрелять в государя, было в Москве 70 человек и что все они имеют много денег». (Новгородское жанд. упр. «Вед. дозн»., 1881 г., стр. 22).

Другой самозванец, оказавшийся крестьянином Морковиным, объявил себя социалистом и участником 1 марта, был задержан в Красноуфимском у. Пермской губ.

Отст. рядовой Григорьев тоже объявляет себя участником 1 марта (Тамбовское жанд. упр. «Вед. дозн.», 1881 г.).

Мещанин Николаев рассказывает о своей принадлежности к революционной партии, где ему «предлагали принять участие в производстве взрыва в Гатчинском дворце» (Воронежск. жанд. упр., «Вед. дозн», 1881 г.). Волостной писарь Панов — о своем

участии в подкопе на Малой Садовой в Петербурге. (Вятское жанд. упр. «Вед. дозн.», 1884 г.). Отставной телеграфист Кочнев — об участии в приготовлении динамита (Омское жанд. упр., 1883 г.).

Крестьянин Тульской губ. Кочетов — о том, что он неоднократно ездил по поручению революционной партии в Петербург и Москву с разрывными снарядами, которые изготовлялись на одной из каменноугольных шахт в имении графа Бобринского (Тульское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1882 г.).

Зап. бомбардир Азаркевич хвастался своим знакомством с Желябовым и Гельфман (Гродненское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1881 г.).

Дознания об участии в подкопе или в деле 1 марта возникают и в ряде других жандармских управлений — Киевском, Екатеринославском, Бессарабском, Архангельском, Могилевском, Ломжинском.

Хвастаются не только прошлым участием, но и будущим. Крестьянин Лубинский, 48 лет, «навлек подозрение» своим заявлением об участии в преступных замыслах против священной особы его имп. величества (Плоцкое жанд. упр. «Вед. дозн.», 1882 г.).

В дознании Новгородского жанд. упр. сообщается о крестьянине дер. Староселье, Боровицкого уезда, который рассказывал, что, живя в Петербурге, «находился в пятке, т. е. в кружке, состоявшем из пяти лиц, на обязанности которых революционерами возложено будто бы следить за выездами государя императора» («Вед. дозн.», 1886 г., Обз. XI).

В дознании Петербургского жанд. упр. 1886 г. сообщается о рядовом, «хваставшем, лежа в госпитале», своей прикосновенностью к делу 1 марта.

И даже в дознаниях 1889—1890 гг. встречаем мы еще если не «первомартовцев», то их воображаемых продолжателей (Одесское, Астраханское и Новгородское жанд. упр.).

Не все объяснимо в этих дознаниях о ложных самообвинениях. Но ясно одно — впечатление, произведенное актами революционной борьбы, было огромно и не всегда отрицательно. Иначе как объяснить эти случаи помешательства, эту рискованную хвастовню, хотя бы иногда и в нетрезвом виде? А эти самозванцы, появлявшиеся в разных глухих углах, объявлявшие, что они «вынуждены» стрелять в царя? Не скрыт ли источник подобных явлений в нашем далеком прошлом, которое в смутные времена порождало самозванцев?

То, что было в 1881—1882 г., тоже ведь было своего рода «смутой», шаталось то, что казалось незыблемым от века до века, — царский трон. И вот на почве этой смуты тоже вырастали маленькие самозванцы — неизвестного звания люди и люди

разных званий, которое свое беспокойное маленькое я одевали в таинственное, но яркое, приковывающее внимание одеяние. Что за беда, что в близком будущем придется расплачиваться за свое самозванство! Пока что — они герои, на которых смотрят с удивлением, страхом или восхищением.

Общий характер всех этих дознаний, несмотря на их паталогичность и полное отсутствие в них политической преступности, все же указывает на проникновение в народные массы представления — хотя и смутного, часто сумбурного — о революционере, о революционной борьбе. Эти самозванцы, эти авантюристы, сами того не подозревая, являлись агитаторами, несшими в массы отголоски той борьбы, которая велась хоть и не при участии масс, но во имя масс.

Из общего числа привлеченных 55% падает на непривилегированные сословия. В составе обвиняемых 3 женщины. Наибольшее число привлеченных падает на 1883 г.

4. «ДЕРЗКИЕ СУЖДЕНИЯ»

Революционная борьба, ведшаяся сравнительно небольшими группами отважных людей где-то в подполье, докатывалась, как мы видели, и до масс. Но она рождала в них не только страх или удивление перед чем-то неведомым и диковинным, не только тревогу и ожидание каких-то перемен, но и попытки борьбы, попытки самостоятельных выступлений. Об этом говорит ряд дознаний, возникавших особенно часто в годы наибольшего проявления революционной энергии.

Для нас представляют большой интерес возникавшие в разных местах на протяжении десятилетия дела, связанные с выражением «дерзких суждений» о государственном порядке и царской власти, дела по обвинению в проявлении сочувствия революционерам или террористическим актам, наконец, дела об угрозах начальствующим лицам, о «подстрекательстве к бунту», к тем или иным действиям против властей.

Начнем с дознаний о выражении «сочувствия» революционерам и в частности 1 марта. Такие дознания возникают и непосредственно после 1 марта в 1881 году, и в последующие 1882 и 1883 годы, и, как редкие отголоски, встречаются и позже.

Вот дознания 1881—1882 г.: Тамбовским жанд. упр. привлекается сын дворянина Ротов, 17 лет, заподозренный в принадлежности к революционной партии вследствие произнесенных им по поводу 1 марта 1881 г. слов: «Слава тебе, господи, мы того и желали». Дворянин Дейнихен привлечен за высказывание «идеи о необходимости уничтожить членов царской фамилии» (Черниговское жанд. упр., «Вед. дозн., 1882 г.).

Крестьянин Миронов привлечен «за угрозы убить царя» (Петербургское жанд. упр., «Вед. дозн.» 1882 г.).

В Уфимском жанд. упр. возникло дело о посланном в марте 1882 г. письме с рассуждениями о необходимости покушения на жизнь царя. Автор письма остался необнаруженным.

Екатеринославским жанд. упр. был привлечен канцелярский служитель Палатов за беседы с береговыми десятниками, перед которыми он «неоднократно порицал образ правления и государственное устройство России, выражая убеждения, что в скором времени будет революция, которая, путем избиения и истребления всего царствующего дома, создаст народное правление». Читая им революционные книжки, Палатов «показывал какой-то план, объясняя, что это набросок минных работ, производимых анархистами в Петербурге и Гатчине под императорским дворцом» («Вед. дозн.». 1881 г., стр. 14). Дознание прибавляет, что Палатов «подтвердил вышеуказанное и объявил себя участником в преступлении 1 марта».

В Таврической губ. в связи с делом Винберга привлечен управляющий А. Мержанов, 45 л., который «уличен в том, что, идя к присяге ныне царствующему императору, говорил: «Хорошо, что это случилось, новому государю не дадут тех прав, которыми пользовался прежний, и социалисты получат права, которых они добивались... » («Вед. дозн.», 1881 г., стр. 43).

Сын священика Вигулинский привлекается за выражение сочувствия казненным Кибальчичу и Перовской (Новгородское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1882 г.).

Учитель Францкевич — «за сочувствие казненным государственным преступникам» (Астраханское жанд. упр. 1882 г.). За это же привлекаются подполковник Чурин (Одесское жанд. упр.), гимназист Федотов (Омское жанд. упр.), написавший стихи, посвященные 1 марта.

В следующем 1883 году привлекается пом. инспектора духовной семинарии Виноградов, выразивший сочувствие «злодеянию 1 марта» (Владимирское жанд. упр.). За то же привлекался служ. городской управы Мамонтов (Бессарабское жанд. упр.)

Возникает ряд дел «о тостах» в честь революционеров. Например, во Владимирском жанд. упр. возникает дознание о крестьянине Чернове — «за провозглашение тоста за Желябова и Перовскую» («Вед. дозн.», 1882 г.).

Дознания о «тостах» отнюдь, конечно, не указывают на проявление гражданского мужества. Но если считаться с условиями тогдашнего времени и с русской пословицей — «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», то и на такие факты можно смотреть, как на проявление сочувствия революционерам.

В дознаниях следующих лет не исчезают еще проявления этих настроений.

В Московском жанд. упр. возникает дело о мещанине Сорокине, составившем «акростих» на смерть Перовской. В Волынском жанд. упр. — о крестьянине Марковском, 18 лет, «за составление стихов «Венок Рысакову», вложенных им в казенный пакет на имя приставу Кременецкого уезда» («Вед. дозн.», 1884 г.). В Пензенском — о сыне купца Шаломовиче за «сочувствие» 1 марта. («Вед. дозн»., 1885 г.).

Переходим к дознаниям о «дерзостном порицании действий властей» и о «подстрекательствах».

Вот ряд дознаний, возникших в 1881 г.

Мещанин Кельнер привлечен за составление письма, «содержащего бранные выражения против св. особы государя императора» (Волынское жанд. упр.). Мещанин Макаров — за подстрекательство и возбуждение волнения среди народа, собравшегося на базаре (Екатеринославское жанд. упр). Дворянин Иваницкий — за подстрекательства «к вступлению в преступное сообщество с целью возбудить народ к восстанию». Такое же дознание возникает в Тамбовском жанд. упр. Там привлечен сын священника за «порицание монархической формы управления и отрицание бога». В Тверском — дело о подстрекательстве «с целью возбудить крестьян против дворян и помещиков». Такие же дознания в Эстляндском и Минском жанд. упр.

Аналогичные дознания возникают в Бесарабском жанд. упр. (мещанин), Орловском (дворянин), Курляндском (сельский писарь).

1882 год дает нам тоже большое количество дознаний «о предосудительных отзывах», «дерзких суждениях», «отрицании верховной власти» и т. д.

К дознаниям такого рода привлечено 17 человек в 12 жандармских управлениях, из них 10 крестьян, 1 мещанин, 1 казак (Московское жанд. упр., Витебское, Уфимское, Таврическое, Виленское, Полтавское, Самарское, Киевское, Кубанское, Омское, Эриванское. «Вед. дозн»., 1882 г.). 1883 год: крестьянин Карасев привлекается за возбуждение крестьян к неповиновению властям (Бессарабское жанд. упр.). Мещанин Фейш — за возбуждение «к отобранию земли от помещиков» (Херсонское жанд. упр.). Зап. ефрейтор Шуляковский и унтер-офицер. Бедненко — «за возбуждение крестьян» (Минское жанд. упр.). Крестьянин Подгурский — «за предложение крестьянам примкнуть к противоправительственному сообществу с целью истребить духовенство и дворянство» (Киевское жанд. упр). Крестьянин Федоров привлечен за то, «что в разговоре со служащим трактира «Ярославль» предложил ему вступить в тайное сообщество» (Московское жанд. упр.). За такое же предложение привлечен матрос Бондаренко (Таврическое жанд. упр.).

За «дерзкие суждения» привлечены пот. поч. гражданин Постников (Херсонское жанд. упр.), дворянин Шатц (Подольское), крестьянин Соломатин (Петербургское). Крестьянин Курганского у. Разбойников—привлечен за «отрицание необходимости существования верховной власти и подчинения ей» (Тобольское жанд. упр.).

В этом же году возникает ряд дел за порицание правительства в переписке. Так, телеграфист Пинтман и учитель Пуксов привлечены за переписку, в которой последний «в дерзких выражениях порицает слова государя императора, обращенные его величеством в Москве к волостным старшинам, обсуждает действия и распоряжения правительства и в заключение, превознося «честные стремления социалистов», сообщает о каком-то плане «основать преступный кружок с террористическим направлением» (Лифляндское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1883 г., VI). 1884 и последующие годы дают еще дознания этого рода, но в значительно меньшем числе. Так, в Одесском жанд. упр. возникает дознание о крестьянине Чернявском, привлеченном «за неприличные суждения» о манифесте 1883 года.

Аналогичные дознания возникают в этом году в Оренбургском, Новгородском, Рязанском, Владимирском, Петербургском, Томском, Варшавском и Гродненском жанд. упр. Из них интерес представляет лишь дознание о четырех мусульманах Мингушевых, обвинявшихся «в умыш-

Годы	Крестьян	Мещан	Нижн. воен. чинов	Казаков	Дворян	Служащих	Духовных	Купцов	Учащихся	Иностранцев	Неизвестных	Всего
1881	6	4	3	—	4	3	4	1	2	2	—	29
1882	7	3	—	—	5	1	1	1	3	1	—	22
1883	3	7	5	—	3	3	1	1	—	—	—	23
1884	8	11	11	—	7	3	2	—	—	—	1	43
1885	5	1	—	—	—	1	—	1	1	—	—	9
1886	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	5
1887	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	3
1888	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	5
1889	6	—	2	—	—	1	2	—	1	—	2	14
1890	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
1891	5	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	7
	46	29	24	1	21	13	11	4	7	3	3	162

ленном повреждении икон и портретов членов императорской фамилии» (Владимирское жанд. упр.).

Последующие годы, с 1885 г., дают резкое падение числа дознаний этого рода. Из них приведем лишь одно, — в Казанском жанд. упр., — по которому привлечен был военный писарь Попов в связи с появлением на кружках для сбора на памятник Александру II надписи: «За что? за искалечение России?» (обз. XI, «Вед. дозн.», 1886 г.).

Приводим таблицу дознаний, связанных с «порицанием правительства», выражением сочувствия революционерам, «подстрекательствами к бунту» и пр. (стр. 111).

Таким образом, за годы 1881—82—83—84 число привлеченных по этим дознаниям равняется 117, т. е. 72% к общему числу привлеченных, а за последующие 7 лет — 45. Число крестьян, мещан, нижних военных чинов и казаков составляет 100, т. е. 62% к общему числу привлеченных.

5. «ПРЕСТУПНЫЕ ВОЗЗВАНИЯ»

Отказавшись от пропаганды в деревне, как от ближайшей задачи, неосуществимой в данный момент, «Народная воля», тем не менее, не сбрасывала со счетов революционного воздействия на деревню путем распространения там народовольческих изданий через свои периферийные организации.

У нас, к сожалению, нет точных данных, которые позволяли бы нам судить о том, насколько широко распространялась в массах литература «Народной воли». Но дознания, приведенные в «Обзорах» и «Ведомостях дознаний», начиная с 1881 г., проливают некоторый свет на эту сторону деятельности партии «Народная воля», указывая районы и способы распространения революционной литературы той эпохи, т. е. главным образом литературы народовольческой, и, что особенно для нас ценно, отношение населения к попадавшим тем или иным путем в его руки запретным листкам и брошюрам.

Приведем факты. За 1881 год указаны следующие губернские жандармские управления, в которых возникали дознания, связанные с распространением брошюр и прокламаций: Астраханское, Вятское, Екатеринославское, Казанское, Киевское, Нижегородское, Орловское, Петербургское, Полтавское, Саратовское, Симбирское, Самарское, Ставропольское, Тамбовское, Тульское, Херсонское, Уфимское, Черниговское, а также Северо-Западного края — Виленское, Гродненское, Ковенское, Минское, Могилевское, Сувалкское, и Сибири — Енисейское. Всего — 24 губернских жандармских управления. Общее количество привлеченных за этот год 38 человек (33 мужчин и 3 женщины), из них 19 кре-

естьян, 7 мещан, 3 нижних военных чина. Но надо прибавить, что не все дознания могли обнаружить виновных; нередко, указывая на факт распространения революционных прокламаций, дознания заканчиваются меланхолической припиской: «виновные не обнаружены».

Так, в возникшем в Екатеринославском жанд. упр. деле «о рассылке преступных прокламаций» сообщается, что в сентябре 1881 г. крестьяне слободы Янова-Новосельское получили по почте прокламации Исполнительного комитета, но «виновные не обнаружены».

В дознании Самарского жанд. упр. о появившихся в конце мая 1881 года в разных местах прокламациях «преступного сообщества» тоже не указываются виновные.

Также не обнаружены были виновные в дознании о прокламациях Сувалкского жанд. упр., Гродненского (о разбросанных в сентябре в Гродно и окрестностях, «в местах расположения войска», прокламациях Исполнительного комитета «к офицерам» и «к русской армии» и разосланных по почте), Ковенского (прокламации Исполнительного комитета на фабрике Альтмана), Тамбовского («Письмо к Александру III), Вятского, Самарского, Казанского. В дознаниях последнего сообщается, что «в мае по почте многим жителям Казани были разосланы прокламации Исполнительного комитета, такие же воззвания были разосланы разным лицам в Вятской и Самарской губерниях».

В Златоусте было получено письмо на имя разных лиц с печатными прокламациями «Суд и пытки». В Саратове и в разных местах Саратовского уезда было «в течение лета распространено значительное количество преступных прокламаций», и по этому делу было возбуждено пять дознаний. Но лишь по одному удалось привлечь двоих крестьян.

О полученных крестьянами прокламациях без обнаружения виновных также возникли дознания в Орловской губ.

Из дознаний мы видим, что часто пользовались расклеиванием прокламаций на видных местах, разбрасыванием их по дорогам.

Так, в Тульском жанд. упр. возникает дознание о найденных в телеге крестьянина Белевского уезда Канаркина двух прокламациях и книг революционного содержания — «Слово на великий пяток» и «Сказки о Правде и Кривде». В Петербургском — дознание о «преступных прокламациях», найденных на шоссе дочерью колониста Лацеруса. Дознание о разбрасываньи прокламаций возникли также в Полтавском жанд. упр., в Самарском («о расклеивании на столбах, зданиях, базарных площадях»), в Симбирском, Нижегородском (в г. Семенове и в Нижнем).

Многочисленные дознания рисуют также картину широкого распространения прокламаций и брошюр в 1882 г.

В Казанском жанд. упр. — возникло дознание о рассылке по почте прокламаций предводителю дворянства, членам земской управы, председателю окружного суда и другим.

Там же — о получении по почте в двух волостях, Кулаевской и Столбинской, нескольких прокламаций Исполнительного комитета, за что был привлечен мещанин Быховский.

В Московском — о «найденных трех конвертах с социально-революционными изданиями на фабрике купца Куманина». Там же — о получении письма с прокламацией «К русскому рабочему и крестьянскому народу». В Одесском — о найденных воззваниях Исполнительного комитета на сахарном и пивоваренных заводах. В Петербургском — о распространении преступных изданий в казармах лейб-гвардии Преображенского полка. Там же — о расклейке прокламаций в Нарве (привлечен крестьянин Юргенсон). В Ставропольском — о присланных по почте в феврале прокламациях на имя крестьянина Сердюкова — «Чернорабочий народ». В Смоленском жанд. упр. — о присланных по почте в августе прокламациях на имя крестьянина Анисимова из деревни Силачево — «К русскому рабочему народу». В Черниговском жанд. упр. — о получении по почте в январе и апреле тремя лицами (казак, крестьянин, унтер-офицер) печатных и гектографированных воззваний — «Честным мирянам». О рассылке же по почте революционных изданий говорится в дознании Нижегородского жанд. управления.

А вот дела о разбрасывании и расклейке прокламаций по площадям и базарам.

В дознании Таврического жанд. упр. указывается, что 21 февраля 1882 г. в Севастополе нижними чинами найдено около казарм шесть революционных прокламаций, 29 марта — такие же около казарм пограничной стражи. Ярославского — о найденных 25 марта прокламациях от Горецкого центрального кружка. В Полтавском жанд. упр. — за расклейку прокламаций в Кобеляках привлечен чиновник Лутовинов.

Из дознаний 1882 г. видно, что в Киеве на домах и заборах было расклеено до 37 экз. печатных прокламаций: 1) «К братьям рабочим — от социал-революционной партии Народной воли»; 2) «К интеллигенции — от Киевской организации партии «Н. в.».

Аналогичные дознания возникают в Курском жанд. упр. (найдены прокламации «Рабочему народу русскому от друзей русского народа»), в Харьковском, Волынском, Екатеринославском («пакет с прокламациями был найден близ слободы Ильинки»), в Черниговском («о разбросанных

прокламациях в г. Глухове»). Прокламации найдены были в Таганроге, в Ельце.

Мы видим, что наряду с крупными центрами революционные издания попадали и в глухие уездные города. А это лишь обнаруженные жандармами случаи. А сколько оставалось еще дел, не обнаруженных жандармским сыском. Потому что далеко не всегда — как мы увидим ниже — то, что находилось случайно на улице или на дороге, или получалось по почте, — передавалось полиции.

Повод к распространению прокламаций дает в следующем году коронация.

Так, дознание о найденных прокламациях «Чего ждать от коронации» возникло в Смоленском жанд. упр.

Но и помимо коронации дела о распространении прокламаций и в этом году велись широко.

Вот сообщение Казанского жанд. упр.: «В последних числах августа в некоторых деревнях Казанской, Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Вятской, Новгородской, Киевской, Костромской, Уфимской и Черниговской губерний стали часто повторяться случаи получения крестьянами по почте гектографированных прокламаций «Слово к русскому народу», крайне преступного содержания». Большинство этих прокламаций оказывалось «присланными из Казани» и только немногие из Нижнего Новгорода («Вед. дозн.», 1883 г., Обз. VII).

Вот еще факты из дознаний 1883 г., говорящие о том же:

В Таганроге на хуторе Синявском распространены прокламации «К рабочим» — «Честному народу русскому». В Чернигове — «Від Киевск. соц. Н. В. Украинскому народу». Дела о распространении прокламаций возникают также в Самарском жанд. упр. (о посланной по почте в слободу Кинель прокламации) и в Вятском — о расклейке 9 рукописных прокламаций «Земли и воли».

С выступлением на революционную арену близкой к «Народной воле» партии «Пролетариата» увеличивается число дознаний о распространении прокламаций в Северо-Западном крае. Возникает ряд дел о найденных или расклеенных прокламациях (Белосток, Ченстохов, Лодзь, Варшава и Варшавская губ., Ломжинская, Люблинская губ., деревни Мазовецкого, Холмского уездов).

С 1884 г. число дознаний, связанных с распространением прокламаций, падает. Мы нашли всего 16 таких дознаний с 21 привлеченным. Из них мы отметим лишь одно, — в Саратовском жанд. упр., — о разбросанных в нескольких местах города прокламациях — «К жителям саратовских трущоб и захолустьев», возбуждающих «к восстанию против царя, чиновников, богачей, купцов и всех вообще мироедов», привлечено 4 учащихся.

Пункты распространения прокламаций, кроме указанных — Екатеринославская, Пермская, Тамбовская, Оренбургская, Варшавская, Витебская губ. (дело о посылке в Ковно «Листков Народной воли», биографии Перовской и Кибальчича).

В следующие годы идут лишь отголоски или же курьезы.

Так, дознание в Екатеринославском жанд. упр. о наклеенной на дверях лавочника прокламации «Люди добрі», за что привлечен встреченный около дверей мещанин Оцепа.

Или дознание в Ярославском жанд. упр. — «К дому урядника в с. Никольском, Рыбинского уезда, было приклеено следующее объявление: «Русский народ будет только тогда счастлив и покоен, когда им будет управлять не монарх, а республика... и в числе представителей православных не было таких подлецов, как живущий в этом доме урядник Ефрем Ефимов». В дознании указан и привлеченный — горнозаводский мастер В. Воронков («Вед. дозн.», 1887 г., Обз. XII).

Такие примеры, конечно, крайности, но они характеризуют общий характер возникших после 1885 г. дознаний, — это дознания, связанные с отдельными случайными попытками.[1] Это — кустарничество, характеризующее распыление революционной энергии во второй половине 80-х годов.

Нам важна другая сторона этих дознаний о распространении прокламаций, листков и брошюр, — отношение к ним тех, в чьи руки они попадали. Оставляем в стороне многочисленные дознания о хранении революционных изданий, как такие, в которых не всегда можно установить непричастность привлеченных к революционным организациям, — а нас в данном случае интересуют широкие круги, не связанные организационно с революционными кружками. Укажем лишь на то, что состав привлеченных по этим делам все тот же, с неизменным преобладанием так называемых низов.

Так, по дознаниям о хранении революционной литературы за 1881 г. привлечено 17 человек (из них 6 крестьян, 4 мещан, 2 нижних военных чина).

В 1882 г. — 16 человек, из них 5 крестьян и 4 мещан. Но хранение революционной литературы, несмотря на риск, возможность попасть за это в тюрьму, все же акт пассивный. Между тем в дознаниях мы имеем указания на проявления

[1] В Стародубе на ограде собора оказались расклеены революционные стихи. В Полтавском жанд. упр. — у ворот дома священника найдено письмо «К народу». «Воззвания преступного содержания оказались наклеенными на ограде и колокольне церкви в с. Секирницах, Прилукского уезда, Полтавской губ.» («Вед. дозн.», 1889 г.).

более активного отношения к попавшей в руки подпольной литературе, попыткам распространять ее.

Приведем факты из дознаний 1881—1882 гг.

Киевским жанд. упр. — за передачу полученных прокламаций привлечены крестьянин Шаповалов, сын дьячка Левицкий.

Московским — за то же («Честным мирянам» и «Зерно») — крестьянин Белов.

Подольским — за то же — семинарист Николаевский (изд. «Народной воли») и казак (распространил прокламации, полученные по почте).

Екатеринославским — казак Зареченский (рассылка по почте прокламац. Исполнительного комитета), урядник (!) Никифоров, крест. Соколенко («пересылка преступных прокламаций зятю»).

Запасный рядовой Днепровского уезда, Троицкой волости, Мирон Килица был привлечен Херсонским жанд. упр. за то, что «долгое время распространял в среде сельского населения брошюры — «Слово на великий пяток» Тихона Задонского» (показал, что «найдено на улице», «Вед. дозн.», 1882 г.).

Отст. колл. регистратор Парейский привлечен за распространение «Сказки о копейке», которую он, по его словам, «купил у неизвестного» (Виленское жанд. упр.).

Волостной писарь села Обозновки Лукин обвинялся «в чтении в местном шинке преступной прокламации Исполнительного комитета, полученной по почте крестьянином Мельниковым от неизвестного лица» («Вед. дозн.», 1882 г., Обз. IV).

По делу о хранении и распространении прокламаций в 1882 г. возникло 24 дознания.

В 1883 г. — 45, в 16 из них виновные не были обнаружены.

Оставляя в стороне дознания, возникавшие в губерниях Северо Западного края, где, как мы указывали выше, «Пролетариатом» велась весьма энергичная работа по распространению прокламаций не только в городах, но и в деревнях, приведем лишь дознания, возникавшие в русских губерниях. Список их не мал, поэтому ограничимся лишь несколькими фактами.

Таврическим жанд. упр. — рядовой л. гв. Павловского полка Иванов привлекался за распространение противоправительственных изданий среди рабочих жел. дороги.

Киевским — за передачу писарю Билинскому «Письма к Александру III» привлечен сын священника Немировский.

Там же привлечен мещанин Алешков за рассылку прокламаций по Черниговской губ.

Лифляндским — за расклейку по корчме прокламаций, возбуждающих крестьян к захвату помещичьих земель, привлечены два кузнеца — Верномазинг и Петьев.

Херсонским — за передачу односельчанам прокламации «Люди добрі» привлечен крестьянин Куруп.

Любопытны попытки публичного чтения прокламаций, оглашение их на сходах.

Волынским жанд. упр. — запасный ефрейтор Бездетко привлечен за чтение крестьянам села Андреева революционной прокламации, присланной ему из Казани неизвестным лицом.

Черниговским — привлечен сын псаломщика Кобзврь за «оглашение на сельском сходе полученных случайно преступных прокламаций».

Не всегда такие попытки осуществлялись. Так, крестьянин села Чечуйки, Саратовского уезда, Рогожин привлечен по обвинению в том, что он предлагал сельскому писарю Смольникову «прочитать вслух на сельском сходе» издания «Народной воли» (Саратовское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1883 г., Обз. VII).

Дознания говорят и о самостоятельных попытках размножить полученные экземпляры прокламаций или составлять их собственными силами.

Сельский писарь Апанасенко, 46 лет, привлечен за то, что «снял копию с полученной прокламации» (Черниговское жанд. упр.). Крестьянин Лежнев — за распространение на Ка-

Годы	Крестьян	Рабочих	Мещан	Нижн. воен. чин.	Казаков	Служащих	Дворян	Военных	Духовных	Купцов и поч. граждан	Учащихся	Неизвестных	Всего	
1881	18	—	8	2	1	3	2	2	2	3	3	2	46	из них 4 женщ.
1882	15	—	16	6	5	5	2	1	1	4	3	1	59	« « 4 «
1883	18	10	12	7	—	2	1	—	3	1	7	—	61	« « 1 «
1884	—	—	5	1	—	—	2	—	2	—	16	2	28	« « 3 «
1885	2	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	6	
1886	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
1887	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	
1888	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1889	2	1	—	3	—	—	—	—	1	—	1	—	8	
1890	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	
1891	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	
	58	14	44	20	6	13	7	3	10	8	30	5	218	—

142 70

менском заводе рукописного воззвания «приглашающего народ отбирать землю у помещиков Кунгурского уезда» (Пермское жанд. упр., «Вед. дозн.», 1883 г.). Крестьянин Дорохов — за снятие копии с полученной им по почте речи Петра Алексеева (Таврическое жанд. упр. «Вед. дозн.», 1883 г., обз. VI).

Общее количество привлеченных по дознаниям о хранении и распространении революционной литературы за 10 лет (табл. на стр. 118).

Таким образом, число привлеченных по дознаниям этого рода за годы 1881—82—83—84, т. е. за годы деятельности партии «Народная воля», равняется 194 чел., — 89%, а за все остальные 7 лет — 24 чел., 11%; после 1884 года, т. е. после разгрома «Народной воли», число привлеченных сильно падает.

Из таблицы на стр. 118 видно и то, в какой прямой зависимости стояли возникавшие о прокламациях дознания от интенсивности революционной борьбы, которую вела партия «Народная воля».

Наибольшее число привлеченных падает на 1883 и 1884 годы (59 и 61 чел.).

Прибавим, что число привлеченных было бы значительно бо́льшим, если бы не было дел, в которых виновные не были обнаружены. Располагая числа таких дел по годам, получаем:

Годы	Дознания с необнаруженными виновными
1881	12
1882	19
1883	13
1884	7
1885	—
1886	—
1887	4
1888	—
1889	2
1890	—
1891	—
Всего	57

Наибольшее число таких дознаний приходится на 1882 год, который и является, таким образом, годом, дающим максимальную для данного периода цифру дознаний, связанных с распространением революционной литературы.

Социальный состав привлеченных указывает на то, что на долю первых категорий (14 рабочих, 58 крестьян, 44 мещ., 20 нижн. воен. чинов и 6 казаков) приходится 142 чел., т. е. 65% общего числа привлеченных. Следовательно, и в этих дознаниях, как и в вышерассмотренных, социальный состав определяется преобладанием непривилегированных сословий с бо́льшим, чем там, участием рабочих, как более сознательной части народных масс.

О чем говорят все эти факты?

Отголоски борьбы не только доходили до масс, но встречали в них отклики, будили в них смутные надежды на перемены. Но тяжелая рука самодержавия, еще не побежденного, с свирепой жестокостью обрушивалась на малейшие проблески сознательности в массах, душила еще в зародыше попытки борьбы.

Но почва все же была тронута, и семена, брошенные руками неустрашимых борцов, не погибли!

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

П. А. КРОПОТКИН И НАРОДОВОЛЬЦЫ

Из всех русских эмигрантов-революционеров 80-х годов П. А. Кропоткин был почти единственным человеком, который знакомил европейское общество с революционным движением в России в ту эпоху. Пользуясь большим авторитетом не только среди европейских рабочих, но и среди радикальной буржуазии, П. А. Кропоткин почти с первых же дней своего появления в Европе (летом 1876 г.) начинает писать статьи во французских и английских газетах о положении дел в России и выступает также на митингах и собраниях.

В своих статьях и речах П. А. старался разъяснить европейскому обществу задачи русских революционеров и защищал их от нападок и клеветы европейских буржуазных газет.

В то время, когда даже немецкие и швейцарские социал-демократические газеты неодобрительно отзывались о тактике народовольцев, а Плеханов характеризовал народовольцев как «либералов с бомбой», П. А. в своей газете «Le Révolté» и в статьях в английских газетах постоянно разъяснял, что народовольцы — социалисты-народники, которые вынуждены всеми обстоятельствами русской жизни изменить тактику и свое главное внимание обратить на политическую борьбу с царизмом.

С момента образования партии «Народная воля» П. А. почти в каждом номере «Le Révolté» отмечает деятельность партии и печатает народовольческие прокламации.

Не разделяя взгляда народовольцев на террор — как на средство, при помощи которого можно свергнуть самодержавие или добиться от него уступок, — П. А., тем не менее, преклоняется перед героизмом и самопожертвованием народовольцев.

В № 20 газеты «Le Révolté» за 1879 г. П. А., приветствуя появление первого номера журнала «Народная воля», говорит:

«Мы вполне разделяем идеи наших друзей из партии «Народной воли» о необходимости смести русское тираническое правительство. Но мы не согласны только с тем, что ниспровергнуть самодержавие можно без народных масс. Если народные массы в России остаются спокойны, если крестьяне не восстают против помещиков, то что может сделать горсть революционеров? Никакая серьезная политическая револю-

ция невозможна, если она в то же время не имеет характера социально-экономической революции».

Признавая, что самодержавный строй падет только от народного восстания, П. А. считал тем не менее, что народовольцы своей борьбой приближают приход революции и расшатывают в народе своими актами веру в божественность царей, как «помазанников божьих».

Вот почему П. А. приветствовал все проявления борьбы народовольцев с царизмом и старался разъяснить европейскому обществу задачи и цели народовольцев и русских революционеров.

Когда в 1879 г. А. К. Соловьев совершил свое неудачное покушение на Александра II, П. А. помимо статей в газетах написал небольшую брошюру — «Процесс Соловьева, — жизнь русского нигилиста». Эта брошюра была издана в Женеве на французском языке.[1]

В предисловии к этой брошюре П. А. говорит: «Жизнь Соловьева интересна тем, что она является типичной жизнью большинства русских революционеров... Как складывается жизнь русского революционера, — спрашивает П. А., — в юности его тревожат общие вопросы миросозерцания — вопросы философские, религиозные и социальные. Познакомившись с выводами современной науки, русский революционер стремится передать приобретенные познания народу. Но на этом пути он встречает сотни препятствий. Однако эти препятствия не останавливают его, он отказывается от своего привилегированного положения, от всех преимуществ своего класса и идет «в народ», в самые низы, где революционер работает или волостным писарем, учителем, или простым рабочим на фабрике и ведет среди рабочих и крестьян пропаганду нового евангелия — социализма, подготовляя народ к социальной революции.

«На этом пути русский революционер подвергается преследованиям со стороны власти, и большинство революционеров попадают в тюрьму и умирают на каторге или на виселице...

«Естественно, — продолжает П. А., — что у многих русских революционеров, под влиянием жестоких репрессий правительства, родилась мысль: временно оставить революционную работу в народе и направить все свои силы на борьбу с правительством и, прежде всего, с царем, как олицетворением самодержавной власти.

«Логика жизни, — говорит П. А., — заставила русских революционеров стать на путь цареубийства».

Закончивая свою брошюру о Соловьеве, П. А. пишет:

---

[1] Le procès de Solovieff (La vie d'un socialiste russe). Genève, 1879, p. 24, Prix 20 centimes.

«Соловьев умер... но идея, ради которой он жил и работал, — не умерла и не может умереть. Эта идея будет жить.

«Царизм, после того как истратил все средства задушить революционное движение, решил теперь прибегнуть к виселице. Но виселицы порождают еще большую ненависть к царизму.

«Смерть революционеров заставляет остающихся в живых их товарищей давать обещанье продолжать дело погибших. Бесчеловечные преследования революционеров правительством возбуждают внимание и интерес к революции широких масс.

«Выстрел Соловьева, — добавляет П. А., — несомненно, отзовется сильным эхом в миллионах крестьянских изб, где нужда и нищета убили всякую надежду на лучшее. Этот выстрел разбудит спящих и заставит лишний раз подумать о том, за что борются революционеры».

Когда народовольцы предприняли организацию целого ряда покушений на Александра II, П. А. подробно отмечает на страницах «Le Révolté» весь ход этой борьбы.

В статье о событиях в России и о процессе Квятковского в № 22 «Le Révolté» за 1880 г. П. А. называет народовольцев «железными людьми».

По поводу взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. П. А. Кропоткин пишет большую заметку. Преклоняясь перед геройством и смелостью народовольцев, П. А. тем не менее прибавляет:

«Не будем, однако, забывать, что кучка людей, как бы они ни были мужественны, могут только поколебать трон, но не могут его ниспровергнуть. Будем помнить, что революции делаются только народными массами...

«... Когда такая же энергия будет направлена на то, чтобы подготовить и организовать народное восстание, крестьянскую революцию, — тогда успех этой революции будет обеспечен и тогда все алтари, троны и банкирские прилавки падут вместе. Это будет действительная революция, и это будет вместе с тем и началом возрождения России».

В другой статье П. А. называет народовольцев «пионерами социальной революции» и добавляет, что благодаря деятельности партии «Народная воля» «заря великой революции занялась уже на историческом горизонте».

Событию 1 марта 1881 г. П. А. посвящает большую статью в № 2, от 18 марта 1881 г., газеты «Le Révolté». В своей статье П. А. описывает подробно реакционную политику Александра II, которую он вел в последние годы своего царствования и которая заставила революционеров направить свой гнев именно на него.

Когда произошло 1 марта, Кропоткин так оценил значение этого события.

«Какое же значение будет иметь событие 1 марта? Конечно, нечего надеяться, что Александр III изменит политику своего отца. Всем известен властный и ограниченный характер нового царя, и, кроме того, мы знаем, что всякий самодержец всегда стоит и будет стоять на страже интересов правящих классов, в данном случае русского дворянства. Следовательно, на уступки правительства рассчитывать нечего.

«Значение события 1 марта важно не с этой точки зрения. Событие на Екатерининском канале имеет для нас большое значение прежде всего потому, что это событие нанесло смертельный удар самодержавию. Престиж «помазанника божия» потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином.

«Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно угнетать народ, нельзя безнаказанно попирать народные права. С другой стороны, сами угнетаемые научатся теперь защищаться...

«Как бы то ни было, первый удар, и удар сокрушительный, нанесен русскому самодержавию. Разрушение царизма началась, и никто не сможет сказать, когда и где это разрушение остановится...

«Событие 1 марта — это огромный шаг к грядущей революции в России, и те, кто подготовил и совершил это дело, запечатлевшие своей кровью этот подвиг, — не напрасно принесли себя в жертву».

В № 3 «Le Révolté», от 2 апреля 1881 г., П. А. помещает вторую статью о событии 1 марта и говорит об аресте Геси Гельфман. В этом же номере «Le Révolté» П. А. напечатал прокламации Исполнительного комитета.

В № 4 газеты «Le Révolté« П. А. печатает вместо передовой статьи письмо Исполнительного комитета к европейскому обществу и письмо к Александру III.

В этом же номере П. А. поместил и подробный отчет о процессе первомартовцев, а в № 5 «Pe Révolté» П. А. печатает передовую статью под заглавием «Мученики», посвященную казненным первомартовцам.

В этой статье П. А. горячо защищает Перовскую, Желябова, Кибальчича, Михайлова и Рысакова от нападок буржуазных европейских газет. Многие французские и швейцарские газеты изображали первомартовцев кровожадными зверями, организовавшими нападение на больного безвредного старика-царя.

П. А. в своей статье опровергает легенду о безвредности Александра II. Он приводит ряд фактов, доказывающих, что Александр II был сознательный и убежденный реакционер и воплощение самодержца-деспота.

«За время его 25-летнего царствования, — говорит П. А., — более 500 человек было расстреляно и повешено. Он заставил плакать 65 000 семейств, сыновья и дочери которых умерли в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Он разгромил Польшу. Он

сеял в своей империи нищету и голод. По его приказу и с его ведома секли розгами крестьян — мужчин и женщин — за то, что те имели смелость, умирая с голода, восставать против угнетателей. Он отдал страну шайке грабителей и вешал тех, кто осмеливался протестовать против этого. По его приказу отбирали у крестьянина последнюю корову за невзнос податей, и в то же время он раздавал десятки миллионов рублей Долгорукой, Адлербергу и другим своим фаворитам. — Таков был царь Александр II, который являлся злейшим врагом своего народа...»

Эту статью П. А. заканчивает следующими словами:

«Пусть защитники палачей плачут над растерзанным трупом Александра II, — пусть они посылают свои проклятья побежденным революционерам, — рабочая Европа уже высказала свое мнение и оправдала мучеников. Рабочие Западной Европы с благоговением произносят имена тех, которые окончили свою жизнь на эшафоте, отдав ее целиком, всю без остатка, на завоевание свободы и счастья для народа.

«История, — продолжает П. А., — впишет их имена рядом с именами легендарных героев, и много веков молодые юноши и молодые девушки будут вдохновляться при воспоминании о них лучшими чувствами самопожертвования и безграничной преданности великой идее свободы, ибо без такого самопожертвования и без такой преданности делу свободы человечество продолжало бы коснеть еще и теперь в самом диком варварстве...»

Вскоре после казни первомартовцев П. А. написал и издал на французском языке брошюру: «La vérité sur les exécutions en Russie. Suivie d'une esquisse biographiqe sur Sophie Perovskaya» Edition du «Révolté», Genève, 1881, pp. 29.

Свой биографический очерк о Перовской, составленный частью по личным воспоминаниям, П. А. начинает такими словами:

«Среди выдающихся и самоотверженных революционеров, каких выдвинуло русское социалистическое движение за последние годы, одна личность в особенности пользуется симпатией всех, даже своих врагов. Это Софья Перовская».

Когда самая распространенная буржуазная газета в Швейцарии, «Journal de Genève», напечатала в 1881 г. гнусную статью о Перовской, П. А. немедленно пошел в редакцию газеты и заставил редактора написать опровержение той лжи, какую он поместил на страницах газеты по поводу Перовской. И редакция, никогда не печатавшая опровержений тех ложных выдумок, какие появлялись иногда на ее страницах, на другой же день поместила свое извинение.

Когда П. А. узнал о судьбе Геси Гельфман и о том, что смертный приговор над ней будет приведен в исполнение, ко-

гда она разрешится от бремени, П. А. собирает своих женевских друзей и рабочих и предлагает протестовать против такой неслыханной жестокости. Он составляет большую афишу-протест, собирает под ней подписи, печатает ее в своей типографии и сам расклеивает ее на улицах Женевы.[1]

Вот текст этой афиши-протеста:

«Граждане!

«Невозможное ни в какой цивилизованной стране совершилось в России.

«Казнена женщина — Софья Перовская. Другая женщина — Геся Гельфман, несмотря на то, что она беременна, также приговорена к смерти. Ее заперли в тюрьму, где будут держать до того момента, когда она разрешится от бремени. В течение целых пяти месяцев она должна будет испытывать нравственную пытку, ежедневно ощущать петлю на своей шее, зная, что эта петля сейчас же задушит ее, как только она станет матерью.

«Но это еще не все. Крестьянина Михайлова, привлеченного по делу 1 марта, вешали три раза. Два раза обрывалась веревка, и три раза Михайлова заставляли подниматься на эшафот.

«Известно, что даже в средние века человеку даровали жизнь, если веревка палача обрывалась.

«Граждане!

«Подобные акты варварства вызывают чувство глубочайшего возмущения, и в европейской печати появились уже протесты.

«Мы не хотим, оставаясь безучастными по отношению к этим бесчеловечным поступкам, быть как бы молчаливыми соучастниками той жестокой пытки, которой подвергают в данный момент женщину, для которой право быть матерью означает смерть на виселице. Мы не хотим быть соучастниками и свидетелями такого варварства.

«И поэтому мы выражаем наше негодование и наш протест, и мы не сомневаемся, что в Швейцарии раздадутся горячие протесты против такого возвращения к варварству давно минувших времен».

В это время П. А. едет в Париж и намеревается организовать там большой митинг в защиту Геси Гельфман, но французское правительство категорически запрещает устройство митинга. Тогда П. А. помещает в газете Рошфора «L'Intransigeant» и в газете Клеменса «Justice» горячие статьи в защиту Гельфман. Он идет также к Тургеневу и к Виктору Гюго и знакомит их с обстоятельствами дела.

---

[1] Один экземпляр этой афиши выставлен в Музее Кропоткина (Москва, Кропоткинский пер., д. 26).

Тургенев в это время был уже болен своей ужасной болезнью — раком спинного мозга. «Тургенев, — говорит П. А. в «Записках революционера», — мучился в это время мыслью, что его долг — написать Александру III о необходимости дать России конституцию».

Возможно, что под влиянием рассказов П. А. о Перовской Тургенев задумал написать свое стихотворение в прозе «Порог».

П. Л. Лавров в своей статье о Тургеневе говорит, что Тургенев прочитал ему это стихотворение летом 1882 г. в Буживале. В этой же статье П. Л. Лавров упоминает, что Тургенев в это время «вел другие разговоры с П. А. Кропоткиным о его планах и взглядах на русское общественное движение».[1]

Возможно также, что и Виктор Гюго под влиянием рассказа П. А. о судьбе Геси Гельфман написал стихотворение, посвященное Гесе Гельфман, которое П. А. приводит в своей брошюре о Перовской.

Такое активное выступление П. А. в защиту народовольцев не могло, конечно, оставаться неизвестным русскому правительству и, в частности, Александру III. Александр III, знавший лично П. А. еще когда он был камер-пажем его отца, следил за революционной деятельностью П. А. в Европе и после события 1 марта послал даже в Женеву личного агента с специальной целью следить за П. А.[2]

Получая донесения шпионов об активной защите П. А. народовольцев, русское правительство вывело заключение, что П. А. принимал участие в деле подготовки убийства Александра II, тем более, что в донесениях некоторых шпионов прямо говорилось, что П. А. доставал динамит для народовольцев.

Александр III был убежден, что П. А. является соучастником дела 1 марта. Вот почему, когда весной 1881 г. образовалась так называемая «Священная дружина» для борьбы с революционерами, эта «дружина» на своем первом заседании, под председательством брата царя, великого князя Владимира, вынесла смертный приговор Кропоткину и Льву Гартману (участнику взрыва на Курской дороге).

Для исполнения этого приговора в Женеву был послан один из членов «дружины», некий Горяинов, гвардейский офицер, бывший воспитанник Пажеского корпуса, где учился и П. А.

К счастью, о всех этих планах случайно узнал от Лорис-Меликова М. Е. Салтыков-Щедрин. Салтыков счел своим долгом

---

[1] Статья «И. С. Тургенев и развитие русского общества», «Вестник Народной воли», № 2, Женева, 1884, стр. 124.

[2] См. об этом в статье Д. Заславского «Взволнованные лоботрясы» (Из истории «Священной дружины»), «Былое», № 25, 1924, стр. 72 — 91.

предупредить П. А. о готовящемся на него покушении. С этой целью летом 1881 г. Салтыков поехал заграницу и намеревался предупредить П. А. лично. Но так как П. А. уехал летом 1881 г. в Англию читать ряд докладов о России и русских делах, то Салтыков написал письмо доктору Белоголовому и просил его сообщить о планах «Священной дружины» Лаврову и Кропоткину.

Когда П. А. узнал от Лаврова о готовящемся на него покушении, он поехал в Женеву и напечатал в «Le Révolté» заметку, в которой говорил об организации «дружины» и добавлял, что «дружина» решила убить Гартмана, Кропоткина, Рошфора и Дейча. «Чтобы убить Рошфора и Кропоткина, — добавляет П. А., — решено послать специальных агентов... Группа убийц, предназначенных для Женевы [т. е. для убийства П. А.], уже прибыла. На-днях ожидается в Женеве прибытие русской богатой и высокопоставленной дамы, которая, будучи интимным другом петербургского двора, взялась руководить всем делом в Женеве. Таким образом, — заканчивает П. А. свою заметку, — мы вступаем в эпоху Борджиев». [1]

В то же время П. А. посвятил во все планы готовящегося на него покушения женевского корреспондента газеты «Times». В тесном кружке журналистов был составлен своего рода протокол, в котором было указано, кто является истинным виновником убийства. Этот протокол был отправлен в Лондон и в случае убийства П. А. должен был быть напечатан в «Times».

Неизвестно, что заставило агентов «дружины» отменить убийство П. А. — разоблачение ли их планов, или что другое, до сих пор невыяснено.

Но Александр III не оставил в покое П. А. Он добился у швейцарского правительства изгнания П. А. из пределов Швейцарии, а когда П. А. поселился во Франции, то русское правительство настояло на аресте П. А. и требовало его осуждения.

Французское правительство в угоду русскому царю осудило П. А. на пять лет тюремного заключения за попытку «восстановления Интернационала».

Доказательством того, что весь процесс против П. А. был устроен в угоду и по требованию русского правительства, является тот факт, что прокурор, обвинявший П. А., и министр юстиции получили после осуждения П. А. по русскому ордену и, может быть, денежные награды. В «Переписке Победоносцева с Александром III» напечатано письмо небезызвестного монархиста Циона к министру Делянову.

В этом письме Цион пишет: «Имею честь представить вам подателя сего письма, сенатора Девеса, бывшего министра

---

[1] «Le Révolté», № 16, 1 октября 1881 г., стр. 4. Заметка: «Russie».

юстиции. Будучи министром юстиции, он арестовал Кропоткина и приговорил его к пятилетнему заключению». Цион просит Делянова представить Девеса Победоносцеву и Александру III, чтобы получить от них награду.

Чтобы не подать вида, что Кропоткина судят по требованию русского правительства, русские монархические газеты, в особенности «Московские ведомости», старательно подчеркивали, что Кропоткин привлекается как «глава Интернационала». Так, в статье о процессе «Московские ведомости» разражаются такой фразой:

«Глава Интернационала князь Кропоткин приговорен Лионским судом к 5-летнему тюремному заключению... Но, будучи лишен возможности руководить шайкой международных разбойников, Кропоткин, тем не менее, продолжает быть душою всех анархических шаек».

Архивы французского министра юстиции хранят, по всей вероятности, любопытные документы по поводу П. А. Кропоткина. К сожалению, эти документы пока еще недоступны для исследователя, и приходится во многом строить только догадки.

Н. Н. ГУСЕВ

1 МАРТА И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Событие 1 марта застало Толстого в состоянии радикальной ломки всего его мировоззрения. Основываясь на новом нравственном сознании, во имя новых идеалов, он осудил и праздную жизнь, и выросший на угнетении и угнетение поддерживавший господствующий образ мыслей того дворянского класса, к которому принадлежал он по рождению.

«Я отрекся от жизни нашего круга, — писал он в «Исповеди», — признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни».

В его сочинениях и в письмах все чаще и чаще появляются ноты раздражения по отношению к высшим классам. Побывав в марте 1878 г. в Петербурге, он 25 марта пишет Фету про петербургскую аристократию: «Им там весело, и все очень просто, так за что же нам сердиться? Что они выпивают кровь из России — и это надобно, а то бы мы с жиру бесились, а у них все это дижерируется очень легко. Так что и за это нам обижаться не следует, но за то, что они глупы — это бы еще ничего — но несмотря на чистоту одежды, и низменны до скотообразности. Это было мне ужасно тяжело в мое пребывание там». [1]

Изменению социально-политических воззрений Толстого содействовало и его общение с поселившимся у него с осени 1877 года учителем его старших детей, кандидатом математики Петербургского университета, Василием Ивановичем Алексеевым, членом кружка «чайковцев», в 1875—1877 гг. устраивавшим в Америке коммуну вместе с Фреем, Н. В. Чайковским и др. В дневнике А. Б. Гольденвейзера 8 июля 1904 г. записаны слова Толстого о том, что именно от В. И. Алексеева в то время, как он, Лев Николаевич, был «в самом разгаре своей помещичьей жизни», он впервые услыхал мысль о том, что земельная собственность — зло. «Помню, — говорил Толстой, — как меня поразила эта мысль и как сразу для меня открылись совершенно новые горизонты». [2]

---

[1] Н. Гусев, Неизданные письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету, «Печать и революция», 1927, кн. 6, стр. 57.

[2] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, изд. Центрального товарищества «Кооперативное издательство», М., 1922, стр. 150;

Усилившееся в конце 1870-х годов террористическое движение представилось Толстому началом революции. «Засуличевское дело, — писал он Н. Н. Страхову 9 апреля 1878 г. по поводу выстрела В. И. Засулич в петербургского обер-полицеймейстера Трепова и оправдания ее судом, — не шутка. Это — бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное... Это похоже на предвозвестие революции.[1]

К Александру II лично Толстой был равнодушен; ни в одной статье, ни в одном письме Толстого не найдем о нем сочувственного отзыва. Его письмо к Александру II по поводу обыска в Ясной Поляне в 1862 г.[2] сухо и официально. Патриотические восторги, происходившие в Москве после покушения Каракозова 4 апреля 1866 г., вызвали в Толстом ироническое отношение, о чем он писал Фету в апреле или мае того же года: «Что вы говорите о 4 апреле? Для меня это был coup de grâce.[3] Последнее уважение или робость внутренняя суда над толпой исчезли. Ведь это всенародно, с важностью, при звоне колоколов вся Россия, которая слышна, делает глупости с какой-то радостью и гордостью, и ведь какие глупости! глупости, которыми я стыдил бы трехлетнего Сережу.[4] Осип Иванович Комиссаров, член разных обществ,[5] молебствие о том, что в царя стреляли, студенты у Иверской — сапоги в смятку, жолуди говели».[6]

В 1905 году в статье «Единое на потребу», давая убийственные характеристики русским царям, начиная с Ивана Грозного и кончая Николаем II, Толстой не забыл и Александра II, отозвавшись о нем, как о человеке «неумном, недобром, то либеральном, то деспотичном». В другой статье, написанной в том же 1905 году, «Великий грех», Толстой не признает за Александром II права на название «царя-освободителя», как называли его монархисты. «Освобождение крестьян в России, — пишет Толстой в этой статье, — совершено не Александром II», а «преимущественно такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами... ради верности тому, что они признавали правдой».

[1] «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПБ, 1914, стр. 159.

[2] См. «Лев Толстой и русские цари», под редакцией В. Г. Черткова, изд. книгоиздательств «Свобода» и «Единение», М., 1918, стр. 3—5.

[3] Смертельный удар.

[4] Сын Толстого, Сергей Львович, родившийся в 1863 г.

[5] Мещанин Комиссаров, будто бы отвративший от Александра II выстрел Каракозова, получил личное дворянство и был выбран членом всех русских обществ.

[6] Н. Н. Гусев, Толстой в расцвете художественного гения, изд. Толстовского музея, М., 1927, стр. 34.

Первое известие о гибели царя было получено в Ясной Поляне следующим образом. «1 марта,[1] — рассказывает в своих воспоминаниях сын Толстого Илья Львович, — папа по обыкновению своему ходил перед обедом гулять на шоссе.

«После снежной зимы началась ростепель. По дорогам были уже глубокие просовы, и лощины набухли водой. По случаю плохой дороги, в Тулу не посылали, и газет не было. На шоссе папа встретил какого-то странствующего мальчика-итальянца с шарманкой и гадающими птицами. Он шел пешком из Тулы. Разговорились: «откуда? куда?»

— «Из Тулы, дела плох, сам не ел, птиц не ел, царя убиль.

— «Какого царя, кто убил? когда?

— «Русский царь, Петерсбург, бомба кидаль, газет получаль.

«Придя домой, папа тут же рассказывал нам о смерти Александра II, и пришедшие на другой день газеты с точностью это подтвердили.[2]

Рассказываемый И. Л. Толстым эпизод мог быть только 2-го, а не 1 марта, так как сохранилось письмо С. А. Толстой к ее сестре Т. А. Кузминской от 3 марта 1881 г., из которого видно, что 1 марта в Ясной Поляне ничего не знали о смерти царя. «Вчера, — писала С. А. Толстая, — еду я в Тулу, к Лопухиным, а мне у заставы человек говорит: «Слышали, царя нашего убили». Я так и ахнула, спросила, конечно: как? Он отвечает: «Мало ли под него мин подводили, вот карету его разорвало и убило». Так до сих пор подробностей не знаем никаких... Меня поразило одно, что в Туле так просто и спокойно приняли подобный ужас».[3]

В том душевном состоянии, в котором находился Толстой, его не столько поразила гибель царя, сколько мучила мысль о предстоящей казни убийц. И у него является мысль — написать новому царю письмо с просьбой, во имя евангельских идеалов, простить этих людей, показав тем пример исполнения на деле христианских заветов. Он советуется об этом деле с окружающими. Жена отговаривает, опасаясь за его безопасность. В. И. Алексеев, напротив, горячо поддерживает мысль о письме и тем навлекает на себя неудовольствие хозяйки. В своих неизданных воспоминаниях В. И. Алексеев рассказывает об этом так:

«Помню, утром Лев Николаевич мрачный, точно сам присужденный к казни, входит в столовую, где мы все с детьми пили кофе, и глухим голосом зовет меня к себе в гостиную, где

---

[1] Дата явно ошибочная: 1 марта «перед обедом» в Туле еще не могло быть газет с известием о смерти Александра II.

[2] Илья Толстой, Мои воспоминания, М., 1914, стр. 157.

[3] Письмо не издано. Хранится в рукописном отделении Толстовского музея.

обыкновенно пил кофе. Он сказал, что его очень мучит мысл о предстоящей казни лиц, убивших Александра II, что он, следуя учению Христа, думает, по крайней мере, написать письмо Александру III с просьбой о помиловании преступников, что никакого другого поступка для предотвращения их казни он не представляет себе, и просил об этом моего мнения.

«Такое обращение ко мне глубоко уважаемого мною Льва Николаевича по такому важному вопросу меня смутило. Я подумал и сказал:

«Кроме письма к сыну убитого отца, в воле которого казнить и помиловать преступников, тут ничего придумать нельзя. Напиши такое письмо я, — замешанный в студенческие годы в революционной пропаганде, — меня тотчас же заподозрят в сочувствии убийцам и упрячут, не имея достаточных улик для обвинения, под надзор полиции в отдаленные края. Что же касается вас, всем известного русского писателя, пользующегося уважением и в придворных сферах, — ваше письмо прочтут и обратят на него внимание, поверят, что вами движет именно то чувство и те идеи, о которых вы пишете. Поступят ли по вашим словам, или нет, — это их дело. Но вы, написав это письмо, сделаете то, что внушает вам совесть, что предписывает заповедь Христа.

«Самое худое для вас может быть то, что вам за это письмо сделают выговор, — «не в свое, мол, дело суешься». Ну что ж, это — такое наказание, которое легко перенести за правду. Главное то, что вы этим письмом снимете с себя в вашем сознании вину участия вашего в казни, и никогда не будете раскаиваться, что написали его. Ведь государь ослеплен теперь чувством мести. Ему теперь все внушают, что убийц нужно казнить для устрашения вообще врагов государственного строя. Всякий ему говорит теперь: «Око за око, зуб за зуб» и «возненавидь врага твоего», и никто не говорит: «не противься злу насилием», «благотвори ненавидящим тебя». И вот вы своим письмом напомните ему слова божественного учителя.

«Какое счастье и радость будет, если, прочитав это письмо, он поступит по учению Христа. И как вы будете раскаиваться, если государь вспомнит эти слова после казни и скажет: «Ах, жаль, что никто мне не напомнил раньше этих слов спасителя».

«Слова эти слышала графиня Софья Андреевна за дверьми из своей комнаты. Вдруг дверь отворяется, выбегает взволнованная графиня и с сердцем, повышенным голосом говорит мне, указывая пальцем на дверь:

« — Василий Иванович, что вы говорите?.. Если бы здесь был не Лев Николаевич, который не нуждается в ваших советах, а мой сын или дочь, то я тотчас же приказала бы вам убираться вон...

«Я был поражен таким выступлением графини и сказал:

«— Слушаю, уйду...»

Наконец, как это часто бывало с Толстым, он почувствовал себя дошедшим до такого душевного состояния, в котором он уже не мог не написать задуманного письма. «О том, — писал он в 1906 г. П. И. Бирюкову, отвечая на его запрос, — как на меня подействовало первое марта, не могу ничего сказать определенного, особенного. Но суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не мог перестать думать о них, но не столько о них, сколько о тех, кто готовился участвовать в их убийстве, и особенно об Александре III. Мне так ясно было, какое радостное чувство он мог бы испытать, простив их. Я не мог верить, что их казнят, и вместе с тем боялся и мучился за их убийц. Помню, с этою мыслью я после обеда лег внизу на кожаный диван и неожиданно задремал и во сне, в полусне подумал о них и о готовящемся убийстве и почувствовал так ясно, как будто это все было наяву, что не их казнят, а меня, и казнят не Александр III с палачами и судьями, а я же и казню их, и я с кошмарным ужасом проснулся. И тут написал письмо».[1]

Подлинный текст письма, отправленного Толстым Александру III, остается для нас неизвестным. Быть может, оно будет когда-либо найдено в каком-либо из архивов. Сохранилась копия первоначальной его редакции, значительно отличающейся от той, которая была послана. Копия эта, сделанная рукой С. А. Толстой, с несколькими собственноручными исправлениями и вставками автора, хранится в Рукописном отделении Толстовского музея в Москве. На первом же листе на полях «примечание» С. А. Толстой: «Это письмо в этом виде послано не было, а это есть самый первый набросок». И другая заметка ее же: «Пометки и все, что прибавлено, вычеркнуто — все точь в точь по подлиннику. Переписчица». Письмо это уже было опубликовано с некоторыми неточностями текста П. И. Бирюковым в его «Биографии Л. Н. Толстого»; мы воспроизводим его здесь в точном виде и с более значительными из вычеркнутых мест.

«В. И. В.

«Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человек, пишу письмо р[усскому] и[мператору] и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себе: Ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут или прочтут и найдут, что

---

[1] П. И. Бирюков, Биография Льва Николаевича Толстого, т. II, Гиз, 1923, стр. 171.

это вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть. И дурного в этом для тебя не будет, — ничего такого, в чем бы ты раскаивался. Но если ты не напишешь, и потом узнаешь, что никто не сказал царю то, что ты хотел сказать, и что царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: «Если бы тогда кто-нибудь сказал мне это!» Если это случится так, то ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что думал. И потому я пишу в. в-у то, что я думаю.

«Я пишу из деревенской глуши, ничего верно не знаю. То, что знаю, знаю по газетам и слухам, и потому, может быть, пишу не нужные пустяки о том, чего вовсе нет; тогда ради бога простите мою самонадеянность и верьте, что я пишу не потому, что я высоко о себе думаю, а потому только, что уже столь много виноватый перед всеми, боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать.

«Я буду писать не в том тоне, в котором обыкновенно пишутся письма государям, с цветами подобострастного и фальшивого красноречия, которые только затемняют и чувства и мысли. Я буду писать просто, как человек к человеку.

«Настоящие чувства моего уважения к вам, как к человеку и к царю, виднее будут без этих украшений.

«Отца вашего, царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей; убили во имя какого-то высшего блага всего человечества. Вы стали на его место, и перед вами те враги, которые отравляли жизнь вашего отца и погубили его. Они враги ваши потому, что вы занимаете место вашего отца, и для того мнимого общего блага, которого они ищут, они должны желать убить и вас. К этим людям в душе вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, которую вы должны были взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, — более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла. «Враги отечества, народа, презренные мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов. Этого требует не мое личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает от меня вся Россия».

«В этом-то искушении и состоит весь ужас вашего положения. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвещенные учением Христа.

«Я не говорю о ваших обязанностях царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанностей царя и должны сойтись с ними. Бог не спросит вас об исполнении обязанности царя, не спросит об исполнении царской обязанности, а спросит об исполнении человеческих обязанностей. Положение ваше ужасно, но только затем и нужно учение Христа, чтобы руководить нас в тех страшных минутах искушения, которые выпадают на долю людей. На вашу долю выпало ужаснейшее из искушений. Но как ни ужасно оно, учение Христа разрушает его: все сети искушения, обставленные вокруг вас, как прах разлетятся перед человеком, исполняющим волю бога. — Мф. 5, 43. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего и возненавидь врага твоего; а я говорю вам: любите врагов ваших... благотворите ненавидящих вас... да будете сынами отца вашего небесного». 38. «Вам сказано: «Око за око, зуб за зуб», а я говорю: не противься злу». Мф. 18, 20. «Не говорю тебе до 7, но до 70 × 7. Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать». Это сказано человеку, и всякий человек может исполнить это. И никакие царские государственные соображения не могут нарушить заповедей этих. 5, 19. «И кто нарушит одну из сих малейших заповедей, малейшим наречется в Ц[арстве] Н[ебесном] и кто сотворит и научит, тот великим наречется в Ц[арстве] Н[ебесном]».

«7, 24. «Итак, всякого, кто слушает их, уподоблю мужу разумному, который построил свой дом на камне: (25) пошел дождь, и разлились реки и подули ветры, и устремились в дом тот, и он не упал, ибо основан был на камне. (26) А всякий, слушающий сии слова мои, и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке (27). И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот: и он упал, и было падение его великое».

«Знаю я, как далек тот мир, в котором мы живем, от тех божеских истин, которые выражены в учении Христа, и которые живут в нашем сердце; но истина—истина, и она живет в нашем сердце и отзывается восторгом и желанием приблизиться к ней. Знаю я, что я, ничтожный, дрянной человек, в искушениях в 1000 раз слабейших, чем те, которые обрушились на вас, отдавался не истине и добру, а искушению, и что дерзко и безумно мне, исполненному зла человеку, требовать от вас той силы духа, которая не имеет примеров, требовать, чтобы вы, русский царь, под давлением всех окружающих и любящий сын после убийства, простил бы убийц и отдал бы им добро за зло; но не желать этого я не могу, не видеть того, что всякий шаг ваш к прощению есть шаг к добру, всякий шаг к наказанию есть шаг к злу, не видать этого я не могу.

Но как для себя в спокойную минуту, когда нет искушения, надеюсь, желаю всеми силами души избрать путь любви и добра, так и за вас желаю и не могу не надеяться, что вы будете стремиться к тому, чтобы быть совершенными, как отец ваш на небе, сделаете величайшее дело в мире—поборете искушение, и вы, царь, дадите миру величайший пример исполнения учения Христа—отдадите добро за зло.

«Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всем простите. Это и только это надо делать, это воля бога. Достанет ли у кого или не достанет силы сделать это, это другой вопрос.

«Но только этого одного надо желать, к этому одному стремиться, это одно считать хорошим и знать, что все соображения против этого — искушения и соблазны, и что все соображения против этого, все ни на чем не основаны, шатки и темны.

«Но кроме того, что всякий человек должен и не может ничем другим руководствоваться в своей жизни, как этим выражением воли божьей, исполнение этих заповедей божьих есть вместе с тем и самое для жизни вашей и вашего народа разумное действие.

«Истина и благо—всегда истина и благо и на земле, и на небе.

«Простить ужаснейших преступников против человеческих и божеских законов и воздать им добро за зло! Многим это покажется в лучшем смысле идеализмом, безумием, а многим злонамеренностью. Они скажут: не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь. Но стоить вызвать тех, которые скажут это, на доказательства их мнения, и безумие и злонамеренность окажутся на их стороне.

«Около 20-ти лет тому назад завелось какое-то гнездо людей, большей частью молодых, ненавидящих существующий порядок вещей и правительство. Люди эти представляют себе какой-то другой порядок вещей, или даже никакого себе не представляют, и всеми безбожными, бесчеловечными средствами—пожарами, грабежами, убийствами разрушают существующий строй общества. 20 лет борются с этим гнездом как уксусное гнездо, постоянно зарождающее новых деятелей, и до сих пор гнездо это не только не уничтожено, но оно растет, и люди эти дошли до ужаснейших по жестокости и дерзости поступков, нарушающих ход государственной жизни.

«Те, которые хотели бороться с этой язвой внешними наружными средствами, употребляли два рода средств: одно: прямое отсечение больного, гнилого, строгость, наказания. Другое: предоставление болезни своему ходу, регулированье ее: это были либеральные меры, которые должны были удовлетворить беспокойные силы и утишить напор враждебных сил.

«Для людей, смотрящих на дело с матерьяльной стороны, нет других путей—или решительные меры пресечения, или либерального послабления. Какие бы и где бы ни собирались люди толковать о том, что нужно делать в теперешних обстоятельствах; кто бы они ни были, знакомые в гостиной, члены совета, собрания представителей, если они будут говорить о том, что делать для пресечения зла, они не выйдут из этих двух воззрений на предмет: или пресекать—строгость, казни, ссылки, полицию, стеснения цензуры, и т. п. Или либеральные потачки,—свобода, умеренная мягкость мер, взысканий, даже представительство,—конституция, собор.

«Люди могут сказать много еще нового относительно подробностей того и другого образа действий, во многом многие из одного и того же лагеря будут несогласны, будут спорить, но ни те, ни другие не выйдут—одни из того, что они будут отыскивать средства насильственного пресечения зла, другие из того, что они будут отыскивать средства не стеснения, давания выхода затеявшемуся брожению. Одни будут лечить болезнь решительными средствами против самой болезни, другие будут лечить не болезнь, но будут стараться поставить организм в самые выгодные гигиенические условия, надеясь, что болезнь пройдет сама собою. Скажут много новых подробностей, но ничего не скажут нового, потому что и та, и другая мера уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излечили больного, но не оказали никакого влияния. Болезнь шла доныне, постепенно ухудшаясь.

«И потому я полагаю, что нельзя так сразу называть исполнение воли бога, по отношению к делам политическим, мечтанием, безумием. Если даже смотреть на исполнение закона бога, святыню святынь, как на средство против житейского, мирского зла, и то нельзя смотреть на него презрительно после того, как очевидно вся житейская мудрость не помогла и не может помочь.

«Больного лечили и сильными средствами, и переставали давать сильные средства, а давали ход его отправлениям; и ни та, ни другая система не помогли, больной все больнее. Представляется еще средство—средство, о котором ничего не знают врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имеет неотъемлемое перед другими средствами—это то, что те употребились бесполезно, а это никогда еще не употреблялось.

«Пробовали во имя государственной необходимости блага масс стеснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага масс давать свободу, все было то же. Отчего не попробовать во имя бога исполнять только закон его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя бога и исполнения закона его не может быть зла.

«Другое преимущество нового средства и тоже несомненное— то, что те два средства сами в себе были не хороши: первое состояло в насилии, казнях (как бы справедливы оне ни казались, каждый человек знает, что они зло); второе состояло в не вполне правдивом попущении свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой придерживало ее. Приложение обоих средств, как ни казались они полезны для государства, было нехорошее дело для тех, которые прилагали их. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душе человека, но доставляет высшую радость и счастье для души человека.

«Прощение и воздаяние добром за зло есть добро в самом себе. И потому приложение двух старых средств должно быть противно душе христианской, должно оставлять по себе раскаяние, прощение же доставляет высшую радость тому, кто творит его.

«Третье преимущество христианского прощения перед подавлением или искусным направлением вредных элементов относится к настоящей минуте и имеет особую важность. Положение ваше в России теперь—как положение больного во время кризиса. Один ложный шаг, прием средства, не нужного или вредного, может навсегда погубить больного. Точно так же теперь одно действие в том или другом смысле: возмездия за зло жестокими казнями или вызова представителей может связать все будущее. Теперь в эти две недели суда над преступниками и приговора, будет сделан шаг, который выберет одну из 3-х дорог предстоящего распутья: путь подавления зла злом, путь либерального послабления—оба испытанные и ни к чему не приводящие пути. И еще новый путь—путь христианского исполнения воли божьей царем, как человеком.

«Государь! По каким-то роковым, страшным недоразумениям в души революционеров запала страшная ненависть против отца вашего—ненависть, приведшая их к страшному убийству. Ненависть эта может быть похоронена с ним. Революционеры могли, хотя несправедливо, осуждать его за погибель десятков своих. Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови. Вы невинная жертва своего положения. Вы чисты и невинны перед собой и перед богом. Но вы стоите на распутьи.

«Несколько дней—и если восторжествуют те, которые говорят и думают, что христианские истины только для разговоров, а в государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, вы навеки выйдете из того блаженного состояния чистоты и жизни с богом и вступите на путь тьмы государственных необходимостей, оправдывающих все и даже нарушение закона бога для человека.

«Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете трех, четырех, и зло родит зло, и на

место трех, четырех вырастут 30, 40, и сами навеки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего века,—минуту, в которую вы могли исполнить волю бога и не исполнили ее, и сойдете навеки с того распутья, на котором вы могли выбрать добро вместо зла, и навеки завязнете в делах зла, называемых государственной пользой. Мф. 5, 25.

«Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к вам, не к нам (это не важно), а перейдут от дьявола к богу, и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту.

«Государь! если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали бы им денег и услали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест со словами вверху: а я вам говорю, люби врагов своих—не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом вашим. Я бы плакал от умиления, как я теперь плачу, всякий раз, когда бы я слышал ваше имя. Да что я говорю: «не знаю, что и другие». Знаю, каким бы потоком разлилось бы по России добро и любовь от этих слов.

«Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей только во имя этих истин.

«И вы, царь, провозгласили бы не словом, а делом эту истину. Но может быть это все мечтания, ничего того нельзя сделать. Может быть, что хотя и правда, что 1) более вероятности в успехе от таких действий, никогда еще не испытанных, чем от тех, которые пробовали и которые оказались негодными, и что 2) такое действие наверно хорошо для человека, который совершит его, и 3) что теперь вы стоите на распутьи и единственный момент, когда вы можете поступить по-божьи, и что упустив этот момент, вы уже не вернете его, может быть, что все это правда, но скажут: это невозможно. Если сделать это, то погубишь государство.

«Но положим, что люди привыкли думать, что божественные истины—истины только духовного мира, а не приложимы к житейскому; положим, что врачи скажут: мы не принимаем вашего средства, потому что хотя оно и не испытано и само в себе не вредно, и правда, что теперь кризис, мы знаем, что оно сюда не идет и ничего, кроме вреда, сделать не может. Они скажут: христианское прощение и воздаяние добром за зло хорошо для каждого человека, но не для государства. Приложение этих истин к управлению государством погубит государство.

«Государь! ведь это ложь, злейшая, коварнейшая ложь! Исполнение закона бога погубит людей. Если это закон бога для людей, то он всегда и везде закон бога, и нет другого закона, воли его. И нет кощунственнее речи, как сказать: закон бога не

годится. Тогда он не закон бога. Но положим, мы забудем то, что закон бога выше других законов и всегда приложим, мы забудем это. Хорошо: закон бога неприложим и если исполнить его, то выйдет зло еще худшее. Если простить преступников, выпустить всех из заключений и ссылок, то произойдет худшее зло. Да почему же это так? Кто сказал это? Чем вы докажете это? Своей трусостью? Другого у вас нет доказательства. И, кроме того, вы не имеете права отрицать ничьего средства, так как всем известно, что ваши не годятся.

«Они скажут: выпустить всех, и будет резня, потому что немного выпустить, то бывают малые беспорядки, много выпустить—бывают большие беспорядки. Они рассуждают так, говоря о революционерах, как о каких-то бандитах, шайке, которая собралась, и когда ее переловить, то она кончится. Но дело совсем не так; не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их побольше, а то, чтобы уничтожить их закваску, дать другую закваску. — Что такое революционеры? Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше.

«Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себе их идеал. Французы, англичане, немцы борются с ними и так же безуспешно.

«Есть только один идеал, который можно противопоставить им; тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, тот, который включает их идеал, идеал любви, прощенья и воздаянья добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию; как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем-человеком, исполняющим закон Христа».

Из сохранившихся в Толстовской комнате Ленинской библиотеки черновиков видно, что письмо было переделано Толстым не менее трех раз. В последней из сохранившихся редакций конец письма читается так: [1]

«Те самые люди, которые в ослеплении своем требуют мести и казней, умилятся сердцем, и в погибающую душу злодея западет та искра, которая спасла разбойника на кресте.

[1] Эти варианты появляются в печати впервые.

«Если бы вы простили всех государственных преступников, объявив это в манифесте, начинающемся словами: «Люби врагов своих»,—это христианское слово и исполнение его на деле было бы сильнее всей человеческой мудрости. Сделав это, вы бы истинно победили врагов любовью своего народа.

«Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей и любимы ими только во имя этих истин. В них только вся сила, остальное—прах.

«Но скажут: простить злодеев, освободить заключенных и ссыльных — закоснелые злодеи примут прощение за слабость, посмеются над ним, и зло разрастется еще хуже.

«Они говорят о том, что может быть. Учение же Христа говорит о том, что верно. Что бы ни было, исполнив учение Христа, вы не раскаетесь в своем поступке. Если они мечтают о том, что может быть, то позвольте и мне мечтать; и мои мечты имеют более вероятности. По моей мечте, неслыханная любовь народа окружит царя, который простит врагов своих и убийц отца, и как воск от лица огня растает зло и неправда перед лицом царя-человека, исполняющего волю бога».

Мы видим, что в этой позднейшей редакции Толстой идет еще дальше, чем в первоначальном наброске письма: он предлагает царю освободить не только убийц его отца, но всех «государственных преступников».

В какой именно редакции послано было письмо, нам не известно. Как писал Толстой Н. Н. Страхову 17 марта 1881 г., «люди, знающие приличия, вычеркнули многое». [1] Люди эти, по всей вероятности, были знакомые Толстого из тульских администраторов: вице-губернатор Л. Д. Урусов, прокурор Н. В. Давыдов и пр. В результате советов этих знавших придворные приличия людей письмо, как писал Толстой в том же письме Страхову, «вышло нехорошо. Я написал сначала проще, было хотя и длиннее, но было сердечнее, как говорят мои, и я сам это знаю, но потом люди, знающие приличия, вычеркнули многое — весь тон душевности исчез и надо было брать логичностью, и оттого оно вышло сухо и даже неприятно».

Возможно, что посланное письмо было близко к той третьей редакции, из которой я привел выдержки, так как на ней имеются пометки Л. Д. Урусова.

Письмо было послано Н. Н. Страхову с просьбою передать его незадолго до того назначенному (в 1880 г.) обер-прокурором синода Победоносцеву, прося его передать письмо царю. Толстой обратился к Победоносцеву потому, что слышал от В. И. Алексеева о том, как в 1875 году Победоносцев помог освобождению из тюрьмы его друга Александра Капитоновича

[1] Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, стр. 270.

Маликова, привлекавшегося за проповедь среди рабочих учения о «богочеловечестве». Толстой написал письма и Страхову и Победоносцеву. Страхову приписала и Софья Андреевна, сообщая, что Лев Николаевич решил послать письмо к царю против ее желания («несмотря на все мои просьбы и уговоры»), и прося в случае, если письмо может вызвать в царе какие-нибудь неприятные чувства или недоброжелательство ко Льву Николаевичу, не допускать письма до царя. Победоносцеву Толстой писал, что знает его «за христианина» и просил, если кто-нибудь уже высказал царю мысли, выраженные в его письме, то уничтожить его, а если в письме есть «что-нибудь новое, такое, что может обратить на себя внимание государя», передать или переслать его.[1]

Точный и исполнительный Н. Н. Страхов поспешил исполнить просьбу своего друга: отправился к Победоносцеву и лично переговорил с ним о письме Толстого. Но в душе обер-прокурора «святейшего» синода не нашлось тех христианских чувств, на которые рассчитывал Толстой. Он категорически отказался передать письмо царю и возвратил его Страхову, обещав написать Толстому о причинах отказа. Страхов немедленно уведомил Толстого (его письмо до нас не дошло), и в ответ получил телеграмму о новом направлении письма (текст этой телеграммы также не сохранился). Толстой просил доставить письмо профессору-историку Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину (с братом которого, Василием Николаевичем Бестужевым-Рюминым, начальником Тульского оружейного завода, Толстой был знаком) с тем, чтобы Бестужев-Рюмин передал его царю через великого князя Сергея Александровича. Страхов поспешил исполнить и это поручение. 3 апреля он получил от Толстого письмо с выражением благодарности за хлопоты; в этом же письме Толстой писал по поводу отказа Победоносцева: «Победоносцев ужасен. Дай бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним». Тут же Толстой прибавлял: «Не могу писать о постороннем, пока не решено то страшное дело, которое висит над всеми нами», и называл «молодцом» Владимира Соловьева за его публичную лекцию 28 марта о смертной казни, которую он закончил словами о том, что царю, в силу высшей правды, следует простить убийц его отца.[2]

---

[1] Письмо Толстого к Победоносцеву, вместе с его факсимиле, напечатано в книге: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», том I, полутом I-й, Гиз, 1923, стр. 171. На письме Толстого Победоносцев написал: «Он писал, что необходимо оставить злодеев без всякого преследования».

[2] Письмо Толстого см. в «Переписке Толстого с Страховым», стр. 270—271.

Прослышал ли Победоносцев про эти новые пути вручения царю письма Толстого, или же у него были какие-либо другие причины опасаться воздействия на царя, но 30 марта он пишет царю: «Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить вашему величеству извращенные мысли и убедить вас к помилованию преступников. Может ли это случиться? Нет, нет и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. Если бы это могло случиться, верьте мне, государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца всех ваших подданных... В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради бога, ваше величество, да не проникнет в сердце вам голос лести и мечтательности».

На письме Победоносцева Александр III «собственноручно начертал»: «Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за что я ручаюсь». [1]

Обещание было исполнено — казнь совершена.

7 апреля Страхов кратко и грустно сообщает Толстому: «Я опустил ваше письмо в ящик тотчас, как получил телеграмму, бесценный Лев Николаевич. Вот и все, что могу сказать вам; оно могло еще поспеть, и если не поспело (что, я думаю, не изменило бы дела), то не по моей вине... Казнь и слухи об ней были тяжелы». [2]

Победоносцев ответил Толстому лишь 15 июня. Прося «не взыскать» за то, что он не передал его письма царю, Победоносцев объяснял свой отказ тем, что вера его и вера Толстого — разные, и его Христос — не Христос Толстого. «Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления». [3]

Прошло несколько лет. Толстой все дальше и дальше уходил от

---

[1] См. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», том I, полутом I-й, стр. 47; тут же и факсимиле этого письма.

[2] Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, стр. 271—272. У Льва Николаевича имелись сведения, что письмо его было передано царю.

[3] Письмо Победоносцева см. в «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, т. II, Гиз, 1923, стр. 170—177.

самодержавия и господствующей церкви и в целом ряде сочинений выражал свой разрыв с государственностью и православием. В 1883 и 1884 гг. он написал сочинение «В чем моя вера», где изложил все свое жизнепонимание. Говоря о том, что в наше время «все цивилизованное большинство людей осталось для жизни с одной верой в городового и урядника», Толстой далее утверждал:

«Положение это было бы ужасно, если бы оно вполне было таково. Но, к счастию, и в наше время есть люди, лучшие люди нашего времени, которые не довольствуются такою верою и имеют свою веру в то, как должны жить люди.

«Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, неверующими людьми, а между тем это единственные верующие люди нашего времени и не только верующие вообще, но и верующие именно в учение Христа, если не во все учение, то хотя в малую часть его.

«Люди эти часто вовсе не знают учения Христа, не понимают его, часто не принимают, так же, как и враги их, главной основы Христовой веры — непротивления злу, часто даже ненавидят Христа; но вся их вера в то, какова должна быть жизнь, почерпнута из учения Христа. Как бы ни гнали этих людей, как бы ни клеветали на них, но это единственные люди, не покоряющиеся безропотно всему, что велят, и потому это — единственные люди нашего мира, живущие не животною, а разумною жизнью, — единственные верующие люди».

Это было сказано Толстым про тех людей, которые, ведя жизнь, исполненную лишений, ежеминутно рискуя своей свободой и жизнью, «шли за народ против господ» («Воскресенье»), ставя своим идеалом «общий достаток, равенство, свободу» (письмо к Александру III). Кончавшее жизнь на эшафотах и заживо погребенное в крепостях героическое поколение «Народной воли» вызвало со стороны Толстого слова сочувствия, почти восхищения.

1 МАРТА И В. С. СОЛОВЬЕВ

Ни один из писателей и общественных деятелей не вызвал такого волнения и не возбудил столько разговоров в связи с 1 марта, как сын известного историка С. М. Соловьева, профессор (приват-доцент) философии при Петербургском университете и на высших женских Бестужевских курсах В. С. Соловьев.

Переведенный в 1880 г. из Москвы в Петербург, он скоро приобрел довольно широкую популярность своими публичными лекциями. Его философия была проникнута мистицизмом и богочеловечеством.

Враг всякого насилия он отрицал его во всех его проявлениях. Православный с католическим уклоном, В. С. Соловьев был «единственным из православных, кого молодежь не считала жуликом» (выражение М. Покровского).

И вот, когда произошел акт 1 марта, все ждали, что Соловьев не преминет выступить по поводу его. Действительно, 13 марта 1881 г. на Бестужевских курсах он посвятил акту 1 марта свою получасовую лекцию-речь. [1]

Исходя из религиозно-христианского начала, он не осуждал идеи революционеров, а, напротив, признавал, что в человеке от христианства осталось стремление к лучшему, к царству правды на земле, что видно из истории Французской революции. Но человеческий разум, сам по себе, бессилен насадить правду на земле, почему: по мнению Соловьева, Французская революция и пришла к насилию. Русские революционеры начали с того, чем кончила Французская революция. Но революция, основанная на насилии, как полагал Соловьев, не может иметь радостного будущего. В насилии выявляется не сила, а бессилие. Правда сильнее неправды, сильнее насилия. Все рассуждения Соловьева были обвеяны религиозным мистицизмом и не могли произвести впечатления на молодежь, которая даже осуждала Соловьева за это выступление, хотя и гектографировала его речь.

Многие ждали, что Соловьев еще выступит, и на этот раз — против смертной казни. Но и 26 марта, день, когда начался

---

[1] Речь полностью напечатана в III томе собр. соч. Соловьева и в изложении у П. Щеголева — «Былое», 1906, № 3.

процесс первомартовцев, Соловьев не коснулся этого вопроса в своей очередной публичной лекции... Вопрос о смертной казни первомартовцев волновал и молодежь, и общество,— самые разнообразные круги его.

На 28 марта в зале Кредитного общества у Александринского театра была назначена вторая лекция В. С. Соловьева, на тему — «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Большой зал Кредитного общества был переполнен публикой. Преобладала молодежь, но не мало было лиц из общества и литературы и даже из высших сфер. На лекцию приехал и министр народного просвещения Сабуров.

Лекция Соловьева 28 марта превратилась в демонстрацию против казни первомартовцев и против смертной казни вообще.

Современники рассказывают об этом так:

«...Это не был митинг, — тогда еще в Петербурге митингов не знали, — но переполненный зал Кредитного общества ждал с нетерпением своего оратора.

«Никто не знал, как станет развивать свою тему оратор...

«...А вот и он. Высокий, тонкий, еще бледнее обыкновенного. Его удивительные глаза светятся глубоким внутренним светом и смотрят прямо в даль.

«Странные речи! Сначала пространная философско-мистическая глосса к культу богоматери; затем необъятные горизонты тайн христианства, тайн неведомого «того берега» бытия...

«Но мало-по-малу перспектива суживается, оратор заметно близится к нашему берегу.

«...Завтра приговор. Теперь там, за белыми каменными стенами идет совет о том, как убить безоружных. Ведь безоружны же подсудимые узники. Но если это действительно совершится, если русский царь, вождь христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, народ христианский, не может итти за ним. Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути...». (П. Щ., Событие 1 марта и Вл. Соловьев, «Былое», 1906, № 3, стр. 53.)

Другая запись (Бодуэн-де-Куртенэ) излагает заключительную речь так:

«Настоящая минута представляет небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен их простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду божию за правду, то другой для него нет, а правда божия говорит: «не убий». Если можно допускать смерть, как уклонение от недостижимого идеала, убийство для

самообороны, для защиты, то убийство холодное над безоружным претит душе народа. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания. Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа, он должен, он обязан быть христианином». (П. Щеголев, Событие 1 марта и В. Соловьев, «Былое», 1918, № 4—5. По записи Бодуэна-де Куртенэ.)

Эта запись дополняет предыдущую, хотя и появилась в печати спустя 13 лет, — таковы были условия, в которых публиковались относившиеся к революционному движению документы.

Другой слушатель Соловьева, Л. З. Слонимский, так рассказывает об этой лекции, превратившейся в общественное событие.

«Я присутствовал при этой лекции сначала и до конца и видел Соловьева при его уходе, когда его окружили восторженные лица молодежи. Содержание его речи было вполне определенное: он говорил на этот раз не о богородице, а о народно-христианском идеале царя, о высшем нравственном значении царской власти и об ее обязательных качествах и условиях. Упомянув о красноречивом изложении идеи царя в недавней лекции Ивана Аксакова, приезжавшего из Москвы для пропаганды своих взглядов, Вл. Соловьев ярко изобразил перед нами те возвышенные свойства, которыми должен обладать монарх, чтобы соответствовать своему назначению. Он нарисовал такой идеально высокий образ, какого не могло существовать в действительности, и затем прямо перешел к волновавшему всех процессу цареубийц. Он говорил медленно, отчеканивая отдельные слова и фразы, с короткими паузами, во время которых он стоял неподвижно, опустив свои удивительные глаза с длинными ресницами. «Царь может их простить», сказал он с ударением на слове «может», и после недолгой остановки продолжал, возвысив голос: «Царь должен их простить«. (Рассказ Л. З. Слонимского, «Былое», 1918, № 4—5, стр. 331—332.)

«...Вдруг перед эстрадой возникает какая-то плотная фигура, рука с поднятым указательным пальцем вытягивается по направлению к оратору. — «Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать надо». (П. Щ., Событие 1 марта и Вл. Соловьев, «Былое», 1906 г., № 3, стр. 53.)

Однако Л. З. Слонимский отрицает этот эпизод:

«...Никаких возгласов не было, — говорит он. — Никто не кричал: «Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей!» Это было бы совершенно немыслимо при общем тогдашнем настроении». Вряд ли этот аргумент убедителен. Мы знаем, что один из слушателей сейчас же после лекции написал донос на В. Соловьева.

«...Соловьев, слегка наклонившись, повидимому старается расслышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурные человеческие волны хлынули со всех сторон к эстраде. Могучий крик восторга, внезапной радости, умиления, вырвался разом из тысячи немых, рабских грудей и наполнил собою все пространство.

«— Ты наш вождь! Ты нас веди! — слышится отовсюду. Теперь уже десятки трепетных рук протягиваются к Соловьеву, и минуту спустя его одухотворенное лицо показывается высоко над окружающим его венцом старых и молодых лиц. А затем те же руки бережно несут его с эстрады в зал.

«— Амнистия! помилование! — на устах всех». (П. Щ.)

Л. З. Слонимский опровергает и это.

«...Не было также криков: «Ты наш вождь! Ты нас веди!» Соловьеву была устроена овация только после окончания лекции, когда он сходил с кафедры и направлялся потом к выходу мимо взволнованной публики. И если к нему «протягивались десятки трепетных рук», преимущественно курсисток, то вовсе не для того, чтобы качать его «высоко над головами толпы». Рассказ о том, как «те же руки бережно несут свою ношу с эстрады в зал», составляет, очевидно, плод галлюцинации. Ничего подобного не было и быть не могло». (Рассказ Л. З. Слонимского, «Былое», 1918, № 4 — 5, стр. 331 — 332.)

И. И. Попов, также присутствовавший на лекции, в своем рассказе о ней приводит подробности, которых нет у других. Его рассказ ближе к рассказу Слонимского.

«...Соловьев был встречен аплодисментами. Первая половина лекции была строго научная и не касалась современных тем. Лектор был даже несколько вял. Но во второй половине Соловьев осветил религиозные миросозерцания русского народа, в основе которых лежит бесконечное милосердие. Он сослался на лекцию И. С. Аксакова, принял его толкование об идеале царя. Местами лектор доходил до высокого пафоса, особенно там, где он доказывал, что истинная народная религия не терпит никакого насилия. Эти принципы должна проводить в жизнь и власть, как представитель православного народа. Соловьев, насколько я помню, говоря о власти, упомянул о царе; между царем и народом должна быть полная гармония религиозных принципов, исключающих всякое насилие; иначе царь не может быть представителем народа, не может быть водителем христианского народа. Аудитория застыла.

«— В настоящее время над шестью цареубийцами висит смертный приговор. Общество и народ верят, что приговор не будет приведен в исполнение. Это так и должно быть. Царь, как представитель народа, исповедующего религию милосердия, может и должен их помиловать...

«Соловьев сошел с кафедры. В зале наступила тишина. Все как бы окаменели. Не было даже аплодисментов. Все чего-то ждали...

«На кафедру вошел не то чиновник, не то офицер и обратился к Соловьеву приблизительно с следующими словами:

«— Профессор, как нужно понимать ваши слова о помиловании преступников? Это только принципиальный вывод из вашего понимания идеи царя и толкования народного миросозерцания, или это есть реальные требования? Как вы вообще относитесь к смертной казни?

«Соловьев вернулся на кафедру.

«— Я сказал то, что сказал. Как представитель православного народа, не приемлющего казни, потому что народ исповедует религию милосердия и всепрощения и верит в животворящего Христа, завещавшего нам прощать врагов, царь должен помиловать убивших его отца. В христианском государстве не должно быть смертной казни.

«В зале произошло что-то неописуемое. Тут уже были не аплодисменты, а всех охватил порыв восторга. К лектору тянулись сотни рук... у многих на глазах слезы, а некоторые плакали. Соловьев с трудом вышел из залы; пытались вынести его на руках.

«Явилась уверенность, что требование-пожелание Соловьева будет удовлетворено. Но более спокойные и неувлекающиеся среди публики здесь же в зале говорили, что царь не помилует первомартовцев; Соловьева же вышлют. Соловьева не выслали, но он вынужден был уйти из университета». (И. И. Попов, Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет, т. I, изд. «Колос», 1924, стр. 74 — 76.)

Как может заметить читатель, рассказы очевидцев о крупных событиях, особенно таких, которые волнуют рассказчика, и таких, где расказывается о поведении больших взволнованных толп,— часто бывают противоречивы, что не мешает им, вместе с тем, быть правдивыми. Из рассказов видно, что лекция Соловьева в Кредитном обществе превратилась в крупную демонстрацию учащейся молодежи. Так ее расценивали и в кругах правительства и в тех кругах высокопоставленных хищников, которые под эгидой Победоносцева и Баранова изо всех сил добивались усиления белого террора и организации правящего аппарата на принципах самодержавия, православия и народности.

«...30 марта. ...Утром был Коцебу. Он рассказывает, что третьего дня на лекции проф. Соловьева в Соляном городке он будто бы сказал, что если государь будет действовать в духе русского народа, не сочувствующего смертной казни,—он помилует цареубийц, ему хлопали, и только отставной военный погрозил ему кулаком». (П. А. Валуев, Дневник, стр. 59.)

«29 марта. Вчера профессор Соловьев сказал речь, где, говоря про настоящие события, оплакивал их, в конце коснулся суда, взывал к милосердию царя, и заключил, что, если этого не случится, т. е. милостивого прощения, то «мы, люди мысли, от него отвернемся». Как эти господа своими речами решаются волновать молодежь!» (Богданович, Дневник, стр. 53.)

На другой же день после лекции ген. штаба полковник Андреев послал градоначальнику Баранову следующий донос: [1]

«28 марта 1881 г. состоялась в зале Кредитного общества вторая публичная лекция профессора Соловьева о ходе просвещения в России в настоящем столетии.

«Заключительное слово лекции профессора Соловьева состояло в том, что, указав на необычайное событие 1 марта, он напомнил аудитории, состоявшей из самой разнообразной публики, в общем свыше 1000 человек, что:

«в настоящую минуту (10 часов вечера 28 марта) суд осудил уже совершителей события 1 марта и вероятно уже приговорил их к смертной казни, но царь русского народа, как водитель его и носитель божественной искры, лежащей в основе духовной жизни русского народа, царь русский, как царь и христианин, должен помиловать осужденных».

«Выражения, помещенные в скобках, составляют смысл заключения лекции г. Соловьева, изложенной мною возможно ближе к тому, как это было сказано.

«Ген. штаба полковник Андреев. 29 марта 1881 г., СПБ, Троицкий пер., д. № 3, кв. 14».

Полиция была очень обеспокоена. Немедленно приняла свои меры против своеобразного необычайного проповедника православия. Дальнейший ход дела виден из проводимых ниже источников.

Вызванный в канцелярию градоначальника Баранова, В. С. Соловьев дал 29 марта следующие объяснения:

«...Когда я просил о разрешении мне лекций, я заявил, что не буду говорить о политике. И я не говорил о политике.

«...Заключение моей лекции было приблизительно следующее: решение этого дела не от нас зависит и не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому богу — богу любви. Тогда мы можем духовно воссоединиться с нашим народом — тогда он узнает в нашей мысли свою душу, увидит свою жизнь в нашем свете.

«...После лекции один неизвестный мне господин настоятельно требовал, чтобы я заявил свое мнение о смертной

[1] Как этот, так и последующие документы взяты из журн. «Былое», 1918 г., № 4—6.

казни, в ответ на что я и сказал, взойдя на эстраду, что смертная казнь вообще, согласно изложенным принципам, есть дело непростительное, и в христианском государстве должна быть отменена» (стр. 333—334).

Градоначальник Баранов докладывал 30 марта гр. Лорис-Меликову:

«Находя поступок г. Соловьева крайне грустным, так как своей бестактностью он вызвал манифестации, хотя и незначительные, со стороны нескольких слушателей, а главное слушательниц, я считаю своим долгом упомянутое объяснение, а также заявление полковника генерального штаба Андреева, одно из нескольких сделанных мне, представить на усмотрение вашего сиятельства» (стр. 334.)

Лорис-Меликов 31 марта докладывал царю:

«...Принимая во внимание, что профессор Соловьев дозволил себе в публичном чтении допустить крайне неуместные при настоящих обстоятельствах рассуждения, вызвавшие, хотя и незначительные, манифестации со стороны нескольких слушателей, а главное слушательниц, чем возбудил в среде их превратные толкования, он должен был бы подлежать строгому взысканию, заключающемуся не только в лишении носимого им профессорского звания и воспрещении публичных чтений, но и в удалении из Петербурга.

«Но имея в виду, что Соловьев—сын недавно умершего знаменитого ученого и, по отзыву сведущих лиц, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений, мне казалось бы возможным ограничиться строгим ему внушением, с воспрещением на некоторое время дальнейшего чтения публичных лекций.

«При сем обязываюсь присовокупить, что его императорское высочество государь великий князь Владимир Александрович и министр народного просвещения, с которыми я имел случай объясняться по настоящему делу 29 сего марта, не находят нужным принятие противу профессора Соловьева строгих мер взыскания» (стр. 335).

Наконец, сам В. С. Соловьев писал царю:

«...Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время дает русскому царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет его на недосягаемую высоту и на незыблемом основании утвердит его державу. Милуя врагов своей власти вопреки естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, царь встанет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение царской власти, покажет, что в нем живет высшая духовная

сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больше этого подвига.

«Вот в чем заключалась сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но и в прямом противоречии с ними». («Былое», 1918, № 4—5, стр. 336; дата не помечена.)

На докладе по делу Соловьева записано Лорис-Меликовым и решение царя:

«Государь император по всеподданнейшему докладу высочайше повелеть мне соизволил, чтобы г. Соловьеву чрез посредство министра народного просвещения сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции по поводу преступления 1 марта, и, независимо от сего, предложено было воздержаться на некоторое время, по усмотрению того же министра, от публичных чтений». («Былое», 1918, № 4—5, стр. 336.)

С. ПАНОВ

1 МАРТА 1881 г. в МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Событие 1 марта 1881 г., глубоко поразившее всех современников, нашло отражение в мемуарной литературе — в воспоминаниях, дневниках и письмах современников. В мемуарах события освещались и комментировались свободнее, чем в повременной печати, так как записывались для будущего или составляли содержание частной переписки, не подлежавшей цензуре. На страницах газет и журналов слабо отражена та обстановка борьбы и растерянности, которая после катастрофы с царем охватила русское общество и особенно правящие круги. Зато в письмах, воспоминаниях и дневниках все это не скрывается, и перед людьми встает вопрос — что-то будет?

Полицейские меры по охране царя были приняты уже после первых покушений, особенно после взрыва 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце. Но все эти полицейские мероприятия, как показало 1 марта 1881 г., были ни к чему и вызывали ненужную сенсацию, оставляя в широкой публике впечатление, что царь боится... На самом деле это так и было.

1. ОПИСАНИЕ КАТАСТРОФЫ

Выезды царя даже на приближенных его производили удручающее впечатление. Появлению царя на улицах всегда предшествовало множество полицейских и сыщиков, бросавшихся в глаза, а карета его была окружена конвоем из лейб-казаков; Фет рассказывает, как на прогулке в Крыму он был неожиданно остановлен казаками, очищавшими дорогу для выехавшего царя. Граф Пфейль, состоявший в карауле Зимнего дворца, жалуется, что служба в карауле дворца особенно тяжела, потому что царь из окна следит за сменой караулов и т. д.

Полицеймейстер А. Д. Дворжицкий, сопровождавший Александра II при выездах его по Петербургу, рассказывает:

«После 2 апреля 1879 года государь император стал выезжать с конвоем; мне же приказано было находиться постоянно у Зимнего дворца, при прогулках, выездах и возвращениях во дворец его величества. Покойный государь по возвращении с поездки весьма часто подзывал меня и отдавал приказания о наведении справок о замеченных им на улицах подозритель-

ных лицах. Хотя несколько раз мне удавалось напасть удачно на след указанных его величеством личностей, но, во избежание могущих быть ошибок, градоначальник Зуров приказал мне не ограничиваться наблюдениями у дворца, а сопровождать государя всюду. Его величество, привыкнув видеть меня около себя везде во время выездов, постоянно обращался ко мне с указаниями на лиц, казавшихся по каким-либо причинам ему подозрительными. Следуя за экипажем государя, я старался быть как можно внимательнее, дабы не пропустить что-либо, могущее обратить на себя внимание государя. Случалось часто, при докладах его величеству о задержании при проезде государя подозрительной личности, он замечал: «верно, у него скверная рожа». Задержанные лица отправлялись в секретное отделение градоначальства для справок и удостоверения личности». (Дворжицкий, Цареубийство 1 марта 1881 г., «Ист. вестн.», 1913 г., № 2, стр. 123.)

Дворжицкий был недоволен, когда эти аресты были прекращены:

«В 1880 г., по возвращении государя из Ливадии в Петербург, я получил от гр. Лорис-Меликова приказание попрежнему сопровождать государя, но не задерживать более на улицах лиц, кажущихся подозрительными, во избежание возбуждения неудовольствия публики. Не знаю, были ли какие-нибудь другие основания, кроме опасения неудовольствия публики, для отдачи подобного приказания, но, повидимому, значение этого приказания разделял и покойный император, так как после возвращения из Ливадии его величество безусловно прекратил расспросы о встречаемых подозрительных личностях. Это странное распоряжение казалось для меня и тогда непонятным. Сопровождая государя, я попрежнему замечал, что, где бы его величество ни останавливался, тотчас являлись сомнительные личности». (Дворжицкий, Цареубийство 1 марта.)

27 февраля были арестованы А. И. Желябов и М. Н. Тригони. Весть об этом сразу разошлась в правительственных кругах. Этот арест рассматривался как крупное политическое событие и важная победа лорис-меликовской полиции над революционной партией.

«Третьего дня арестован один из главных вожаков социалистической партии, Желябов, участвовавший в различных покушениях на жизнь государя. Аресту этому придают весьма важное значение». (Перетц, Дневник, Гиз, 1927 г. Запись от 28 февраля.)

Впоследствии противники Лорис-Меликова выдвинули как один из главных аргументов против него то обстоятельство, что предательство Гольденберга и арест Желябова усыпили и парализовали деятельность полиции. Так рассматривают дело

многие корреспонденты Победоносцева, так же смотрит на дело и полицеймейстер Дворжицкий, один из сторонников так называемой «партии Аничкова дворца» Он рассказывает, что утром 1 марта градоначальник Федоров созвал собрание полицеймейстеров и приставов.

«Градоначальник объявил, что все идет хорошо, что главные деятели анархистов Тригони и Желябов арестованы и только остается захватить еще двух-трех человек, чтобы покончить дело борьбы с крамолой». (Дворжицкий, Цареубийство 1 марта.)

Федоров при этом объявил, что царь и Лорис-Меликов очень довольны полицией. Дворжицкий, по его словам, тотчас же поехал к гр. Перовскому (?) и протестовал против успокоительной речи Федорова. Он доказывал, что «положение столицы тревожно» и что «ручаться за безопасность царя нельзя». Гр. Перовский обещал «принять меры». «К сожалению, через 3 часа 20 минут было уже поздно»,—говорит Дворжицкий в заключение.

Другие очевидцы и современники рассказывают, что утром 1 марта Лорис-Меликов, явившись во дворец, настаивал, чтобы царь не выезжал в этот день, и что полиции якобы известно о готовящемся покушении. Так представлено дело в «Дневнике» А. В. Богданович, «Записках» гр. Пфейля и многих других записках и письмах. Анонимный автор «Записок офицера л.-гв. Конного полка» указывает и на источник этих сведений—самого Лорис-Меликова. Вопрос о полицейской деятельности Лорис-Меликова в следующие дни стал одним из важных приемов борьбы внутри правящего лагеря.

Дворжицкий описывает и самую катастрофу. Его запись—единственный в мемуарной литературе подробный рассказ и отличается большой точностью. Он отчетливо отмечает все, происходившее во время взрывов. При этом его запись расходится с официальной версией, составленной на основании показаний свидетелей и очевидцев, фигурировавших на процессе первомартовцев.

Описывая, как после взрыва царь вышел невредимым из обломков кареты, Дворжицкий рассказывает: «Проехав после взрыва еще несколько шагов, экипаж его величества остановился; я тотчас подбежал к карете государя, помог ему выйти и доложил, что преступник задержан. Государь был совершенно спокоен. На вопрос мой государю о состоянии его здоровья, он ответил: «Слава богу, я не ранен». Видя, что карета государя повреждена, я решил предложить его величеству поехать в моих санях во дворец. На это предложение государь сказал: «Хорошо, только покажите мне прежде преступника». Кучер Фрол тоже просил государя сесть в карету и ехать дальше;

но его величество, не сказав ничего на просьбу кучера, повернулся и направился к тротуару, прилегавшему к Екатерининскому каналу. Государь следовал по тротуару; влево от него позади—казак Мачнев, бывший на козлах его величества, за Мачневым—4 спешившихся казака с лошадьми. Пройдя несколько шагов, государь поскользнулся, но я успел его поддержать».

Царь подошел к Рысакову. «Узнав, что преступник мещанин, его величество не сказав ни слова повернулся налево и медленно направился в сторону Театрального моста. В это время его величество был окружен с одной стороны взводом 8-го флотского экипажа, а с другой стороны конвойными казаками. Тут я вторично позволил себе обратиться к государю с просьбою сесть в сани и уехать, но он остановился, несколько задумался и затем ответил: «Хорошо, только покажи мне прежде место взрыва». Исполняя волю государя, я повернулся наискось к месту взрыва, но не успел сделать и трех шагов, как был оглушен новым взрывом, обожжен, ранен и свален на землю. Вдруг среди дыма и снежного тумана я услыхал слабый голос его величества: «Помоги!» Предполагая, что государь только тяжело ранен, я приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что обе ноги его величества раздроблены и кровь из них сильно струилась»...

...«На моих руках кончилась сознательная жизнь великого императора Александра II»,—говорит он в заключение. (Дворжицкий, 1 марта 1881 г. «Ист. вестн.», 1913 г., № 2, стр. 128—129.)

Рассказ Дворжицкого о катастрофе, повидимому, более точен чем официальная версия, сделанная из рассказов многих свидетелей и очевидцев. Граф Пфейль, видевший этих очевидцев тотчас после катастрофы, положительно утверждает, что они походили на помешанных и передавали происходившее, как он выяснил, неверно.

Передавая официальную версию, фон-Пфейль попутно дает понять и то, как она создавалась: «...при судебном следствии многие свидетели показывали потом, что слышали еще некоторые слова от умирающего императора, которые были вызваны исключительно ужасом перед надвигающимися событиями. Я расспрашивал свидетелей сейчас же после совершения преступления, между прочим, и одного однополчанина, и мне казалось, что предо мною помешанные: так сильно подействовало на них все виденное». Из показаний этих свидетелей и создалась официальная легенда о царе, который в последнюю минуту заботился о раненых конвойных, но—как видно из записей Дворжицкого и фон-Пфейля—официальная версия эта неверна.

2. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Весть о происшедшем на Екатерининском канале распространилась по городу необычайно быстро во всех слоях населения. Она не была неожиданна.

Услыхав взрывы, показавшиеся очень сильными, многие сразу подумали, что произошло новое покушение на царя. Мемуары и записи отмечают, что первое впечатление было очень сильным, ошеломляющим—среди всех, начиная от дворца и кончая обычными уличными прохожими, бросившимися к Зимнему дворцу и на набережную Екатерининского канала.

а) В правительственном лагере

«Вчера в 3 часу роковое событие совершилось. Цареубийцы достигли своей цели. Подробностей не повторяю. На то газеты. Утром государь послал за мной, чтобы передать проект объявления, составленный в министерстве внутренних дел, с поручением сказать о нем свое мнение и, если я не буду иметь возражений, созвать совет министров на среду, 4-го числа... В 3 часа я был у гр. Лорис-Меликова (чтобы предупредить, что я возвратил проект государю без замечаний), когда раздались роковые взрывы. Я сказал: «L'attentat possible (возможно покушение)»—«Невозможно»,—сказал гр. Лорис-Меликов. Через пять минут все сомнения были устранены. Гр. Лорис-Меликов уехал во дворец. Я поехал туда же по Миллионной. Там тотчас узнал что надежды уже не было. Государь уже истекал кровью и был уже без сознания». (Гр. П. А. Валуев, Дневник, Петроград, 1919 г., стр. 118.)

«В два часа дня ко мне приехал статс-секретарь Гос. совета Н. М. Рембеллинский, совершенно встревоженный, и сообщил мне, что до него дошел с двух различных сторон слух о новом и притом ужасном покушении на жизнь государя. Я немедленно поехал с ним в Зимний дворец. К несчастью, весть была справедлива. На улицах была заметна какая-то особенная суетливость; все спешили ко дворцу. Туда же шли быстрым шагом войска; около дворца разъезжали казачьи патрули. В темном коридоре дворца, находящемся около покоев государя, застал я уже многих высших сановников и придворных, а также дам.

«...В шестом часу вышел из кабинета великий князь Константин Николаевич, бледный как мертвец, но спокойный. Крепко пожав мою руку, великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен... Когда великий князь успокоился, я доложил ему о необходимости созвать членов Государственного совета в чрезвычайное заседание для принесения присяги новому императору.

«...Вступивший на престол государь был в ужасном волнении. Валуев подошел к его величеству и напомнил, что надо издать манифест. Составление манифеста государь тут же поручил Валуеву и бывшему тут же министру юстиции. [1] Они, с своей стороны, пригласили при мне Урусова [2] и Сольского. [3] Валуев приосанился, воображая, что будет снова играть первую роль». (Е. А. Перетц, Дневник, стр. 23—24.)

Таким образом государственная машина, остановившаяся было, была пущена в ход руками наиболее опытных канцеляристов — Валуева и Перетца.

В то же время к Зимнему дворцу съезжался весь высокопоставленный Петербург, стараясь пробраться во дворец.

Из этих лиц оставили след в мемуарной литературе двое типичнейших деятелей дворцовой камарильи, — это воспоминания кн. Мещерского и дневник генеральши А. В. Богданович.

Мещерский рассказывает: «Во многих местах Петербурга взрыв двух бомб был слышен и принят за одинокие какие-то выстрелы.

«...Немедленно одевшись в галунный мундир, я поехал на площадь. Увы, при взгляде на толпы, бессознательно-тоскливо двигавшиеся по площади или стоявшие в каком-то оцепенении, при виде уже массы экипажей сомнения быть не могло.

«...С первой минуты совершавшегося на наших глазах события, с первого же взгляда на площадь стало ясно, что народного беспорядка, как непосредственного последствия катастрофы, нельзя было ждать... За малейший проблеск не только сочувствия, но равнодушия в ком бы то ни было схватывались людьми из народа, как повод искать мести за пролитую кровь, и в нескольких местах площади мы видели сцены народной расправы с подозрительными личностями; народ их хватал и вел к полиции; во дворе Главного штаба образовался внезапно какой-то приемный пост». (Мещерский, Мои воспоминания, СПБ, 1898, т. 2, стр. 497.)

Рассказ Мещерского нельзя принимать без большой доли сомнения. Помимо положения автора, побуждавшего его защищать реакцию, Мещерский не может внушать никакого доверия, как личность. Можно не сомневаться в том, что его изданные в 1898 г. мемуары — не только рассказ очевидца, но и плод холодного расчета политического afериста. [4]

---

[1] Набоков.

[2] Председатель департамента законов Государственного совета.

[3] Государственный контролер.

[4] Даже близкий по взглядам к Мещерскому Феоктистов характеризует его так: «Негодяй, наглец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом, — хлесткие фразы о преданности церкви и престолу не сходили у него с языка, но всех порядочных людей тошнило

В это время он был в опале. В Зимний дворец практический князь пробрался по протекции лакея и не позабыл выпросить на память гусиное перо со стола убитого царя. Этим обстоятельством Мещерский пользуется в воспоминаниях, чтобы уязвить Лорис-Меликова по поводу его якобы конституционного проекта: «может быть, это было то самое перо, которым государь подписал злополучную конституцию!» («Мои воспоминания».)

В дневнике генеральши Богданович этот день описывается так:

«1 марта. Такое страшное злодейство совершилось, что до сих пор не могу притти в себя. Еще не все разошлись,—вбежал Скалон с страшным криком: «Сейчас было покушение на жизнь государя. Царь сильно ранен, двое конвойных убито и еще восемь человек контужено и ранено». Е. В. [муж] побежал к нему не доверяя известию. Скалон был у нас в 2 часа и несколько минут. Там масса народу, войска, свита государя, министры—толпились у дворца. Никого не впускали во дворец кроме членов императорской фамилии. Е. В. [1] пробрался с Милютиным

от его разглагольствований» (Феоктистов, За кулисами политики и литературы). Аналогичные характеристики дают ему и другие современники. С Александром III его связывала тесная дружба: по словам самого Мещерского, они читали друг другу дневники, а Дурново рассказывал, что он был поражен, когда увидел письма царя к Мещерскому: «он разговаривал с ним как равный с равным», а это с чувствительным к своим прерогативам Александром III случалось редко. Основной его специальностью стала скоро газетная защита «престола и церкви», на что в 1887 г. он добился субсидии. Мещерский иногда становился слишком неудобен даже для Зимнего дворца, и его прогоняли. Но через некоторое время он снова возвращался с прежним апломбом.

[1] Ген. Богданович еще нам встретится. Подобно Мещерскому, он был типичным явлением того времени. Феоктистов рассказывает: «Состояния он [Богданович] не имел почти никакого, жалова ье получал незначительное, но это нисколько не мешало ему давать роскошные обеды и завтраки, на которые собиралось все, что было видного в Петербурге по служебному положению: митрополиты, министры, члены Государственного совета, банкиры и т. д. Никому не было дела до того, на какие деньги устраивались эти лукулловские пиршества, или, вернее сказать, все знали, что деньги он приобретает весьма нечистыми средствами, но притворялись не сведущими. Ничего путного не сделал, а между тем успел связать свое имя с различными предприятиями, так, напр., явился главным двигателем по вопросу Сибирской жел. дороги. В сущности говоря, ему было все равно—строить эту дорогу или нет,—она служила ему только средством обирать сибирских купцов. ...Человек неглупый, наглый, пронырливый, он проник и в литературный мир, писал стихи, издавал книжки патриотического содержания, и, конечно, постарался сблизиться с Катковым. ...Когда Лорис-Меликов сделался первым лицом в государстве, Богданович, как и следовало ожидать, превратился в рабского ему угодника и прискакал в Москву с целью расположить к нему и Михаила Никифоровича... Катков прогнал его и долго не видался с ним,—но затем после падения Лорис-Меликова [Богданович] снова попал к нему в ми-

Взрыв от первой бомбы 1 марта
(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки

и Грейгом на комендантский подъезд и там узнал тяжелые подробности.

«...У нас целый день сменялся народ—все с негодованием относятся к этому страшному делу. Е. В. был у митрополита, у Лориса. Скорбь великая». (А. В. Богданович, Дневник, стр. 45, 46.)

«19 марта... Пришел Кушелев, рассказывал свои впечатления о прошедших событиях. Он один из первых вошел во дворец, когда туда внесли раненого, умирающего царя на ковре. Кровь лилась ручьем. Кушелев намочил свой платок. Долго он не решался войти в кабинет, где, выдвинувши из алькова его постель, положили умирающего»... (Там же.)

Отражает панику и растерянность придворных кругов воспитатель великих князей Литвинов.

Аналогичным впечатлением проникнут и рассказ фельдшера: «все были так перепуганы и потрясены, что с трудом сумели подать Александру II первую помощь». (Коган, Кончина Александра II. «Ист. вестн.», 1913 г., № 1.)

В правительственных кругах очень боялись народных волнений. Зимний был оцеплен войсками, которые были срочно вызваны. Валуев, жалуясь на развал правительства, рассказывает: «В первую минуту нужно было опасаться уличных волнений, нужно было опереться на войско. Я на том настаивал. Но как будто не было командующих и штабов. К счастью, все обошлось благополучно». (Дневник П. А. Валуева, стр. 148.)

Валуев внимательно и, повидимому, не без тревоги следит за уличной толпой; он отмечает, что огромная толпа, собравшаяся на Дворцовой площади, довольно быстро разошлась: «Улицы были полны народом до 10 часов вечера, но потом опустели». В 11 часов — «Невский был обыкновенный»,— отмечает Валуев в дневнике.

Через несколько дней он, раздраженный дезорганизованностью правительства, замечает, что: «Войско еще здорово. Только в армии добрая сила».

1 марта ему, как и многим современникам, рисовалось как грозный симптом развивавшейся революции.

Мемуары военных, вопреки мнению Валуева, показывают, что и в армии были те же смутные настроения страха перед будущим и неуверенности у офицеров, и равнодушия — у солдат. Лев Плансон, офицер гвардейского Кавалергардского полка, рассказывает о своих впечатлениях в этот день:

лость». (Феоктистов, За кулисами политики и литературы, стр. 262—263.) По словам Б. Чичерина, несколько лет позже Катков посылал от себя договариваться с некоторыми политическими кругами Франции «известного негодяя, генерала Богдановича» (Чичерин, Москва сороковых годов. Характеристика Каткова).

«...Возвращаясь домой (после развода в манеже), спустя примерно час, я шел по левой, теневой стороне Невского; около Казанского собора, не доходя еще до Казанского моста, я услышал какой-то неясный гул, как бы выстрел из пушки, не то как от падения какой-то огромной тяжести. Откуда шел этот звук, трудно было определить, так как вследствие отражения от громадных домов и собора звук этот как бы исходил из всех углов Казанской площади сразу. Несколько секунд спустя тот же звук повторился снова. Встревоженная этими необычайными звуками публика удивленно и испуганно озиралась кругом, как бы спрашивая друг у друга, что такое случилось. Некоторые с недоумением вынимали из кармана часы, полагая, вероятно, по своей рассеянности, что это выстрелила пушка, оповещая петербуржцев о наступлении полудня. Но видя, что часы показывают около $2^1/_2$ — 3 часов, растерянно смотрели во все стороны и как-то спешили вперед. На одну секунду у меня мелькнула было мысль, не случилось ли опять покушения... Мысль эта была вполне логична, если принять во внимание все чаще и чаще повторявшиеся в последние годы покушения на жизнь Александра II; но я тотчас же поспешил отогнать эту неприятную мысль, как мы постоянно отгоняем в нашей жизни тяжелые и неприятные для нас мысли. Однако, по охватившему уличную толпу волнению, бледным и испуганным лицам встречных, куда-то бежавших, по чему-то необъяснимому, что чувствовалось в этой возбужденной толпе, видно было, что случилось нечто важное, нечто особенное. Я тоже невольно ускорил шаги.

«В тот момент, когда я подходил к площади, на которой стоит памятник Екатерине II, я увидел в направлении от Аничкова моста мчавшуюся во весь опор какую-то кавалерийскую часть. Когда она подскакала немного ближе, я сейчас же узнал в ней наш полк и увидел одного из штаб-офицеров полка, полк. П — ва, который, приложив руку ко рту в виде рупора, кричал мне через улицу: «Поезжайте скорее домой! Вас ждет там лошадь! Скачите к Зимнему дворцу!» (Плансон, Казнь цареубийц, «Ист. вестн.», 1913 г., № 2, стр. 527.)

Другой военный, автор анонимных мемуаров, служил в Конногвардейском полку. По некоторым данным следует заключить, что за анонимом скрывается П. Булгаков, член офицерской «семерки» из петербургской золотой молодежи, прославившейся по Петербургу необычайными кутежами.

Как и Плансон, он был на разводе, потом уезжал по Малой Садовой. Узнав впоследствии о мине, он вспоминает: «Хорош был я был, если бы царь поехал по Садовой, а я за ним». Мысль о собственной безопасности вообще, видимо, не покидает его.

«...Как только я выехал из дома, я встретил моего рейткнехта с запиской из канцелярии полка, в которой предписывалось немедленно ехать в полк. Я тут же понял, что все кончено, и ужас наполнил мою душу.

«...У Спас-Преображения мне встретился прапорщик гв. конной артиллерии Б. П. Козлянинов, гнавший во весь опор и кричавший мне на ходу: «Jl est mort, il est mort!»

«...Я поскакал в полк, где застал почти всех офицеров в сборе. Лошади в эскадронах были заседланы и замундштучены, людям розданы боевые патроны. Все почему-то ожидали какого-то возмущения и беспорядков; все потеряли голову и положительно не хотели верить смерти государя, несмотря на то, что многие видели нашего солдата Прокудина, несшего с другими от места преступления и до саней смертельно раненого государя.

«...Мы ожидали приказа о выступлении, но его не последовало. Да и куда выступать? Зимний дворец без того был весь оцеплен казаками; батальон преображенцев стоял во дворе его.

«Все офицеры отправились в клуб, где велено было всем оставаться впредь до особого приказания. Командир полка бар. В. Б. Фридерикс опасался, чтобы на умы солдат не подействовало убиение государя; один из офицеров сидел постоянно на эскадроне; мы сидели по очереди по 2 часа. Солдаты отнеслись ко всему довольно хладнокровно: они интересовались подробностями, сулили всякую пакость виновникам, но неповиновения никакого не оказывали, и в 10 часов все уже храпели, за исключением дежурных и дневальных... Не то было с офицерами: мы не спали всю ночь, все время говорили о страшном событии, о прошлой жизни царя и о том, что ожидает нас впереди. Никогда я не забуду бледного лица поручика Глинки-Маврина, через несколько часов не могшего опомниться от страшного вида пронесенного мимо него государя... Когда Глинка рассказывал это, у него выступал пот у корней волос, и всем нам становилось жутко. Страшную и печальную ночь мы провели.[1]

«...Поневоле мы, конногвардейцы, вспоминали о том, как покойные Николай I и Александр II любили наш полк, и у всех пронесся вопрос; «а что новый государь, так же ли полюбит Конную гвардию, или другой какой полк займет наше место в его расположении к нам?» — «Да, — как бы отзываясь на общую мысль, сказал штаб-ротмистр К., — вот видишь — тут император в форме Конного полка.[2] А наша песенка, кажется, уже спета», — добавил он немного спустя. — «Как так?» — «А вот

[1] Приказы о вызове войск и о бессменном дежурстве офицеров были даны вскоре после покушения начальником штаба войск гвардии. См. Венедиктов, Палач Ив. Фролов, М., 1930 г., стр. 70.

[2] О портрете Николая I.

увидишь, что кавалергарды возьмут верх». (Из записных тетрадей офицера л. гв. Конного полка. «Щукинский сборник», вып. 4, М., 1905 г., стр. 204—206.)

Третий военный, граф Пфейль, офицер л. гв. Преображенского полка, рассказывает о 1 марта в связи с довольно подробным очерком последних лет Александра II. Служа в русской армии, Пфейль не за страх, а за совесть служил вместе с тем и императору Вильгельму. Поэтому точка зрения Пфейля в значительной степени точка зрения иностранного наблюдателя. Воспоминания Пфейля приобретают особенный интерес и потому, что он состоял сотрудником реакционных немецких газет.

Он рассказывает, как прямо с развода, на котором он присутствовал, он отправился в редакцию «St. Pet. Her.», написал заметку, опровергавшую слухи о готовящихся новых покушениях, сдал ее в набор — и узнав, что на царя было покушение, отправился на Екатерининский канал, где и расспрашивал очевидцев и свидетелей происшедшего. Он рассказывает, что огромная толпа у Зимнего дворца была молчалива и настроена, по мнению Пфейля, «торжественно». Сам Пфейль считал момент историческим и поворотным в истории России.

Нужно заметить, что в среде высшей и средней бюрократии было не мало, повидимому, и таких, которые отнеслись к происшедшему равнодушно. Близкий соратник Каткова Феоктистов рассказывает о тех впечатлениях, которые он заметил в крупных чиновничьих кругах:

«Около 3 часов дня я узнал, что государь тяжело ранен, а вскоре затем пришла весть и об его кончине. Все мы дома находились в крайне угнетенном состоянии духа, хотелось знать, как произошла катастрофа, кто ее виновник, и я вечером отправился в сельскохозяйственный клуб, где собиралось обыкновенно много посетителей и можно было, следовательно, собрать какие-нибудь сведения. Странное зрелище представилось мне: как будто не случилось ничего особенного, большая часть гостей сидели за карточными столами, погруженные в игру; обращался я и к тому и к другому, мне отвечали наскоро и несколькими словами, затем опять: «два без козырей», «три в червях» и т. д.... некоторые высказывали прямо, что в событиях 1 марта видят руку провидения; она возвеличила императора Александра II, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужила спасению России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно утратил всякую руководящую нить и очутился в рабском подчинении княгини Юрьевской». (Феоктистов, За кулисами политики и литературы, стр. 196—198.)

Жандарм Латынин, сподвижник Муравьева-Виленского, рассказывает:

«1 марта произвело потрясающее впечатление на общество. Возмущались бездеятельностью полиции, высказывали суждения о государственном строе, но я не видел того безысходного горя, которое было при кончине Николая I». (Латынин, Отрывочные воспоминания, «Ист. вестн.», 1909 г., № 6, стр. 84.)

б) Среди русских за границей

1 марта испугало и взволновало русские чиновнические круги и за границей. «Событие 1 марта произвело в русской парижской колонии страшный переполох, а расстоянием впечатление только усиливалось. Многие полетели сломя голову в Петербург, сами не зная зачем». (Карцев, Семь лет на Ближнем Востоке, стр. 60.)

Интересно отметить сообщения и об Ив. С. Тургеневе. Среди деятелей революционного движения у него были личные знакомые и друзья, и он высоко ценил и уважал их, совершенно не разделяя их взглядов; сам он не шел дальше скромного либерализма. «Я видел его горько, безутешно плачущим. Это было в день 1 марта 1881 г.» (Р. Хин, Глава из неизданных записок, «Тургенев в записях современников», сб. А. Островского.) «Тургенев ни мало не сочувствовал терроризму. Он постарался даже оттенить свое отношение к событию 1 марта 1881 г. личным участием на панихиде». (Ковалевский, Воспоминания; там же, стр. 336.) Но, как художник, он глубоко понимал настроения революционеров. Вернувшись в Россию, он написал свое известное стихотворение в прозе «Порог», внушенное ему трагической судьбой С. Л. Перовской.

в) В либеральном обществе

Воспоминания и переписка деятелей либерального лагеря, не принадлежавших к бюрократии, представлены гораздо беднее, что объясняется развернувшимся после 1 марта полицейским террором: вести дневники и переписку было опасно.

Довольно подробно описывает 1 марта Г. К. Градовский, сотрудничавший тогда в «Молве» и «Порядке».

«Около часу дня я уехал из редакции «Порядка». Ничего нового не было. Никаких указаний даже на возможность грозного события, перевернувшего на 25 лет, — долгих, ужасных лет, — новейшую историю России...

«...Сани свернули под арку, повернули на Невский. У Полицейского моста тесно, оживленно. Чем дальше, тем теснее; приходится ехать почти шагом. Многие направляются к Дворцовой площади; другие на тротуарах. Полиция суетится, освобождает дорогу. Навстречу быстро едет наследник цесаревич,

кажется, с конвоем казаков. На лицах какое-то недоумение, озабоченность. Уже не случилось ли чего? Около Казанского моста толпа народа... Я приехал в санях и тоже смотрю, — но кроме народной толпы ничего не видно...» (Градовский, Итоги, стр. 75—76.)

Узнав от дворника и швейцара о происшедшем и побывав в редакции, Градовский поехал на Екатерининский канал. Там шла уже торговля «реликвиями». «Народу было много, полиция имела, казалось, смущенный вид и тихо сдерживала толпу. Обычных грубостей и окриков не слышалось. На набережной, шаркая ногами в снегу, искали и подбирали клочки шинели и другие обрывки. Находившие желали видеть в них остатки одежды государя. Нашлись и продавцы. Нам предлагали купить кусочек серой шинели; но один из полицейских предупредительно пояснил, что это остаток шинели пристава». (Там же, стр. 77.)

«...Часам к семи вечера продавались четвертушки бумаги с кратким известием. Оно начиналось странными, неуместными словами: «Воля всевышнего свершилась...» Выходило, будто преступники были исполнителями божьего веления! Закоренелая привычка злоупотреблять именем бога сказалась и в данном переполохе... Извещение это потом отбиралось и было иначе и прилично изложено на другой день». (Там же, стр. 78.)

Редакции либеральных газет были удивлены появлением известного ген. Е. В. Богдановича.

«Поздно вечером главнейшие редакции, знакомые и незнакомые, объезжал ген. Е. В. Богданович. Он имел озабоченный вид и с приподнятостью мелодраматического лицедея заявлял:

«— Все спокойно, революции не будет. Трактиры и кабаки закрыты, все меры приняты!

«— Да никакой революции никто и не боится, — ответил В. А. Полетика, — кабацкий разгул всегда полезно предупредить; ну, а насчет спокойствия, — это будет видно.

«— Уверяю вас, тревожиться нечего... Но извините. Я спешу в «Голос».

«И ген. Богданович спешно, с деловым видом исчез выполнять свою миссию. Никто не поверил, чтобы она была на него возложена. Есть такие добровольцы, которые всегда суетятся и примазываются, когда жареным запахнет.

«— Воронье уже начинает кружиться над прошлым царствованием, — заметил кто-то.

«Революция» происходила разве только в верхних бюрократических сферах». (Итоги, стр. 78.)

г) В радикальной журналистике

Воспоминания Ясинского описывают впечатления и настроения кружка редакции «Нового обозрения». В редакции этого

журнала работали либеральные журналисты и бывшие народники. В «Новом обозрении» отдел рецензий вел Н. И. Кибальчич, под фамилией Самойлова.

«...Сойдясь нечаянно с Каблицем — я привел его с собой. Нервы его были до такой степени натянуты, что некоторое время он сидел в передней и плакал.

«— От радости, — сказал он мне шопотом, — и от ужаса перед предстоящим.

«Он был оптимист, ждал восстания, ждал либеральной революции, выступления студентов с красным знаменем. Он точно не заметил полчищ верноподданной черни, состоявшей из лавочников, приказчиков и мелких денежников, всевозможных кумушек и кофейниц. Даже и студентов было не мало в толпе, связанной общим рабьим чувством.

«Мы сидели за столом, когда пришел Осипович с известием, что великий князь Владимир собирается поступить с Петербургом так же, как поступил с Парижем Наполеон Маленький. Он предлагает расстрелять Петербург, навести на город панику и пожертвовать в бозе почившему по крайней мере двести тысяч человек.

«— Хорошо, если бы его послушались! — вскричал Каблиц. — Потому что первые же ядра заставили бы проснуться... Э, да глупости, — двести тысяч уже не так-то легко убить, но, по крайней мере началось бы восстание.

«— Уж не ваших ли раскольников? — спросил Осипович.

«— Между прочим, и раскольников, — ответил Каблиц, вспыхнув, — но дело в том, что Лорис-Меликов не допустит». (Ясинский, Роман моей жизни, стр. 154—115.)

Н. Р. (Н. С. Русанов), близко стоявший тогда к редакциям журналов «Дело» и «Отечественные записки», расказывает, какое впечатление произвело 1 марта там:

«... Шелгунов зашел ко мне в воскресенье, — дело было 1 марта 1881 г., — и мы отправились с ним пройтись на Невский. Мы были на углу Екатерининского канала. Вдруг раздался какой-то необычайный гул, и мимо нас со свистом, давя прохожих, промчалась бешеным галопом сотня казаков, копья вперед, шашки на голо. Обоих нас точно электрический ток пронизала одна мысль: должно быть, покушение. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу к Зимнему дворцу. Навстречу нам бежал народ, рассыпаясь по улицам, по переулкам, торопясь сообщить что-то друг другу, встречным знакомым и незнакомым, и все это с каким-то таинственным видом: «убили... нет... спасен... тяжело ранили...» Я до сих пор не могу забыть выражения лица Шелгунова. Его глаза смотрели напряженно в даль, точно старались разглядеть, что делалось за извилиной канала.

«... Бледен он был смертельно. Я понимал его: неужели новое неудачное покушение и, может быть, новая ненужная кровь и новые ненужные жертвы? Нам безумно хотелось бежать вперед, туда, где совершался великий акт русской трагедии... Не знаю, как Шелгунов, но мне казалось, что я с ума сойду, если сейчас же не узнаю, чем кончилось там. Мы пробежали с ним несколько шагов, как нам навстречу попался знакомый редактор либерального «Церковного вестника» Поповицкий. На его лице было написано какое-то мучительное и пугливое недоумение. Он бежал, как оказалось после, предупредить своих домашних и, тяжело дыша в енотовой шубе, махал меховой шапкой. Должно быть, он упал перед этим: по его лицу катились капли пота, верноподданнические слезы и маленькие ручейки от приставшего к лицу и растаявшего грязного снега. «Сейчас увезли... очень ранен... государя убили, наверно убили... Сам видел; другого арестовали, а тот сам убил себя», — лепетал плачущий либерал без шапки. Мы сели на извозчика и доехали до квартиры Шелгунова вместе. О том, что государь тяжело ранен, знали уже почти все прохожие. По улицам бежали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерные, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушение было только сигналом восстания. Один извозчик закричал другому, везшему одного моего приятеля из «Отеч. записок»: «Ванька, дьявол, будет тебе бар возить: государя разорвало на четыре части!»

«В шесть часов вечера я был у Шелгунова, где собралось несколько близких друзей его из литераторов и кое-кто из революционеров. Шелгунов был сдержан, но, очевидно, внутренне доволен, и если не показывал большой радости, то по врожденному чувству такта. Но он был гораздо более озабочен, чем его друзья, по большей части младшие его по возрасту. Он задавался уже вопросом: «что же дальше делать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братии отдавалось, напротив, всецело чувству радости и строило самые радужные планы. Старик Плещеев[1] и соредактор Н. В. по «Делу» Станюкович[2] особенно врезались мне своим оптимизмом в память. Странное дело: революционеры представляли на этом собрании единственно серьезный критический элемент и напирали на то, что, мол, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно и поразобрать промеж себя работу для возможного давления на правительство в печати, покамест не ушло время. Кстати сказать, даже такой на редкость умный человек, каким был Михайловский, еще несколько дней спустя утверждал, что «на этот раз на нас идет революция». И ему вторил своими

[1] А. Н. — поэт.
[2] К. М. — известный беллетрист.

картинными выражениями веселый, как никогда, Глеб Успенский. Но возвращусь к беседе у Шелгунова. Н. В. в своем несколько скептическом, но действенном отношении к событиям был скорее согласен с революционерами, чем с записными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движению. К тому времени принесли уже правительственную телеграмму в первом, еще не исправленном издании, которая начиналась курьезными словами: «Воля всевышнего свершилась». Телеграмма была встречена с большим оживлением; кто-то сострил даже: «Народная воля — воля божья». (Н. С. Русанов, Событие 1 марта и Н. В. Шелгунов, «Былое», 1906 г., март, стр. 43—45.)

д) Среди учащейся молодежи

В отличие от вышеприведенных воспоминаний, воспоминания В. И. Дмитриевой показывают, какие впечатления вызвало 1 марта в кругах учащейся молодежи.

Учащаяся молодежь составляла постоянную и неизменную аудиторию «Народной воли», она же являлась ее важной организационной опорой, пополняя ряды деятелей «организации Народной воли». Дмитриева, находившаяся в непосредственной связи с народовольцами, рассказывает:

«Это был странный и страшный день. Воскресенье. Утром зашел ко мне В. А. Караулов[1] и пригласил итти с ним в Измайловский полк на сходку, где должна была собраться сочувствующая «Народной воле» молодежь.

«...Не помню ни улицы, ни дома, где происходила сходка; помню только, что, когда мы пришли, народу собралось уже человек пятьдесят.

«...Очевидно, кого-то ждали, потому что при каждом звонке все головы поворачивались к дверям и разговоры на минуту смолкали. Но так и не дождались. Прозвенел звонок, и вместо ожидаемого лица в комнату не вошел, а ворвался студент-технолог и прерывающимся голосом произнес:

«— Царя убили... Взрывы... Там, сейчас на Невском.

«В один миг все перепуталось и смешалось. Одни окружили студента и стали его расспрашивать о подробностях; другие устремились в переднюю, разбирали свою одежду, куда-то бежали.

«— Пойдемте в Технологический, там узнаем, — предложил Караулов. Не знаю, что чувствовали другие, но меня пробирала дрожь. Казалось, что вот сейчас должно что-то начаться... революция, баррикады... надо что-то делать, куда-то бежать, спешить... И мне показалось очень странным, когда в столовой

---

[1] Шлиссельбуржец. Впоследствии член III Думы, к-д.

Технологического института я застала обычную картину: звяканье тарелок и стаканов, толкотню у стола, где продавались марки на кушанья, жующих людей.

«...Появление раскрасневшегося, растрепанного технолога несколько нарушило будничное течение жизни столовой. Он только что прибыл оттуда, с места взрыва, и торопливо, задыхаясь рассказывал подробности.

«...Что царь убит, это несомненно. Брошены две бомбы на Екатерининском канале. Один метальщик тоже убит, другой схвачен. Вся мостовая изрыта взрывом, карета царская в обломках. Он там был и видел... Теперь это место оцеплено. Никого не пускают». (В. И. Дмитриева, Так было, М., 1930 г., стр. 198—199.)

Далее В. И. Дмитриева рассказывает:

«Мы прошли по Дворцовой площади через Александровский сад и влились в молчаливую толпу, густыми шпалерами опоясавшую все огромное пространство перед дворцом. Толпа была настроена молчаливо и загадочно; не было слышно ни разговоров, ни соболезнований, ни смеха; все стояли плечо к плечу, тупо смотрели на дворец с развевающимся на нем штандартом, на проносившиеся по площади экипажи с военными в плюмажах и тоже чего-то ждали. Всколыхнулись лишь тогда, когда под аркой Главного штаба что-то произошло и туда поскакали конные жандармы. Должно быть, оттуда разгоняли, потому что из-под арки кучками выбегали люди и устремлялись в нашу сторону.

«— Что там такое? — слышались тревожные возгласы.

«— Ничего. Студента били.

«— А, может, из ихних кто...

«Но в эту минуту толпа опять всколыхнулась.

«— Флаг, флаг спущают... Кончился, должно...

«Мы подняли головы: действительно, штандарт медленно спускался со шпиля. По толпе пронесся вздох, некоторые снимали шапки, крестилась; чей-то бабий голос жалостливо закричал:

«— Кончился наш голубчик, царство ему небесное. Доканали злодеи...

«Никто не отозвался на этот вопль. «Народ безмолвствовал», не выражая ни особенной скорби, ни радости — ничего кроме самого обыкновенного обывательского любопытства. Я думаю даже, что отдельные случаи избиений студентов в этот день являлись не выражением народного гнева против цареубийц, а просто носили провокационный характер. Народ проявил полное равнодушие к факту цареубийства, и, когда спуск штандарта возвестил ему о кончине освободителя, он начал спокойно расходиться. Больше ничего не было. Ни баррикад, ни револю-

ции... И глухая тоска о несбывшемся черной тучей вползала в сердце. Вечер прошел в такой же тишине и тоске. Театры были закрыты, улицы безлюдны, город молчал». (Дмитриева, Так было, стр. 200—201.)

В своих воспоминаниях И. И. Попов, между прочим, отмечает растерянность правительства и общества после 1 марта:

«.. В пять часов я ушел от брата и пошел бродить по Петербургу. Город как бы замер. На улицах было жутко; они казались безлюдными; у фонарей небольшие кучки людей читали первое правительственное сообщение, но не обсуждали его, а, прослушав, молча расходились. Первые патрули появились довольно поздно к вечеру, когда я уже подходил к институту. На улицах, в правительстве и в обществе чувствовалась растерянность. Такое же впечатление вынес и Ахутин, исколесивший чуть ли не весь Петербург, при чем в двух местах ему посоветовали снять плед. Ахутин резюмировал свои впечатления так: если бы у революционеров были небольшие организованные группы рабочих и их вывели на улицу, то результаты могли бы получиться самые неожиданные. Как-то потом я передал это мнение Теллалову, и он заметил:

« — Очень вероятно, что это справедливо. К сожалению, мы этого не могли сделать.

«Все, я думаю, даже народовольцы, были подавлены грандиозностью совершившегося факта».

«Раскрытие сырной лавки Кобозева, подробности о метальщиках, арест на Тележной улице и другие факты усугубляли впечатление; но последствий не было. Растерянность правительства исчезла, а аресты Перовской и др. говорили о том, что правительство спохватилось, будет сопротивляться, и реакция усилится. Письмо Исполнительного комитета к Александру III поразило всех нас скромностью своих требований. Некоторые из наших воспитанников высказывали даже мнения о том, что не стоило огород городить, и Лорис приблизительно дал бы то же. Но это, конечно, было неверно. 1 марта показало не слабость революционеров, а слабость и неподготовленность русского общества, земских и городских самоуправлений. Общество не сопротивлялось реакции, не говоря уже о том, что не предъявило правительству никаких требований, если не считать выступлений петербургского дворянства. В обществе, особенно, когда пал Лорис-Меликов, стали винить революционеров, что они 1-м марта помешали ему провести свою конституцию. С такими суждениями я уже не мог согласиться и горячо возражал, обвиняя общество в пассивности и трусости». (И. И. Попов, Минувшее и пережитое, Воспоминания за 50 лет, т. 1. Изд. «Колос», 1924 г., стр. 81 и 82.)

3. БОРЬБА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ЛАГЕРЕ

В монархии, как всегда — «король умер, да здравствует король!» — вместо Александра II вступил на престол Александр III. Но кто будет его именем править? И какое направление даст политике в этот ответственный момент? Лорис-Меликов, призванный к власти в 1880 г., после взрыва в Зимнем дворце, олицетворял собой политику недостаточности одних репрессий и необходимости опереться на широкие общественные круги. Против этого выдвигался лозунг: в данный момент ни малейшего шага, который может быть истолкован как уступка. Борьба сразу сосредоточилась вокруг известного проекта Лорис-Меликова о созыве комиссий и вокруг самого Лориса. Покушение на Александра II и смерть его произвели ошеломляющее впечатление на правительственные круги и на самого Александра III. При каждом дворе всегда существовала партия наследника цесаревича; существовала такая партия и при дворе Александра II; она называлась «партией Аничковского дворца», в котором жил наследник. Но эта партия, да и партия Лорис-Меликова и др. до того были ошеломлены событием 1 марта, что первое время не проявили деятельности. Подавляющее большинство правящей бюрократии боялось революции, и некоторые ждали ее — «вот, вот начнется». И у Александра III, и у придворной камарильи, и у правительства, и у славянофилов, и даже у либералов, особенно толка Бор. Чичерина (см. его письмо к Победоносцеву) мысль была направлена в одну сторону, как предотвратить эту грозу. Все сознавали, что политика Александра II во вторую половину его царствования не может более продолжаться, должен быть крутой поворот направо или налево. Нужно было действовать, а не выжидать, нужно было налечь на Александра III, который, склонный к реакции, первые дни стоял на распутье. Казалось бы, должна начаться борьба между теми, кто желал бросить страну на путь реакции, к Николаю I, и теми, кто группировался около Лорис-Меликова с его проектом «куцой» конституции.

Но никто, за исключением одного К. П. Победоносцева, не проявил должной энергии. В дни 1 марта «делателем истории», если так можно выразиться, был Победоносцев, у которого была вполне определенная реакционная программа, и он ясно представлял то, к чему шел. Под его напором сдался Александр III, тем более легко, что программа Победоносцева была мила его сердцу.

Либеральное общество (земство, городские думы, пресса и др.), за исключением единичных выступлений, вроде Шакеева в дворянском собрании, статей «Страны», «Порядка» и др.,

ничем не проявило себя и молчало перед надвигавшейся реакцией. Эта бездеятельность и растерянность правящих сфер, правительства и общества, с одной стороны, и энергическая деятельность Победоносцева, с другой, довольно ярко отразились в мемуарной литературе.

Близкий сотрудник Каткова, Феоктистов, прекрасно знавший все группировки правительственного круга, пишет: «К. П. Победоносцев рассказывал мне, что еще в самый день 1 марта он поздно вечером явился в Аничков дворец и умолял государя прогнать Лорис-Меликова. Государь не счел этого возможным». (Феоктистов, За кулисами политики и литературы, стр. 198.)

Но и Победоносцев был, повидимому, очень осторожен и даже конспиративен. Так, например, сторонник в. кн. Константина, государственный секретарь Перетц считал, что в эти дни «первоисточником реакционных мероприятий является не Победоносцев, а гр. Валуев».

«Урусов сообщил мне в двух словах, что для изложения манифеста[1] они собрались вчера вечером у гр. Валуева и что выручил их Сольский. Сам же Дмитрий Мартынович[2] сообщил мне вслед за тем, что Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом — в реакции. Против этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда соединенными силами наскоро набросали манифест в том виде, в каком он опубликован». (Перетц, Дневник.)

«5 марта. Вслед за покушением 1 марта Валуев написал Лорису для доклада государю длинное письмо, в котором давал советы, клонившиеся к реакции. Письмо это было представлено государю и оценено по достоинству». (Там же.)

Но это, повидимому, не так.

Валуев пишет в дневнике об этом письме следующее:

«4 марта. Вчера писал гр. Лорис-Меликову об опасениях насчет переезда их императорских величеств из дворца во дворец и насчет неустановления, на всякий случай, регентства». (П. А. Валуев. Дневник.)

Из переписки Александра III с Лорисом, опубликованной в «Красном архиве», видно, что часть советов Валуева — об опасении при переездах — была принята во внимание. Но ни в дневнике Валуева, ни в переписке за эти дни не видно, чтобы программа реакционных мероприятий исходила от Валуева. Правда, Валуев относился к Лорис-Меликову с желчной злобой и с презрением, и в дневнике, в ближайшие после

---

[1] Манифест о восшествии на престол, от 2 марта.

[2] Сольский.

1 марта дни, вспоминает о нем только для того, чтобы обругать его и его сторонников:

«..Жалки наши государственные фарисеи, — даже и более умные, как Абаза и Сольский. Впрочем, им не подстать событие 1 марта («Мартовские иды!»).

«Оно в разрез всей лживой теории успокоения, задабривания, прихорашивания и даже прямого лганья! Нехорошо, я думаю, спалось ближнему боярину! После хвастливой фразеологии его доклада о комиссиях — какое громовое опровержение. По-настоящему, все эти господа — полуучастники цареубийства» (Валуев, Дневник, запись от 2 марта.)

«... Министр финансов [1] на-днях говорил в департаментах Государственного совета, ore rotundo, [2] по обычаю, что «при этих веяниях легко живется. — Да, легко!» (Валуев, Дневник, запись от 4 марта.)

Несмотря на такое отношение к правительственным «либералам», Валуев держался ближе к Лорис-Меликову и Абазе, чем к Победоносцеву, что и выяснилось на заседании совета министров 8 марта. Письма, о котором говорит Перетц, повидимому, не было.

О настроении в кругах высшей бюрократии сотрудник Абазы Тернер говорит:

«В умах господствовала удивительная путаница; никто, в сущности, не отдавал себе ясного отчета в положении и не знал, чего ожидать в будущем. Повсюду об этом толковали и спорили...» (Тернер, Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера, «Рус. старина», 1910 г., № 10, стр. 204.)

Наибольшая путаница была, конечно, в голове самого царя, который, по словам Победоносцева, ночью 1 марта рыдал у него на груди, как большой ребенок. За руководство первыми шагами ребенка и принялся сердобольный обер-прокурор синода. Предоставив на некоторое (правда, очень непродолжительное) время Лорис-Меликову заниматься полицейскими репрессиями, Победоносцев принялся обрабатывать царя и сплачивать около себя реакционеров.

3 марта Победоносцев писал царю:

«Простите, ваше величество, что я не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к вам со своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу» или: «Я не хочу и не допущу».

[1] Абаза.

[2] Во все горло; дословно — «круглым ртом».

«Гнетет меня забота о вашей безопасности. Никакая предосторожность — не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце.[1] Мысль эта вкоренилась в народе.

«Смею еще напомнить вашему величеству о Баранове. Это человек, преданный вам, — я знаю, — и умеющий действовать, когда нужно. Его ждут сюда из Ковно послезавтра». (Письма Победоносцева к Александру III, т. I, 1925 г., стр. 315.)

6 марта Победоносцев, очевидно, уже имея под собой достаточно твердую почву, повторяет нажим на царя. Письмо от 6 марта представляет собой программу ближайших мероприятий. Все советы Победоносцева, изложенные в этом письме, были выполнены почти с буквальной точностью; поэтому письмо Победоносцева от 6 марта имеет значение важного исторического документа:

«Ваше императорское величество.

«Измучила меня тревога. Сам не смею явиться к вам, чтоб не беспокоить, ибо вы встали на великую высоту. Не знаю ничего, — кого вы видите, с кем вы говорите, кого слушаете и какое решение у вас на мысли. О, как бы я успокоился, когда бы знал, что решение ваше принято и воля вашего величества определилась.

«И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или теперь спасать Россию и себя, или никогда.

«Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность ваша этим не оградится. Безумные злодеи, погубившие родителя вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе — лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, вас, самих себя и всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники». (Письма Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 315 — 316.)

«...Народ возбужден, озлоблен; и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы. Послед-

---

[1] Там жил вел. кн. Константин Николаевич.

няя история с подкопом приводит в ярость еще более народное чувство. Не усмотрели, не открыли. Народ только одно и видит здесь — измену — другого слова нет. И ни за что не поймут, чтобы можно было оставить теперь прежних людей на местах. И нельзя их оставить, ваше величество. Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Он фокусник и еще может играть в двойную игру... Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет, — что я сам ему высказывал неоднократно. И он — не патриот русский. Берегитесь, ваше величество, чтобы он не завладел вашей волей, и не упускайте времени. А если не он, то кто же! Ваше величество, — я их всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Изо всех имен смею назвать вам разве гр. Николая Павловича Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми». (Там же, стр. 316 — 317.)

«... Петербург надобно было с первого же дня объявить на военном положении: в Берлине после покушения тотчас сделали это и умели распорядиться немедленно. Это — проклятое место. Вашему величеству следует тотчас после погребения выехать отсюда в чистое место, хотя бы в Москву, и то лучше, — а это место бросить покуда, пока его очистят решительно. Пусть здесь остается новое ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу. Здесь, в Петербурге, люди найдутся, авось. Завтра сюда приедет Баранов; еще раз смею сказать, что этот человек может оказать вашему величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть.

«... Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед и с каждым днем еще более делает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из называемых кандидатов всех серьезнее бар. Николаи: но в ожидании прочного назначения есть возможность поручить управление Делянову, которого близко знает все ведомство.

«...Позовите к себе старика С. Гр. Строганова: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об вас и об России.

«Боже, боже, спаси нас!..» (Там же, стр. 317 — 318.)

Сопоставляя это письмо с дневниками Перетца и Валуева, — можно видеть, что Победоносцев выступил с совершенно опре-

деленной программой ближайших мероприятий реакционного характера.

Постоянные ссылки Победоносцева на «простых русских людей» — не случайны. В обширной переписке его, изданной, к сожалению, только частично, эти «простые русские люди» фигурируют довольно часто.

Рядом с придворной аристократией — к Победоносцеву обращаются старосты сибирских храмов, павловские посадские купцы Лабзин и Тихомиров, монахини, концессионеры, волостные старшины, посылающие ему мирские приговоры о назначении поста в день 1 марта и т. д., — зародыши будущей черной сотни, готовой погреть руки у казенного сундука. Но какова скудость этой истинно-русской партии, группирующейся около Победоносцева! Предлагая прогнать Лорис-Меликова, Сабурова и др., Победоносцев только и может назвать два имени: Баранова, героя «Весты», скоро оказавшегося совершенно невозможным на посту столичного градоначальника и потому сосланного в архангельские губернаторы, да гр. Н. П. Игнатьева, известного всей Европе под насмешливым прозвищем «Враль-паша». Дипломат авантюристического пошиба, он считался вместе с тем полуславянофилом. Со времени его министерства, некоторые современники ведут начало правительственной организации еврейских погромов. Но и он жестоко подвел Победоносцева, выдвинув через год проект созыва «Земского собора», как единственный выход из положения. Делянов славился своей глупостью, но для Победоносцева он был незаменим: он был верным его рабом и уж наверно никакого пороха не выдумает. Гр. Строганов должен был играть в этой разнообразной компании роль почитаемой иконы: он пользовался большим уважением в среде старинной аристократии, имея репутацию лично порядочного человека.

В письмах от 3 и 6 марта Победоносцев совершенно определенно намекает также на опасность дворцового заговора — предполагаемой главой которого считался великий князь Константин. Версия о заговоре либеральных элементов с Константином во главе впервые была пущена еще в 1866 г., во время следствия по делу Каракозова Муравьевым-Виленским, и, может быть, она-то и способствовала тому, что в великом князе Константине видели чуть ли не главаря либеральной бюрократии и даже либеральной оппозиции. Таким образом, с первых же дней Победоносцев, направляя на народовольцев Баранова, постарался ударить также и по либералам до правительственных верхов включительно.

Интересно отметить, что в это самое время сторонник в. кн. Константина Перетц меньше всего опасался поражения со стороны Победоносцева и, со слов Каханова и Урусова, подозревал

в реакционных стремлениях главным образом гр. Валуева. Столкновения Победоносцева с Лорис-Меликовым в эти дни — по частным вопросам, — по мнению Перетца, доказывали силу Лориса.

4. ЗАСЕДАНИЕ 8 МАРТА

8 марта, под свежим впечатлением смерти Александра II, в обстановке продолжающейся паники собрался совет министров для решения вопроса о судьбе знаменитого проекта Лорис-Меликова относительно созыва комиссий с участием представителей земств и городов.

Заседание 8 марта явилось в этом отношении решающим. В изданной мемуарной литературе имеется четыре рассказа участников этого заседания, свидетельствующие о том, что все они по-разному расценивали результат заседания.

Председатель комитета министров гр. Валуев рассказывает в дневнике от 9 марта:

«О заседании совета можно было бы написать целую книгу. Дело шло, конечно, о тех комиссиях, которые были изобретены министром внутренних дел для венчанья своего здания. Событие 1-го марта стало поперек журналу Особого совещания и тексту проектированной публикации».

Упомянув, что, по особому приглашению царя, на этом заседании участвовали Победоносцев и гр. Строганов, Валуев кратко описывает прения:

«Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в которой назвал все предложенное и все европейское фальшью, нанизал обычные фразы о царе и народе (подразумевая всегда так наз. черный) и весьма патетично закончил, что 1-е марта для всех нас — позор и упрек.

«...Относительно прочих участников заседания ограничиваюсь краткими отметками: великий князь генерал-адмирал оставался себе верен, т. е. говорил полуправду или неправду. Посьет был против предложения министра внутренних дел. Сабуров произнес полуидиотическую речь за это предложение и даже глядел полуидиотом... Великий князь Владимир довольно складно и с приятным выражением лица сказал несколько слов, что он не имеет установившегося мнения о разных частностях... но что нельзя управлять как до сих пор управляли. Великий князь Михаил к нему присоединился. Принц Ольденбургский произнес несколько привычных слов о мире, сокращении расходов и т. п.... Наконец, кн. Ливен пытался развить мнение sui generis о лучшем устройстве местных управлений... Гр. Баранов и гр. Адлерберг молчали.

«...Таков полный фиаско министра внутренних дел в таком деле и при всех усиливающих значение фиаско обстоятельствах решает, на мой взгляд, вопрос о его дальнейшем значении и влиянии». (Там же).

Государственный секретарь Перетц рассказывает о заседании значительно подробнее и, по его словам, воспроизводит речи участников «почти фотографически верно». Наиболее резким, по его записи, было выступление Победоносцева. Он указал, что в 1861 г. «крестьянам была дана свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей». Благодаря этому — по словам Победоносцева — «бедный народ, предоставленный самому себе и оставленный без надлежащего попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков».

Относительно проекта Лорис-Меликова Победоносцев заявил, между прочим: «как и в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae», так и теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae» (конец России!).

«...В этом проекте слышится фальшь, скажу больше, что он дышит фальшью».

«Фальшь» — по смыслу речи Победоносцева — заключалась в том, что под предлогом созыва комиссии экспертов «в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг».

«...Нам предлагают устроить говорильню вроде французских etats généraux; мы и без того страдаем от говорилен»

Далее Победоносцев перечисляет «говорильни»:—это журналы, которые «только разжигают народные страсти». Затем — земские и городские учреждения — «говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных делах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, не живущие со своим семейством... и т. д.

«...Дали наконец свободу печати, этой самой ужасной говорильни, которая во все концы необъятной русской земли разносит хулу и порицание на власть...». (Перетц, Дневник, стр. 38 — 39.)

В заключение, указав на событие 1 марта, Победоносцев заявил: «На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!» На что царь ответил: «Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя».

Возражения против проекта других членов совещания — Макова, Посьета и Строганова — ничего существенного не при-

бавили к основному выступлению Победоносцева. В защиту проекта высказались: Валуев, Лорис-Меликов, Д. Милютин, А. А. Абаза, Сольский, Сабуров, Набоков, в. кн. Константин и, с оговорками, в. кн. Владимир и Ливен. Совещания кончились тем, что проект был сдан в комиссию, что, по мнению Валуева, в этих условиях означало его полный провал; Перетц, однако, считает, что Лорис-Меликов одержал победу.

Великий князь Константин также упоминает о заседании 8 марта и тоже доволен его результатами:

«8 марта. В 2 часа в Зимний на первый совет министров у молодого государя, в малиновой комнате мама̀. Предъявлялось дело наше о созыве земских представителей и проект прелестно составленного объявления об этом. Но государь начал словами сомнения о несвоевременности этой меры и просил откровенно всех высказаться. Строганов, нарочно для этого приглашенный, сильно говорил против, тоже Маков (лакейская речь), Посьет, а главное Победоносцев, доказывая, что это будет только новая говорильня. А Валуев и Милютин, Абаза, Сольский, Набоков и Сабуров сильно и отлично говорили в пользу. Урусов по обыкновению ни то, ни се. Я рекапитулировал все рассуждения, доказывая, что разногласия настоящего нет, что надо же сделать что-нибудь, и доказал необходимость нового пересмотра этого дела. Владимир очень мило говорил, доказывая, что оставаться в теперешнем положении невозможно, что необходимо что-нибудь сделать. Говорил очень мило. Это было his maiden speach. Было уже почти 5 часов. Было еще много частных потом разговоров, и я крупно выговаривал Макову за его глупую речь». («Кр. архив», т. III, стр. 151.)

Несколько иначе рассказано о заседании 8 марта в дневнике г. Бильбасова, со слов Лорис-Меликова:

«В понедельник, 9 марта, Н. С. Абаза сообщил мне со слов гр. Лорис-Меликова буквально следующее: «Славу богу, проект прошел. Сделаны три замечания. Одно чисто редакционное и два скорее в пользу проекта. Между тем в городе пошли слухи очень тревожные. Говорили, что реакционная партия одержала верх, что государь и слышать не хочет о созыве редакционной комиссии. Прибавляли, что гр. Лорис-Меликов остался в позорном меньшинстве и что будто бы вновь подал по этому поводу в отставку».

12 марта Лорис-Меликов вызвал к себе Бильбасова. Тот немедленно поехал. «Граф встретил меня очень мило, но прежде всего напомнил мне свое предчувствие в последнее наше свидание, когда он, прощаясь со мною, сказал: «Подумать только: какой-нибудь мальчишка игрушечным револьвером мог разрушить все мои планы».[1] Теперь он встретил меня словами: «Ну,

[1] Указание на покушение Млодецкого на Лорис-Меликова.

что, сколько лет пережито с тех пор, как мы не видались! В эти две недели не игрушечный револьвер, а динамит все перевернул, и еще бог знает, чем все это кончится». (Совет министров 8 марта 1881 г., «Былое», 1918, №№ 4—5.)

Лорис-Меликов рассказал далее Бильбасову, что он настаивал на скорейшем созыве совета министров для обсуждения и опубликования своего проекта. 6 марта, по его словам, он имел длинный разговор с Александром III, доказывая царю, что Александр II был против полицейского государства и что, если царь вернется к системе административной опеки, «он приготовит себе бурное царствование».

«Государь убедился в этом и созвал совет министров». (Там же.)

По словам Лориса, речь Победоносцева была пропитана самым подлинным клерикализмом. Победоносцев говорил, будто бы, что все образованные классы «пропитаны нигилизмом» и что единственной опорой монархии может быть только священник, но и священник перестанет отстаивать монархию, если узнает, что «существует какое-то собрание». (Там же, стр. 190.)

В записи Бильбасова — более резко, чем в других — описана выходка Макова, который говорил, по словам Лорис-Меликова, что проект «попирает самодержавие». На это Лорис-Меликов возразил: «Если бы я только заметил в ком-нибудь намерение ограничить самодержавие, я убил бы его, а если бы не мог — себя». (Там же.)

В очень резких тонах изложена речь Милютина, который, по словам Лориса, говорил, что «мы покоряем текинцев для того, чтобы на место их сардарей поставить своих исправников».

О результате заседания Лорис-Меликов заявил Бильбасову, что за его проект подано 9 голосов против 5 и что царь согласился с большинством. Как мы уже видели из рассказа других участников заседания, никакого голосования не было, а царь довольно недвусмысленно был на стороне Победоносцева.

Сам Лорис-Меликов, повидимому, думал совершенно иначе, чем он говорил Бильбасову.

«9 марта. ...Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он неправ: исход очень хороший, цель почти достигнута. Конечно, дело его не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные дела когда-либо разрешаются в одно заседание?» (Перетц. Дневник, стр. 47.)

В письмах к Е. Ф. Тютчевой, бывшей фрейлине при дворе Александра II, Победоносцев так описывет свою роль до заседания 8 марта:

«3 марта. ...Боже, как жаль его, нового государя. Жаль, как бедного ошеломленного ребенка. Боюсь, что воли у него не будет. Кто поведет его? Покуда все тот же фокусник Лорис-

Меликов. Теперь, по всем признакам, он его опутывает; ибо ключи у него в руках и он хранитель безопасности.

«...С тех пор не видел его, не писал к нему. Вчера один из простых людей прибежал ко мне в слезах: «Ради бога, скажите государю, что прежде всего нужно выслать отсюда Константина и княгиню Юрьевскую».

«...Душа моя преисполнена опасений и подозрений. Константин на выходах смотрит зверем. Противно видеть его. Сегодня был вынос в церкви. Душа болит, когда видишь эту толпу сановников, бесчувственную, пошлую, страшно сказать, подлую». (Там же, стр. 89—90.)

«6 марта вечером. ...Сегодня нетерпение взяло меня, и я написал государю большое письмо. Мой план, между прочим, объявить Петербург на военном положении, переменить людей и затем оставить Петербург, это проклятое место, покуда очистится, уехать в Москву, если нельзя еще дальше». (Там же.)

О заседании 8 марта Победоносцев сообщает:

«Нет времени описывать все подробно. Первый Строганов высказался против, кратко, но энергически. Затем Валуев, Абаза, Милютин сказали напыщенные, отвратительные речи о том, что вся Россия ждет этого благодеяния. Милютин при этом обмолвился, упомянув о народе, как о неразумной массе. Валуев вместо слова народ употребил народы [подчеркнуто в подлиннике]. Говорили дальше Набоков, Сабуров и пр. Только Посьет высказался против и Маков. Но когда обратились ко мне, я не мог уже сдержать волнения. Объяснив всю фальшь учреждения, я сказал, что стыд и позор покрывают лицо, когда подумаешь, в какие минуты мы об этом рассуждаем, когда лежит еще не погребенный труп нашего государя. А кто виновен в том? Кровь его на нас и на чадах наших. Мы все повинны в его смерти». («Русск. архив», 1907, кн. 5, Первые недели царствования имп. Александра III, стр. 94—95.)

5. МЕРОПРИЯТИЯ И СЛУХИ

Лживые слухи по поводу вновь открытых заговоров исходили непосредственно от Победоносцева и Баранова.

Победоносцев пишет Е. Ф. Тютчевой 15 марта:

«...Баранов явился, едва держась на ногах. Ночью происходит у него главная работа. «Ну, завтра, — сказал он, — будет страшный день. Как бог вынесет! Готовится покушение на государя и на принца прусского в четырех местах по дороге; в одном месте, на Невском, соберутся люди, переодетые извозчиками, чтобы открыть перекрестные выстрелы».

«У него в руках был уже план всех предположенных действий. Вчера кронпринц получил из Берлина шифрованную депешу

об этом и переслал ее Баранову; но Баранов имел уже свой план в руках.

«Все, что от человека зависит, — сказал он, — все сделано: но кто знает, что еще есть? Вы не спали бы ночь, если бы я рассказал вам, что обнаружено в эти дни, что сделано ими и приготовлено. Теперь из 48 человек, которые должны действовать, 19 у меня в руках. Сейчас еду делать аресты. Эту ночь, что еще открою, неизвестно. Представьте положение бедного государя, который непременно должен был ехать сегодня в крепость, зная, что на каждом шагу его может ждать смерть».

«...Перед Зимним дворцом, против Салтыкова выезда роют, по распоряжению Баранова, канаву; при этом успели перерезать 17 проволок от мин!

«И вы не можете себе представить, — говорит Баранов, — сколько людей делают мне препятствия на каждом шагу, начиная с Адлерберга. Не мог же я сказать все, что я знаю и для чего я делаю».

«...А что будет завтра? Боже, вразуми и помилуй. Рад я, что у Баранова в руках дело, и он сумеет забрать его в руки, лишь бы он остался цел. Как жив этот человек, право не знаю». («Русск. архив», 1907, № 5, стр. 94—96.)

Не приходится очень удивляться, что в то время верили такому вздору. Надо читать мемуары того времени, чтобы понять это. Вот какие разговоры и толки велись тогда в высшем обществе.

Духовская, жена начальника Московского военного округа, записывает целый ряд таких «секретных» сведений, ходивших среди московской знати.

«Секретно дано знать, что несколько сотен анархистов собираются ночью напасть на Зимний дворец, который представляет собою теперь вид крепости.

«...Говорят, что в Гатчинском дворце пойманы динамитчики, переодетые трубочистами...» (Духовская, Мои воспоминания.)

Генеральша Богданович рассказывает о таких же слухах, ходивших по Петербургу:

«... 7 марта. Везде столько полиции, столько войска, что через них трудно что-либо видеть. Но тревожные телеграммы, полученные из Берлина и других государств, сообщают, что эти меры необходимы, что у дерзких врагов ужасные замыслы». (Богданович, Дневник.)

«23 марта. Много рассказывают про разные аресты. Выслали из Петербурга француженку-модистку Теодор: она шила белье маленькому наследнику и положила в карман письмо с угрозами.

«24 марта. Были у митрополита Исидора. Старик нам рассказал, что была оцеплена Охта, что в воскресенье там не было обедни по случаю того, что отнятые два ящика со снарядами

и 20 фунтов пороху были снова украдены нигилистами. Сегодня в Совет 25-ти были представлены две прокламации, в одной из которых нигилисты, меняя тон и начиная словами: «ваше величество», требуют от государя конституции. Говорят, что если не даст, раскается. Теперь, по последним сведениям, они разъезжают по деревням на хороших лошадях и стараются возмутить народ рассказами о том, что новый царь хочет вновь закрепостить, что отнимут у них землю, что они будут так же бедствовать, как и прежде, свободы у них не будет». (Богданович, Дневник, стр. 48—51.)

Почти одновременно с заседанием 8 марта состоялось назначение Баранова петербургским градоначальником.

«11 марта. ...Это назначение — signum temporis. Оно состоялось помимо Michel 1-er, хотя Michel 1-er утверждает противное. Curriculum: Московская выставка, «Vesta», Добровольный флот, утрата вензелевых аксельбантов и удаление из службы; вступление в нее вновь, командировка за границу по полицейской части, — губернаторство в Ковно, — а теперь с.-петербургское градоначальство». (П. А. Валуев, Дневник.)

«9 марта. Великий князь Константин доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева». (Перетц, Дневник, стр. 46).

«... 14 марта. Батьянов продолжает говорить, что без конституции не может быть порядка. Он верно сказал, что успех Баранова вызовет неминуемую отставку от дел Лориса». (Богданович, Дневник, стр. 49.)

Еще на заседании 8 марта все без исключения министры высказались за усиление полиции и за жестокие репрессии по отношению к социалистам.

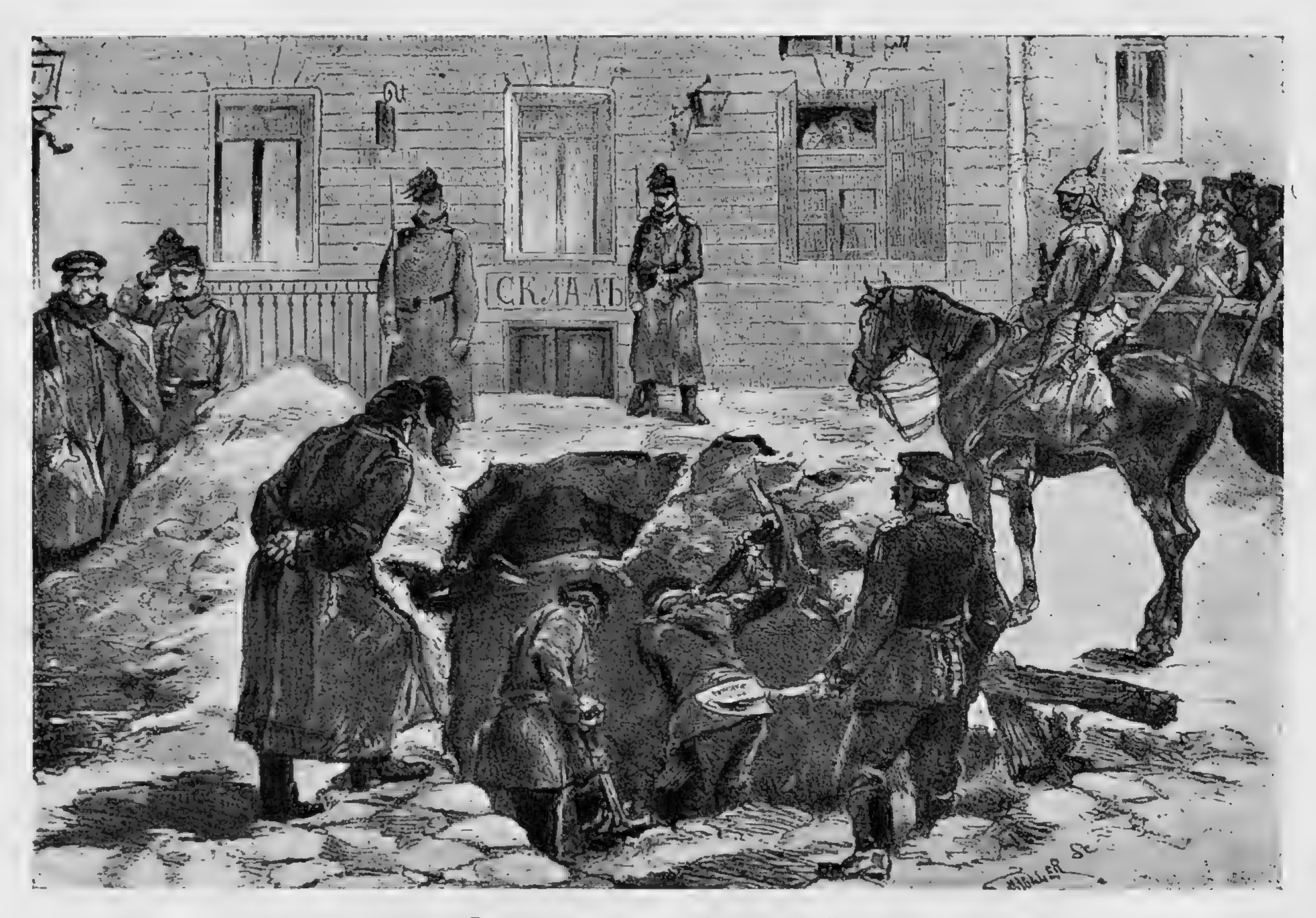
Царь жил в положении осажденного. Еще в первые дни Лорис-Меликов, по предложению Валуева, советовал ему не выезжать.

11 марта Победоносцев пишет царю:

«Ваше императорское величество! С каждым днем все более убеждаюсь в основательности того, что писал вам 6 марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои. Именно в эти дни нет предосторожности излишней для вас. Ради бога примите во внимание нижеследующее.

«1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери, — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно следить за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

«2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

Раскопка мины на М. Садовой

(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки)

«3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

«4. Один из ваших адъютантов должен был бы почевать вблизи от вас в ваших же комнатах.

«5. Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его. Дней через 10, через 15 много может разъясниться; но до тех пор, ради бога, будьте осторожны на каждую минуту!» (Письма Победоносцева к Александру III, стр. 318—319.)

В то же время был запрещен въезд в столицу и выезд из нее по всем шоссейным дорогам без особых разрешений и проверки всех пассажиров железных дорог, что вызвало сильный переполох в массах; при градоначальнике появился Совет «выборных» квартиронанимателей, получивший прозвище «Бараньего парламента».

«... 21 марта. Выборы во временный совет градоначальника состоялись вчера. Замечательно, что первым по числу голосов оказался ген. Трепов. Избирателей (2-ой ст. Wahlmänner) было около 228. В общем положении дел пока нет просвета». (Валуев, Дневник, стр. 157.)

«23 марта. Эрратический ход дел продолжается и из драмы порой переходит в комедию. Окапываются дворцы; запрещают ходить по их панелям; временный совет при градоначальнике воображает, что он призван управлять полицией и самим градоначальником. Министр внутренних дел стушевался и даже не обнаруживает никакого участия в делах охранения или восстановления общественного порядка в столице». (Там же, стр. 157.)

«24 марта. Горизонт все более и более хмурится. Кавалерийский кордон кругом города и заставы. — Безумие!

«...Не видать Michel 1-er. Он обозначает свою должность только своим присутствием в Аничковом дворце. Градоначальник хозяйничает, докладывает и опять хозяйничает, как будто диктатора «новых веяний» никогда не бывало. Бессознательный, но не самоотверженный Валленрод из армян!» (Там же, стр. 157.)

«28 марта. Вчера же их имп. величества приехали в Гатчину. Из предосторожности, переезд приготовлен и совершен без огласки. Какой эпилог для системы «умиротворения» и pseudo-диктатории! Бывший самодержец — в могиле, нынешний — en charte privée в Гатчине».

Е. А. Перетц рассказывает об этом периоде с своей точки зрения, которая является точкой зрения группы либеральной бюрократии Государственного совета, объединенной вокруг великого князя Константина.

«19 марта. Всех поразило сообщение «Правит. вестника» о том, что при петербургском градоначальнике учреждается совет из членов, избираемых населением столицы, при чем решения совета для градоначальника обязательны. Еще курьезнее, что выборы произведены в несколько часов, на основании правил, довольно неясных и сбивчивых. Нет сомнения, что это — просто фокус Баранова, ищущего популярности.

«Как слышно с разных сторон, выборы в совет производились чрезвычайно небрежно и бестолково. Только к очень немногим приходила комиссия, как бы следовало по правилам; большей же частью голоса отбирались единолично, околоточным надзирателем и т. д.». (Перетц, Дневник, стр. 52.)

«...23 марта. Великий князь сообщил мне, что Лорис жалуется на Баранова, который раза по три, по четыре в день является к государю и испрашивает разрешение на принятие тех или иных мер.

«Баранов представил государю чинов совета при градоначальнике. Перед этим он сказал им блестящую речь, и тут же предложил немедленно принять, для надзора за прибывающими, две меры: во 1-х: устроить заставу на дорогах, ведущих в Петербург, и во 2-х: установить, чтобы проезжающие по железным дорогам брали через посредство полиции с означением ею номеров экипажей и с внушением извозчикам запоминать адреса приезжающих. Обе эти меры были приняты без рассуждений, par acclamation. Между тем многие из членов совета понимали, что меры эти не достигнут цели и что первая из них будет крайне тяжела для пригородного населения». (Там же, стр. 53—54).

Менее чем через неделю она была отменена.

В Барановской деятельности можно разглядеть зародыш будущего русского черносотенства, сделавшегося неотъемлемой принадлежностью России Николая II.

Сотрудник Абазы Тернер, очень умеренный либерал, рассказывает:

«В первое время после смерти государя был принят ряд мер, которые носили на себе характер той неопределенности и того смятения, которые вызвала в обществе случившаяся катастрофа».

«...В Петербурге образовался совет выборных при губернаторе. Губернатором был назначен Баранов, находившийся в антагонизме с великим князем Константином Николаевичем. В этом совете произносились самые удивительные и нелепые речи и принимались не менее удивительные меры. Так, временно был остановлен въезд в Петербург, вследствие чего прекратился подвоз из деревни предметов потребления, молока, живности. Совет этот просуществовал недолго и был закрыт. Баранов тоже оказался не на высоте положения и не долго

оставался на своем посту. (Тернер, Воспоминания жизни, «Р. старина», 1910, 100.)

Усиливая репрессии, создавая невозможные условия для жизни, правительство, конечно, обратило свои взоры и на печать, принимая меры к тому, чтобы она молчала.

Вот что по этому поводу М. М. Стасюлевич писал А. В. Головину:

«Нужно же было мне открыть газету в такое время, когда и опытнейшему журналисту нелегко вести свое дело, если только он хочет вести его с каким-нибудь достоинством. До будущего четверга на нас наложена эпитимья по 4 пунктам, которых и не касается теперь ни одна газета. Теперь вы не найдете ни у кого ни одной строчки ни об административно-ссыльных, ни о дворянах, ни о крестьянах, ни о полиции. Между тем положение весьма серьезно. В провинции, судя по письмам, которые я не печатаю, тревога в умах гораздо сильнее, чем у нас в столице. Если к этому прибавить неуверенность о завтрашнем дне, а 1 марта доказало, что накануне у нас ничего нельзя знать, — тогда является у каждого настоящее taedium vitae [тоска]».

«Эпитимья по 4 пунктам», о которой говорит М. М. Стасюлевич, была не единственная и еще не самая грозная. По словам Перетца, на заседании 8 марта гр. Строганов обратился к Лорис-Меликову с резким упреком по поводу того, что он якшается с «редакторами повременных изданий», на что Лорис возразил: «Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения вашего [т. е. царя], я действительно объявил им, но не сам, а через начальника Главного управления по делам печати, что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 г., а в силу особого полномочия, дарованного мне вашим величеством. Угроза эта подействовала...» (Перетц. Дневник, стр. 33.)

6. ПОБЕДА РЕАКЦИИ И ЛИБЕРАЛЫ

В вышеприведенных письмах Победоносцева содержались темные намеки на возможность дворцового, династического заговора. Александр III должен был бояться не только судьбы своего отца, но также и судьбы Павла I.

Был посажен под домашний арест за воровство ризы с иконы сын в. кн. Константина — Николай, позднее высланный в Ташкент.

Перетц рассказывает:

«Кроме этих выходок — которые, наряду с многими другими, подтверждают предположение о сумасшествии великого князя, к арестованию послужила поводом переписка Ник. Конст. с одним жандармским штаб-офицером, оказавшимся неблагонадежным в политическом отношении. По поводу ареста Н. К. в городе распространился слух, будто бы одновременно с ним арестован в. кн. Константин Николаевич, изобличенный в сношениях с социалистами, и что для него приготовлено помещение в Шлиссельбургской крепости. Удивительно, как не любят его и как пользуются всяким случаем, чтобы набросить на него невыгодную тень». (Там же, стр. 55.)

Тютчева-Аксакова рассказывает:

«Получила из Петербурга известия об аресте Николая Константиновича. Говорят, что он скомпрометирован участием в происках нигилистов». (При дворе двух императоров, стр. 229.)

Вряд ли можно сомневаться, что сведения шли от Победоносцева.

Богданович передает намеками и слухи-сплетни о династическом заговоре вокруг в. кн. Константина.

«5 марта. Подкоп в М. Садовой был сделан искусной рукой. Хозяин лавки скрылся. Говорят, в. кн. Константин, которому приписывают много дурного, но который в этом деле, по моему убеждению, ни в коем случае не может быть повинен, в день присяги новому царю подошел к стоявшему во дворце караулу Кавалергардского полка и дважды поздравил их с праздником, — на это приветствие солдаты отвечали полным молчанием. Юный офицер, командовавший взводом, был смущен этим молчанием. Он не слышал поздравления и думал, что вел. кн. здоровался. По его уходе он заметил это солдатам, на что ему фельдфебель, там находившийся, сказал: «Вел. кн. не здоровался, а поздравлял нас с каким-то праздником». Это было подтверждено и находившимся тут же камер-лакеем. Все это привело в большое волнение офицера». (Богданович, Дневник, стр. 47.)

Этой болтовней в великосветских кругах подготовлялась отставка в. кн. Константина Николаевича, который много лет никому не мешал своим наглым грабежом казенных сумм, а теперь стал невозможен своим «либерализмом». У него ведь тоже был свой проект «конституции». Александр III несколько раз предлагал ему подать в отставку; но в. кн. Константин Николаевич наотрез отказался. Тогда царь удалил его своим приказом.

Но главная атака велась, конечно, против Лориса-Меликова. Выше уже приведены были настойчивые советы и предостережения царю Победоносцева.

«14 марта. Тимашев мечет гром и молнии против Лориса, обвиняя его в том, что так наз. новые веяния являются причиной смерти императора». (Перетц, Дневник.)

«13 апреля. И. Д. Делянов продолжает кричать во всеуслышание, что Лорис интриган, фокусник и думает только о либеральничании и что пользы от него никакой, а вред громадный. Сегодня он сообщил мне, между прочим, что Победоносцев совершенно разделяет его взгляды». (Там же.)

Однако сам Лорис и его сторонники долго не понимали, что их песенка спета.

«17 марта. ...Слова Абазы о силе Лориса подтвердились. Министерство почт и телеграфов присоединяется к министерству внутренних дел, и Маков назначается членом Гос. совета.

«... Маков и не подозревал о всем происшедшем. О присоединении его ведомства к министерству внутренних дел он узнал только из доставленного ему мною указа.

«... 24 марта. Две важных перемены в министерском составе: по министерству народного просвещения Сабуров заменен бар. Николаи, а по министерству гос. имуществ князь Ливен—гр. Игнатьевым.

«... Обе перемены совершились под влиянием Лориса. Государь и императрица с детьми переехали совершенно внезапно на жительство в Гатчину, где несравненно легче установить надзор за прибывающими.

«Мера эта, весьма благоразумная, была приветствована Лорисом. Быть может, он желал достигнуть ею еще другой цели—удалить государя от влияния Баранова и Победоносцева, имевших здесь постоянный доступ к его величеству». (Перетц, Дневник.)

Царь в точности следовал советам Победоносцева, а Перетц и другие либеральные бюрократы воображали, что их сторона берет верх.

В дневнике от 6 апреля Перетц передает свой разговор с Лорис-Меликовым:

«....Разговор наш перешел к положению Лориса. Повидимому, он считает себя пока крепким, но не думаю, чтобы он считал себя прочным. «Беда в том,—сказал он,—что при чрезвычайной трудности нашего положения мы совещаемся и с papa и с maman (он, очевидно, разумел государя, себя и Победоносцева). Но возьмите на час терпения,—прибавил он.—Я твердо уверен, что жизнь выработает его». (Перетц, Дневник, стр. 58—59.)

«16 апреля. Лорис, несмотря на вражду к нему очень многих лиц высшего слоя, все еще очень крепок. В городе ходят слухи, что им возбужден вопрос о необходимости единства в управлении. Средством к этому предполагается им, если не назначение министров из лиц одного направления (едва ли государь пожертвовал бы Победоносцовым),—то, по крайней мере, необходимость совещания между министрами прежде предложения какой-либо важной меры». (Там же, стр. 61.)

Совещание по этому вопросу состоялось у царя в Гатчине 21 апреля.

«22 апреля. ... Чтобы узнать о результатах происходившего в Гатчине совещания, я поехал к Абазе и застал его в самом лучшем настроении. Я понял из этого, что результатом совещания он совершенно доволен». (Перетц, Дневник, стр. 62.)

«... Абаза в восторге от успеха своей речи. Он считает Победоносцева уничтоженным, потому что записки свои он должен будет обращать не прямо к государю, а в совещание, которое не будет соглашаться с ним. Он будет, так сказать, поглощен мнением большинства». (Там же, стр. 65.)

«24 апреля. В городе только и разговора, что о полном поражении Победоносцева. Все в неописанном восторге. В. кн. Константин Николаевич сказал мне, что ему особенно больно покидать деятельность тогда, когда правительство стало единодушным и будет состоять из людей, вполне сочувствующих его собственным убеждениям». (Там же, стр. 66.)

«29 апреля. ...Особенное и неожиданное совершилось. Распубликован манифест, заявляющий о твердом намерении государя охранить самодержавие. Манифест, очевидно, написан Победоносцевым.

«... В обществе он произвел удручающее впечатление. Лорис и Абаза узнали об этом громовом ударе только вчера вечером». (Там же, стр. 69.)

То, что нужно было ожидать, случилось. После такого акта, особенно изданного без ведома правительства, Лорису и его сторонникам осталось одно — уходить. Он и ушел, точнее — его ушли.

Г. К. Градовский, принадлежавший к петербургским либеральным журналистам (он был сотрудником «Молвы» и «Порядка»), так оценивал события первых месяцев нового царствования уже много лет спустя:

«Революция» происходила разве только в верхних бюрократических сферах. Надо было использовать катастрофу в желанном направлении. «Новые веяния» получили тяжелый удар, и притихшая было на несколько месяцев реакция воспрянула с удвоенной силой. — Довольно реформ, пора назад и домой. В этой формуле выразилось восторжествовавшее направление. Едва закрылись глаза Александра II, на его лучшие деяния накинулись разрушители.

«Они предстали в двух видах. Одни навязывали России смесь старомосковских преданий, подновленных славянофильскими бреднями; другие просто-напросто тянули к полицейско-бюрократическому произволу времен Аракчеева и Николая I. Вдохновителем первого вида реакции был И. С. Аксаков, опиравшийся на гр. Н. П. Игнатьева. Порывания их длились около года

и послужили переходными мостками от «благих веяний» 1880 г. к ретроградству, руководимому М. Н. Катковым со времени сообщества его с гр. Д. А. Толстым и III Отделением». (Градовский, Итоги, стр. 79.)

«...Манифест 29 апреля полемизировал с недавними намерениями верховной власти и обнаруживал, что последняя воля царя-освободителя находилась в полном противоречии с предстоявшей политикой.

«...Впоследствии М. Т. Лорис-Меликов говорил мне, что он последний узнал о манифесте и в первые минуты предположил, что это произведение не г. Победоносцева, а крамолы, ради возбуждения всеобщего неудовольствия.

«Это был тайно замышленный переворот в бюрократических сферах. Паны бились, а у мужиков чубы трещали». (Там же, стр. 80.)

Впрочем, нужно отметить, что были и такие, которых падение Лориса не удивило и не огорчило. По словам одного из современников, так смотрел на положение вещей, например, Кавелин:

«...Едва ли не с большим раздражением Кавелин вспоминал Александра II. Я не повторяю всех его резких отзывов об этом государе: скажу лишь, что он обвинял его в двойственной политике, в неискренности, в желании угодить на все вкусы...

«...Возвестив реформу, пр-во поручало затем ее осуществление лицам противоположного лагеря. Это делалось с предвзятой целью свести всю реформу на нет и свалить всю вину на плохих исполнителей». («Ист. вестн.», 1910, № 11, стр. 585, Н. О. К., Воспоминания о Кавелине.)

Так же резко отзывается о двусмысленном характере эпохи Лорис-Меликова известный либеральный школьный деятель и педагог Н. Ф. Бунаков. Он категорически отрицает даже, что с падением Лорис-Меликова произошли какие-либо изменения к худшему.

Любопытен его отзыв о гр. Лорис-Меликове, как «хитром и пронырливом армянине, которого даже Д. Толстой был образованнее, умнее и честнее». Н. Ф. совершенно не верил в искренность пресловутой «диктатуры сердца» и видел в ней только попытку «ослабить оппозиционную энергию общества». (Македонов, Н. Ф. Бунаков, Спб, 1907, стр. 20; см. также: Бунаков, Моя жизнь.)

Известный земский деятель Кистяковский, близкий друг И. И. Петрункевича и других деятелей земского либерализма, которые в 1881 г. были в большинстве уже вытеснены из земских учреждений, говорил, оправдывая пассивность либералов:

«Ближайшая цель «Народной воли» была достигнута. Русский император убит. И что же? Ничего не произошло. Все осталось по-старому. Даже более—случилось нечто неожиданное: ужас

перед совершившимся фактом объял многие до тех пор индифферентные умы или даже сочувствовавшие революционному движению слои общества, а за ужасом последовал и испуг за собственную судьбу». (Кистяковский, Страницы прошлого, М., 1912, стр. 17.)

Аналогичным настроением проникнуты воспоминания и письма других либеральных деятелей эпохи: Кошелева (один из издателей «Земства»), Кони и др.

Все они свидетельствуют о пассивности либерального лагеря. Отметим еще один интересный и характерный для момента факт: в одних рядах с Победоносцевым оказался Б. Н. Чичерин, обратившийся после 1-го марта к Победоносцеву с рядом писем и с специальной запиской к царю, где он рекомендует не делать никаких уступок либерального характера. Он говорит, что «лекарство не заключается в свободе печати... лекарство не заключается и в возвращении политических ссыльных и отмене чрезвычайных мер. Пока существует социалистическая партия, до тех пор чрезвычайные меры будут необходимы... Только лишенные всякого смысла русские газеты могут мечтать в настоящее время о возвращении к законному порядку». В заключение этот ученый западник и «либерал» говорит о том, что «нужно создать какой-либо представительный орган, но с тем, чтобы основной задачей его была репрессия».

В частном письме Победоносцеву он пишет: «Или нынешнее правительство способно выставить из себя человека, вроде Мих. Ник. Муравьева, которого имя у всех на устах, но в таком случае он захочет опереться на темную силу и поведет ее за собой. Или и нынешнее правительство кроме существующей размазни не в состоянии ничего придумать, но тогда одно спасение—в воззвании к земле.

«... Не мутите умы мнимо-либеральными мерами, которые теперь совершенно несвоевременны, и не бойтесь проявлений власти, которые одни могут успокоить взволнованное общество. Но у нас, к сожалению, так проявляется власть, что это бывает всегда наперекор здравой политике: «Петербургский вестник» запрещают, а «Страну», «Голос» и «Порядок» оставляют неприкосновенными».

О наиболее смелых выступлениях тогдашней либеральной печати, пришедшихся так не по вкусу помещику Чичерину, рассказывает в «Былом» 1906 г. Н. Р. (Русанов):

«В эти два месяца Шелгунов употребил все усилия, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости нового политического режима. И отчасти благодаря его стараниям, которые опирались на подобную же тактику писателей-социалистов и чистых народовольцев, составлявших тогда радикальную коалицию «Дела», «Слова» и «Отечественных записок», литераторы социали-

стического и революционного направления временно разобрали между собою в печати роли либерального репертуара. В «Деле», кроме Шелгунова, Станюковича и еще кое-кого из молодых писателей-социалистов, видное место в выработке плана этой кампании играл Тихомиров, писавший под псевдонимом И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда в публике эти инициалы истолковывались так: «Исполнительный комитет». «Отечественные записки» защищали позицию народовольцев в лице самого Михайловского, который писал в то время и в органе партии. «Слово» было уже совершенно в руках упомянутого мною Николая Александровича Зыбина; и этот журнал, благодаря хорошему подбору статей и преобладанию среди сотрудников людей крайнего направления, носил очень определенный социалистический и революционный характер. Опираясь на это ядро более или менее спевшихся толстых журналов, Шелгунов был в числе самых ревностных пропагандистов уже упомянутого плана воздействия на общественное мнение и давления на правительство в печати. Было решено, что так как русские либералы в силу своей политической неразвитости не умели как следует выразить свои требования, то радикальные и революционные писатели придут к ним на помощь. Не компрометируя себя писанием статей под своими собственными именами, они должны были надеть на себя временно маски «таинственных незнакомцев» чисто либерального лагеря. В результате получился тот знаменательный факт, что лучшие статьи в газетах этого направления, заговоривших тогда о конституции, были написаны социалистами и кое-какими нелегальными. Так, энергичная передовица в «Стране», ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения, принадлежала перу покойного И. И. Харламова» (Н. В. Шелгунов и 1 марта, «Былое», 1906, № 3, стр. 45, 46.)

В. И. Дмитриева рассказывает о настроениях учащейся молодежи в той ее части, которая была под непосредственным влиянием народовольцев:

«Потянулись страшные, суровые дни. Газеты в траурных рамках были полны подробностями о совершившемся. Сообщали о многочисленных арестах. Были арестованы Желябов, Перовская, Кибальчич, Гельфман, Тригони... Застрелился Саблин. Полный разгром... Никто ничего не понимал, пока не выяснилось, что выдает Рысаков. Тяжело переживалось это время. Но вот вышел манифест «Народной воли»,[1]—немного отлегло от сердца. Значит, не все еще кончено. Караулов вызвал меня на квартиру одного из членов своего кружка, фамилию которого

[1] Имеется в виду, повидимому «Письмо Исполнительного комитета Александру III».

я забыла, и мы с ним весь день и всю ночь запечатывали в конверты народовольческий манифест, надписывали адреса земских, губернских, уездных и городских управ, волостных правлений, частных и должностных лиц, наклеивали марки, а потом потихоньку уносили их и разбрасывали по почтовым ящикам в разных концах города. Целая кипа их всегда хранилась у меня во внутренних карманах пальто и за обшлагами рукавов, я разбрасывала эти тоненькие, длинные листочки, пахнущие типографской краской, где только могла: в библиотеках, в столовых, под приборами, на улицах, в людных местах, приклеивала на заборах в фабричных кварталах, совала в карман верхнего платья посетителей кухмистерских, однажды даже ухитрилась— это уже просто из-за мальчишеского озорства—засунуть за обшлаг шинели жандармского офицера, который ходил обедать в немецкую столовую на Литейном». (Дмитриева, Так было, стр. 201—202.)

О таких настроениях учащейся молодежи в Петербурге очень красноречиво говорит и следующая запись в дневнике Валуева:

«Проф. Грубер, медицинской хирургической академии, сказал австрийскому послу, что все студенты пропитаны одним духом, и он затруднился бы указать, кого из них следовало бы повесить». (Валуев, Дневник, от 30 марта.)

В конце марта, в самый разгар описываемой борьбы, начался процесс первомартовцев, безраздельно приковавший общее внимание не только к первомартовцам, но и вообще к «Народной воле».

7. ПРОЦЕСС ПЕРВОМАРТОВЦЕВ

За процессом первомартовцев с величайшим вниманием следили не только русское общество, но и заграницей. В мемуарах, дневниках, письмах того времени процессу и его участникам отводится немало места. Представители правящего класса не жалели красок, чтобы очернить обвиняемых, но у них нет-нет и вырвется удивление перед высокими моральными образами Желябова, Перовской, Кибальчича. Впечатление это было настолько сильно, процесс настолько громко говорил в пользу революционеров, что представители старого неизбежно заговорили: зачем процесс? зачем устраивать в суде трибуну для пропаганды революционных идей? Преступление ясно, с преступниками можно расправиться и без суда.

«Я с раздражением слежу за процессом убийц государя. Все это показное соблюдение юридических норм и законного беспристрастия, проявляемого в отношении к этим висельникам, имеет в себе что-то искусственное, фальшивое, карикатурное и создает слишком тяжелый контраст с справедливым негодо-

ванием, которое не может не испытывать каждое благородное сердце по отношению к этим дерзким и преступным нарушителям всякого порядка, божеского и человеческого. Бывают случаи, когда справедливость должна снять повязку и вооружиться мечом». (Тютчева, При дворе двух императоров, стр. 229—230.)

Автор этих строк — одна из «образованнейших» светских женщин. Другая светская дама пишет:

«Возмутительно, что убийц государя судят правильным судом, спрашивают их: «Признаете ли вы себя виновными?» Их бы следовало народу отдать на растерзание, а вместо того позволяют убийцам жаловаться на городового за то, что он обнажил шашку, при чем первоприсутствующий в суде спрашивает этого городового, что побудило его обнажить шашку. Всех убийц присудили к повешению и выписали для казни единственного палача в России, живущего в Москве». (В. И. Духовская, Мои воспоминания.)

А. В. Богданович пишет: «26 марта Е. В. [1] с утра отправился в суд. Это просто комедия. — Судить этих людей! Их надо без суда наказать: они взяты все на месте преступления и не отказываются от сочувствия и соучастия в этом возмутительном деле — и их-то судить!» (Богданович, Дневник, стр. 52.)

Анонимный корреспондент Победоносцева, которого мы уже цитировали в письме, написанном, очевидно, под непосредственным влиянием процесса, говорит:

«Что сделано для успокоения царя, больной нервами супруги его и дорогой семьи его, которой грозят злодеи тем же? Что сделано для успокоения общества? Ровно ничего; какая-то шаткость во всем, а спокойствие необходимо. Неужели же люди энергичные, люди дела, а не пустой болтовни, люди умные, — все перешли в шайки злодеев, богоотступников, цареубийц; неужели у царя остались слуги лишь честные, деликатные бояре, считающие, что не следует даже с такими отщепенцами, каковы Перовские и Желябовы, иначе обращаться как учтиво и разыгрывать с ними эту противную и уродливую комедию, которую с ними ломали на суде, дозволяя им разглагольствования, изъяснения их богоотступной деятельности, хвастовства их злодеяниями и ученые прения? Знаете ли, я вам доложу: народ-Россия за все это спасибо не скажет. Судьи чуть не три часа рассуждали в комнате, какое наказание назначить преступникам, как будто менее повешения можно что-нибудь сказать. Да мы и этой казнью недовольны, измучить их следовало и главное допытаться, чтобы они сказали все, что знают». (Победоносцев и его корреспонденты, т. I, стр. 213—214.)

---

[1] Муж авторши.

Это письмо анонимное. Автор письма не установлен. Можно, однако, видеть, что автор — близкий к бюрократическим сферам и очень осведомленный человек. В заключение письма он предлагает целый ряд мер в двенадцати пунктах, из которых самый замечательный двенадцатый:

«Последний пункт, самый деликатный, начну с того, что повторю то, что уже сказал выше: нельзя идти на бой, имея в руках лишь хлыстик, с человеком, вооруженным огнестрельным оружием и динамитом и прочее; в делах исключительно таких, какие теперь происходят, т. е. только с цареубийцами, дозволяется, по моему мнению, или даже вменяется в обязанность всякому уважающему себя человеку быть совсем не тем, чем он быть обязан, как порядочный человек и как боярин, относительно всех людей, даже преступников страшных, но все-таки не цареубийц. Социалисты не люди, они звери бешеные, следовательно, они вне закона, а следовательно — я прошу хорошенько подумать о том, о чем я буду говорить теперь: публичные казни совершать не следует, с этим, кажется, согласно теперь и правительство; гласные, хотя не публичные, казни, конечно, необходимы, но чем менее их, тем лучше, об этих не публичных казнях все-таки знают, уничтожать же злодеев, а потому они, попавшись, должны пропадать без вести: пилюли, ради которых человек умирает без страданий, в этих случаях вещь необходимая, пред смертью злодей или злодейка должны высказать во что бы то ни стало все, что знают, для этого можно и следует употреблять в случае необходимости пытку, но не Ушаковскую, а самую легкую; легкая пытка заставит говорить истину, жестокая же заставит только лгать.

«...Скажу еще следующее: главные деятели: Драгоманов, Лавров и им подобные злодеи, даже известные иноземные социалисты должны погибнуть; это необходимо для спокойствия не только русского царя и русского народа, но необходимо для спокойствия всего мира, избиение же их в Цюрихе, Париже, Лондоне и других местах может быть очень легко произведено деньгами и помощью искусных людей, преданных делу. За деньги в Италии и в Лондоне зарежут единовременно много злодеев; убиение же нескольких таких злодеев распространит ужас и деморализацию в их лагере...» (Победоносцев и его корреспонденты, т. I, стр. 219—221.)

Эти методы была мысль тогда применить к делу. Как мы знаем из «Записок революционера» П. Кропоткина, «Священная лига» вынесла ему смертный приговор и направила своего агента в Швейцарию для организации его исполнения. Дело расстроилось. П. Кропоткин, предупрежденный из России о заговоре, опубликовал об этом в своем органе «Révolté».[1]

[1] См. также Кропоткин «Записки революционера».

Гр. Комаровский также пожелал проявить свою изобретательность и еще 5 марта в письме к Победоносцеву советовал возобновить институт заложничества: «Подобно многим в настоящее время русским людям, я жажду действия (чтобы не сказать — мщения), жажду посильно потрудиться на искоренение гидры, дерзающей подъять святотатственные руки на помазанников божьих, угнетать и позорить русскую землю. Чтобы попытаться скорее положить конец удручающей нас смуте, помимо всех мер, принимаемых правительством, не будет ли найдено полезным объявить всех уличенных участников в замыслах революционной партии, за совершенные ею неслыханные преступления, состоящими вне закона и за малейшие их новые покушения или действия против установившегося законом порядка в России ответственными поголовно, in corpore, жизнью их. Само собой разумеется, что, раз объявив, следует выполнять это с неумолимой строгостью. А. Комаровский».

Третий корреспондент, анонимный, сообщает Победоносцеву «мнение Андрие о положении дел в России» и советы опытного префекта полиции:

«...Следует [после издания манифеста о репрессиях] приступить к делу уничтожения террористов всеми силами и средствами, имеющимися налицо, и большая власть должна быть сосредоточена в руках начальника полиции. На его ответственности будут лежать дальнейшие меры относительно уже взятых нигилистов: казнить ли их при закрытых дверях или оставить в уединенных казематах, где они в отчаянии станут говорить и выдадут своих сообщников. Военного суда я не признаю, это только замедление. Что же касается публичных прений, то медленность процедуры и вся обстановка суда над убийцами есть, по-моему, громадная ошибка».

К сожалению, издатели переписки Победоносцева не установили автора. Л. Андрие, на которого ссылается автор письма, префект парижской полиции, потом французский депутат.

Недоволен процессом и гр. Валуев:

«28 марта. Бывший самодержец в могиле, нынешний — en charte privée в Гатчине. Продолжать говорить о единении царя и «народа», — о разных видах верноподданнического усердия и самоотвержения, и пр. и пр.; а между тем — Гатчина и процесс, в котором Желябов рисуется героем своих доктрин — власти играют весьма бледную роль, а министры ездят в суды, как в спектакль».

«29 марта. Замечательна близорукость наших властей. Процесс о цареубийстве ведется так, что наиболее видную роль играют подсудимые, и отчеты о заседаниях так печатаются, что они могут выставлять себя героями — жертвами, воевавшими

за народ. «Иностранцы изумляются, но министр юстиции, вероятно доволен». П. А. Валуев, (Дневник, стр. 159.)

Генеральша Богданович, в салоне которой «бывало все, что было наиболее видного в Петербурге», записывает толки, ходившие в высокопоставленных петербургских кругах:

«27 марта. Возмутительно ведет себя состав судей: хотя и говорят, что убийцам надо дать высказаться, но я с этим не согласна. Можно ли, чтобы они пользовались правом слова, эти преступники, и чтоб они смели еще выражать такие мысли, что они удовлетворены или неудовлетворены? Рассуждения Желябова о религии, циничные разговоры Перовской — все это действует губительно и на слушающих на суде, и на читающих газеты. Золотницкий со мной спорил, что этот суд должен был быть. Но по моему разумению я не допустила бы их судить: их деяния так подлы, без суда видно, чего они заслужили.

«Кушелев, со своим спиритическим направлением, говорил, что они действуют не своею волей, что их натолкнули злые духи.

«28 марта. Под ужасною тайной я узнала, что после суда Желябова будут пытаться заставить говорить, чтобы от него выведать, кто составляет эту организацию. Это необходимо для общественной безопасности...

«29 марта. ...Говорят, их повесят в пятницу. Дай бог, чтобы попытали. Я не злая, но это необходимо для общей безопасности, для общественного спокойствия». (А. В. Богданович Дневник, стр. 52 — 53.)

Градовский, описывая эту эпоху в аспекте событий 1906 года, говорит:

«В 1881 г. мы не были еще для этого [для смертной казни] достаточно тренированы, и все усматривали, не вывешено ли где «белое покрывало», чтобы успокоить хотя осужденных благожелательным материнским обманом. Но «белого покрывала» не было, и слабая надежда на помилование не оправдалась. Картина В. В. Верещагина изобразила казнь на Семеновском плацу в виде укора современному правосудию. Драматург Аверкиев не описывал, но смаковал эту казнь, расточая самое грязное воображение. За человека, за писателя было стыдно.

«А между тем один из казненных — Желябов—содержался в крепости во время катастрофы и фактически не был убийцей. Между замыслом и выполнением преступления неизмеримое пространство... Рысаков бросил бомбу, но, по несчастью для него, государь остался невредим. Непосредственным убийцей был, следовательно, только Гриневицкий, но он сам погиб от взрыва. Немало, следовательно, было оснований к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием». (Градовский, Итоги, стр. 85.)

Фон-Пфейль рассказывает, что решение судить первомартовцев гласно было принято вследствие того, что процесс еще до его начала принял характер большого исторического события и что в обществе уже ходили слухи о пытках,—слухи, как видно из вышеприведенной переписки, далеко не безосновательные. Решающую роль в таком решении, по всей вероятности, помимо других соображений, играло именно международное значение процесса.

«Император Александр III решился на публичное разбирательство дела для того, чтобы положить конец всяким слухам о жестоком обращении и пытках, которым будто бы подвергались обвиняемые в тюрьме». (Фон-Пфейль, Последние годы императора Александра II, «Н. Ж. И. Л. и Н.», № 4, стр. 53.)

Гр. Валуев в Дневнике сообщает, что решение по вопросу суда обсуждалось на особом совещании вместе с царем 7 марта: «Вчера совещание у государя по вопросу суда по событию 1 марта. Великий князь Владимир, министр внутренних дел, военный, юстиции, двора, князь Урусов и я. Состоялось решение в пользу суда особого присутствия Сенатом. Все меня спрашивали о впечатлениях. Особенно резких не было» (Гр. П. А. Валуев, Дневник, стр. 150.)

В самом начале процесса царь, по жалобе Победоносцева, вмешался было в процесс. На другой день после этого инцидента Победоносцев взял свою жалобу обратно, ссылаясь на то, что он был «введен в заблуждение».

Перетц более подробно описывает этот инцидент: «Во время производства, кажется, в первый день его, приезжал в суд Баранов. Прямо из суда поехал он к Победоносцеву и пожаловался на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений. Победоносцев поспешил к государю. Его величество немедленно послал за Набоковым и потребовал от него объяснений. Набоков заступился за Фукса, доложив, что, несмотря на мягкость его, никаких неприличий на суде не происходило. Уходя от государя, Набоков предложил Победоносцеву проехать вместе в суд, чтобы убедиться самому в том, как производится дело. Победоносцев поблагодарил, но отказался, сказав, что дал себе слово не ставить ноги в новые судебные учреждения. Мне передал это сам Набоков в суде во время перерыва» (Е. А. Перетц, Дневник, стр. 55.)

Первоприсутствующий сенатор Фукс рассказывает:

«Началась моя мучительная трилогия [трехдневный суд]... Подсудимые вели себя независимо и в высшей степени спокойно. Я задался целью сохранить достоинство этого чрезвычайно важного... [пропуск]. Перед всем миром я должен был, так сказать, поддержать престиж всей России. Я поставил дело так,

что подсудимые не позволяли себе ни одного неуважительного слова. Я, со своей стороны, не притеснял их, не отнимал у них прав, предоставленных на подобный случай законом. А кто окружал меня сзади и с боков? Разные генералы. Дешевым для себя образом являя свое верноподданническое усердие, они роптали, почти полукричали, по поводу показаний подсудимых, делали даже недовольный вид на мое будто бы снисхождение к ним. Им бы, этим людям, которые в минуту опасности не бросились бы спасать государя, теперь дешево было являть злобу и недовольство на суд, желавший соблюсти возможное беспристрастие и справедливость. Градоначальник Баранов то вбегал, то выбегал из зала, соглядатайствуя.

«Какой-то жандармский полковник нашептывал мне о недостаточно строгом содержании подсудимых. Я приказал ему исполнить все, что требует в таких случаях закон. Наконец, один прислуживающийся сенатор из угодливости заметил Набокову, бывшему в это время на суде: «Как это можно, чтобы председатель, когда суд уходит, допускал подсудимых разговаривать между собою?»

«Набоков укоризненно заметил мне на это, как на действие незаконное. «Да где же закон это запрещает?»—сказал я министру. Следствие закончено. Разговор подсудимых никакого вреда делу не причиняет, доколе они не позволяют себе чего-либо неприличного.

«Ропот и шипение всех этих соглядатаев сделали то, что наутро, совсем рано Набоков призвал меня к себе. Государь его уже вызывал. Его величеству представили дело так, что будто бы сам Сенат возмутился на суде. Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд».

«Набоков успокоил государя, указав ему, что Фукс ведет дело с большим достоинством; что же касается ошибки его о допущении разговоров между подсудимыми, то он, министр, уже мне на это указал. А между тем достоинство подсудимых было так велико, что когда я к ним послал судебного пристава объявить мою просьбу, дабы они между собой не разговаривали, они ответили просьбою же—дозволить им это, когда суд уходит, что они ничего неприличного не сделали и не сделают. В этот же день, вечером, по приказанию министерства, жандармский полковник объявил мне высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимых. Я был возмущен. Пригласил прокурора судебной палаты В. К. Плеве и заявил ему: «Что же это такое? Уже жандармские полковники объявляют высочайшие повеления?»

«Плеве взялся уладить это дело. Я уже приказал в моменты, когда суд уходит, уводить подсудимых в их тюремные кельи; но зато это затягивает дело.

Суд над Желябовым, Перовской и др.
(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки)

«В воскресенье (между 5-й и 6-й неделями поста), в 6 часов утра была прочитана резолюция. После этого я приехал домой. Жена лежала больна после родов. Когда я вошел в комнату и она спросила о решении суда, нервы мои не выдержали и дали себя знать. Я зарыдал как ребенок».

«...Не Желябов глава заговора, он — энергичный тип заговорщика. Но Кибальчич — вот замечательный ум, необыкновенная выдержка, адская энергия и поразительное спокойствие» (Шпицер, Как судили первомартовцев, «Суд идет», 1926, № 4.)

Картину суда фон-Пфейль рисует так:

«В числе зрителей было много высших сановников, но никого из членов императорской фамилии, исключая старого герцога Ольденбургского. Были и представители дипломатического корпуса. Конечно, все было битком набито, и билеты доставались с трудом». (Фон-Пфейль, Последние годы императора Александра II.)

В своих воспоминаниях, отрывки которых переведены на русский язык и напечатаны в мало известном журнале, Пфейль уделяет огромное внимание революционному движению в России. В них, наряду с многими подробностями, которых нет в других современных источниках, собрано также много и сплетен о народовольцах, ходивших в великосветском кругу. Тем не менее в его рассказе о процессе чувствуются нотки невольного уважения. И это косвенно доказывает, что деятели 1 марта одержали на процессе великую моральную и политическую победу над собравшейся в зале заседания и на судейских креслах привилегированной Россией.

Об общем ходе процесса Пфейль говорит:

«Нужно сказать, что заседание велось первоприсутствующим замечательно беспристрастно, и, насколько возможно было, свобода слова была предоставлена всем; но я должен добавить, что заседание шло тихо и прилично, не так, как это я видел на других нигилистических процессах».

Пфейль довольно подробно описывает ход процесса. В частности, некоторые моменты привлекли его особое внимание. Это — известное заявление Желябова относительно вероисповедания; процессуальный спор между защитой и обвинением по поводу вызова Гольденберга; заявление Михайлова о том, что он не принимал непосредственного участия в метании бомб 1 марта и т. д.; спор Кибальчича с экспертами и заключительные речи Желябова и Перовской...

Описав вкратце революционную деятельность Желябова, Пфейль снова описывает мужественную красоту Желябова и коротко рассказывает о его выступлении на суде: «Высокого роста, стройный, сильный, с удивительным лицом: высокий лоб, густые слегка вьющиеся волосы, довольно длинная борода, сму-

глый цвет лица, к которому отлично подходили темные, сильно блестевшие глаза. Никто не мог поверить, что это — крестьянин. Его костюм и маленькие руки также не подходили для крестьянина. Он отказался от всякой защиты и вообще не старался защищаться, что было бы бесполезно. Он только хотел выгородить некоторых товарищей. На его лице то и дело появлялась насмешливая улыбка».

«Этим ловко воспользовался молодой тогда прокурор Муравьев в своей обвинительной речи, которой он обязан (не говоря, конечно, о личных его качествах) тем, что впоследствии он был назначен министром юстиции». (Там же, стр. 51.)

«...Он очень часто уклонялся от дела, касался принципов нигилистической партии, так что первоприсутствующий неоднократно останавливал его. Все его усилия были направлены на то, чтобы обелить Михайлова и Гельфман. Когда он однажды заметил: «Я тоже имею право сказать, что я русский человек», в публике поднялся ропот. Он выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока снова не водворилась тишина».

Так же внимательно и с скрытым невольным уважением и удивлением описывает Пфейль Кибальчича и Перовскую:

«Химику партии Кибальчичу было всего 27 лет от роду... Его некрасивое узкое, худое и бледное лицо с длинным острым носом имело очень умное выражение. На скамье подсудимых он нервно отбрасывал свои длинные, падавшие на лоб волосы или что-то чертил на бумаге, что, очевидно, не имело никакого отношения к происходившему на суде. Его мысли были заняты чем-то другим. Уже будучи в заключении, он работал над изобретением летающей машины. Он, видимо, совершенно покорился судьбе, и длинное судебное следствие надоело ему: Он как будто говорил сам себе: «к чему все это?» (Там же, стр. 53.)

В другом месте, рассказывая о бомбах, Пфейль говорит об их изобретателе: «Это был выдающийся, богом одаренный человек, сделавший себе имя многочисленными открытиями по своей специальности. [1]

«...Кибальчич постоянно требовал от экспертов разъяснений, касающихся действия того или другого сорта бомб или мин. Можно было подумать, что присутствуем при оживленном споре химиков. Он уверял, что прочел все вышедшие за последнее время руководства по химии на русском, немецком, французском и английском языках. Эксперты объявили превосходными изобретенные им бомбы, которые были употреблены на столь позорное дело.

---

[1] Для того времени—это неверно. Кибальчич «имени» себе не сделал, так как жил нелегально. Имя его связано с изобретением бомб и летающего аппарата, что выяснилось уже после его ареста; а ссылки на его работу по авиации появляются только в наше время.

«...Не пойди этот молодой человек по преступному пути, из него вышел бы знаменитый специалист своего дела».

О С. Л. Перовской Пфейль рассказывает:

«Видя на скамье подсудимых эту миловидную блондинку, с круглым лицом, с ласковыми голубыми глазами, одетую в простое, но со вкусом сделанное темное платье, трудно было поверить, что это одна из опаснейших государственных преступниц, в числе преступлений которой было и убийство 1 марта...» Далее приводятся общеизвестные данные биографии С. Л. Перовской, из акта судебного следствия.

«Трое других обвиняемых были лица второстепенные»,—говорит Пфейль. О Рысакове он говорит, что «лицо у него было здоровое, но некрасивое, взгляд довольно тупой. Его соучастники, Желябов и Перовская, обращались с ним с видимым пренебрежением, так как он, убоясь, рассказал все».

О Михайлове и Гельфман Пфейль упоминает вскользь:

«Нескладный и тяжеловесный, он обладал огромной физической силой. С трудом могли арестовать его: он защищался, как вепрь. Во время суда он держался так, как будто дело не касалось его»...

«...Шестая обвиняемая—еврейка Геся Гельфман, крайне некрасивая».

Описывая обстановку суда, фон-Пфейль чисто по репортерски рассказывает много неинтересных подробностей, которые мы опускаем. Он останавливается особо на защите присяжным поверенным Герардом Кибальчича и говорит, что «Герард решительно лучший из защитников», что «резче всех выступал защитник Кибальчича». «...Защитник обрисовал современное положение в столь резких выражениях, что председатель неоднократно призывал его к порядку».

8. КАЗНЬ

Казнь состоялась 3 апреля. Что происходило в тюрьме, где были заключены первомартовцы в пятидневный промежуток между концом процесса и казнью, — мы не знаем. Современники об этом молчат, и только официальный отчет дает некоторые сведения о том, что было в тюрьме накануне казни. Официальный отчет был напечатан в «Былом» за 1918 г., в № 10—11 (4—5). Тут же приложены рисунки художника фотографа Несветовича, изображающие казнь и отчасти процесс. Сомневаться в правдивости рисунков нет никаких оснований. Рассказы современников их подтверждают. На зато отчет о казни представляет собою выглаженный канцелярский рассказ с рядом таких умолчаний и искажений, которые делают его лживым.

Поэтому ниже из официального отчета мы цитируем только несколько строк, относящихся к последним дням осужденных, так как других известий об этом нет.

Казнь 3 апреля описана тремя очевидцами — фон-Пфейлем, Плансоном и В. К. Все трое военные и присутствовали при казни лично. Фон-Пфейль—пруссак, офицер лейб-гвардии Преображенского полка — утро 3 апреля провел на Семеновском плацу. Плансон — командовал гвардейским кавалерийским отрядом, сопровождавшим осужденных от Дома предварительного заключения к месту казни и потом бывшим в охране эшафота. Оба эти очевидца дополняют друг друга. Конечно, к их показаниям нельзя отнестись без критики. Плансон писал свои воспоминания спустя тридцать лет. Естественно, что отдельные подробности он забыл и путает, — в этом он и сам оговаривается: «если не изменяет мне память», — говорит он при описании некоторых деталей. Но в основном воспоминания производят впечатление правдивости. Отдельные детали в его описании таковы, что вряд ли могут быть выдуманы, — настолько они неожиданны.

Что касается Пфейля, то казнь и вся обстановка ее произвели на него огромное впечатление, которого он не забыл через двадцать слишком лет (воспоминания напечатаны в 1908 г.), — и это впечатление сохранилось в его воспоминаниях, отрывки из которых мы ниже приводим.

Третий очевидец, В. К., протокольным языком приводит данные, которые свидетельствуют о лживости официального отчета, опубликованного в 1881 г. Этот очевидец, по словам редакции «Былого», — тоже военный. Он был также на месте казни, и его сухие, протокольные записи служат необходимым коррективом для всякого, кто хочет восстановить картину казни.

Использованы также записи В. И. Дмитриевой. Дмитриева, писательница-народница, была в то время курсисткой. Ее запись отражает настроение части учащейся молодежи, и не малой ее части.

Кроме этих типических записей, здесь приведены записи, характеризующие общее впечатление от казни. Оно, как мы видали, было таково, что больше русское правительство не осмеливалось выступать с публичной смертной казнью.

---

3 апреля в 7 часов утра на всех перекрестках было вывешено следующее правительственное сообщение:

«Сегодня 3 апреля в 9 часов будут подвергнуты смертной казни через повешение государственные преступники: дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, мещанин Николай Рысаков, крестьяне Андрей Желябов и Тимофей

Михайлов. Что касается преступницы мещанки Гельфман, то казнь ее, ввиду ее беременности, по закону отлагается до ее выздоровления». (Взято из воспоминаний фон-Пфейля.)

«Оттого ли, что мне пришлось среди ночи, в неурочное время, встать с теплой постели, от ожидания ли перспективы присутствовать первый раз в жизни при смертной казни, или от стоявшего на дворе мороза, а, вернее, от всего этого вместе взятого, — но только я все время чувствовал какую-то неприятную, внутреннюю дрожь, которую долго не мог ничем унять.

Я служил в то время в Петербурге в лейб-гвардии К-м полку. Я был еще совсем молодым офицером...» (Плансон «Ист. вестн.»)

«На Шпалерной, около Дома предварительного заключения, где нам приказано было остановиться, уже было много народа. Тут был наряд от лейб-гвардии Преображенского полка с целым взводом барабанщиков, так как было известно, что один из цареубийц, Михайлов, собирается говорить, во время следования его к месту казни, речи...

«...Тут были полицейские чины всяких рангов, и жандармы, и несколько человек штатских, вероятно, из чинов судебного ведомства, без обязательного присутствия которых не обходится ни одна казнь и по настоящее время.

«Словом, тут была жизнь, было шумно и оживленно в противоположность тишине и безлюдию на прилегающих улицах, по которым мы только что прошли». (Там же, стр. 525.)

Эта «жизнь», о которой говорит Плансон, своей пошлой сумятицей представляла разительный контраст с трагическим событием казни. Он вспоминает, что:

«...прозябшие офицеры [которым было разрешено слезть с коней] обрадовались свободе и встрече с знакомыми офицерами, оживленно заговорили, стали курить, похлопывая руками и топчась на месте ногами, чтобы согреть иззябшие члены. Впрочем, вскоре нашелся другой способ согреться, так как оказалось, что какой-то предприимчивый человек открыл импровизированный буфет с водкою и закусками в подъезде одного из соседних домов, и г.г. офицеры по-двое, по-трое бегали туда, тайком от начальства, чтобы пропустить рюмочку — другую водки и проглотить пару бутербродов». (Там же, стр. 525.)

Пока все это происходило возле Дома предварительного заключения, пока гг. офицеры «согревались», а торгаш наживался, — в тюрьме происходили последние формальности: одеванье, появление попов, напутствия и т. д. Единственным источником, который рассказывает об этом, является официальный отчет. Источник этот ненадежен. В нем много прямой лжи, много умолчаний, и потому к тем фактам, которые он сооб-

щает, нужно относиться критически. Официальный отчет рассказывает, что «еще накануне в Дом предварительного заключения были привезены пять священников».

Рысаков охотно принял священника, долго беседовал, исповедывался и «приобщился святых тайн». Кибальчич два раза диспутировал со священником, от исповеди и причастия отказался. Михайлов также принял священника, довольно продолжительно говорил с ним, исповедывался, но не причащался. Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника.

«Ночь со 2 на 3 апреля, для них последнюю, преступники провели разно. Перовская легла в постель в исходе 11 часа вечера. Кибальчич несколько позже, — он был занят письмом к своему брату... Михайлов тоже написал письмо к своим родителям в Смоленскую губ. Письмо это совершенно безграмотно и ничем не отличается от писем русских простолюдинов к своим родным. Перовская еще несколько дней назад отправила письмо к своей матери. Желябов написал письмо к своим родным, потом разделся и лег спать в исходе 11 часа... Рысаков провел ночь тревожно. Спокойнее всех казались Перовская и Кибальчич. В 6 часов утра всех преступников, исключая Геси Гельфман, разбудили. Как только окончилось переодеванье, их выводили на двор. На дворе уже стояли позорные колесницы. Палач Фролов, с своим помощником из тюремного замка, усаживали их на колесницу. Руки, ноги и туловища преступника прикреплялись ремнями к сиденью». (Суд и казнь первомартовцев. «Былое», 1918, № 4—5, стр. 316.)

Обратимся далее к рассказу очевидца:

«Вскоре послышались команды, заставившие зашевелиться стоявших на Шпалерной солдат и офицеров. Подтянулась пехота, села на коней кавалерия, и наш эскадрон выстроился как раз против Дома предварительного заключения.

«Несколько минут спустя ворота эти разом открылись, и из них, как из разверстой пасти чудовища, выехала сначала одна платформа, окрашенная в черный цвет, с сидевшими на ней какими-то бесформенными фигурами, вслед за ней тотчас же другая, обе в сопровождении своих конвойных и каких-то людей арестантского вида, и двинулись в сторону Литейного.

«Было что-то зловещее, жуткое в этих двух повозках и сидевших на них фигурах». (Плансон, стр. 525—526.)

Старой матери Перовской пришлось в этот день выпить чашу до дна.

Именно в этот момент она прибежала к Дому предварительного заключения, надеясь в это утро получить последнее свиданье с дочерью, и застала уже выезжавшие с барабанным боем повозки.

«...Барабанщики поместились двумя группами, каждая позади платформы, и немедленно забили по своим барабанам». (Плансон, стр. 526.)

«...На первой платформе, если только не изменяет мне память, сидело трое: слева, если стать лицом к движению, Рысаков, посреди Желябов и справа Перовская». [1]

«Некрасивое и несимпатичное, молодое безусое лицо Рысакова было мертвенно бледно, болезненно отекши, и в его маленьких, трусливо бегавших глазках читался животный страх пойманного зверя, доходивший до ужаса.

«Желябов сидел спокойно, стараясь не показать волнения, несомненно владевшего им всецело; он держался не без известного достоинства». (Плансон, стр. 626.)

«...Я до сих пор вижу перед собой могучую умную голову Желябова». (Фон-Пфейль, Последние годы имп. Александра II. «Литер., иск. и наука», 1908, № 2.)

«...На второй платформе... сидел Михайлов, и его большая грузная фигура с довольно симпатичным лицом чисто русского простонародного типа казалась огромной». (Плансон, стр. 526.)

«Кибальчич сидел скромно и тихо на своей позорной скамье, смотря куда-то в пространство, впереди себя, поверх голов толпы, и на его застывшем лице нельзя было прочесть ни страха, ни гордости, ни презрения, ни следа другого чувства, которое могло волновать его в подобную минуту; это было лицо ученого философа, решавшего в эту минуту какую-нибудь сложную проблему».

«...На тонком, хотя немолодом, изжелта-бледном, как бы восковом, но красивом и породистом лице Перовской, окаймленном повязанным на голове светлым платком, бродила тонкая, злая усмешка, а глаза презрительно сверкали...»

«Михайлов, как только платформа, на которой он сидел, выехала на улицу, стал что-то говорить и продолжал делать это почти без перерывов во все время движения процессии по улицам до самого Семеновского плаца. Это видно было по тому, как он открывал рот, шевелил языком и губами, ворочал глазами, наклонял в ту или другую сторону голову; но несмотря на то, что временами я ехал почти рядом с платформой, я не мог уловить ни одного слова из его речи, так как шедшие непосредственно за платформой две шеренги барабанщиков производили такой адский грохот, что не слышно было собственного голоса». (Плансон, стр. 527.)

По всему пути следования стояла бесчисленная толпа.

«...Настроение толпы, в огромном большинстве ее, было явно враждебное к цареубийцам, и во всяком случае недружелюбное.

[1] На первой повозке сидели только Рысаков и Желябов.

Из толпы нередко при прохождении нашей процессии кричали что-то озлобленными голосами, грозили кулаками со свирепым видом и злобно сверкали глазами.

«Что толпа была враждебно настроена к цареубийцам, я заключаю из бывших на моих глазах двух случаев, когда она зверски хотела расправиться с двумя женщинами, которые были повинны лишь в том, что слишком явно выражали свои симпатии к цареубийцам.

«Подойдя к углу Надеждинской и Спасской, мы заметили стоявшую на тумбе возле фонаря какую-то уже немолодую женщину, но в шляпе и интеллигентного вида.

«Когда платформы с цареубийцами поровнялись с тем местом, где она стояла, и даже миновали его, так что преступники могли видеть эту женщину, она вынула белый платок и два раза успела махнуть им в воздухе. Нужно было видеть, с каким диким остервенением толпа сорвала моментально несчастную женщину с ее возвышения, сразу смяла ее, сбила с головы ее шляпу, разорвала пальто и даже, кажется, раскровянила ей лицо. Если бы не немедленно подоспевшие полицейские и кто-то из нас, офицеров, от неосторожной поклонницы цареубийц не осталось бы ничего, кроме истерзанного трупа.

«...Второй, совершенно аналогичный случай произошел уже недалеко от места казни, перед самым въездом с Николаевской улицы на Семеновский плац.

«Точно так же какая-то молоденькая на этот раз женщина, стоя на тумбе и держась одной рукой о столб у подъезда, вздумала одной рукой замахать в виде приветствия проезжавшим цареубийцам. Так же в мгновение ока она очутилась в руках толпы, с расстегнутым пальто, с глазами, наполненными безумным ужасом. Так же не без труда удалось вырвать ее из рук толпы-зверя и внести ее в подъезд, куда толпа еще долго продолжала ломиться с криками и бранью». (Там же.)

Слухи о подобных и аналогичных случаях, очевидно, быстро разошлись по городу, и в великосветских салонах, где вырабатывалось правительственное «общественное мнение», об этих случаях говорилось более жестоким и зверским тоном, чем говорит выше цитируемый гвардейский офицер.

Конечно, Плансон неверно передает настроение толпы. В. Н. Дмитриева, бывшая в этой толпе, вынесла иное впечатление:

«...Я стояла в толпе на углу Невского и, кажется, Надеждинской улицы. Я видела их. Это было мгновение, но такое, которое навсегда запечатлевается в мозгу, точно выжженное каленым железом. Они прошли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы, такою внутреннею мощью, такой непоколебимой верой в правоту своего дела веяло от их спокойствия.

«...И я ушла с ярким сознанием, что их смерть — только великий этап на путях великой русской революции». (Дмитриева, Так было, стр. 203.)

Помост и виселицы были поставлены ночью.

«Все было выкрашено в черный цвет и даже на крепкие нервы производило ужасающее впечатление. Но еще более ужасны были пять стоявших за эшафотом открытых гробов со стружками, которые должны были служить изголовьем их будущим жильцам.

«Тут же лежали серые саваны, которые нужно было надеть осужденным прежде, чем они взойдут на эшафот. Они предназначались для того, чтобы скрыть искаженные лица казненных, но тот, на кого они будут накинуты, мог видеть через них все, так что те из осужденных, которых казнили последними, видели страшное зрелище казни их товарищей.

«Толпа [на Семеновском плацу] росла с минуты на минуту. Появился в закрытой карете, на козлах которой сидел городовой и которую сопровождали казаки, палач Фролов. На нем была крестьянская, а не арестантская одежда. Густая борода оттеняла его отвратительное лицо с воспаленными, глубоко всаженными глазками.

«С вызывающей улыбкой он прошел мимо войск к помосту. За ним следовал его помощник с мешком в руках. В нем были веревки. Фролов поднялся по лестнице, продел пять веревок с петлями в кольца и закрепил их за поперечные брусья. Затем он испробовал крепость каждой веревки, дернув ее изо всех сил.

«Около $8^1/_2$ часов, когда все приготовления были уже сделаны, прискакали казаки с известием, что печальный кортеж приближается». (Фон-Пфейль, стр. 57—58.)

«Мы въехали на Семеновский плац, где в отдалении, в правом углу площади, на светлом фоне чистого неба, вырисовывался, правда, неясно еще, силуэт виселицы.

«...В то время Семеновский плац не был так застроен, как теперь... а представлял огромную немощеную площадь, отделенную от прилегавших улиц казармами л. гв. Семеновского полка, а со стороны Обводного канала интендантскими сараями. От Введенского же канала площадь была отделена линией Царскосельской дороги, кончавшейся небольшим двухэтажным зданием вокзала.

«Тут-то именно, т. е. в углу, образуемом прежним вокзалом и ближайшим зданием Семеновских казарм, в расстоянии примерно тридцати—сорока сажен от этих зданий и параллельно линии железной дороги, был построен высокий, аршина в три вышиной, деревянный помост, над которым сажени на три возвышалась виселица. (Плансон, стр. 529.)

«С того расстояния, с которого я стоял около помоста, то-есть на расстоянии семи—восьми сажен, веревки казались необычайно тонкими, и, я помню, среди офицеров шли разговоры о том, выдержат ли такие веревки тяжесть человека и в особенности такого, как Михайлов, не оборвутся ли.

«Когда печальное шествие приблизилось к высоко торчавшей над площадью виселице, обе платформы с цареубийцами и своим собственным конвоем подъехали к боковой стороне помоста и остановились около устроенной там лестницы, по которой отвязанные от сидений преступники один за другим взошли на помост и были поставлены в одну линию, каждый под приготовленной для него петлей, имея попрежнему связанными назад руки и лицом в сторону площади, где уже толпилась многотысячная толпа, едва сдерживаемая полицией и жандармами». (Плансон, Казнь цареубийц, стр. 529—530.)

«... Барабанщики пробили дробь, раздалась команда «смирно» и «на караул», после чего, при воцарившейся на площади мертвой тишине, какой-то чиновник в форменном пальто прочитал конфирмованный приговор. Бедняга, видимо, сильно волновался, так как голос его, монотонный и невыразительный, сильно вибрировал, а бумага, по которой он читал, заметно дрожала в его руках.

«Крайним, считая слева, стоял Рысаков, терявший, видимо, от охватившего его ужаса последние силы и готовый ежеминутно упасть, так что сзади его поддерживал даже один из находившихся с палачом арестантов. Одутловатое, желтое лицо Рысакова было смертельно бледно, и, кажется, он плакал...

«Рядом с ним, в расстоянии полутора-двух шагов, стояла Перовская, видимо, собирая все свои силы, чтобы казаться спокойной. Далее, в таком же расстоянии, занимая середину помоста, стоял под среднею веревкой Михайлов, выделяясь своей высокой фигурой и грузным туловищем, и бросал озлобленные взгляды на стоявшую вдали толпу.

«Наконец, последним в правую сторону, на том же расстоянии один от другого и от Михайлова, стояли Желябов и Кибальчич, оба бледные, но спокойные». (Плансон, Казнь цареубийц, стр. 530.)

И здесь спокойнее всех оказалась Перовская. Первым ее делом было пригладить волосы и отряхнуться. Тут в ней сказалась женщина.

Во время чтения Желябов неоднократно обращался к товарищам и говорил им что-то, чего нельзя было разобрать.

По окончании чтения вошло на эшафот несколько священников, осужденные поцеловали крест. Старший из священников напутствовал их благословением. Затем священники сошли вниз, и прокурор передал осужденных палачу. Целуясь они попро-

щались друг с другом. С Рысаковым, как с изменником, никто не хотел прощаться...

«Началась ужасная деятельность палача, который в это время снял уже одежду и стоял в красной рубахе. Со своими помощниками он надел на головы осужденных капюшоны, которые были сшиты так, что шея оставалась открытой. Затем он взял грубо каждого за шею, чтобы убедиться, можно ли как следует положить петлю.

«Когда он подошел к Перовской, она в ужасе отступила от него (как бы защищая свою женскую честь). (Фон-Пфейль, стр. 59.)

«...Затем два помощника палача повесили Михайлова. Когда палач наложил ему петлю на шею, то он опустился на колени так, что почти уже висел, хотя ноги его и касались еще эшафота.

«Палач дернул веревку, и — о ужас — веревка оборвалась, и Михайлов рухнул на эшафот. От ушиба он пришел в себя, ибо видно было, что он поднялся один, без посторонней помощи, хотя он и не владел руками.

«.. Снова пододвинули скамейку. Снова взошел он на нее.

«...Палач положил на него другую петлю, крепко ее затянул и опять выбил скамейку — и опять веревка лопнула, и опять несчастный упал.

«...Ропот неудовольствия прошел по рядам близ стоявших и передался дальше, в народной толпе, словно гул приближавшегося урагана.

«...Генерал-адъютант, барон Дризен что-то закричал палачу. Тот опустился около Михайлова на колени, сделал ему новую петлю, затянул ее и повесил его окончательно, хотя он уже не подавал признаков жизни.

«...Минута была ужасна! Но какие страшные минуты должны были пережить трое оставшихся, которые видели все это через свои капюшоны». (Фон Пфейль, стр. 59.)

«Перовская подошла довольно быстро. Она, видимо, потеряла сознание прежде, чем скамейка была выбита из-под ее ног. Стоя еще на ней, она упала в петлю.

«...Его [Желябова] казнь продолжалась всего одну секунду. Смерть наступила мгновенно.

«... Трупы висели еще около получаса...

«... Это была последняя публичная смертная казнь». (Фон-Пфейль, стр. 59.)

В своих воспоминаниях Плансон также описывает казнь:

«После окончания чтения приговора войска взяли «к ноге», снова послышался говор, шум и движение, а тем временем на каждого из осужденных были накинуты особые мешки-балахоны, скрывавшие преступника вместе с головой, но имевшие ниже шеи какие-то прорезы в горизонтальном направлении.

«Первым был повешен Рысаков. [1] Два дюжих арестанта поднесли к висевшей над Рысаковым петле небольшую лесенку, вроде тех, что употребляются в магазинах... Она имела около двух аршин в вышину, и прочные подпорки поддерживали ее верхнюю площадку, давая возможность свободно стоять там двум и даже трем человекам.

«По этой лестнице два арестанта ввели под руку Рысакова на верхнюю площадку, и пока один придерживал его, другой накинул ему на шею петлю, немного затянул ее и, дав соскочить своему товарищу, разом выдернул лестницу из-под ног Рысакова, и последний, слегка качнувшись, дернулся как-то вниз и сразу безжизненно повис на натянувшейся веревке. Вероятно, смерть последовала моментально.

«Наконец случилось то, чего нужно было ожидать и что до глубины души потрясло всех присутствовавших... (А между тем избежать этого было и просто и легко). Когда к Михайлову подошли палачи, то он не дал им взвести себя на поставленную лестницу, как бы брезгая их услугами, и, несмотря на закрытое балахоном лицо, слегка лишь поддерживаемый одним из палачей под локоть, сам решительно и быстро взошел по ступеням лестницы на верхнюю площадку, где позволил надеть на свою шею петлю.

«И вот в тот момент, когда из-под его ног была выдернута лесенка, и Михайлов должен был повиснуть на веревке, последняя не выдержала его тяжести, оборвалась... и огромная грузная масса с высоты $2^1/_2$ аршин грохнулась с шумом на гулкий помост...

«Из нескольких тысяч грудей одновременно вырвался крик ужаса. Толпа заволновалась, послышались возгласы:

«— Надобно его помиловать!

«—Простить его нужно. Нет такого закона, чтобы вешать сорвавшегося.

«—Тут перст божий!

«—Царь завсегда таких милует. Пришлет своего флигель-адъютанта!»

«И за минуту враждебно-настроенная, готовая собственными руками растерзать всякого, кто посмел бы проявить свои симпатии к цареубийцам, изменчивая, как женщина, толпа преисполнилась горячими симпатиями к одному из самых ужасных преступников только за то, что под его тяжестью оборвалась веревка вследствие преступного недосмотра или злоупотребления палача или других приставленных к нему лиц». (Плансон, Казнь цареубийц.)

---

[1] Это ошибка. Первым был повешен Кибальчич, и рассказ Плансона относится к нему.

«Несмотря на связанные руки, на саван, стеснявший его движения, и на башлык, мешавший видеть, Михайлов поднялся сам и, лишь направляемый, но не поддерживаемый помощником палача, взошел на ступеньки скамейки, подставленной под петлю палачом Фроловым. Последний быстро сделал новую петлю на укрепленной веревке, и через две-три минуты Михайлов висел уже вторично. Секунды две... и Михайлов вновь срывается, падая на помост!

«Палач не растерялся и, повторив уже раз проделанную манипуляцию с веревкой, в третий раз повесил Михайлова. Но заметно было, что нравственные и физические силы последнего истощились; ни встать, ни подняться на ступеньки без помощи сотрудников Фролова он уже не мог.

«Медленно завертелось тело на веревке. И вдруг, как раз на кольце под перекладиной, через которое была пропущена веревка, она стала перетираться, и два стершиеся конца ее начали быстро и заметно для глаз раскручиваться. У самого эшафота раздались восклицания: «Веревка перетирается! Опять сорвется!» Палач взглянул наверх, в одно мгновение подтянул к себе соседнюю петлю, влез на скамейку и накинул петлю на висевшего Михайлова. Таким образом, тело казненного поддерживалось двумя веревками» [что и показано совершенно ясно на рисунке, сделанном фотографом Несветовичем, «Былое», стр. 323].

Весь этот эпизод в официальном отчете пропущен, вероятно умышленно.

«Перовская, все время крепившаяся и имевшая бодрый вид, сдала в последние минуты: силы, а, может быть, и сознание начали покидать ее; помощники вынуждены были энергично поддерживать ее под руки при поднятии на скамейку и во время надевания петли.

«Рысаков упорно цеплялся ногами за скамейку, как это и указано в отчете. Помощники палача, опасаясь, повидимому, повторения того, что было с Михайловым, выдергивали скамейку крайне осторожно и медленно. Тогда же Фролов и толкнул вперед тело Рысакова, при чем ноги его соскользнули с табуретки.

«Остается исправить еще одну неточность официального отчета: на эшафоте поцелуями простились не только Желябов и Михайлов с Перовской, но и все осужденные друг с другом, и одна только Перовская отвернулась от Рысакова, когда он потянулся к ней». (В. К., Несколько слов о казни цареубийц, стр. 134—136.)

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА И 1 МАРТА 1881 Г.

1. КАЗНЬ ТИРАНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ [1]

(«Набат», № 1, 20 июня 1881 г.)

«Если до события 1 марта еще и могли существовать в умах недостаточно проницательных людей некоторые сомнения насчет полезности, целесообразности, разумности и практичности тех средств революционной борьбы, которые постоянно и неизменно пропагандировались и защищались в «Набате», то после этого события сомнения эти должны окончательно рассеяться. Правительство, т. е. та презренная шайка палачей и кровопийц, которая присвоила себе право самодержавно грабить, истязать, мучить и разорять миллионы безоружного, нищетою и голодом изнуренного народа, эта шайка торжественно признала разлагающее на нее действие революционного террора. Факты, вызванные и обусловленные событием 1 марта, с поразительною очевидностью подтверждают и оправдывают все надежды и предположения революционной партии...

Казнь официального предводителя правительствующей, то-есть грабительствующей шайки народных эксплуататоров и палачей повергла «злодеев» в неописанный страх и трепет. Боязнь за свою жизнь и предчувствие близкого, беспощадного народного суда окончательно свели их с ума и заставили их, очертя голову, забыв всякий стыд, заткнув уши и зажмурив глаза, броситься в засасывающий омут такого отвратительного палачества, такого дикого варварства, такого самодурного произвола, такого идиотического террора, которые даже в незлобивых и очерствелых сердцах самых верноподданнейших из «верноподданных» невольно вызывают чувство ужаса и омерзения...

Это повсеместное негодование, смущение и ропот, как и следовало ожидать, только еще более усилили панику обезумевшей шайки народных палачей. И они, эти палачи, еще вчера так непоколебимо веровавшие в «прочность и незыблемость своего самодержавия», в «несокрушимость своей силы», в «любовь

[1] Перепечатываем с небольшими сокращениями.

и преданность» своих «верноподданных», сегодня бегут и прячутся от этих верноподданных, как запуганный заяц от охотника; сегодня — последний воришка, уличенный конокрад чувствует себя в большей безопасности и менее дрожит за свою шкуру, чем они, всесильные самодержцы! Вчера они кичились своим всемогуществом и старались уверить себя, что все их верноподданные стоят за них горою и что враги их — это немногочисленная, бессильная шайка безнравственных, развращенных злоумышленников, действующих под влиянием заграничных внушений, не имеющих никаких корней в условиях русской народной жизни, совершенно ей чуждых; одним словом, они видели в них каких-то «отщепенцев», какой-то чисто внешний, никакими внутренними, органическими причинами не вызываемый, бесполезный нарост на здоровом, благоденствующем теле российского государства. И они были твердо уверены, что достаточно лишь палача, чтобы вырезать его с корнем. Сегодня они хотя и прячутся попрежнему за спину палача, но из-за его спины молят, трепещущим от страха голосом, «всех своих верноподданных» и «великодушное и благородное дворянство», и «благочестивое крестьянство», и «городские сословия», и даже «земства» спасти и защитить их от «крамольников» (см. манифест от 29 апреля, циркуляр Игнатьева и Николаи). Они торжественно заявляют, что одного их «всемогущества» и «самодержавия» слишком недостаточно, чтобы побороть крамолу, что крамола их одолевает и что она коренится в самых недрах русского общества, что она вызывается и обусловливается недостатками нашего общественного устройства, грабежем и лихоимством правящих классов (т. е. их же самих) и что искоренить ее невозможно без дружных усилий и содействия «верноподданных», и тут же этим «верноподданным» (в преданности и любви которых они вчера еще были так уверены) делается упрек за их равнодушное отношение к «крамоле» и за их недостаточное содействие палачам и «искоренителям». Таким образом, в этих торжественных заявлениях, несмотря на их казарменно-семинарский тон, несмотря на их реакционный задор, самым недвусмысленным образом констатируется и удостоверяется факт полнейшей умственной и нравственной несостоятельности и совершенного бессилия самодержавного государства.

Это-то упорство маньяка, упорство бесцельное, бессмысленное, самими палачами осужденное, приводит в отчаяние и отталкивает от них вчерашних легковерных друзей и союзников. Вчерашние друзья и союзники, вчерашние «столбы» и «опоры» самодержавия, сегодня торжественно отрекаются от них и переходят в лагерь... крамольников! «Верноподданные», которых они зовут к себе на помощь и которым за эту помощь обе-

щают (или лучше сказать: угрожают) «все оставить по-старому», отвечают им гробовым молчанием или глухим ропотом... Кругом палачей образовалась какая-то пустота. Все, что осталось еще честного и мыслящего, все, что сохранило еще «образ и подобие человеческое» с отвращением отворачивается от них. Повсюду недовольство, повсюду неуверенность в завтрашнем дне, повсюду сознание, «что так продолжаться не может», повсюду томительное ожидание «близкой развязки». Повсюду дезорганизация и паника, и, как неизбежный логический результат этой дезорганизации и паники в верхних, буржуазных слоях общества, застой в делах, смятение на бирже, падение всех фондов и курсов, отсутствие кредита, а в перспективе государственное банкротство; а в низших классах, среди забитых масс порабощенного и разоренного народа, долго сдерживаемое и подавляемое, веками накопившееся чувство праведной мести к кровопийцам-эксплуататорам, с неудержимою силою, начинает вырываться наружу...

Эксплуатируемый раб, сотни лет дозволявший себя безнаказанно обворовывать, грабить и морить голодом, сотни лет терпеливо питавший своим мясом и кровью присосавшегося к его телу вампира-эксплуататора, вступает теперь с ним в открытую борьбу и зовет его на свой праведный суд... Напрасно перепуганные палачи и народные кровопийцы стараются успокоить себя наивною мечтой, что будто «народ» взбунтовался против «жидов» по глупости, в силу своего невежества, религиозной нетерпимости или по тайным наущениям злокозненных «крамольников», т. е. нас, революционеров. Нет, к жидовской вере народ относится с полнейшим равнодушием. Воображать же, будто такое дружное, повсеместное и грозное народное движение, как «движение против евреев», охватившее весь юг России, может быть вызвано подговорами и кознями нескольких «крамольников», это значит сознательно обманывать себя. Народ «восстал на жида» безо всяких посторонних подговоров, и не ради каких-нибудь теоретических соображений, а просто потому, что в его уме с понятием жида неразрывно связано представление о «народном кровопийце», о безжалостном ростовщике, о кулаке-эксплуататоре. Он начал свою расправу с жида, а не с попа, единственно потому только, что жид-эксплуататор стоял к нему ближе, что он был менее защищен, чем поп, и наконец потому, что нужно было с кого-нибудь начать.

Таким образом, народное восстание против «жидов» есть не что иное как восстание против народных эксплуататоров и палачей; в нем чувствуются все симптомы зарождающейся Социальной революции; в нем слышатся глухие раскаты грома приближающейся грозы великого и беспощадного народного суда.

Таковы, в общих чертах, главнейшие и наиболее бросающиеся в глаза благие (т. е. благие, конечно, лишь для друзей, а не для врагов народа) результаты события 1 марта. Не ясно ли, что они не только вполне оправдали, но даже превзошли самые оптимистические надежды и самые смелые ожидания наиболее убежденных революционеров.

Казнь палача, революционный терроризм в самое короткое время сделал то, чего, при других способах и приемах революционной борьбы, мы не могли бы добиться в течение десятков, сотен лет. [1] Дезорганизовав, дискредитировав в глазах всех честных людей правительственную власть, он привел к брожению, он революционизировал все общество, снизу и доверху... Более благоприятных для успешного окончания, для решительного торжества Народной революции трудно себе и представить. Ее бурное дыхание уже носится в воздухе!.. От нас зависит ускорить ее приближение, и для этого нам нужно только дружно, не сворачивая в сторону, твердо и смело идти по пути, указанному нам нашими героями-мучениками. Этот путь и только этот путь не замедлит привести нас к желанной цели — к освобождению народа и к отмщению за святую кровь замученных палачами наших сестер и братий. Потому теперь, более чем когда-нибудь, необходимо, чтобы все честные люди, все искренние друзья народа организовались и тесно сплотились под кровавым знаменем революционного терроризма...

«Смерть палачам, смерть тиранам, без различия ранга и места, занимаемого ими в той прессовальной машине, которая зовется русским самодержавным государством; смерть всем висельникам, смерть эксплуататорам народа!»

Таков должен быть теперь боевой лозунг всех борцов за дело народного освобождения».

Гракх.

2. ПО ПОВОДУ 1 МАРТА 1881 ГОДА

(«Самоуправление», 1887, № 1)

«Нам часто приходится слышать, что террористическая борьба русской социально-революционной партии была ошибкой, что жертвы принесены ею напрасно и что партия этой борьбой нанесла громадный вред делу свободного развития родной

---

[1] Напоминаем читателям, что данная статья перепечатывается без всяких изменений из журнала «Набат» (№ 1, 20 июня 1881 г.), органа русских якобинцев той эпохи, чрезмерно переоценивавших значение акта 1 марта. *Ред.*

страны. Нам кажется, что такие взгляды основаны на недоразумениях и происходят от неполного понимания политики последних лет прошлого царствования и от преувеличенных требований, которые предъявляют к результатам предыдущей борьбы. Забывается здесь то обстоятельство, что борьба часто в первые периоды и не может дать прямых положительных результатов, что она, вызывая реакцию, тем самым создает условия для борьбы в более широких размерах, а потому и приближает день торжества победы. Условия общественной жизни в переживаемую нами минуту так тяжелы, так гнетут общественное самосознание, что невольно заслоняют собой положительные результаты предыдущей борьбы. Повидимому, торжество реакции полное: общество принижено, деморализовано; все честное и живое не имеет прав на существование; всякое проявление мысли задавлено; произвол достиг крайних размеров; повидимому, реакции итти дальше некуда; смерть грозит обществу. Но так ли это? не пришибленное ли самосознание обманывает нас? Не создались ли именно теперь такие условия, что борьба стала органически неизбежной, что не молодежь одна, нет, а все общество восстанет как один человек, за свои попранные права, за свое желание свободно жить, чувствовать, мыслить? Не указывает ли что-нибудь в окружающей жизни, что дни торжествующей реакции сочтены, что шансов на успех борьбы у нее нет?

Сильное, уверенное и сколько-нибудь умное правительство не станет стремиться к мраку и неизвестности, гнать просвещение, создавать касты, не станет, словом, стремиться назад, вглубь дореформенной Руси, из которой оно так недавно, силою вещей, должно было выбраться. Тем более не станет стремиться назад, что условий для создания николаевской эпохи нет, жизнь стала шире, широкая общественная самодеятельность стала роковым вопросом жизни; словом, колеса истории повернуть назад нельзя, а потому всякий дальнейший шаг правительства по тому же пути будет и шагом к пропасти, в которую оно полетит со всеми своими построениями, не соответствующими условиям жизни. Можно ставить преграды на пути развития общественной жизни, пытаться задержать это развитие; но попытка даже остановить, а не только повернуть, развитие жизни неминуемо кончится поражением. Только обезумевшее от страха правительство, чувствующее свою полную беспочвенность и не живущее будущим, может поступать таким образом.

Правительство еще могло бы держаться при том призрачном либерализме, которым характеризовалось прошлое царствование. В этой призрачности была его главная сила, главное его оружие. Она двоила обществу, мешала ему единодушно бороться, а потому в таких условиях борьба и не могла дать

победы. Многие рассчитывали на либерализм правительства; им казалось, что нет-нет да и брызнет из мрака свет. Этим можно было обманываться; многие действительно и обманывались. Вспомните, напр., радикальную записку Серно-Соловьевича, лично поданную им Александру II, республиканское письмо к нему же крестьянина Мартьянова, предложение Герцена в «Колоколе» пить за здоровье Александра II — и вам станет совершенно понятно, что единодушная борьба при такой невыясненности истинного цвета и намерений правительства немыслима, а потому шансов на успех борьбы и не могло быть много. По той же самой причине и вся предыдущая борьба не дала прямых желательных результатов. Общество, подкупленное воспоминаниями конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, когда оно шло почти рука об руку с правительством, когда меры, предлагаемые обществом, встречали поддержку со стороны правительства, еще более подкупилось заигрываниями Лорис-Меликова. Так подкупилось, что и не заметило ни тех возмутительных безобразий, которые творились по распоряжению Лорис-Меликова с политическими ссыльными на Каре, ни легализирования и огромных размеров административной высылки, которая уничтожала все основы примитивной гражданственности. Иллюзий не разрушили ни общие стеснения, которым подвергался в это время обыватель, ни начало той военной деспотии, расцвет которой теперь приходится переживать нам в виде власти генерал-губернаторов.

Диктатура сердца затуманила умы. Поэтому, когда настал день, удобный для действия, который был подготовлен революционерами и которого нельзя было не предвидеть, когда даже была проявлена инициатива в форме письма «Исполнительного комитета» к Александру III, — общество не откликнулось. Оно оказалось неподготовленным, неорганизованным, а потому поддержки оказать и не могло. Ему оставалось лишь служить панихиды да плакать. Вот этою-то разрозненностью, присутствием в обществе иллюзий и нужно объяснить безрезультатность предыдущей борьбы, а не ошибочностью выбранного для нее метода. Будь общество сорганизовано, выступи оно активно, то при той неуверенности, которую проявило правительство на первых своих шагах, требования общества, наверное, были бы удовлетворены.

Ряд террористических поступков, а в особенности их кульминационный пункт — 1 марта 1881 г., — заставил правительство отказаться от упомянутой призрачной либеральности, заставил политику его сделаться откровенной до циничности и показал обществу, что вся мудрость этой политики направлена лишь на самосохранение, что до нужд и потребностей общества правительству нет никакого дела и что даже они ему

враждебны. Теперь, следовательно, создались условия, исключающие всякую возможность каких бы то ни было иллюзий. Теперь бороться будет не одна молодежь, а все поруганное общество, — общество, у которого отняли все дорогое ему и святое, у которого отняли всякую возможность жить. Если партийная борьба чуть не привела к конституции, то борьба коалиционная, всем обществом, имеет все шансы на успех. Хотя реакция и царит, но не высоко она подняла голову. Ведь, несмотря на все старания задушить крамолу, она ее не задушила. Правительство терпит поражение даже в своем собственном лагере. Провалились же в Государственном совете новый университетский устав, налоги на заграничные паспорта, которыми хотели отрезать нас совсем от науки и Западной Европы. Памятуя эти уроки, правительство нашло необходимым издать известный циркуляр о гимназиях административным, а не законодательным путем. Не даром же сидит Александр III в гатчинской тюрьме чуть ли не в одиночном заключении. Пришлось же законспирировать его так, как не конспирируется ни один скрывающийся нелегальный. Ведь напоминают же его поездки по России все, что угодно, только не путешествие возлюбленного монарха по обожающей его стране. Наконец, совершилось же и 1 марта 1887 г. Очевидно, что крамолы извести никакими средствами нельзя, — и это весьма понятно: она сидит в самом обществе, порождается условиями русской жизни.

Помимо указанной стороны результатов предыдущей борьбы, которая дает возможность новой группировки борющихся сил с правительством, — надо отметить еще и другую ее сторону. В пятидесятых и шестидесятых годах интеллигенция, двинувшись в народ, натолкнулась в нем на идею царизма. Сильна ли, животворна ли она в народе? Все беспристрастные наблюдатели народного быта единогласно утверждают, что известие о казни царя н и к а к не отразилось в народе. Факт знаменательный, знаменательный тем более, что с личностью покойного царя в народе связывалось воспоминание о полученной воле. У интеллигенции теперь развязываются руки, она смело теперь может итти вперед и не бояться, что народ будет против нее.

Итак, предыдущая борьба окончательно и рельефно разъединила общество от правительства, заставила правительство итти назад, т. е. к своей погибели, и показала, что столкновения между народом и интеллигенцией по вопросу о «царизме» бояться нечего».

Н. И. РАКИТНИКОВ

ОТКЛИКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Русская революция давно привлекала внимание и интересовала Западную Европу. А. И. Герцен один из первых знакомил ее с историей революционного движения в России. Он был в дружеских отношениях с передовыми людьми буржуазной Европы, его положительная программа была очень умеренна, а его философско-исторические идеи никого не пугали, хотя он и предсказывал неизбежную гибель европейского буржуазного общества в жестоком социальном катаклизме. Но в семидесятые годы его заслонила огромная фигура М. А. Бакунина. И не удивительно. Он был не только русским революционером, а даже главным образом европейским, наложившим свою печать на социалистическое движение Италии, Испании, Бельгии, Швейцарии и отчасти Франции. Это уже был не только странный представитель далекой, незнакомой Скифии, а своя домашняя опасность. И Бакунин надолго стал для буржуазной Европы представителем русской революции.

Тон отношения к нему определил талантливый бельгийский экономист Эм. Лавеле. «Когда Данте, спускаясь в недра ада,— писал он в «Современном социализме», — достиг самой глубины «царства без надежды», то он очутился пред страшным властелином возмутившихся ангелов: L' imperador del doloroso regno [император печального царства]. Таким же образом, когда мы спустимся до последних слоев революционного социализма, то встретим там Бакунина. Далее некуда итти, потому что он апостол всемирного разрушения, абсолютного анархизма или, как он сам назвал свою доктрину, «аморфизма». (Лавеле, Современный социализм, стр. 242.)

Вот это-то страшилище, этот властелин возмутившихся низов современного общества чудится европейским, даже очень прогрессивным публицистам, как только они начинают писать о русской революции.

Борьба «Народной воли» сильно обострила интерес к России на Западе. Русская революция к тому времени вполне освободилась от пеленок бакунизма, выставила требование Учредительного собрания и начала борьбу с самодержавием за лозунги, казалось бы, весьма понятные и дорогие европейским демократам. Ее социальные чаяния, которые она связывала

с политическим переворотом, так легко и естественно было этим многоопытным политикам отбросить, как наивные, детские фантазии, как сделали это позже близкие им по духу русские публицисты-историки (напр., В. Богучарский). Однако они долго оставались под впечатлением импозантной фигуры Бакунина и не замечали, что для России она уже задернулась дымкой прошлого и что действующие в России революционеры вдохновляются другими идеями. Они все еще продолжали мазать страшные фигуры «нигилистов» кричащими красками эпохи Нечаева и Бакунина. Причина ясна: деятельность революционеров стала действительно страшной и грозной по своей энергии; информацию о ней они получали из крайне мутного источника, близкого к русским посольствам, а более солидные и правильные сведения они имели лишь о прошлом.

Нельзя ожидать, чтобы отзывы даже одной буржуазной западно-европейской прессы о столь острых и волнующих событиях, как удары, наносимые народовольцами царизму, были единообразны. И в буржуазном лагере мы встретим целую гамму мнений, хотя, кажется, один Рошфор в своем «Intransigeant» высказался с полным одобрением о цареубийстве, сойдясь в этом с большинством социалистических рабочих органов. Вся остальная буржуазная пресса, конечно, осуждала методы борьбы русских революционеров, весьма расходясь между собой в оценке ее целей. На суждения о русских событиях влияло не только политическое направление органа, но и положение его страны. Английская печать была, пожалуй, в наиболее выгодном положении незаинтересованных или малозаинтересованных наблюдателей. Конечно, Англия враждебно сталкивалась с Россией на Ближнем Востоке и в Средней Азии, где последняя упорно расширяла свои владения, все более приближаясь к Индии. Но это соперничество мало захватывало общественное мнение даже в консервативных кругах; либеральное общество, следуя за В. Гладстоном, держалось более дружеских чувств по отношению к России. Франция в эти годы всего более занималась укреплением своего положения рядом с могущественной Германией, нанесшей ей в 1870 г. поражение, если не прямо подготовкой «реванша». Для этого она нуждалась в сильных союзниках, и одним из них могла стать Россия, недовольная Бисмарком после Берлинского конгресса 1879 г. Это положение очень влияло на отношение всей буржуазной печати Франции к русским делам. Естественно, германская буржуазная печать мало отличалась в этом отношении от французской, желая сохранить традиции союза «трех императоров». Вследствие этого в английской прессе чувствуется больше бескорыстного интереса к русским делам, стремления понять их и докопаться до истины во взаимных

отношениях революционеров и правительства. Это замечается даже на дипломатичном «Times», принципиально стоящем на стороне «властей предержащих» против всяких революций; но особенно чувствуется на тех неназванных оппонентах «Times», присутствие которых угадываешь при чтении и с которыми он спорит, не называя их. Этот серьезный интерес, более серьезный, чем во французской и немецкой печати, скоро приведет к поездке свящ. Лансделя в Россию для ознакомления с положением политических в русских тюрьмах, а затем к знаменитой поездке американца Дж. Кеннана. Поэтому я и начну обзор с английской журналистики. Я мог воспользоваться несколькими журналами того времени: «Westminster Review», «The Nineteenth Century» и «Forthnightly Review» и единственной иностранной газетой, сохранившейся от того времени в московских библиотеках—«Times» (в Институте Маркса и Энгельса).

А. АНГЛИЯ

19 ноября (1 декабря н. ст.) 1879 г. произошел взрыв царского поезда под Москвой, а уже в течение 1880 г. в английских журналах появилось несколько статей, пытающихся осмыслить русские события.

1. «Westminster Review»

Начну свой обзор с наиболее враждебного русским революционерам консервативного английского журнала «Westminster Review». Там в 1880 г. в т. CXIII, January, появилась в виде критико-библиографической статьи о пяти книгах, посвященных России, в сущности самостоятельная заметка о русских делах (стр. 160—180). Автор считает, что Александр II расплачивается за грехи Николая I, как Людовик XVI за грехи своих предков, и что современная смута в России есть реакция на царствование Николая. Франция после 1789 г. качается взад и вперед, подобно маятнику; а Россия еще одержима сильным порывом молодого государства вперед. Если ее повелитель наряду «с величием своего сердца обладает широким умом и нравственным мужеством», чтобы облегчить свое собственное бремя и укрепить себя своевременной уступкой, избегнуть пошлого искушения репрессии и наполеоновского искушения диверсии при помощи внешней войны, то он может использовать эту силу реакции (на царствование Николая) и сделать для цивилизации своего государства еще больше, чем в первые годы своего царствования он сделал для восстановления его силы. Но ничего нет более верного, чем тот факт, что Россия не совершит никакого прогресса—исключая, быть может, военного—без участия самого народа. Век просвещенного абсолютизма прошел (стр. 166). Философия истории, как видим, у

консервативного журнала не очень глубокая: революции, как реакция на дурное правление королей. Но даже консерватор-англичанин хорошо понимает, что абсолютизм—синоним застоя и что прогресс возможен лишь на пути народоправства. О нигилизме суждения журнала весьма поверхностны и шаблонны. Из вождей русского радикализма он знает Герцена и Бакунина. К первому он относится с сочувствием, его советы он признает «здоровыми и прогрессивными», второго характеризует, как человека «сомнительного характера и невозможных мнений». Что касается нигилизма, то «мы сомневаемся даже,—говорит он,—существует ли определенная организация нигилистов [писано после московского подкопа на Курской ж. д.], и считаем его не более страшным, чем фенианизм: [1] простая комбинация нескольких идиотов да нескольких мошенников». Но серьезнее то, что в широких слоях русского населения существует глубоко вкоренившееся чувство ненависти к старой правительственной системе, даже в ее обновленной форме, и что в этих слоях, несмотря на все предосторожности правительства, широко распространялись и здоровые прогрессивные мнения Герцена, и разрушительные идеи Бакунина. Замечательно и в то же время тревожно то обстоятельство, что в военной деспотии военный и чиновный классы содержат в себе революционные элементы. Заканчивается статья описанием тяжелого положения Александра II: благодетель своего народа, а между тем повсюду подстерегает его смерть. Автор надеется, что из этого положения царь будет искать выхода на пути уступок, а не внешней войны.

2. «*The Nineteenth Century*»

Либеральный журнал «The Nineteenth Century» в 1880 г. в своих отзывах о русских революционерах мало отличался от своего консервативного собрата.

В январской книжке «Nineteenth Century» («XIX столетие») напечатана статья Fritz Cunliffe Owen — «Русский нигилизм». Характер статьи вполне определяется первыми вступительными фразами: «Рационализм и радикализм существует в известной степени в каждой европейской стране. Но социал-демократы Германии и Австрии и коммунисты Франции и Испании отворачиваются с ужасом от русских революционеров, которые в свою очередь считают программу Парижской коммуны 1871 г. предосудительно слабой, а Феликса Пиа, Клюзере и их товарищей чуть получше консерваторов. С.-д. и даже коммунисты остальной Европы преследуют цели, хотя и фантастические, но

---

[1] Аграрно-террористическое движение в Ирландии среди ирландских фермеров, вскоре после того проявившееся и в актах политического террора (убийство статс-секретаря Ирландии лорда Кавендиша 6 мая 1882 г.).

во всяком случае достаточно определенные... Они уравнители, но не разрушители. Русская революционная партия не имеет в виду определенных планов реорганизации или улучшения. На ее взгляд все, что теперь существует, гнило; прежде чем создавать что-либо новое и хорошее, надо разрушить все существующие учреждения до основания. Религия, государство, семья, законы, собственность, нравственность — все одинаково ненавистно и должно быть вырвано с корнем и разрушено» (1880, jan. 1.)

Это подтверждается подбором соответствующих цитат из речей Бакунина и прокламаций. Вслед за такой характеристикой Бакунина следует характеристика Чернышевского по его роману «Что делать?», из которого выбираются эпизоды, наиболее «странные» с точки зрения английского мещанина, и преподносятся читателю в тоне, немного более приличном приснопамятных брошюр Цитовича. В историческом очерке нашли место и Нечаев с убийством Иванова, и девица Идалия Польгейм, получившая от комитета приказ «выйти замуж за богатого старика, отравить его и ограбить «в пользу дела», и болтовня на еще более уголовную тему в кружке Ишутина. Если прибавить сюда феноменально грубые ошибки, изобличающие полное невежество автора, вроде того, что после смерти Бакунина лидером нигилистической партии стал Драгоманов, что Нечаев с 1869 г. по 1873 г. жил беззаботно в России «на счет других», а в 1873 г. убил Иванова, что 20 мая 1873 г. в один день были арестованы 183 лица по показаниям Нечаева, и таким образом был создан «большой процесс», то будет вполне ясен характер руководящей статьи, которой украсил себя один из лучших и распространеннейших английских журналов либерального направления. Автор сожалеет, что «нигилистов» судили на большом процессе «при открытых дверях», и они, благодаря слабости председателя, получили возможность проповедывать свои теории, а адвокаты — выставлять их мучениками деспотизма, порицать правительство и особенно произвол полиции и жандармов.

С тем же знанием дела рассказывается история и последнего периода. Трепов оказывается начальником III отделения, а не петербургским обер-полицеймейстером. В. Засулич стреляет в него, конечно, по приказу Комитета на улице. Нигилисты не только террористы, но и поджигатели. «Только в течение последнего июня было 3 500 пожаров в Петербурге, Оренбурге, Козлове, Иркутске и Уральске, истребивших собственности на 12 000 000 руб, из них 2 600 приписываются нигилистам». Таинственный «Комитет», без сомнения, располагает значительными средствами и имеет свои агентства в Берлине, Париже и Лондоне, которые братски принимают приезжающих нигилистов и снабжают их деньгами и всем необходимым для жизни. Автор знает и то, откуда Комитет получает средства: два купца в Петербурге по-

лучили письма с угрозой смерти, если не дадут 20 или 30 тысяч рублей. Автор выражает удовольствие, что после покушения на царя нигилистов стали судить военными судами, «которые ведутся с бо́льшим достоинством и скоростью, чем суды гражданские» (стр. 23). Он знает и причины такой слабости гражданских судов. Их целых две. Одна—та, что при введении новых судов сильно боялись, что трудно будет найти судей, достаточно независимых от правительства и дворянства. Вот вновь назначенные не из высших классов судьи и начали доказывать свою «независимость» и все конфликты низших классов с дворянством и правительством решать в пользу первых. «Мало-по-малу они привыкли смотреть на себя, как на представителей народа и его защитников против притеснений правительства». Другая причина такая. Рядом с новыми судами присяжных с их свободой прений мы имеем знаменитое III отделение с его армией жандармов, вооруженное правом сажать в тюрьму и ссылать в Сибирь по своему усмотрению. Судебная система становилась бесполезной игрушкой, раз обвиняемый, оправданный судом, мог тотчас же быть арестован и сослан по государственным соображениям. Но при таких условиях как люди действительного таланта и совести могли согласиться принять участие в таких бессильных судах? Вы находите, что вторая серьезная причина убивает первую? Конечно. Вторую причину узрел без труда сам автор-англичанин, а первую ему подсказал, совершенно очевидно, русский информатор. То, что здесь г. Оуэн написал об игре в «независимость» русских судов, нам очень хорошо известно из реакционной прессы: «Московские ведомости», «Вести», «Русский мир» за 60-е и 70-е годы, и в частности из писаний ген. Р. Фадеева. В интересующее нас время в Лондоне жила и блистала талантами дочь ген. Фадеева, Ольга Новикова, игравшая там роль официозного представителя русского правительства при английском обществе. В 1880 г. она даже выпустила в Лондоне книгу «Russia and England» под инициалами О. К. Ее книге сам Гладстон посвятил целую статью в том же журнале. Ее связи с литературным миром Англии не подлежат сомнению, и вряд ли можно сомневаться, что Оуэн свои сведения по истории революционного движения в России почерпнул из бесед с нею. Только этой информацией Ольги Новиковой можно объяснить полную несвязанность всей характеристики русской революционной партии с заключением статьи. Охарактеризовав ее, как партию беспринципных разрушителей и поджигателей, ничем не связанных с жизнью страны, добывающих средства на свою жизнь и преступную деятельность вымогательством и всякой уголовщиной, Оуэн заканчивает свою обширную статью так: «За исключением освобождения крепостных, почти все хорошо задуманные реформы Александра II

были сведены на-нет III отделением, глава которого часто получал кличку вице-императора. Например, городские думы и земские собрания были бессильны принять какую-нибудь меру, пока не получили не только одобрения министра внутренних дел и губернатора, но и согласия начальника местного жандармского управления, который представлял III отделение. Надо глубоко сожалеть, что, когда царь учреждал городское и земское самоуправление, он не сделал шага дальше и не учредил национального собрания. Палата представителей, избранных нацией, единственное спасение в настоящем положении дел... Много лойяльных и преданных царю подданных, ужасающихся при одной мысли стать самим нигилистами, смотрят однако в настоящее время с известным удовлетворением на их разрушительную деятельность, надеясь, что она принудит правительство дать то, что даже японский микадо дал своему народу, т. е. конституцию... Нигилизм, лишенный большей части своего raison d'être, скоро потерял бы самых способных своих членов и, вероятно, показал бы, как гибки и непрочны импульсы и идеи русского ума» (стр. 23—24).

Либеральный англичанин в конце концов решительно не поладил с русской информаторшей. Нарисовав с ее слов какое-то «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй», он не мог умолчать об очевидности, а именно, что деятельность царского правительства вызывает большое недовольство и раздражение, а деятельность нигилистов, наоборот, встречалась с удовлетворением даже верными и лойяльными подданными царя. Но как такое отношение могли встретить опустошительные пожары, которые они устраивают? Как можно чувствовать удовлетворение при вымогательствах денег и пр.? Об этом автор не подумал. [1]

В мартовской книжке того же журнала помещена статья знаменитого вождя английской либеральной партии В. Гладстона, о которой я уже упоминал. Она посвящена разбору книги О. К.: «Россия и Англия». Конечно, деятельность русских нигилистов возбуждает в нем, как и в О. К., и ужас, и отвращение; но он не удовлетворен, тем не менее, ее поверхностной оценкой нигилизма. Для Гладстона ясно, что нигилизм есть симптом глубоко коренящегося зла. И «было бы ошибкой не менее гибельной, чем сам нигилизм, лишь истощаться в выражениях негодования да в требованиях возмездия, и не принять его, как последнее предупреждение о грозящей катастрофе, не понять

[1] Курьезно, что, давая такую характеристику русским революционерам, Оуэн в приложении к своей статье дал перевод статьи «На чьей стороне нравственность?» из № 2 «Народной воли» без всяких комментариев. Это, конечно, весьма корректно с его стороны, так как статья эта была написана как-раз в ответ газетным и журнальным клеветникам вроде самого г. Оуэна.

абсолютной необходимости внимательного изучения и соответствующего лечения. Если нигилизм служит указанием того, что абсолютизм пережил свое время, и его эпитафия должна быть написана на гробе Александра II; если исцеления греховных наклонностей будут искать и найдут в предоставлении свободного поля для проявления здоровых и естественных сил народа, то великая страна, до сих пор лишенная политических прав, найдет свою дорогу к обладанию ими, и мы будем иметь дело с Россией, более или менее конституционной и народной». Это Гладстон очень осторожно принимает, как вероятное предположение. Но что для него вполне достоверно, так это то, что свободная Россия будет опаснее для Англии, чем Россия самодержавная. «Те, кто хочет слабой России, должны, следовательно, желать, чтобы она оставалась деспотической; но это значит, другими словами, — и этот вывод лишь слишком вероятен, — желать лишь дальнейшего процветания нигилизма» (стр. 553 — 555). Такую дилемму ставит Гладстон перед государственными людьми Англии, из которых некоторые, по близорукости, держались противоположного мнения и боялись России потому, что в ней нет парламентского правительства. Этот оборот мысли крайне характерен для англичан, только что помешавших России воспользоваться ее победой над турками, остановивших русские войска перед стенами Константинополя и теперь с тревогой следивших за продвижением русских в средней Азии в направлении к Индии. Сам Гладстон, бывший во время русско-турецкой войны в оппозиции, держался дружественной русским политики, и его дилемма: хочешь слабой России, желай процветания нигилизма, — была направлена против консерваторов, бывших еще у власти.

На высоту широких всемирно-исторических обобщений вопрос о «нигилизме» поднимается в статье Сибома «Империализм и социализм» в IV книжке «XIX столетия» за 1880 г. Тут русский «нигилизм» фигурирует лишь наряду с западно-европейским социализмом, как неизбежное следствие империализма, как его тень. Империализм — это стремление современных великих государств к внешнему военному преобладанию, которому подчиняется их внутреннее развитие. Империализм во Франции произвел коммуну. В Германии, едва успела родиться империя, как ее покой нарушается появлением в парламенте социалистических представителей и покушениями на жизнь самого императора. В России нигилизм насыщает воздух, как вездесущий спектр, и взрывает даже дворец царя. Все великие военные империи имеют у себя в гардеробе свой скелет. Токвиль описал нам великое наводнение демократии, затопляющее западный мир с неустранимостью геологического переворота. Но социализм не есть демократия, хотя под властью империализма

демократия, кажется, повсюду кончается социализмом. Демократия есть требование уверенных в себе людей, желающих лишь одного: равных прав и справедливых условий соревнования для каждого человека, стоящего на собственных ногах, чтобы устраивать свою собственную жизнь по-своему, без помехи со стороны государства. Социализм — скверная противоположность этого. Он есть крик беспомощных и оставленных подонков, неспособных двигаться без подпорок, взывающих к государству, которое должно дать им все: хлеб, одежду и зрелища. Представляя жизнь в виде спорта, либералы, а с ними и Сибом, позабыли среди необходимых равных условий игры одно — и самое существенное — равенство состояния и связанное с ним равенство образования. Если бы Сибом вспомнил об этом, отношение социализма и демократии представилось бы ему, может быть, иначе. Нигилизм — другая форма той же социальной болезни, другой результат политического отчаяния. Империализм, принося внутреннее развитие в жертву внешнему военному преобладанию, увеличивая постоянно армию и тяжесть обложения на нее, расстраивая гражданскую жизнь обязательной военной службой, делает жизнь тяжелой для трудящихся классов и сеет среди них недовольство учреждениями страны. Так, под господством империализма демократия, вместо того чтобы вырасти до здорового самодовлеющего совершеннолетия, впадает во второе детство и беспомощное моральное уродство социализма. Прежде страдание было молчаливо, и раздавленный червяк не вертелся. Но с 1848 г. недовольные нашли свой голос в Европе. Они посылают в парламент социалистов. А если парламентского влияния не хватает и они не находят в нем спасения, они идут по стопам своих правителей, которые обожествляют скорее силу, чем разум: они перестают произносить речи и берутся за дьявольские покушения на жизнь монархов и за взрывы их дворцов. Англия переболела этой болезнью во времена чартизма и теперь свободна от социализма. Число людей, говорящих по-английски, скоро дойдет до ста миллионов. Наши дети увидят их сотни миллионов, а в конце будущего столетия их будет миллиард. Демократия, кажется, избранная судьба Англии и ее детей. Будем же работать над великой проблемой демократии, не гоняясь за империалистическим фантомом преобладания в Азии.

Здесь русский «нигилизм» заключается в общие скобки с европейским социализмом и анархизмом. Ученый автор все валит в одну кучу и все огромное движение рабочего класса обобщает в образе какого-то морального урода, требующего помощи государства. Статья направлена как против социализма, так и против империализма Дизраэли-Биконсфильда, и представляет отклик знаменитой мидлотианской кампании Гладстона в 1880 г. в защиту малых народностей и их права на самоопределение,

попираемых консерваторами-империалистами на Балканах, в Афганистане, Египте, Южной Африке. 50 лет тому назад рабочий класс Англии еще шел за вигами и доставил в 1880 г. Гладстону блестящую победу над ториями. Либерализм мог еще говорить очень гордо и самоуверенно и мог еще с презрительным сожалением смотреть на «социалистические конвульсии» континентальных государств, считая Англию застрахованной от социализма. Английская промышленность, хотя и с замедленным темпом, еще была на восходящей линии, и либерализм еще твердо верил, что система свободной торговли размножит английское население на земном шаре, аки песок морской. Что осталось от этих гордых надежд и от самой великой либеральной партии Англии? Она превратилась в жалкую, тонкую прослойку между консерваторами и рабочей партией. А русский социализм, один из видов социального «слабосилия» и «беспомощности» рабочих классов империалистических держав, делавший в то время свои первые шаги на арене политической борьбы, правда, своей энергией поражавшие мир и предвещавшие великое будущее, смело строит социалистическое хозяйство на огромной территории среди капиталистических держав, корчащихся под ударами небывалого кризиса. История произвела свою критику над либеральными теориями и над их надменными суждениями о социализме, и мы можем не прибавлять ничего к ее работе.

3. *«Forthnightly Review»*

«Forthnightly Review» («Двухнедельное обозрение») Джона Морлея из книжки в книжку вело обзоры «домашних и иностранных дел». Они не подписывались и, вероятно, принадлежали самому издателю. Ему, естественно, не раз приходилось обращаться в течение 1880—1881 гг. к русским делам, так как в России творились вещи, заставлявшие говорить о себе. В номере от 1 января 1880 г. журнал заговорил о „нигилизме“. по поводу взрыва под Москвой 19 ноября (1 декабря н. ст.) 1879 г. Положение царизма он считает очень опасным. Его судьба и судьба династии поставлены на карту. Старый самодержавный режим пришел в негодность уже столетия и парализован; но то, что его должно сменить и материалы для чего имеются в достаточном количестве, не имеет ни формы, ни нерва. Не в одном социализме и нигилизме опасность для правительства. То, что последовало за покушением на взрыв царского поезда, гораздо показательнее самого покушения. Слабое проявление чувства негодования, отсутствие сильной реакции в пользу царя зловеще подчеркнуло угрозу и значение покушения, доказало окончательно, как широко распространено и глубоко сидит это чувство враждебности к установленному

порядку. Внутреннее состояние России автор рисует в таких красках. Крестьянство в одной части доведено физическими страданиями до скотского состояния, в другой—эмансипация пробудила уже стремления к политической свободе, все еще ждущие удовлетворения. Недовольны: лишенное части собственности дворянство, буржуазия. В армии более трех четвертей офицеров симпатизируют социалистам и считают существующий порядок вещей несносным, а огромное большинство рядовых взято из тех классов, которые более всех пропитаны идеями аграрного социализма. Нельзя доверять даже самой полиции, на содержание которой ежегодно тратятся невероятно большие суммы; ее попустительство совершенно очевидно в побеге Мирского. «Социалистические манифесты и газеты лишь передают сильным и не всегда последовательным языком чаяния и требования большинства народа. Считаясь с фантастической экстравагантностью фразеологии, в их требованиях нет ничего, что не покоилось бы на здравом смысле и обдуманном суждении нации». Это подкрепляется сокращенной цитатой из передовой статьи № 2 «Народной воли»; мы ее приведем, чтобы было ясно, как понимал Морлей ее программу: «Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу—так определяем мы главнейшую задачу социально-революционной партии... Передача государственной власти в руки народа могла бы дать всей нашей истории совершенно новое направление... Учредительное собрание [A representative assembly] дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений... Устраните государство (government, правительство), и народ (the nation) устроится, может быть, лучше, чем мы даже можем надеяться». [1] Любопытно, что автор взял эти выдержки как раз из статьи и даже из того абзаца ее, который наиболее подвергся нападкам за утопизм со стороны историков типа Богучарского,—из абзаца, говорящего о «90% депутатов от крестьян, и если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью,—от партии». И однако английский либерал не нашел тут ничего противоречащего «здравому смыслу и обдуманным суждениям» народа. Но этот радикализм программы, объединявшей политический и экономический переворот, делал для него очевидной невозможность уступки со стороны царя, несмотря на то, что Сенат, по его сведениям, просил царя, чтобы он «дарованием своему народу прав и свобод стал хранителем величия империи», и хотя царь был информирован, что в случае упорства в отказе можно опасаться худшего, именно военного пронунциаменто» (т. CLVII,

[1] Я привел подлинный русский текст, указав английскими словами в скобках отклонения английского перевода от русского текста.

19 апреля 1880, стр. 155—156). Царь может дать лишь тень реформ, одну видимость их; но русский народ сейчас же это заметит и отвергнет их. Царь настолько отожествил себя с существующим деспотизмом, что многие думают, что он скорее расстанется с жизнью, чем с властью. Даже если бы он дал все, что у него требуют, и это не обеспечивало бы желанного эффекта. Ибо деспотизм не только давит свободу в настоящее время, но делает ее невозможной и в близком будущем. Россия знает только одну традицию правления, традицию автократии. Дни последней сочтены. Но как долго она еще просуществует, пока не разовьется способность к самоуправлению и необходимые для него социальные и промышленные условия! Царь может отречься от престола, новая эра может быть провозглашена для России наследником; но и это вряд ли удалит опасности перехода к новому и лучшему режиму (стр. 156). Морлей имел преувеличенные представления о силе либерализма в России, его информация о русских делах иногда ошибочна; но ему нельзя отказать в понимании трудности, почти невозможности легального нереволюционного перехода России к другому режиму.

В 1881 г. Морлею пришлось опять вернуться к русским делам, на этот раз по поводу 1 марта. Он отмечает, что впечатление ужаса, произведенное на Европу вестями из Петербурга, было, быть может, менее остро, чем можно было ожидать, конечно, не по недостатку человеческого сочувствия к насильственной кончине царя, а потому, что общественное мнение было подготовлено к событию целым рядом покушений, из которых некоторые были более гибельны для человеческой жизни,[1] чем то, которое унесло царя, и еще потому, что они знали, что генерал Меликов скорее загонял нигилизм внутрь, чем его искоренял. Не ударами извне лечатся такие глубокие болезни, как нигилизм. Их надо вырвать с корнем. А корень — это ужасные страдания, которые подкапывают империю — надо искать в нищете и недовольстве народа. Разорительное влияние войн и все растущая тяжесть непереносимого обложения; концентрация власти в пределах узкого круга чиновников, отсутствие представительного законодательства, яркие контрасты нищеты и роскоши, насилия и жестокости всякого рода, — вот что дает реальное объяснение русского нигилизма. Правда, Александр освободил миллионы людей от рабства, но он не дал им политической свободы. Человек нерешительной мысли, он только по имени был реформатором. Поддавшись вполне окружающим его советникам, он превратил свое царствование в пеструю страницу военных походов. В центральной Азии

[1] Автор имеет в виду взрыв в Зимнем дворце, при котором погибло и пострадало из охраны значительно больше народа, чем 1 марта.

русская армия вела почти непрерывную войну, стоившую огромных количеств крови и денег. Борьба с Турцией была одной из самых разорительных. Не было дома, который не почувствовал бы этого дренажа денег и людей, которому страна была постоянно подвержена. Такая политика превратила освобождение крепостных в дар, столь же мало существенный, как дары Тантала: в наглядное обещание более счастливого века, никогда не исполняющееся; во внезапную вспышку света, который дал пленнику возможность увидеть ужас его застенка, но не осветил для него путей к избавлению.—Что же удивительного, что в результате всего этого явилась отчаянная попытка части масс установить свои права при помощи заговоров? Люди почувствовали,—что и было в действительности,—что режим прогнил насквозь; оставалась одна попытка, которую стоило проделать, нельзя ли террором и убийством вырвать то, о чем тщетно хлопотала справедливость и милосердие (т. CLXXII, Арг. 1, 1881, стр. 535—536).

Морлей думает, что новый царь пойдет другой дорогой. Он уже отозвал ген. Скобелева, руководившего операциями русских войск на границах Афганистана. Он, по сведениям Морлея, был несогласен с непримиримой реакционной политикой отца и находил необходимыми уступки. Но что он может сделать? Дать в несколько недель конституцию? Но это была бы центральная палата представителей, избранных губернскими собраниями. В ней правительственное большинство было бы обеспечено. Но это было бы одной видимостью, а не действительным народным представительством. Такая реформа не может и не будет принята народом. Двигаться по пути реформ так быстро, как это кажется необходимым его подданным, вряд ли для него возможно. А в таком случае неминуемая опасность кинжала и динамита и энергичная репрессивная политика по отношению к нигилизму. Опасности, которые превратили жизнь его отца в затяжную агонию, будут почувствованы и им. При таких обстоятельствах политика внешних авантюр, по мнению Морлея, может показаться Александру III соблазнительной. Эта мысль не одного Морлея тревожила в Западной Европе и особенно в Англии.

В майской книжке говорится о казни цареубийц. Все они встретили смерть со спокойствием людей, проникнутых сознанием, что они отдают все, даже свою жизнь, на то, чтобы сделать мир менее жалким, чем каким его нашли. С особой симпатией автор говорит о Софье Перовской, молодой, благородного происхождения, превосходно воспитанной, с бесстрашной решительностью; она вызывала симпатию даже у своих врагов. Среди тех, кто разделяет ее взгляды, ее казнь окружит ее ореолом мученичества, и С. Перовская станет святой в рево-

люционном календаре, а мысль об ее смерти вкоренит и усилит ту страстную ненависть, с которой революционная партия относится к существующему режиму. Затем автор с насмешкой говорит о претензии русского правительства добиваться своей безопасности у себя дома усилением репрессии за границей. Оно утверждает, что планы революционеров созрели в иностранных столицах. Бомбы приготовлены в Лондоне. Само убийство планировано в Женеве. Если бы правительства соединились против этих смертельных врагов всех правительств, то царь мог бы безопасно проезжать по своей столице и спокойно спать в своем дворце, который не был бы тогда изрыт, как медовый сот, минами. Это, конечно, обманчивое сновидение, но нисколько не удивительное у правительств Берлина и Петербурга. Момент показался им благоприятным для предложения об установлении международного соглашения для защиты против сил анархии, нигилизма и социализма во всех странах. Дикая схема уничтожения права убежища для всех русских подданных, которая сделала бы всю Европу небезопасной для недовольных московитов, обсуждалась в некоторых газетах, но она уступила место более серьезным предложениям, которые могут дать пищу для более страстных дебатов в парламенте и в стране, чем что-либо со времени военной лихорадки 1878 г. Россия и Германия, с Австрией или без нее, будто бы согласились разослать всем другим державам приглашение на международный конгресс в Брюсселе или Берлине, чтобы состряпать практические меры борьбы с врагами общества. Характер этих мер еще не определился ясно; но если, как вообще думают, они включают ограничение права убежища, то нет сомнения, что английское правительство ответит на это приглашение на конференцию вежливым, но решительным отказом (т. CLXXIII, стр. 669—671).

Наконец, в июньской книжке 1881 г. Дж. Морлей еще раз возвращается к теме о русской революции. Царь выпустил уже свой знаменитый манифест о своем решении охранять силу самодержавной власти, и Морлей убедился в ошибочности тех сведений, которые он имел о нем раньше. Царь показал себя человеком колеблющейся воли, впечатлительного темперамента, без проницательности и остроты суждения, характером, лишенным широты и энергической твердости, ограниченным и даже тупым. Он отдался в руки партии, от которой меньше всего можно ожидать мирного прогресса России. Взятый им курс политики не может кончиться счастливо и даже, быть может, долго длиться. Раз самодержавная власть употребляет насилие для подавления реформаторских идей, ему будет противопоставлено насилие,—это показали прошлые события и слишком вероятно, что покажут и будущие. Если нет другого

оружия, и если законная власть слишком систематически обращается к жестоким, несправедливым и насильственным средствам, нельзя удивляться, что и ее противники обращаются к тому же оружию.

Журнал Дж. Морлея, можно без преувеличения сказать, из всей заграничной буржуазной журналистики проявил больше всех других понимания русского революционного движения и симпатии к нему. В 1882 г. он, первый в английской журналистике, дал место статье на эту тему П. А. Кропоткина, уже не раз выступавшего в Англии с докладами о русском революционном движении и нашедшего приют для своих писаний сначала в газете «Newcastle Chronicle»(«The Fortnightly Review» May 1, 1882. The Russian Revolutinary party, pp. 654—671).

4. *«The Times»*

а) До 1 марта 1881 г. Обратимся теперь к «Times». Эта газета лондонского Сити пользовалась в средине прошлого столетия огромным авторитетом и славой. Это была газета-Левиафан, выбрасывавшая каждый день до двадцати—и больше—бо́льших газетных страниц печатного текста, освещавших жизнь всего мира, ибо денежные дела лондонских дельцов охватывали все страны мира и им нужно было знать все, что делается на белом свете. Основной задачей газеты была точность и своевременность информации, для чего она держала во всех интересующих ее пунктах специальных корреспондентов. Петербургский корреспондент знаменитой газеты оказался однако в своеобразном положении. «Times» жадно читался русскими правителями; в нем искали не только информации, но и политической мудрости. Некоторые русские государственные люди, по словам Победоносцева, черпали из него свои государственные идеи. «Times» знал об этом и, как мы увидим, не забывал удовлетворять и эту потребность своих читателей и почитателей и снабжать их обстоятельными советами на счет того, что им надо делать. И тем не менее, несмотря на такой авторитет газеты, ее корреспонденту приходится испытывать «величайшие трудности в выполнении своих обязанностей». Происходит взрыв Зимнего дворца в Петербурге. Весь мир, оповещенный телеграфом, знает, что это дело «нигилистов», пишет и кричит об этом. Но об этом запрещено знать, писать и говорить в Петербурге. Взрыв произошел 5(17) февраля 1880 г., и только 7(19) февраля ген. губ. Гурко оповестил войска округа, что было покушение на царя и всю его семью. И только 8(20) февраля корреспондент «Times» мог послать свое первое письмо о взрыве, которое начинает жалобами на положение представителей иностранной печати. «Их телеграммы, если даже они имеют разрешение посылать их, или вовсе уничтожаются, или иска-

жаются цензорами, которые, очевидно, очень плохо знают иностранные языки и особенно английский. Лишь при помощи чрезвычайных усилий, беспокоя во все часы дня и ночи высших чиновников [корреспондент «Times» мог это делать!], удается такому джентльмену с большим опозданием снабдить свою газету несколькими кусочками официальных или полуофициальных новостей. Ловкий корреспондент, конечно, не мирится с таким положением и, встречая на каждом шагу рогатки на легальном пути, прибегает ко всевозможным уловкам. И мы о событиях в Петербурге, о том, что там делается и говорится, больше узнаем из корреспонденций из Берлина, Парижа, Вены, составленных якобы на основании «частных писем» и других источников, чем из прямых корреспонденций из Петербурга. Не трудно догадаться, из какого источника черпались эти сообщения. Чтобы выяснить отношение газеты к деятельности народовольцев, мы начнем свой обзор со взрыва Зимнего дворца в Петербурге.

О впечатлении, которое произвел в Петербурге взрыв Зимнего дворца, в письме из Петербурга от 25(13) февраля сообщалось следующее: «Петербург переживает что-то вроде паники. Ужасное событие 17 февраля вызвало во всех классах широко распространенное чувство небезопасности. Где бы ни зашел разговор, он наверно обратится к взрыву в Зимнем дворце и к вероятности еще более ужасных событий 2 марта (19 февраля в 25-ю годовщину восшествия на престол). Вчерашняя статья «Голоса», которая пыталась успокоить общую тревогу, слабо влияет, в виду предупреждений, продолжающих поступать от германской полиции». Вы знаете о прежних предупреждениях, «а теперь мы предупреждены из того же источника, что 2 марта предположено взорвать три главных улицы Петербурга. Если такой дьявольский план будет выполнен, ваш корреспондент и один из его коллег, которые имеют счастье жить на упомянутых улицах, вероятно, не будут иметь удовольствия сообщать вам больше сведения о русских делах на этом свете. Кажется, очень мало надежды на какую-либо уступку правительства в день годовщины восшествия на престол, хотя говорят, что намерения государя в связи с этим днем, каковы бы они ни были, нисколько не изменились под влиянием покушения на его жизнь, и какой-то очень важный государственный документ проходил несколько недель тому назад через государственную типографию. Многие хорошо информированные лица утверждают, что этот тайно отпечатанный документ есть знаменитый проект «конституции à la Валуев» и что главные пункты этого проекта—децентрализация и представительство всех классов в Государственном совете. Такова новость, в действительности которой, если даже она верна, большинство позволяет

себе сомневаться при современном положении дел. Другая и более разумная версия, что все различные планы и проекты печатаются для более удобного личного пользования императора. Коротко говоря, народ думает по-разному о том, чего ожидать 2 марта и от правительства, и от революционной партии. Исполнительный комитет, как утверждает очень хороший авторитет, уже уведомил генерал-губернатора и градоначальника, что им нет нужды подготовлять на этот день иллюминации, так как об этом позаботятся члены комитета. Многие лица, не всегда прекрасного пола, так напуганы этими и подобными угрозами, что забирают свои деньги из банков и покидают город. Общее предвидение и предчувствие опасности. Некоторые думают, что им будет безопаснее жить в гостиницах, чем в частных домах. Полиция увеличена; Петропавловская крепость, через которую обыкновенно проходило ежедневно много народа, закрыта для публики. Женам офицеров конной гвардии не разрешается больше жить со своими мужьями в бараках; и народ обходит панели различных правительственных зданий. Город полон слухов, и если бы я захотел вам их пересказывать, мне не хватило бы всех ваших столбцов, и слава фантастических арабских сказок померкла бы перед ними».

Через Париж двумя днями раньше сообщалось об этом волнении в Петербурге несколько в иных тонах. «Волнение странного характера господствует в Петербурге. Были, как уже установлено, разосланы по почте объявления, извещавшие о новых катастрофах на 3 марта. Жители ожесточены этими угрозами и расстройством торговой и общественной жизни, вызванной ими, начинают приписывать студентам все эти угрозы и преступления, которыми взволнована в последнее время Россия. Последние объявления, по их мнению, исходят от студентов. Вследствие этого прорываются со всех сторон угрозы против студентов, и жители утверждают, что, если какой-нибудь преступный акт произойдет 3 марта, они сделают ответственными за это студентов, сожгут до тла университет и все соседние здания и расправятся со всяким студентом, который попадет в их руки». («Times», 26 февраля.)

Корреспондент, а за ним и сама газета (как мы сейчас увидим) придали слишком большое значение этим угрозам. Мы знаем, от каких «жителей» они исходили: в Москве от охотнорядцев, в Петербурге от торговцев на Сенной площади. После 1 марта они выступят с открытым письмом в газетах. Но даже после цареубийства университет остался цел, и случаи самосуда были исключительно редки, да и те носили характер простого хулиганства. Вес черной сотни в петербургском населении был незначителен. Гораздо интереснее то, что корреспондент рассказывает о панике в богатом классе населения. Не один царь-

и его семья, не одно правительство, а весь богатый Петербург чувствовал себя под ударом, боялся революции, народных волнений. Это подтверждает и жандармский историк социалистического движения, ген. Шебеко: «несмотря на блестящий, полный веселья ближайший зимний сезон (1880—1881 г.), никто не смотрел на надвигающееся будущее с чувством доверия и безопасности. Капиталисты переводили свои фонды за границу; иностранные корреспонденты стекались в Петербург, чтобы присутствовать в качестве свидетелей конфликта между властью и мятежниками; нельзя было также оставаться спокойным и жить с чувством доверия, видя, что государь выходит из своего дворца не иначе, как в сопровождении эскорта».[1] Интересно отметить и то, откуда шли волновавшие правительственные сферы предупреждения: из Берлина.

В номере от 20 февраля «Times» посвящает событиям передовую статью. «Весьма необычно, — отмечает газета, — что непроницаемая тайна сохраняется так долго, и быть может, не очень к чести для русской полиции... Такие насильственные посягательства слишком часто порождают слепую панику и мнение, что таинственная сила, их совершающая, недосягаема и неодолима». Но это противоречит всякому опыту, — спешит успокоить газета, — должны быть средства изловить даже этих отчаянных и искусных преступников. И это надо сделать прежде всего, отложив все другие меры. Иначе правительство распишется в своей неспособности. Но, конечно, императору и его советникам надо рассмотреть, какие обстоятельства делают возможным развитие таких заговоров, и принять меры для их улучшения. Нет сомнения, политическая организация России крайне отстала, и среди образованных классов должно быть велико число тех, которые очень остро чувствуют свое исключение из общественной жизни. Но из-за этого люди не задумывают больших преступлений».

По мнению газеты, русская система находится в достаточной гармонии с состоянием большей части страны и населения, и если бы Россия управлялась честно, то, вероятно, очень постепенные реформы и улучшения обеспечили бы ее успокоение. Действительный корень зла в коррупции, которая проникает всю систему, и в крайней исключительности, с которой система поддерживается. Последняя война доставила ошеломляющие разоблачения всеобщей продажности чиновников и сильно ожесточила народное чувство против них. Между тем чиновники точно завоеватели в стране, и население живет в постоянном подчинении и страхе перед ними. Россия—единственная европей-

[1] «Хроника социалистического движения в России 1878 — 1887», М., 1906, стр. 143.

ская страна, в которой путешественник чувствует себя под постоянным наблюдением шпионской системы. Это неприятно даже для временного посетителя, по какой тяжестью это должно придавливать само население. Об этом постоянном чувстве подавленности свидетельствует мрачное молчание, наблюдаемое всегда в публичных местах в русских городах. И наряду с этим — никакой общественной карьеры вне чиновничьего класса; незначительная независимая профессиональная жизнь, и даже торговля замкнута в узкие и устарелые рамки. На этой почве и зарождаются заговоры.

Поставив такой диагноз болезни, газета указывает и курс, который должен взять царь. Он менее труден, чем политические преобразования, которых от него иногда требуют. Политические реформы должны вводиться постепенно; но они должны быть основаны на общественных реформах. Надо ослабить чиновничий контроль над обыкновенной жизнью, очистить административную систему и дать образованным классам почувствовать, что свободная карьера открыта перед ними. Для этой цели безусловно необходимо отвлечь силы нации от истощающих и бестолковых войн. Последняя война с Турцией, вероятно, вызвала очень опасное падение внутренних ресурсов России, и всякое повторение таких напряжений было бы в высшей степени гибельно.

Назначению Лорис-Меликова главой верховной исполнительной комиссии «Times» посвящает новую передовую статью 28 февраля. Газета говорит, что этим самым царь устанавливает в стране диктатуру, «этим признается наличность состояния войны внутри империи», и Лорис-Меликов главнокомандующий в этой кампании. Россия практически на осадном положении. Автор оправдывает эту меру, так как в населении замечаются признаки широко распространенного негодования против нигилистов. В народе подозрительное отношение к новым идеям, к европейскому платью и модам. Грозят линчевать студентов. Готовы верить, что заговор подстроен иностранцами. Утверждают, что революционный печатный станок находится под охраной иностранного посольства. Эти чувства могут быть так возбуждены, что могут вызвать дикую национальную и консервативную реакцию, и народные страсти могут прорваться. «Пришли времена, когда нож должен быть употреблен в страданиях общественного тела не менее, чем и человеческого организма».

Но, благословляя русского царя на применение хирургических методов лечения, «Times» не забывает напомнить ему, что он должен вырвать с корнем злоупотребления из русской административной системы и обеспечить своим лойяльным подданным расширение их свобод. «Болгария и Румыния пользуются

личными и политическими привилегиями, которых нет в России. Существующая система не может оставаться».

3 марта, по поводу двадцатипятилетия восшествия на престол Александра II, «Times» вновь возвращается к русской проблеме и еще ярче подчеркивает свою мысль, что самодержавие еще не изжило себя. Из всех многочисленных революционных конвульсий, которые прошли по Европе в течение XIX века, с очевидностью вытекает, что главные характеристические черты национальной жизни исторического роста нельзя уничтожить. Такой основной характеристикой русских учреждений газета считает самодержавие. «Царь и его самодержавная власть соответствуют реальной необходимости в положении страны. Как целое, это — обширная инертная масса, в большой части которой еле только шевелится очень слабая жизнь, и сильная центральная власть абсолютно необходима, чтобы проталкивать некоторую жизненную энергию от сердца империи к ее окраинам. Страна не может распасться на куски, так как ее составные части не имели бы отдельной жизни; императорская власть не только удерживает их вместе, но и снабжает их настоящими элементами движения и жизни. Задача, которая таким образом возложена на правительство, действительно огромна; надо лишь поражаться, что царь и его министры выдерживают это напряжение; и неудивительно, что их приемы часто грубы и даже наполовину варварские». Мы не должны удивляться, что тут почтенный орган заговорил совсем как Митрофанушка Простаков, жалеющий свою мать, которая отбила себе руки в расправе с батюшкой, — ведь он представитель нации колонизаторов и знает, как дела делаются в разных Тасманиях и Новых Зеландиях, как насаждается там «жизнь» и «движение« в буржуазном смысле. Однако это сохранение национальных учреждений не только согласимо с либеральными реформами, но и возможно лишь в гармонии с ними... «Освободить русский народ от теперешнего рабства — вот ближайшая великая эмансипация, которую царь должен совершить. Это трудная задача, гораздо более трудная, чем освобождение крепостных. Но что она возможна, это показывает пример Австрии».

В номере от 8 марта «Times» еще раз возвращается к той же теме, по поводу отказа Франции выдать Гартмана русскому правительству и приезда Гартмана в Англию. Предполагая, что русское правительство может предъявить то же требование Англии, «Times» спешит предупредить, что оно должно быть в таком случае лучше обосновано, чем это сделано для Франции. Говоря же о русском революционном движении, газета повторяет знакомую уже нам мысль, что мечты о конституции на английский или иной заграничный образец неосуществимы, но личная свобода может и должна быть уважаема больше, чем теперь.

Как видим, рецепт «Times» очень близок к тому, который как раз в это время начал применять Лорис-Меликов: война на истребление «нигилистам» и защита законным интересам лойяльных подданных. Разница между ними, быть может, только в том, что «Times» находил, что такая политика должна проводиться более решительно и смело. Во всяком случае «Times», встретивший Лорис-Меликова с опасениями, как диктатора, вскоре признал «мудрость» его политики. Когда через полгода верховная распорядительная комиссия, по его докладу, была упразднена, «Times» приветствовал (23 августа 1880 г.) это «событие» напыщенной статьей, производящей донельзя странное впечатление. «Новый указ возвращает Россию в общество цивилизованных наций... Когда суверен, как это сделал Александр II 24 февраля, поступает со своим народом на манер няньки, ставящей провинившегося ребенка в угол, оба—и правители, и нация—выбывают на время из общества себе равных... Народ был признан его главой неспособным охранять свое моральное бытие. Но этой же мерой царь осудил им же назначенных министров и других начальников. Он сам и его самодержавная власть не избавлены от этого всеобщего клейма слабости и несостоятельности. На прошедшие шесть месяцев император снял со своей головы свою императорскую корону и вручил ее и самого себя на хранение своему мудрому и лойяльному министру». По отношению к царю и его правительству замечания «Times», конечно, сохраняют всю свою силу. Но если эти расписавшиеся в своей несостоятельности господа признают несостоятельным весь русский народ, почему «Times» принимает на веру этот приговор? Во всяком случае картина удаления и возвращения нашалившей России в общество благонравных детей по случаю создания и упразднения верховной комиссии производит странное, чтобы не сказать — смешное впечатление. Но, быть может, все эти образы понадобились публицисту «Times» для того, чтобы поторжественнее восхвалить графа, «этого великого азиата, который — гением ли или здравым смыслом, равным гению, — вернул России спокойствие и нечто вроде самоуважения. Он имел искусство бить уверенно и быстро и еще высшее искусство не притворяться, что бьешь, когда не можешь нанести действительного удара. Давно русский народ не пользовался более спокойными днями, чем последние шесть месяцев. Конечно, нигилизм не исчерпал своих сил, и вспышки и заговоры еще возможны. Но он сам по себе имеет мало значения. Демонические натуры, готовые поджигать общество из-за личных невзгод или вследствие безумного представления о своем призвании перестроить весь свет, в некоторой пропорции имеются везде. Даже Англия и Америка не без этого элемента. Но если народ активно ненавидит и бо-

рется с нигилизмом, он быстро засохнет и завянет. И автор думает, что это чудо совершит указ 18 августа, передающий тайную полицию из III отделения императорской канцелярии в ведение министра внутренних дел, хотя он хорошо знает, что «свободы русского народа не расширены, что тайная полиция и ее полномочия сохранены, что жандармские прерогативы будут процветать попрежнему». Петербургский корреспондент разразился по поводу этого же указа еще более восторженным письмом (26 августа), в котором между прочим пишет, что Лорис-Меликов в эти шесть месяцев «сломал дух, если не становой хребет революционного чудовища, хотя было бы преждевременно говорить, что всякая опасность в этом отношении миновала».

6) 1 марта 1881 г. Надежды и ожидания «Times» не сбылись. Лорис-Меликов имел еще целых шесть месяцев и однако не успел ни сломать ни духа, ни станового хребта революции, ни создать таких условий, при которых народ примирился бы с правительством, а нигилизм зачах и завял. 1 (13) марта царь был убит, и 14 марта «Times» уже иначе изображал ту почву, на которой произрастает нигилизм: «Народ работает при неблагоприятных условиях поздно вступившего на путь цивилизации... Низшие классы едва ли ушли дальше в развитии, чем английские крестьяне времен Алой и Белой Розы, в то время как жители больших городов живут в атмосфере самой смелой религиозной и политической спекуляции. Парень, который в своей родной деревне научился лишь предрассудкам да вере в святых греческой церкви, приходит в Москву или Петербург студентом или ремесленником и находит книжные лавки, заваленные переводами коммунистов и материалистов, сочинения которых обещают недостижимые блага в результате политических перемен. И рядом с этим тысячелетним раем самозванных реформаторов повседневные столкновения с продажностью и тиранией чиновников, с полицейским шпионством, тайными арестами и произвольными наказаниями, с страданиями невинных и безнаказанностью виновных. Из всех предрассудков, вынесенных из детства, сохранился лишь один, что царь не только номинальный, но и действительный глава правительства, и что удар, нанесенный ему, может исправить что-то в том зле, которое правительство причиняет народу». Это упрощенное и слишком уж омуженное представление о происхождении революционной программы стоит в некотором разногласии с предыдущими высказываниями «Times» и с тем, что рассказывается в том же номере в обширной биографии Александра II. «Его царствование началось взрывом реформаторского энтузиазма в образованных классах, набиравшихся, главным образом, из рядов мелких собственников и сельского духовенства. Идеалом и социальной философией таких людей был теперь социализм. Его последо-

ватели, вероятно, составляли три четверти образованных людей страны. «К счастью для России» Александр II, чуткий к духу времени, имел достаточно благоразумия и здравого смысла, чтобы предупредить ее путешествие в опасные страны Утопии. Однако результат этого «счастья» оказался печальный — всеобщее разочарование. Одни разочаровались и потянули назад, к крепостному праву; другие вознегодовали на компромиссы и половинчатость. Переходя к позднейшему времени и говоря о составе революционной партии, автор «главной характеристикой организации» считает «тот благосклонный прием, который она получила среди образованных и утонченных классов. Нигилизм, возникший, как протест против попытки удержать восточную власть над умами, самыми дикими и самыми смелыми, и усвоивший от Европы крайние материалистические тенденции, был особенно привлекателен для образованных классов».

Непосредственные сведения о событии «Times» получил на этот раз через Париж. Тринадцать месяцев спокойствия, процессы над нигилистами, полная исповедь Гольденберга, меры, постепенно вводимые Лорис-Меликовым, — все это располагало думать, что нигилисты обессилены. Тем сильнее ужас и паника. Корреспондента-англичанина всего более поразила обстановка убийства. «Властелин 80 миллионов людей, с миллионом солдат, убит в своей столице, в день воскресного отдыха и вопреки беспримерным предосторожностям. Он никогда не возвращался той же дорогой, какой ехал вперед. Только садясь в экипаж, он говорил кучеру, какой дорогой ехать... Его карета была всегда окружена казаками, и карета и конвой скакали по очищенным от публики улицам. Несмотря на все это, убийцы успели перехватить карету в месте, где дорога проходит между набережной канала и стеной Екатерининского сада и где, следовательно, пространство достаточно узко, чтобы можно было рукой бросить бомбу в карету». Убийцы — 10 — 15 или 20 человек — были на всех возможных путях возвращения (13 марта). Паника еще увеличилась, когда была открыта мина на Малой Садовой, «совсем по соседству с Аничковым дворцом, где живет настоящий царь». Дворец охраняется полудюжиной эскадронов, пехотой, помимо многочисленных офицеров полиции. Не менее охраняется и Зимний дворец пехотой и казаками.

Чего можно ждать от перемены на троне? Александр II после тринадцати месяцев спокойствия мог бы сделать либеральные уступки; но может ли Александр III ответить ими на убийство своего отца?.. Чтобы так сделать, он должен был бы обладать духом своего «великого предка, задатками великого монарха» или, по крайней мере, подготовкой к этому. К несчастью, Александр III не имеет ни «величия ума царя Петра»,

нии специального воспитания, которым в наследственных монархиях принц подготовляется к занятию трона». Александр III был младший сын и «был воспитан для армии, и только в военном искусстве он выделяется. Дивизионом он командует удивительно; быстро и энергично организует его в поход и держит парад, как могут держать мало генералов в Европе, умея показать и рысь, и галоп, и быстрый приход батареи, и снаряжение кирасира. Но искусства управлять людьми и справляться с делами государства он почти совсем не знает. И если можно сказать — «почти», то только потому, что его супруга, женщина умная, после смерти его брата заставила его приобрести хотя немного того знания правительственных дел, которого он был лишен» (15 марта). Далее предусматривается влияние Победоносцева, «человека очень способного, но который принесет с собой такое узкое направление, что не устранит внутренние и внешние беспокойства». Все указывает на то, что будет принят путь подавления.

Если в этих первых известиях и откликах «Times» еще сдержан в своих осуждениях убийства царя и с очевидной насмешкой относится к толкам русской реакционной прессы, что заговор подготовлен заграницей, то скоро он сам опустился до тона и приемов бульварной прессы. В номере от 22 марта он поместил большую корреспонденцию из Женевы под кричащим заголовком: «Главная квартира нигилизма». Корреспонденция невежественная и клеветническая. В ней рассказывается о русских эмигрантах, проживающих в Женеве: о В. Засулич, Кропоткине, экс-профессоре Киевского университета Драгоманове, который объявляется «руководящим умом» после смерти «отца Бакунина»; говорится о русских типографиях, печатающих «Народную волю», «Черный передел», «Набат»; «Народной воли» вышло в Женеве несколько номеров, пока было решено перенести ее печатание в Россию, и тому подобный вздор. Корреспондент дает понять, что убийство Александра было решено в Женеве. «Times» не только поместил эту корреспонденцию, но и разразился по поводу нее передовой статьей. Автору неважно, в Женеве или в России замышляются преступления. Для него важна дуэль насмерть между русским самодержавием и частью его русских подданных. «С одной стороны, окруженный миллионом солдат и множеством полиции, сидит на троне живое воплощение абсолютной власти, принимаемой и боготворимой массой русского народа. С другой стороны, на улицах ли Москвы и Петербурга или в швейцарских кабачках и пансионах — кучка подданных царя объявляет ему войну насмерть и убивает его среди его телохранителей. Будь это Павел или Иван Грозный, это было бы понятно. Если бы несчастные войны и расстроенные финансы разоблачили не-

способность правителя, объяснение было бы под рукой. Но оскорбляет весь мир то, что горсть головорезов торжествует над преданностью 80 миллионов своему императору. Общественное мнение цивилизованной Европы не может переносить фанатизма апостолов кинжала и нитроглицерина; «несколько сот политических изуверов могут собраться на своих чердаках и ниспровергнуть все принципы христианского мира» (22 марта). Если Павел или Иван Грозный обрушивают свой капризный или политически рассчитанный гнев на бояр и князей, и последние собираются в роскошных салонах и палатах, шушукаются и затем душат императора, которого «обожают» миллионы, это английский буржуа XIX столетия понимает и даже одобряет; но если люди на чердаках начинают заниматься тем же, это его выводит из себя, и он очень сердится. Тем более, что эти безбожники не уважают даже воскресного дня и убивают своих царей по воскресеньям. «Times» не важно, где организован заговор: в Петербурге или Женеве. Но он все-таки подчеркивает, что в Женеве обосновалась «банда» русских заговорщиков и продолжает свою заговорщическую деятельность. А его женевский корреспондент заканчивает свое письмо советом: «Пусть Швейцария помнит, что она маленькое и слабое государство, существующее только благодаря взаимной зависти ее могущественных соседей, и что она меньше, чем какая-либо другая страна, может допускать то, что на нее стали бы смотреть как на источник смут и беспорядков в других европейских странах». Солиднейший орган свободной Англии не постыдился указать перстом на маленькую Швейцарию и пожурить ее за неблагоразумное гостеприимство.

«Times» пришлось если не сознаться, то для всех внимательных читателей расписаться в своей ошибке. Его женевский корреспондент 18 апреля прислал другое письмо, в котором подробно излагал брошюру Драгоманова, на этот раз с вполне достоверными сведениями о русских революционерах и русском революционном движении. Письмо это «Times» напечатал 22 апреля под заголовком «Апология нигилистов». Заканчивается письмо описанием скромной и бедной жизни русских эмигрантов, в частности П. Кропоткина, с явным сочувствием к ним. Но к тому времени настроение газеты, как мы скоро увидим, значительно изменилось.

в) Суд над цареубийцами. Настал день суда над цареубийцами. Иностранные корреспонденты были допущены, но их сообщения были поставлены под строжайшую цензуру. Корреспондент «Times» непосредственно из Петербурга мог сообщить лишь очень скудные сведения. Пришлось и на этот раз прибегнуть к посредству Берлина. Приводим это более подробное и откровенное письмо в выдержках:

«Даже публика, присутствовавшая на суде, не ожидала, что все обвиняемые будут приговорены к повешению, — подчеркивает корреспондент, — так как на суд были допущены лишь лица из высшего чиновничьего круга... Речи Желябова, Михайлова и Кибальчича — все более или менее объясняли несчастные условия общества и правительства в России. И хотя прокурор в своей обвинительной речи вступил целиком на почву обсуждения социализма и нигилизма в России и за границей и особенно настаивал на разборе целей русской революционной партии, чтобы выяснить гнусный характер взглядов и целей обвиняемых, тем не менее обвиняемым и их адвокатам многократно напоминалось, чтобы они ограничивались обстоятельствами преступления 13 марта и не входили в общие вопросы, о которых обвинение распространялось так долго. Речь Желябова была самая замечательная из всех. С видом уверенным, переходившим в вызывающий, когда его прерывал суд или неодобрительный ропот аудитории, Желябов пытался изложить положение вещей и социальные условия, которые сделали его и его товарищей тем, что они есть. Когда инциденты следовали непрерывно один за другим, и он сверкал глазами на суд, как дикий зверь, загнанный на охоте, перед вами стоял чеканный тип гордого и непреклонного демагога. Он опровергал обвинение прокурора, что партия, к которой он, Желябов, принадлежал, была анархистской; это, как он сказал, старая история. Напротив, они признали, что правительство должно существовать, только правительство для народа, а не народ для правительства. Он отсылал к различным программам, опубликованным «Народной волей», и утверждал, что его товарищи не были ни централистами, ни монархистами. Быть может, их можно назвать в известном смысле федералистами. Русское правительство все делало для себя и ничего для народа. Он сослался на разные европейские государства, которые не были централизованы, и затем коснулся вопроса о русской земле, которая, сказал он, должна принадлежать ее земледельцам и возделываться ими. Что касается религии, это дело индивидуального сознания, и партия об этом ничего не говорит. В действительности политическая свобода и эти идеи составляли цели партии. Он вызвал большое возмущение в суде очень непочтительным упоминанием об убийстве царя, как о простом факте, и так далее. Затем он протестовал против ссылок прокурора на некоторые революционные книги, изданные заграницей вне контроля партии, как на характеризующие идеи и цели его и его товарищей. «Оглянитесь, — сказал он, — на последние десять лет, и вы увидите, что мы не всегда были адвокатами политических убийств». Когда он обратился к бюрократическому характеру русских образованных классов и их оторванности от

народа и к влиянию европейских идей на русскую национальную мысль, речь обвиняемого была прервана председателем. Желябов тогда сказал, что в 1874 году программа его партии была мирной программой политического и экономического улучшения положения народа. Входя в детали этого пункта, он был несколько раз остановлен и тогда потребовал, чтобы его речь была напечатана и опубликована, как и речь прокурора. Он затем сказал: «Мы были вначале мирными пропагандистами, но угнетением и преследованиями мы в конце концов принуждены были признать правительство своим главным врагом, и наши взгляды изменились. Правительство сделало нас революционерами. Нам пришлось защищаться от шпионов. Таким путем мы пришли к тому, что вступили на этот путь насилия, и, быть может, Россия будет некогда нам благодарна. Мы лишь революционизированные социалисты». Объясняя свое участие в Липецком съезде революционеров, он назвал представление о них прокурора, как просто о честолюбивых демагогах, чистой фантазией; как будто люди, вроде него, могут жертвовать своей жизнью из-за одного честолюбия. Он описывал, как революционеры стремились овладеть обширными провинциальными городами империи в целях восстания, — случай, который партия предвидела, раз мирная программа стала дальше невозможна» (14 апреля).

Я привел это изложение речи Желябова целиком, чтобы показать, как тщательно корреспондент ловил в этой беспрестанно прерываемой речи все существенные программные пункты. Некоторые из отмеченных им пунктов (о «земле», о «религии») даже отсутствуют в печатных отчетах о суде.

Еще раньше, чем была получена в Лондоне эта подробная корреспонденция, «Times» 11 апреля посвятил суду и приговору большую передовую статью. Очевидно, к этому времени в английском буржуазном обществе настроение было далеко не единодушно в пользу казни. По крайней мере, газета много места посвящает доказательству того, что нет у власти другого оружия в борьбе против организованных убийств. Подсудимые имели свой триумф в смерти царя, теперь настал час возмездия. Оно давно ими предусмотрено и является лишь инцидентом в деле, которому они посвятили свою жизнь. «Утонченно воспитанная леди, пытливый химик, неуклюжий крестьянин, бледный архиконспиратор — все они жертвы одной идеи, предполагавшей пожертвование собственной жизни за жизнь представителя власти... Их друзья социалисты не с симпатией встретят их смерть. На наш взгляд Александр II был слишком мягким тираном, чтобы не чувствовать негодования и отвращения к тираноубийцам», и т. д. в том же роде. Ни одного бранного, даже резкого слова, чувствуется почтение к прав-

ственной силе этих странных преступников. Это уже не гневная обвинительная речь, а робкое оправдание, попытка защитить печальную необходимость казнить таких людей. Вот и в Германии казнили Нобилинга, стрелявшего в императора Вильгельма, и в Швейцарии казнят даже уголовных преступников и за меньшие преступления. «Times» не писал бы так, если бы в фешенебельном английском обществе мнение не заколебалось. «Деликатно воспитанная леди», химик и архизаговорщик завоевали даже своих врагов.

Далее автор статьи переходит к обращению Исполнительного комитета «Народной воли» к Европе и к письму его Александру III, которые были в сокращенном виде напечатаны в номере от 9 апреля. Он видит в них перемену тона. Обращаясь к Европе за симпатией, а к царю за уступками, эти документы являются апологиями. В них чувствуется сознание, что общественный голос, оставляя в стороне страх или расположение, резко осудил и веру, и дела нигилизма. Их авторы стараются примириться с миром. Они-де были провоцированы бесчеловечностью на путь, о котором они глубоко сожалеют. Но они хотят забыть и забудут, если император готов сделать то же самое. Они откажутся от убийств на условии общей амнистии и известных реформ, основу которых составляет национальное собрание, действительно представляющее все классы. Об этой программе можно сказать, что она гораздо умереннее, чем вообще приписывалось нигилистам. Это вызывает вопрос, удовлетворила ли бы она крайних партизанов и подчинились ли бы они исполнительной власти, назначенной предположенным национальным собранием. Во всяком случае не ошибка тот патетический тон, который проникает все письмо к Александру III. К сыну не подходят, как к отцу, с угрозами и оскорблениями. Правая рука мира демонстративно, — большинство будет думать: безнадежно, — протянута. Как бы ни были примирительны и далеки от видимости устрашения слова Исполнительного комитета, царь не может не видеть в них действительной угрозы. Он знает, что рука убийцы готова поддержать то, что по форме является просьбой. В этом трудность и опасность. Про царя говорят, что он друг конституционного образа правления. Но всякая уступка в этом направлении будет истолкована многими, если не всеми, как признак страха. Гордость, которая мешает подчиниться угрозе, один из сильнейших мотивов, которые двигают людьми, особенно стоящими высоко. С этой точки зрения всякие манифесты нигилистов, угрожающие или примирительные, лишь барьеры на пути к безопасности царя и к свободе его подданных. И тем не менее вполне справедливо указание прокламации, что лишь уступка либеральных реформ даст возможность импе-

ратору распустить шпионов и конвои и сжечь эшафот.

Заканчивается статья выражением надежды, что царь будет бороться с нигилизмом мирными средствами. Оправдывая приговор, «Times» в то же время высказывается за амнистию, но тут же ослабляет свой осторожный совет соображениями, что и противоположный путь репрессии не безнадежен. Все зависит от того, какие причины вызвали развитие этой жестокой организации. Является ли нигилизм временной эпидемией или его причины постоянны? И даже в последнем случае опыт не запрещает нам думать, что недовольство можно репрессивными мерами насильно загнать в другое русло более мягких проявлений.

Все эти бесконечные и бесплодные умствования: «хорошо так», «но не плохо и наоборот», «вполне возможно», «но не запрещается думать», — крайне характерны для человека, глубоко равнодушного к происходящей перед ним трагедии. Буржуазный класс Англии, настроение которого выражал «Times», глубоко чужд этой борьбе. Она для него совершенно посторонее дело. Он совершенно не сочувствует русскому самодержавию, которое ему дико по своим принципам и враждебно по своей политике в восточном и средне-азиатском вопросах. Но еще более ему дико русское революционное движение, в котором стремления к политической свободе заслоняются непонятным для него социальным и философским радикализмом. Буржуа не любит никаких революций и беспорядков, он враждебен им по своей природе, так как они нарушают его дела. Но Россия еще так далека. «Times» еще 16 марта с удовольствием отметил, что убийство царя никак не подействовало на денежный рынок, и очень удовлетворительно объяснил это явление. Каким бы важным фактором ни была Россия в европейской политике, в европейской экономике она далеко не имеет такого же значения. Ее торговля с Западной Европой меньше, чем торговля многих стран, в политическом отношении совершенно ничтожных. Русские банкиры и купцы имеют пока не такие большие денежные дела с заграничным денежным рынком, чтобы вызвать на нем какую-нибудь тревогу, когда внутренние обстоятельства в России заставляют их принимать меры предосторожности. Значит, Сити может оставаться спокойным, что бы ни натворили там в России эти отвратительные для мещанина нигилисты. Другое дело, когда они забираются в Западную Европу, устраивают там и сям свои штаб-квартиры и, того гляди, своими проделками навлекут политические осложнения на страну, быть может, совершенно ничтожную политически, но очень интересную экономически. Тут можно и рассердиться.

Что касается «Письма Исполнительного комитета к Александру III», то его правильнее оценил корреспондент «Times», назвав «самой смелой и страшной «петицией о правах», [1] которая когда-либо была представлена публично или частно какому бы то ни было суверену. И не может быть сомнения,— прибавляет корреспондент, — что его авторы найдут легко средства доставить его в руки самого царя». Это корреспондент писал 11 апреля, а в номере от 5 мая в корреспонденции из Берлина рассказано, как это было сделано. Однажды к градоначальнику Баранову явился молодой человек и просил его доставить ему аудиенцию у царя, так как он имеет сделать его величеству в высшей степени важное сообщение. Не отвечая ни на какие вопросы, он упрямо твердил, что передаст свое сообщение одному царю. Царь выразил готовность принять таинственного незнакомца. После тщательного обыска, он был доставлен к царю. Получив приказание говорить, молодой человек сказал, что он послан Исполнительным комитетом устно объявить царю его условия для восстановления мира, так как было опасение, что его величество держится в неведении относительно требований, содержащихся в письме к нему. Смелый молодой человек немедленно посажен в крепость, но полиция тщетно старается установить его личность.

г) Казнь цареубийц и политика царя. Настал последний акт драмы. И тут непосредственная корреспонденция из Петербурга по телеграфу бесцветна и скупа. Отмечается лишь, что все, кроме Рысакова, который казался очень слабым, обнаружили замечательную твердость и спокойствие. «Перовская была спокойнее всех и даже, что стоит отметить, до конца сохранила легкий румянец на щеках». Все поцеловали крест, что, по мнению корреспондента, показывает, что религиозное чувство не вполне изглажено их гибельными теориями и преступлениями» (16 апреля). Опуская остальное содержание корреспонденции, писанной для цензора, подождем письма от «друга» через Берлин. Оно появилось через два дня. «Казнь пяти государственных преступников, — гласит письмо, — всякий, кто ее видел, назовет самым отвратительным зрелищем, какое только ему приходилось наблюдать. Был ли пьян палач, как утверждали некоторые, или, как говорили другие, веревки были заранее сожжены серной кислотой друзьями преступников, что было бы промахом с их стороны, бесполезно исследовать. Во всяком случае примитивное устройство эшафота с его пятью

[1] «Петиция о правах» была представлена 28 мая 1628 г. обеими палатами королю Карлу I и, несмотря на его сопротивление, сделалась законом. Важный эпизод в борьбе английского народа за свою свободу, закончившейся революцией 1640—1649 гг. и казнью Карла I (1649 г.)

веревками, привязанными к перекладине, без какой бы то ни было опускной доски, и беспечная неловкость палача и его пяти помощников произвели впечатление на всех, кто видел этот ужасный спектакль, который нелегко изгладится из памяти. Приблизительно до 100 000 народа собралось на площади, 10 или 12 тысяч войска всех гвардейских полков образовали четырехугольник вокруг виселиц. Среди офицеров и чиновников, стоявших на возвышенной платформе, выражения гнева и отвращения к тому, как происходила казнь, были сильны и всеобщи. Веревка, которая поддерживала Михайлова, физически самого сильного и плотного из всех пленников, обрывалась дважды, и несчастный скрюченный человек падал на помост эшафота. В первый раз он стал опять на ноги, которые были связаны повыше колен; второй раз он упал с большей высоты, около 4-5 футов, и лежал полузадушенный. Тогда пять уголовных, которые вызвались помогать палачу и были привезены из тюрьмы, поднялись на эшафот и поддерживали полумертвое тело, пока не приладили ему две веревки». Далее подробное описание повешения, мелкие детали и общее заключение: «Русский способ повешения есть просто удушение... В общем операция была в высшей степени мучительна для всех участников и зрителей» (18 апреля). Из всех деталей казни особенно интересовало английскую публику все то, что характеризовало отношение осужденных к религии. В номере от 21 апреля в корреспонденции из Петербурга «Times» еще раз возвращается к этому предмету и отмечает, что Михайлов и Рысаков охотно приняли накануне услуги священника, Кибальчич вел с ним диспут на тему о религии, а Желябов и Перовская отказались.

Казнь первомартовцев, имевшая место уже после того, как английское общество ознакомилось с манифестом Исполнительного комитета к Западной Европе и с письмом к Александру III, очевидно сильно взволновала общественное мнение. В номере от 16 апреля «Times» еще раз возвращается к этому вопросу и посвящает ему длинную передовую статью. Насколько спорным стал этот вопрос для английских буржуа, показывает уже то, что «Times», попрежнему оправдывая смертный приговор, посвящает этому запоздалому оправданию по крайней мере втрое больше места, чем в первой статье. Он все припомнил: и то, что один из обвиняемых сам действовал 1 марта, а другие все признали свое участие и гордились им, и то, что суд был открытый и подозрение о пытках («мерах насилия») опровергается свободой прений и защиты; что они осуждены не как нигилисты, а как убийцы, а «убийц закон карает смертью». «Times» глух и к смягчающим вину обстоятельствам. «Признание ужасного общественного и политического недо-

вольства в русском обществе, которое делает нигилизм в одно время возможным и страшным, не может... возбудить ни малейшего сострадания к преступникам. Заговорщики сами не имели милости и не искали ее теперь, когда пришла их очередь», и т. д. и т. д., чуть не на протяжении целого столбца. Но успокоив таким образом свою совесть и совесть своих читателей, смущенную казнью людей, которые, вопреки всему, вызывали к себе симпатию и даже что-то более сильное, «Times» обращается к будущему. Преступники казнены, но это совершенно не меняет отношений между нигилистами и правительством. Казнь вряд ли задержит и, наверно, не искоренит тайного, широко разветвленного заговора. А он совсем не то, что обыкновенные заговоры. Заговорщики, очевидно, имеют значительные средства. Среди них есть люди низкого звания, вроде Михайлова, но лидерами являются люди с образованием и с общественным положением. Источник их средств пока покрыт тайной, но вряд ли можно сомневаться, что в более или менее прямой связи с заговором стоят люди богатые и с положением. А в таком случае вряд ли можно надеяться на серьезную задержку в революционном движении. Последний манифест нигилистов, оставляя в стороне его оправдания преступления, заключает в себе не мало такого, что заслуживает симпатии всех, кто ценит блага свободы и хорошего управления. Ужас перед методами нигилистов не может погасить всякую симпатию к справедливым жалобам русского народа на правительство, которое отказывается их выслушивать. «Мы читаем о таинственных исчезновениях русских граждан, о ссылках, о доносах, никогда открыто не проверяемых, об изгнаниях в неведомые места, откуда нет возврата и не приходит никаких известий. Если человек может быть похоронен в Сибири или на Сахалине, благодаря личной злобе могущественного чиновника или придворного фаворита; если личная свобода есть сон в России, и простые смертные вполне во власти всемогущей, безответственной и продажной бюрократии, тогда нигилизм по крайней мере отчасти оправдан. Его требование свободы печати, свободы речи, права публичных митингов и свободы выборов явно не заключает в себе ничего недопустимого и неосновательного». «Times» наивно предполагает, что правительство только потому не прислушивается к этим столь разумным требованиям нигилистов, что те упорно выставляют себя врагами всего цивилизованного общества и борются за свои цели средствами, приводящими в негодование человечество. «Свободному и довольному народу вроде нас трудно понять отказ в таких требованиях». Но неужели «Times» и его читатели так основательно забыли свою собственную историю? Забыли, каких трудов и жертв стоило их предкам вколотить

в короля и его кавалеров уважение к правам народа? «Что надо думать о состоянии русского общества, — восклицает «Times», — если самый страшный и неразборчивый в средствах заговор нового времени требует в своей «петиции о правах» уступок, которые стали не более как общими местами всякого свободного общества?»

В заключение «Times» обращается к политике царя. На этот раз он уже не блуждает бесцельно между разными возможностями. Он очень настойчиво советует Александру III стать выше страха показаться запуганным и бороться с заговором справедливостью, а не репрессией. Он может разбить заговорщиков, но он не в силах устранить недовольство иначе, как устранив его причины в согласии с разумом и справедливостью. Общество не впадает в революционную лихорадку без серьезной причины, и задача мудрого правителя — отыскать эту причину и устранить ее, насколько возможно, не только карая преступления, но и удовлетворяя жалобы.

Мы подошли к последнему этапу, к знаменитому манифесту Александра III 29 апреля (11 мая), и к тому, как откликнулся на него «Times». Но предварительно небезынтересно ознакомиться с одним письмом, дошедшим на этот раз до редакции через ее парижского корреспондента. Письмо касается самого царя и его окружающих и потому сугубо законспирировано. В нескольких предварительных строках парижский корреспондент говорит, что в последнее время до него доходили письма из России, тем более интересные, что эта страна точно покрыта тайной. Суждения о русских делах очень сильно разногласят между собой. Корреспондент выбрал из этих писем одно, исходящее от человека, будто бы русского подданного, хорошо информированного и осведомленного. «Большая ошибка предполагать, — пишет он, — что страхи царя за свою безопасность изображаются в преувеличенном виде. Правильнее было бы сказать, что они были бы необъяснимы, если бы не было известно влияние, под которым он находится. В самом деле, странно видеть добычей страха 37-летнего человека здорового телосложения и геркулесовской силы, ибо император чрезвычайно силен физически, и я помню, как он на моих глазах согнул пальцами лошадиную подкову; но он превосходный супруг и, поддаваясь влиянию нервозности императрицы, вполне во власти ужаса. Его отъезд в Гатчину был настоящим бегством. В день, когда он должен был выехать, четыре императорских поезда стояли в полной готовности на четырех различных вокзалах Петербурга со всем служебным и военным сопровождением, и пока они ждали, император уехал с поездом без всякой свиты, который стоял на запасном пути. Не давая веры всем преувеличенным рассказам, все-таки достаточно

достоверно, что царь почти невидим в Гатчине, что он редко видит своих министров, а адъютанты, которые прежде имели свободный доступ к особе царя, получили циркулярное распоряжение, по которому они должны являться только два раза в неделю и по специальным приказам. Население Петербурга сильно поражено отсутствием царя на панихиде по его отце в 40-й день, так как присутствие сына в этом случае в России более обязательно, чем даже на похоронах. В пасхальное воскресенье, когда с незапамятных времен каждый русский мог видеть и даже христосоваться с царем, никто не мог даже мельком взглянуть на него. Не верьте историям, будто покойный царь подписал конституцию в самый день своей смерти. Он подписал назначение комиссии для рассмотрения вопроса, не могут ли быть расширены земские учреждения, и если вы услышите о конституции, не верьте этому. Она не будет и не может быть дана». Далее следуют обычные чиновничьи указания на пестроту населения в России. Из-за влияния на царя борются Лорис-Меликов и Победоносцев. «В настоящее время Меликов берет верх, но, может быть, в то время, когда эти строки дойдут до вас, это уже изменится, ибо Германия напрягает все свои усилия, чтобы вызвать реакцию, которая надолго вывела бы из строя эту страну. Нельзя давать никакой веры истории, будто новый царь чувствует антипатию к Германии. Напротив, он более предан императору Вильгельму и находится под бо́льшим влиянием кн. Бисмарка, чем был его отец... Кроме того, прежде чем либеральный курс мог бы вступить в силу, было бы необходимо иметь однородное министерство, ибо в настоящее время приказы императора идут через головы министров, и постоянно случается, что один из министров, несогласный с общими решениями кабинета, вынимает из кармана прямой приказ царя, и вопрос решен. Чтобы иметь однородное министерство, надо было бы исключить элементы, попавшие туда по личному выбору императора, напр. Игнатьев. Поэтому, как только начинается разговор о таком министерстве, как о самом существенном предмете, он сразу натыкается на персональные камни преткновения, относительно которых царь неуступчив, и переговоры обрываются. Кроме того, как в отношении лиц, так и в отношении всяких политических знаний император обнаруживает крайнюю некомпетентность. Далее следуют сведения и соображения о нигилистах, вроде того, что первомартовцы потому поцеловали крест на эшафоте, что нерелигиозность нигилистов при прежних казнях скандализировала крестьян. В заключение говорится о еврейском погроме в Елисаветграде. «Не следует верить нашему правительству во всем, что оно сообщает. Так, на-днях оно уверяло, что это агитация нигилистов вызвала в Елисаветградском

уезде еврейский погром, который заставляет краснеть всякого русского. Это была просто ошибка самого правительства, которое не хочет ни уравнять в правах этот несчастный народ, ни защищать его. Евреи этого уезда задолго предупреждали власти, что пасхальное воскресенье, которое всегда было для них дурным днем в христианских городах, в этом году будет для них фатальным. Однако ничего не было сделано, и все, что делается теперь для исправления позорных событий, имеет целью замолчать их... Мы хотели выразить наш ужас, открыв подписку в пользу жертв, но это было запрещено, и телеграмма из Берлина извещает, что банкир Блейхредер, хотя и друг Бисмарка, заявляет, что он не может вмешаться в дело» (11 мая).

Это письмо послано из Парижа 10 мая (28 апреля). Следовательно, в Петербурге писано числа 22 — 23 апреля, после того заседания в Гатчине, о котором рассказывает Победоносцев в своих «Письмах» и с которого Лорис-Меликов, Абаза и Милютин возвращались торжествующими, воображая, что их сторона берет верх. Это указывает и источник информации. В этом письме важно отметить указание на влияние Германии в пользу реакции в России. Действовало ли тут со стороны Вильгельма и Бисмарка коварное желание ослаблять Россию, задерживая ее развитие, или искреннее мнение о сравнительных достоинствах неограниченной монархии и конституционного правления, — вопрос второстепенный. Бисмарк-то во всяком случае хорошо понимал, как и Гладстон, что свободная буржуазная Россия будет более грозным и сильным соседом, чем императорская.

В том же номере «Times» в большой передовой статье трактует об «аграрной реформе», задуманной гр. Меликовым и состоявшей в простом понижении выкупных платежей. В ней автор видит «здоровый импульс к работе и мудрое стремление считаться с основательными жалобами и исправлять их», стоящие в многозначительном контрасте с «состоянием русского общества, дезорганизованного террором нигилистов и всеобщим недовольством, признаком которого он является», и с бесплодными колебаниями царя, изгнавшего себя в Гатчину. «Times» думает, что в таких реформах наиболее правильный выход из положения; «если русское общество может возродиться, не проходя через божий суд революционного террора, красного или белого, оно достигнет этого не тем, что будет прислушиваться к нигилистам, еще менее тем, что будет игнорировать их, а терпеливым, разумным и мужественным исследованием существующих страданий и безбоязненным и решительным их утолением». Автор думает, в согласии с Ан. Леруа-Болье, на книгу которого указывает, что «мир» или сельская община,

являющаяся в России пережитком первобытного общественного строя, представляет подходящую основу для социалистической агитации, которой нигилизм не замедлит воспользоваться, если не предупредить своевременными и справедливыми реформами. Мера, намеченная гр. Меликовым, оставляет «мир» в неприкосновенности, но, облегчая бремя налога, устраняет недовольство крестьян, что самое важное.

Предчувствие корреспондента «Times» о непрочности временного успеха Лорис-Меликова исполнилось в точности. В тот день, когда его письмо появилось в газете, в Петербурге уже набирался манифест, в котором Александр III выражал свою веру «в силу и правду самодержавной власти», которую он призван «поддерживать и охранять для блага народа от всех посягательств»; а через три дня «Times» уже печатал корреспонденции об отставке Лорис-Меликова и об «однородном министерстве» Игнатьева. Парижский корреспондент сообщал, что эта неожиданная перемена произошла под давлением из Берлина и со стороны императрицы. Лишь та бессвязность, с которой проведение мер, внушенных Германией, поручается человеку, наиболее антипатичному ей, дает смутную надежду на реформы. Во всяком случае судьба аграрного закона считается под сомнением. Какова бы ни была роль Германии и императрицы в этом деле, мы теперь знаем, что главным ее виновником был, повидимому, Победоносцев; он же указал и на гр. Игнатьева, как на преемника Лорис-Меликова.

16 мая «Times» обсуждал этот поворот в русской политике в передовой статье. «В то время как русский народ и его соседи обсуждали перспективы предположенного [аграрного] указа и находили в нем обещание дальнейших реформ, — говорится в статье, — император делал смотр в Петербурге 40 или 50 тысячам солдат, как будто предупреждая нигилистов, что царь — неограниченный повелитель подавляющих и непреодолимых сил». А вслед затем был опубликован манифест, «грубо разбивший надежды, вызванные в Европе новым царствованием». Но газета продолжает отстаивать либеральный курс. «Мы не утверждаем, — говорится в передовой, — что было бы возможно даровать России конституцию. Народ слишком отстал во всем, чтобы можно было доверить ему прямо политическую власть. Но... возможно постепенно развивать представительные учреждения среди русских и дать возможность по всей империи свободно обсуждать общественные дела, что могло бы служить предохранительным клапаном для кипящей, еще нечленораздельной мысли общества и ознакомить правительство с желаниями масс».

На этом я кончаю выдержки из «Times». Газета описала за это короткое время в своих отзывах о русских революционерах

изрядный круг, чтобы вернуться к своему исходному пункту. Россия еще не созрела для конституционного образа правления; все, что для нее нужно, это честная (либеральная) и осторожная администрация, не стесняющая личной свободы граждан и открывающая образованным людям свободное поле для приложения их сил, — и затем самоуправление. Если под влиянием процесса цареубийц и связанных с 1 марта партийных документов «Народной воли» «Times» как будто изменил свое мнение, это было не пересмотром своих прежних мнений, а просто уступкой общественному мнению Англии, явно склонившемуся в пользу русской революции. Оспаривая некоторые, с его точки зрения, слишком крайние мнения тех кругов английского общества, с которыми «Times» находил нужным считаться, газета в то же время уступала им и против воли левела в своих суждениях о русских делах. У нас нет других английских газет того времени, и мы должны по консервативному «Times» угадывать о настроении более широких и более либеральных кругов. Лишь «Fortnightly Review» Дж. Морлея, с его пессимизмом на счет возможности мирного перехода России к свободным формам правления, дает нам некоторый материал, конечно, не искупающий отсутствие ежедневных газет других, чем «Times», направлений. Мы знаем, что около того времени П. Кропоткин, по приглашению некоторых лиц, делал свои первые доклады о русских делах перед английской интеллигентной публикой. С 1881 г. начинают появляться его статьи по русским вопросам в «Newcastle Chronicle». Все это свидетельствует о серьезном интересе английского либерального общества к русскому революционному движению. Но лишь в 1882 г. П. Кропоткин проникает в «Fortnightly Review» и лишь в 1883 г. в «The Nineteenth Century», где его статьи о русских тюрьмах скоро повлекли за собой неожиданные последствия.

Б. ФРАНЦИЯ

1) Ан. Леруа-Болье и «Revue des Deux Mondes».

Переходя к Франции, я и здесь начну с наиболее свободного от интересов политического дня писателя, с Ан. Леруа-Болье. В течение семидесятых годов (начиная с 1872 г.) он четыре раза побывал и поездил по России, свел в ней много знакомств, изучил ее историю и ее современное положение и результаты своих исследований изложил в трехтомном труде: «L'empire des Tzars et les russes», отдельные главы которого появлялись статьями в «Revue des Deux Mondes». Важно отметить общий взгляд Леруа-Болье на состояние России. Слабое развитие

городов (10% населения вместо $^1/_3$ и более на Западе), отсутствие сильной аристократии при многочисленности дворянского плебса, слабое развитие третьего сословия или буржуазии, проистекающий отсюда демократизм и единство русского народа, мещане, являющиеся по традициям и характеру городскими «мужиками», отсутствие городского пролетариата в западно-европейском смысле, — таковы отличительные черты русского общества. Автор знает и утверждает в ответ на хвастовство своих славянофильствующих друзей, что безземельного и бездомового пролетариата в России весьма достаточно. Но эти мещане и ремесленники, этот городской пролетариат наемных рабочих отличается от пролетариата западных городов отсутствием особого городского духа; он не имеет, как в Европе, классового сознания, враждебного и крупной буржуазии, и сельскому населению. В русских городах есть для того материалы, сырье; «но эти элементы еще не достаточно многочисленны и не достаточно сильны, у них нет еще достаточно самосознания, чтобы иметь стремления и честолюбивые требования рабочих классов Запада. По своим идеям, верованиям и чувствам, как по костюму и нравам, народ русских городов еще мало отличается от народа деревень. Мещанин соблюдает обряды и традиции, хранит старые нравы; как мужик, он почитает бога и императора; между ним и крестьянином еще нет разрыва, нравственного антагонизма». Отмечая это единство, эту гармонию чувств и верований, Леруа-Болье в то же время свидетельствует, что «время делает ее все более ненадежной». Но пока в этом источник силы и устойчивости для России. «Она еще не подвержена... этой внутренней войне горожан с деревенщиной, которая постоянной сменой революций и реакций задерживает всякий прогресс; она еще свободна от этого перемежающегося конфликта скептического и в то же время утопического духа городского рабочего с грубо консервативным и слепо положительным духом крестьянина» (I, 302 — 304). Автор не предусмотрел, что для России может и не настать время этих конфликтов города и деревни, что «утопизм» городских рабочих может найти общую почву взаимного понимания с «утопизмом» крестьян.

Наша старая историческая буржуазия, в которой купечество составляет высший привилегированный слой, ни по идеям, ни по привычкам и воспитанию не оторвалась еще от того же мира «мужиков»; либеральные профессии в ней отсутствовали. Лишь реформы Александра II заполняют эту пустоту, группируя рядом с купеческой буржуазией новую буржуазию профессоров, адвокатов, писателей, инженеров, докторов и т. д. «Этот новый класс в процессе образования; но эту будущую и действительную русскую буржуазию надо искать вне официальных рамок бур-

жуазии: она рекрутируется во всех классах, среди сыновей священников, как среди детей купцов, но еще больше среди дворянства. Буржуазия будущего, средний класс, который рано или поздно будет правящим классом, возьмет своих членов у всех категорий, у всех социальных слоев империи, оставаясь независимым от всех их; он вырастет вне всех кастовых различий и тем легче возвысится над предрассудками происхождения, что, вопреки внешности, такие предрассудки никогда не были сильны у русских» (I, 310—311). Эта новая буржуазия, связанная с дворянством образованием, а с народом — интересами, должна заполнить пропасть, отделяющую высший, европейски образованный класс от народа, и восстановить нравственное единство русского народа, теперь расколотого реформой Петра как бы на две нации. Она восстановит тот непрерывный поток идей и чувств сверху вниз, который необходим для всякой нации и который был нарушен реформой Петра. Здесь Леруа-Болье вслед за славянофилами слишком преувеличил значение этого культурного разрыва. К тому времени само европейское просвещение «разделилось на ся» и никакого единства принести с собой не могло. «Нигилисты» и буржуазная интеллигенция и знаменовали этот непримиримый раскол европейского просвещения, и не последней суждено было связать в России «народ» с европейским знанием; ибо сам европейский либерализм щеголял к тому времени в обносках.

Главной и самой глубокой причиной революционного движения Леруа-Болье считает «недостаток логики, общего плана всех проведенных реформ, слишком часто сшитых из кусочков, без связи между собой, даже между отдельными их частями, и почти так же часто еще урезанных в проведении, обойденных или косвенно отложенных теми, кто должен их применять». Другая, не менее важная причина — европейская зараза. «Против революционной эпидемии современная наука, — по мнению автора, — не обладает ни верным предохранительным, ни надежным специфическим лекарствами. Только невежды и шарлатаны могут их обещать. Для современных народов революционный дух — одна из тех болезней, с которыми надо привыкнуть жить. Весь вопрос в том, чтобы быть достаточно сильным, чтобы ее выносить».

Какую же пищу находит этот революционный дух в России? Леруа-Болье оспаривает мнение тех русских, которые считают революции болезнями старости, от которых Россия застрахована и своей молодостью, и специальным режимом собственности.

«Но разрушительные доктрины не в одних мастерских расцветают. Пока в России революция находит своих адептов в мелком дворянстве, или нарождающейся буржуазии, в низших

рядах чиновничества и среди детей клира. Школы главные очаги русского радикализма. Много партизанов находит она и среди классов привилегированных, как и у нас было в 1789 году». Народ в массе, в городах, как и в деревнях, по мнению Леруа-Болье, совершенно чужд революционным идеям. Но долго ли так будет? Леруа-Болье не советует обольщаться надеждой. Есть признаки, что народ, даже мужик, не вполне глух к революционным химерам. И сельский «мир» только поможет успеху пропаганды.

«У этого народа, столь преданного традициям и старым обычаям... циркулирует своеобразный скрытый социализм, смутный и наивный коммунизм, который проявляется в некоторых религиозных сектах и который, под влиянием бедности и возбуждений извне, может притти к сознанию самого себя и в эпоху, к счастью, еще отдаленную, стать опасностью. Благодаря московитскому миру, революция и социализм явятся в России в форме аграрной, именно в этой форме они имеют некоторый шанс проникнуть в народ. Россия считает себя из европейских наций наименее подверженной этой опасности; быть может, как раз она наиболее ей подвержена. Это — единственное государство в цивилизованном мире, где можно попытаться уничтожить собственность декретом. Нигилисты знали, что делали, когда двадцать лет тому назад написали на своем знамени эти слова — «Земля и воля».

Сам ли Леруа-Болье пришел к такой оценке общинного владения землей, или он подслушал его в кругах высшего чиновничества, где никогда не исчезала вражда к общине, или он перевел на буржуазный язык чаяния первых русских социалистов? Как бы то ни было, он оказался пророком по отношению к России. В отличие от западно-европейских крестьян, русские крестьяне в момент революции буржуазной с поразительным единодушием выдвинули требование уничтожения частной собственности на землю.

«Во многих отношениях, — говорит Леруа-Болье, — трон является в России замочным камнем свода всего общественного здания... Поддержание собственности, а с ней и европейской цивилизации зависит теперь от прочности трона; с ним все рухнет, потому что все опирается на нем, — все как с социальной точки зрения, так и с политической» («Revue des Deux Mondes», 1880, t. 37, p. 773).

Своими ужасами русская аграрная революция, «вероятно, превзошла бы все наши ужасы террора и коммуны».

Итак и французский буржуа связал неразрывно судьбы собственности и европейской (т. е. буржуазной) цивилизации в России с судьбами романовского трона. В этом он сошелся с русской буржуазией и русским дворянством. Только спасать

трон и цивилизацию он хотел все-таки иначе, чем русские консервативные и прогрессивные помещики.

Относясь крайне отрицательно к «нигилизму» и к проповедуемой им революции, Леруа Болье не мог не признать за его адептами «высших качеств» русской расы.

«В его приемах пропаганды наиболее ясно обнаруживаются вера, энтузиазм, религиозная преданность его адептов, и это не только в безрассудстве их покушений или в их презрении к каторге и смерти. Это печальное мужество перед судьей или палачом не редкость и у других сектантов и революционеров разных стран... Что представляет особенность современного русского нигилизма, так это его манера обращаться к народу, «итти в народ», по обычному выражению, это — смешиваться, сливаться с ним, жить его жизнью лишений и труда, чтобы быть более понятным для него, забывая привычки и предрассудки воспитания. В этом миссионеры нигилизма как бы хотели подражать первым апостолам христианства... Практическое чутье русского странно перемешивается с теоретическими эксцентричностями, точно так же, как своеобразный идеализм прорастает у него на самом решительном материализме» (там же, t. 37. p. 783).

«Нигилизм», с точки зрения Леруа-Болье, социальная болезнь. Но проявляемые им энергия и инициатива, искренний и действенный энтузиазм, способный к самоотвержению, заставляют его сказать, что такая болезнь «делает честь нации, которая ею страдает» («L'empire etc», I,187, изд. 1881). Автор, не поколебавшись написать такой парадокс, однако не задумался над скрытым в нем противоречием.

Как мы видели, Леруа-Болье не считает затеи революционеров совершенно безнадежными, а их действия находит даже очень практичными. И тем не менее он спокоен и за романовский трон, и за собственность. Россия не вулкан. В конце XIX века она еще не накануне своего 1789 года, еще менее своего 1793 года. В ней недостает горючих материалов или они слишком рассеяны. «Что за люди претендуют завладеть империей со слишком 80 миллионами душ? Несколько тысяч молодых людей без опыта, без практических идей, без влияния, неспособных ни произвести революцию, ни ее направлять, непонятных незнакомцев, на которых народ дурно смотрит, самонадеянных и не знающих жизни детей, считающих все возможным для своей слабости. Каковы их оружие, их средства, их способы действия? Рука какого-нибудь наемного убийцы, убийства, пожар. Им все позволено, и они все смеют на темном поле преступных деяний, которое было им одно открыто; но чтобы сделать революцию, кинжала, пули, мин недостаточно. Они могли убить несколько чиновников, сжечь дома,

кварталы, почти целые города; но они не могли вызвать самого маленького восстания» (р. 787). За них энтузиазм молодежи, индифферентизм или разочарование общества, непопулярность полиции или подкупность администрации; но не народ. Их работа полезна только ретроградам, задерживает прогресс и тем восстановляет против них страну.

Тут спокойный с виду исследователь заговорил как самый заурядный газетный клеветник. Так писал Леруа-Болье в феврале 1880 г. в «Revue des Deux Mondes». Но он уже не решился этого повторить во втором томе своей книги, который он выпустил несколько лет спустя и с которым я знаком по 3-му изд. 1893 г. Не опуская совершенно этого места своей статьи — главы, он дает его в сильно смягченном виде. Исчезли «самонадеянные дети», исчезло «темное поле преступных деяний» и тому подобные украшения. И что еще важнее, исчезло: «Россия не вулкан». Вместо того Леруа-Болье теперь доказывает неотложную (urgente) необходимость политического преобразования России. Заменить самодержавие конституционным режимом — дело очень трудное; оно обязательно взволнует низы. Это было легко сделать, пока авторитет царя не был подорван болгарской войной и Берлинским миром. Теперь с каждым годом это дело становится все труднее и опаснее. Все легче реформа может перейти в революцию. Как определить тот момент, начиная с которого реформа уже становится бессильной? Относительно Франции XVIII века автор думает, что она этот момент прошла еще до созыва Генеральных штатов. Относительно России он не пускается в гадания. Но он ставит вопрос о том, какова будет революция конца XIX или начала XX века. Он решается указать лишь две ее черты: 1) она для восточной «патриархальной» Европы будет столь же велика, как Французская революция конца XVIII века была велика для феодальной Европы, и 2) она будет носить аграрный характер. В этом она будет отличаться от всего, что видела Европа; она будет оригинальна. Но какой ценой это будет куплено? какими жертвами для науки и цивилизации? (II, 625, изд. 1893.)

Кроме статей Леруа-Болье, пытающихся выяснить ту социальную почву и те исторические условия, которые породили революционное движение в России, журнал «Revue des Deux Mondes» время от времени возвращался к русским делам в своих двухнедельных хрониках. По поводу взрыва в Зимнем дворце журнал не находит «ничего более трагического, чем это положение России, где царь не чувствует себя в безопасности даже у себя, где он не может сделать шага, проехать по железной дороге, пройтись по своему дворцу, не подвергаясь опасности смерти, без того, чтобы вездесущий заговор не подстерегал и не следовал за ним». Но еще более удивительно бессилие правитель

ства «помешать измене и убийству перешагнуть порог дворца». Это приводит хроникера к заключению, что старое русское самодержавие видимо исчерпало себя. В таком положении могли бы помочь «более либеральные учреждения». Но теперь всего менее готовы слушать такие советы, и над шестью генерал-губернаторами создают верховную распорядительную комиссию с чрезвычайными полномочиями. Это своего рода «пылающая палата»,[1] президент которой, ген. Лорис-Меликов, «настоящий диктатор возле царя». Но «русской администрации никогда не недоставало ординарных или экстраординарных полномочий, и если она до сих пор оказывалась бессильной, как всемогущество новой комиссии будет более действительным»? (1 марта 1880, стр. 234).

Но вот хроникер приходит к аресту Гартмана и требованию его выдачи. Отказ в выдаче грозит отзывом посланника кн. Орлова в Петербург. Эта угроза всем известна и гуляет по страницам ежедневной печати. Тут у хроникера, если не прилипает язык к гортани, то свои мысли испаряются все. Он только и делает, что указывает затруднительность положения. Гартман арестован, а трактата о выдаче преступников нет. «Долг солидарности, связывающий цивилизованные государства», «либеральные традиции», «достоинство нации» и т. д. и т. д. Но все это взвесит правительство и решит. И не надо ему мешать. «Те, кто свободны следовать своим первым движениям и высказывать свои впечатления, те могут, как В. Гюго, предаваться довольно странным гуманитарным излияниям: ведь они связывают лишь самих себя». «Самое худшее было бы все запутывать интерпелляциями, дискуссиями, декламациями, которые не служат ничему и не имеют другого эффекта, кроме как изображать в ложном свете нашу внешнюю политику, давая новое оружие в руки врагов Франции» (1 марта 1880, стр. 235). К чести Франции надо сказать, что в то время нашлось достаточно «безответственных» французов, «первые движения» которых — возмущение прислужничеством перед царем парижской полиции и угрозами кн. Орлова — оказались и последними и которые своей агитацией, митингами, статьями в газетах определили общественное мнение и заставили правительство считаться с ним.

И дальше та же робость, та же боязнь смелого, решительного суждения, слова. Убийство царя, процесс, казнь... А заговорщики не унимаются. Как соединить необходимые репрессии с уступками, которые могли бы быть полезными? Молодой император заперся в Гатчине, и его молчание, кажется, проявляет больше растерянности, чем решимости... Назначения и акты

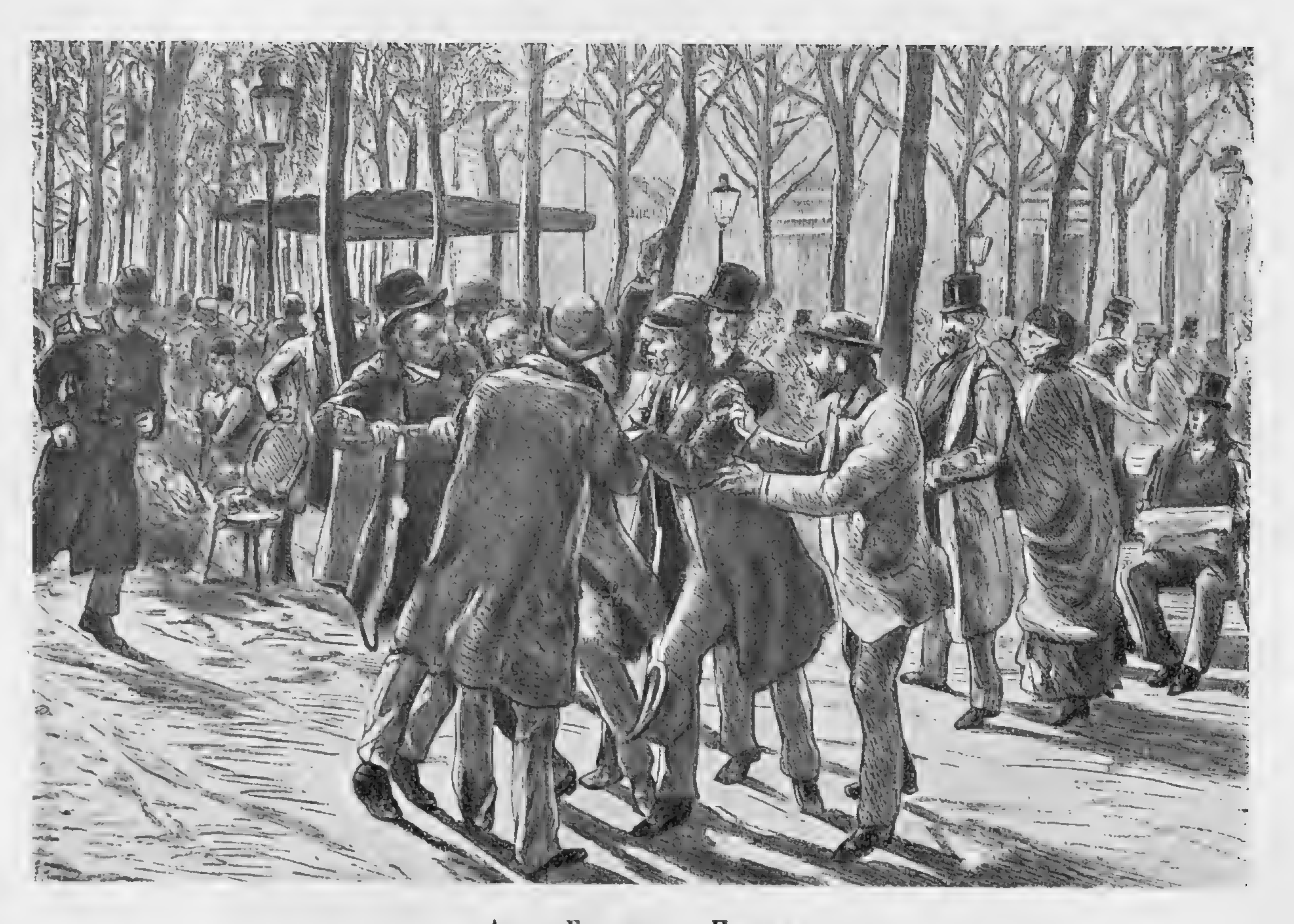
[1] Так назывался в старой Франции уголовный суд, приговаривавший главным образом к сожжению.

следуют один за другим, не раскрывая вполне ясного намерения, твердой воли. В сущности, император неуверенный и нерешительный человек. Но и положение трудное. Реформы! «Провинциальные собрания возможны и, быть может, имели бы серьезное значение. [Знал ли автор о существовании земских собраний в России? — *П. Р.*] Но парламент в империи с 80 миллионами душ всех рас, всех зон, всех цивилизаций! Неудивительно, что Александр III колеблется и раздумывает» (апрель 1881, стр. 232). Но несомненно, что-то сделать надо.

Та же вопросительная поза и в последней книжке за 1881 год: «Россия мало способна браться за внешние предприятия, даже за дипломатические комбинации, рассчитанные на дальний срок [напр., франко-русский союз! — *П. Р.*]; она далеко не освободилась от своих внутренних опасностей, от революционных заговоров, которые, кажется, пробуждаются более, чем когда-либо». На этот раз покушение было направлено на товарища министра внутренних дел, ген. Черевина, к счастью, неудачно. Теперь очередь за ген. Игнатьевым, который, говорят, уже предупрежден. Нигилисты, повидимому, возобновляют свою зловещую кампанию, сея повсюду ужас, и политический процесс в Петербурге только что доказал поразительным образом опустошения, производимые революционной пропагандой, могущество заговоров» (15 декабря 1881, стр. 955). Что могут против этого те мелкие меры, которые мы видели последнее время? Дальше бледно-розовый либерализм «Revue des Deux Mondes» не шел.

2. *«Nouvelle Revue»*

«Nouvelle Revue» («Новое обозрение») еще ярче отражало и внутреннюю борьбу Франции, которая все еще не вышла из того периода, когда форма правления остается боевым вопросом, и слабость ее международного положения. В отличие от «Revue des Deux Mondes», этот журнал приветствует назначение после взрыва Зимнего дворца ген. Лорис-Меликова председателем верховной комиссии, как акт высокой политической мудрости. «Граф — человек честный, либеральный, уважаемый», — и «Nouvelle Revue» до конца оставался его верным защитником («Письма о внешнем положении»). В «Политической хронике» журнал отмечает, что взрыв Зимнего дворца отозвался во Франции «одной из тех полемик, которые слишком часто свидетельствуют, до какой степени дух партий заглушает голос патриотизма у тех, кого слишком справедливо называют «эмигрантами внутри страны». Газеты, которые как будто не имеют других чувств, кроме ненависти к республике, ухватились за новую

Арест Гартмана в Париже

(Из собрания Центр. Музея каторги и ссылки

попытку русских нигилистов, чтобы инсинуировать, что монархическая Европа не преминет сделать Французскую республику ответственной за то, что происходит в России». Нельзя без негодования видеть, как журналисты, именующие себя французами, указывают иностранным державам на свою страну, как на очаг революционных пожаров, и чуть не приглашают их притти и навести у нас порядок во главе своих армий (1 марта 1880 г.).

В следующей книжке обозреватель внешней политики спорит с тем мнением некоторых русских газет, что нигилизм есть плод немецкого социализма, с которым Бисмарк начинает считаться. Бисмарк может поддерживать дезорганизаторские элементы у соседних народов, но не создавать их. Автор согласен с «Новым временем», что нигилизм — туземный продукт, и сама Россия должна и бороться с ним. Опасность в том, что «нигилизм в настоящее время уже не узкая секта первых дней его появления. Он питается всеми партизанами конституционного режима, сторонниками необходимых свобод и административных реформ. Если бы царь постоянно прислушивался к просьбам своего народа и голосу Европы, нигилизм, сведенный к своим утопиям, не представлял бы опасности, как и социализм во Франции при республике». В этом задача Лорис-Меликова.

Однако его задача трудна. «Аппетиты, которых не могли насытить ни хищение, ни организованное воровство, так сказать, освятили привычки продажности, которые чиновничество готовится защищать всеми средствами против того, что оно называет узурпацией контроля... Гр. Лорис-Меликов имеет непримиримых врагов и в тех, кого он хочет охранить от администрации, и в чиновниках, которых он защищает против тех, которые их атакуют». У графа как будто закружилась голова на краю этой пропасти. Он зовет на помощь «всех добрых граждан». Но добрые граждане думают, что только реформы могут спасти от революции. И царю надо вспомнить одну из его собственных аксиом: «Нации не могут противостоять потоку, который увлекает их по пути освобождения». (15 марта 1880, стр. 451—452.)

В «политической хронике» отмечаются перипетии дела Гартмана. Русское требование совпало с решением императора Вильгельма вызвать в Берлин своего посланника в Париже кн. Гогенлоэ. Князь Орлов со своей стороны приготовился взять свои паспорта, если Майер-Гартман не будет выдан без всяких разговоров. Монархический крестовый поход против республиканской Франции. Однако население не поддалось панике, если не считать одного часа понижения на бирже. Общественное мнение не было возбуждено и усилиями нетерпеливых и экзальтированных. «Несвоевременная демонстрация, в которую хотели вовлечь учащуюся молодежь, созванная в зале улицы д'Аррас, окончательно не удалась. Г. Бланки, приведенный организато-

рами движения в надежде, что его присутствие возбудит и увлечет собрание, должен был уйти, как пришел, не будучи даже допущен в президиум. Старые приемы шумной оппозиции пали таким образом сами собой, перед сознанием, с каждым днем более ясным и более твердым, что они не имеют более смысла по отношению к правительству, подчиненному постоянному контролю всеобщего избирательного права». И дальше с удовлетворением рассказывается, как вопрос о выдаче Гартмана не пришлось даже и ставить, так как не доказано ни его участие в преступлении, ни тождество Майера и Гартмана.

Далее из номера в номер идет восхваление Лорис-Меликова и его политики, причем русские усиленно приглашаются умерить свои аппетиты на реформы. «Nouvelle Revue» на эти месяцы, можно сказать, стал парижским официозом «Михаила Тариеловича», которого обозреватель часто так и величал. «Сможет ли ему помочь наследник, оказывающий ему благосклонное уважение? Одержат ли верх немецкая партия и чиновники, борющиеся с ним?» Но все шло хорошо, к радости обозревателя. Ушел Толстой, назначен Сабуров, уничтожено III отделение, возвращаются ссыльные и т. д. Как вдруг 1 марта!

Растерянность обозревателя проявилась в крайнем многословии, весьма бедном мыслями, с которыми он обрушился на нигилистов. Их преступление так же неловко, как мало оправдано. Царь был реформатором, которому его враги ставили в упрек скорее поспешность, чем медленность. Царь пользовался «неслыханной популярностью», получил при жизни название «освободителя». Нигилисты оказались виновными и в том, что они прибегли к «усовершенствованным бомбам» в своем деле: из-за этого «они не приобретут тех симпатий, которые собирают революционеры au grand jour, пыл которых пренебрегает научными приемами, примененными при цареубийстве. Это оригинальная новость... но не из тех, которые оставляют по себе светлую полосу, которые творят и оживляют». Не их знамя соберет Россию будущего. В них чувствуется маниакальное упрямство, приверженность к букве, которая убивает дух. Улучшения придут от людей рассудительных и патриотов, которые изучают русскую среду и ищут реформ, которые не были бы ни преждевременными, ни противными народному гению. Тут уже прямой переход к Лорис-Меликову, который остается на своем посту и с помощью вновь назначенного градоначальника Баранова не замедлит «произвести большой эффект».

Интереснее то, что автор сообщает о дипломатической стряпне, которой по поводу цареубийства занялись официальные и газетные дипломаты. Бисмарк еще раньше пытался эксплоатировать покушения нигилистов для образования консервативного Священного союза, направленного против Французской республики.

Гюбнер защищал в речи этот тезис без большого успеха; ему мягко возразили, что не во Франции, а в Германии и России социализм и нигилизм основали свои штаб-квартиры. Теперь не устояли против искушения, чтобы возобновить попытки. «Многие газеты требуют созвания европейской конференции, чтобы уничтожить право убежища, а газета «Post» прибавляет, что Франция — сообщница убийцы Гартмана». Автор-француз не остается в долгу и платит той же монетой: «Монархические парламенты Австро-Венгрии были единственными в мире, которые отказались осудить злодеяние нигилистов». Лишь в заседании 29 марта постарались это исправить. (1 апреля 1881, стр. 712—716.)

15 апреля 1881 г. «Nouvelle Revue» приводит выдержку из письма из России: «Поистине есть большая аналогия между первыми христианскими мучениками и нашими анархистами. И те, и другие находят свое счастье в самопожертвовании». Но автор политических обозрений привел это суждение только для того, чтобы порадоваться, что «это безумие не заразительно в русском народе. Оно ограничено узким кругом, как наследственная болезнь». Высказав этот великолепный мещанский афоризм, автор спешит обратиться к Лорис-Меликову и Баранову. Сомнения одолевают его, но он еще успокаивает себя тем, что еще покойный император наметил Баранова, а назначил лишь Александр III. Значит, внутренняя политика остается прежней, значит — все добро зело. Далее следует речь Баранова при открытии «барановского парламента» и сомнения автора по этому поводу:[1] «Справедливо ли в России увидали в голосовании при назначении совета нотаблей опыт представительного правления? Во всяком случае, в таком деле трудно ждать успеха испытания. Как полиция может быть отправляема комиссией? Если есть вполне определенные атрибуты исполнительной власти, то это как раз полиция» (стр. 969).

В книжке от 1 мая 1881 г. автор возвращается к махинациям Бисмарка. У себя он, пользуясь заговорами нигилистов, принимает меры против социалистов. А «вопрос о международных мерах борьбы с нигилизмом составляет предмет живых переговоров, в которых кн. Бисмарк принимает личное участие. На прошлой неделе он два раза принимал г. Сабурова». Германия не замедлила присоединиться к кампании, когда русское правительство сформулировало свой план преследований против космополитических революционеров в циркуляре от 12 апреля. Священный союз все еще играет большую роль во внешней политике, и смеяться над ним не приходится (стр. 232 — 233).

---

[1] Другие комментарии автора по этому поводу русская цензура замазала «икрой».

Но и внутренняя политика России очень занимает Германию. Берлинская «Национальная газета» подсказывает Петербургу, что ему надо делать: «Программа нового императора, кажется, сводится к подавлению революции внутри и за границей. Слух, будто бы будет дарована конституция, ни на чем не основан. Император имеет намерение провести реформы, намеченные его отцом, ввести экономию, предпринять финансовые и экономические реформы, сократить флот и армию, очистить бюрократию. В правящих кругах думают, что в состоянии покончить с нигилизмом мерами строгости». Бисмарку очень хотелось бы, — комментирует от себя автор, — бросить Александра III в реакцию внутри и в покорность вовне. Назначение министром народного просвещения бар. Николаи, этого отъявленного немца, и министром государственных имуществ крайнего консерватора гр. Игнатьева — успехи этой политики. Но автор все еще ждет, что либеральная политика упрочится «блестящим актом» в конце шести недель траура (стр. 235—236).

«Блестящий акт» последовал, но в противоположном смысле: 11 мая (29 апреля) издан манифест о самодержавной власти, а через два дня вышел в отставку Лорис-Меликов. В ближайшей книжке «Nouvelle Revue» Россия исчезла из международного обзора, если не считать одной меланхолической фразы: «Россия предана далее своим внутренним волнениям». Автор так растерялся от неудачи своего героя и любимца, что закончил начатую мысль лишь в следующей книжке, 1 июня 1881 г.: между тем «умиротворение было бы достигнуто моментально, если бы Александр III, найдя на столе своего отца проекты реформ, сказал бы: «Я выполню сначала этот завет мученика, потом я за него отомщу».

Оплакав потерю столь легкой возможности умиротворения, автор начинает приглядываться к победителям, ибо жить-то придется, повидимому, с ними. Игнатьев, Катков — это представители старой московитской и панславистской партии, заклятые враги реформ и сторонники отвлечения от внутренних вопросов внешними. Здесь запахло чем-то антигерманским, и автор спешит уверить победителей в «больших симпатиях» Франции к этой партии. Его смущает только мысль, спасет ли она Россию от ее опасностей. Конечно, меры в пользу крестьян [кстати, подготовленные Лорис-Меликовым! — *Н. Р.*] не плохи, никто возражать против них не будет. Но что они дадут правительству? Ведь, сам Игнатьев хочет от крестьян только, чтобы они не верили злонамеренным слухам». Какая же польза от этой «инерции по приказу»? Далее автор прочитал в циркуляре Игнатьева о намерении правительства обеспечить успех «живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний». Так пусть же Игнатьев, Катков, Баранов, Побе-

доносцев, не теряя времени, дадут доказательства. «Нужно, чтобы император остерегся играть на руку революционерам, отказывая в реформах, которые не сегодня-завтра могут стать запоздалыми и недостаточными. История дает суверенам суровые уроки на счет своевременности уступок» (стр. 702—703).

3. «*Revue Bleue*»

В заключение остановимся на «Revue politique et littéraire de la France et de l'Etranger», или, как его обычно называют, на «Revue bleue». Это — еженедельник, орган передовой французской буржуазной интеллигенции. В № 35, от 28 февраля 1880 г., мы находим в нем большую статью Вильбора: «Происхождение общественного кризиса в России». «Еще недавно, — пишет автор, — царь всея Руси представлялся обеспокоенной Европе гигантом, вооруженным палицей Геркулеса. Эта колоссальная империя, простиравшаяся на три части света: Европу, Азию и Америку [1]... «пугала воображение народов, как страшный сфинкс, загадок которого они не могли отгадать. Эти 70 миллионов людей, порабощенных власти самодержца, облеченного на земле атрибутами божества, внушали род суеверного страха. Одно слово, один жест Николая заставляли дрожать все дворы. Нашествие московитских орд на страны Запада было грозным привидением, встававшим у изголовья государственных людей».

Охарактеризовав «эти странные политические учреждения», при которых император имеет безграничную власть светскую и духовную, автор продолжает: «Но вот вдруг из глубины этой бездны рабства поднимаются неизвестные, одушевленные дерзостью возмущения, не менее чрезмерной, чем и власть, на которую они нападают с железом и огнем. Все меры предупредительные и репрессивные: осадное положение, ссылка, виселица против них бессильны. Царь Александр II, еще недавно провозглашаемый освободителем, подвергается нападению невидимых заговорщиков даже в своем дворце. Он вынужден теперь спрашивать себя, не является ли почтение его окружающих лишь маской, за которой скрывается убийца, не отравлен ли стакан воды, который подносит ему самый преданный из его слуг. Никогда хилость политического и теократического абсолютизма не проявлялась так ярко, как в трагических событиях, разыгрывающихся в России с конца последней восточной войны».

Слабые дети Французской революции, вольнодумцы, скептики, — эти республиканцы-журналисты наследовали от своих отцов отвращение к деспотизму; но сильные страсти и непре-

---

[1] Северо-американские владения России были проданы в 1867 г. С.-А. Соед. Штатам.

клонные убеждения им непонятны. Ни перед чем не останавливающаяся борьба с тиранией им так же отвратительна, как и свирепые репрессии тирана. Такие типы среди даже их соотечественников, как О. Бланки, Л. Мишель, вызывают у них лишь острое словцо да насмешку.[1] Русская трагедия для них лишь повод поостроумничать, поиграть словами, фразами. Истинного сочувствия у них нет ни к той, ни к другой стороне. Обе они — одинаково Азия, варварство. Ничего подобного царизму Европа не знала, это от татар, от Китая. Чин — слово и изобретение китайские. Но и «этот кровавый нигилизм не менее враждебен разуму, как и царизм. Последний породил его, бесформенного, чудовищного. В нем, как и в царизме, ничего европейского, ничего социального. Один (царизм) — схватил за горло всю нацию, еле давая ей дышать, и в течение веков, как вампир, сосал ее лучшую кровь. Другой (нигилизм), подобно хищному зверю, которого влечет его жестокий инстинкт, его бешенство разрушения, скрывается, прыгает на свою добычу, кусает ее, терзает ее, убивает ее, — и все это во имя свободы, справедливости. Наяву ли это? Не видишь ли перед собою двух из тех фантастических чудовищ, которые охраняют старые храмы Азии, прикованные к их фронтонам?»

Впрочем, несколько далее автор нашел европейские корни нигилизма, — нашел... в Германии,[2] но он продолжает настаивать, что «принесен он в Россию не с Запада. В нем нет ничего ни английского, ни итальянского, ни испанского, ни французского». А Германию автор после 1870 года готов, повидимому, отдать Востоку, Азии.

Но нигилисты не одни против царизма. Всегда были бунты и восстания; были и тайные общества, хранившие «древнюю славянскую традицию, глубоко демократическую». Раскол и секты — тоже протест против царизма, поддерживаемого духовенством. Сект много, но цель у них одна: «уничтожение азиатского деспотизма, изгнание иностранных элементов, особенно германизма, который все более и более захватывает двор, армию и общественные должности. Раскольники хотят свободы совести, уничтожения привилегий». В подтверждение ссылается на вяземского крестьянина Петра Артамова и на «Новое время», которое писало: «Миссионерам приходится не о текстах писа-

---

[1] Вот какими словами журнал проводил Бланки в могилу: «Не пойдут на его могилу точить кинжалов, и напрасно Луиза Мишель уколола его своей бесполезной иглой вязальщицы: Бланки хорошо умер, он хорошо зарыт в землю».

[2] Из Германии же автор ведет феодальный строй, поработивший вместе с царизмом русский народ, «самый свободный в Европе» в начале своей истории.

ния спорить с этими сектантами; это — новый дух, который они не в состоянии искоренить и против которого формализм бессилен». Новый дух носится над степью, как и над городом, всеобщая потребность света, свободы и справедливости. Не императора Александра лишь преследуют несколько бешеных людей своими преступными предприятиями, — его народ уважает и почитает; оспаривают, атакуют, хотят разрушить политическую систему, находящуюся в вопиющем противоречии с инстинктами расы: самый царизм.

Как связывает автор «новый дух», носящийся над Россией, с нигилизмом? Никак. Он дает краткий исторический очерк революционного движения, говорит о Герцене, Бакунине, Огареве, Чернышевском. Но и в начале, и в конце он находит одно — проповедь всеобщего разрушения. История не обходится, конечно, без курьезных и грубых ошибок. Но вот автор добирается до выстрела В. Засулич и ее оправдания. «Европа остолбенела, из конца в конец России вспыхнули аплодисменты». «Не нигилисты вынесли этот необыкновенный приговор; это — присяжные, назначенные по жребию, среди которых было несколько чиновников. Отмщенное человеческое достоинство — вот судья, произнесший оправдательный приговор В. Засулич. И, начиная с этого момента, начали замечать, что старой рабской России нет более, что самодержавный и феодальный царизм ранен на-смерть освобождением крепостных и что, наконец, народилась новая Россия, Россия свободы и справедливости, Россия славян, людей, говорящих свободно, вновь вступающих в обладание прав, которыми они пользовались во времена Великого Новгорода. Между этой Россией и нигилизмом нет ничего общего, как нет ничего общего между национальным славянорусским гением и двойным самодержавным и бюрократическим царизмом». Это положение декретируется без всякой тени доказательств. «Нигилизм имеет свою историю, блестящих писателей и представителей; от Герцена до В. Засулич нить проведена. От Великого Новгорода, раскола и сектантов к присяжным, оправдавшим В. Засулич, к России, рукоплещущей этому оправданию, — другая линия развития, правда, автором не вскрытая. Эти линии пересеклись на оправдании «нигилистки» В. Засулич, на общем деле борьбы за «поруганное человеческое достоинство». И тем не менее между ними ничего общего. «Нигилизм» — продукт Германии, а тут славяно-русский дух.

«Не он [нигилизм] совершит дело национального возрождения: отрицание не порождает жизни, небытие никогда ничего не создавало. Да и сам он не является ли другой формой этого неумолимого абсолютизма, который из произвола сделал бога и из стольких миллионов свободных людей жалкое стадо рабов?»

Таков окончательный приговор Вильбора над нигилизмом.[1]

Помимо двух больших статей Вильбора, «Revue bleue» отзывался на события в России в постоянном отделе «Заметок и впечатлений». На взрыв в Зимнем дворце журнал откликнулся очень коротко: «Положительно под этим снегом имеются вулканы; но не попытками же заткнуть кратеры можно помешать извержениям. И еще думают, что это преступление, которое не имело бы никакого предлога при республике, — может служить аргументом в пользу преимуществ монархического строя!» (№ 34, 21 февраля 1880).

А вот отклик на 1 марта: «Петербургская драма потрясла весь мир. Зловещие глупцы, которые хотят скрепить своею подписью это «мане, факел, фарес», написанные нигилистами кровью, такие же сумасшедшие, как и те, которые думают извлечь из этого убийства императора аргумент в пользу монархии.

«Перед этой катастрофой надо остановиться, как перед взрывом вулкана: феномен ужасный, зависящий от свойств почвы, из которой он произрастает. Нельзя из него делать ни угрозы, ни урока, ни примера ни для кого...

«Здесь Русью пахнет — вот и все. Но если и есть еще возможности цареубийства в Европе, если даже республики могут иметь своих свирепых сумасшедших, как это показало убийство президента Линкольна, то это покушение предшествовавшими обстоятельствами еще более, чем своей жестокостью, остается фактом исключительным, устрашающим для России, но только для России».

Далее следуют размышления о положении нового царя: «Я не знаю в истории ничего сравнимого с этим положением человека, изолированного в своей огромной империи, всемогущего, чтобы делать зло, бессильного на добро, слишком великого, чтобы умалиться, слишком малого, чтобы быть подстать народу, двигающемуся, разнообразному. — Что такое конституция для части его подданных, варваров, язычников, восточных народов? У каких Генеральных штатов может он спросить пожеланий, которые были бы противоречивы по отдельным губерниям? Гений не менее бессилен, чем и добрая воля».

А в заключение чуть не целый столбец шуточек насчет «бедного императорского трупа», которому для предстоящего «воскресения мертвых» приделывают искусственную ногу вместо раздробленной взрывом.

Но автор не забывает, что «глава могущественной империи, быть может, завтра будет нашим союзником», и не одобряет

---

[1] За исключением «славяно-русского гения», Великого Новгорода и т. п., и факты и идеи заимствованы Вильбором из книги J. B. Arnaudo «Le nihilisme et les nihilistes» (перевод с итальянского).

республиканское пуританство Таландье, протестовавшего против отсрочки заседаний палаты по случаю смерти царя.

В следующем номере «Revue» (26 марта 1881) помещена подробная характеристика Александра III, написанная лицом, хорошо знающим нового императора. Царь—человек до скрупулезности честный, твердый, энергичный, не любит «своих» немцев (но не германских), очень расположен к французским республиканцам, твердо стоит за самодержавие; будет «крестьянским царем». Конечно, самое важное — его хорошее отношение к республиканской Франции. Но уже в следующем № 14 (2 апреля 1881) помещено письмо из Петербурга, которое принесло не столь радостные для Франции новости о настроении царя. Твердо решено итти в согласии с консервативными державами, жить в добром согласии с соседними великими империями. Однако редакция не потеряла веры в своего таинственного осведомителя: петербургское письмо «дает нам современное настроение духа нового императора под впечатлением убийства отца. Но характер царя возьмет верх, и тогда мало-по-малу подтвердятся те предвидения, которые мы выразили». «Revue bleue» оказалось право: франко-русский союз через несколько лет был заключен, хотя характер царя тут ни при чем.

В том же номере рассказывается курьезный анекдот о Бисмарке. У него три bêtes noires: Франция, новый русский император и фельдмаршал Мантейфель. Когда зашла речь о посылке кронпринца на похороны в Петербург, Бисмарк горячо восстал, уверяя, что на пути из Берлина в Петербург заложено несколько мин. Вильгельм настаивал, и Бисмарк уступил. «Я подчиняюсь воле императора. Но в. в. благоволите заметить, что вторым персонажем миссии после кронпринца должно быть лицо с чином фельдмаршала. Я прошу назначить ф.-м. Мантейфеля». — «Но Мольтке старше по службе», — возразил Вильгельм. — «В. в., простите меня. Мольтке у меня один; если когда-либо понадобится сделать визит в Россию другого рода, чем теперь, Мольтке будет необходим. Нельзя заставлять его кататься по складам мин; Мантейфель как раз то, что нужно». Мы знаем, что поездка кронпринца несколько раз откладывалась под разными предлогами, что он не поехал с русскими великими князьями, возвращавшимися из Италии после получения известий о смерти Александра, и что вообще этого путешествия в Петербург очень опасались.

По поводу события 1 марта во Франции, как уже мы видели, завязалась горячая междупартийная полемика, отголоски, которой мы находим в № 14 (2 апреля 1881): «Если императоров и королей можно убивать только там, где они имеются, в империях и королевствах, то роялисты обвиняют республику в том,

что она служит питомником цареубийц». Автор думает, что было бы легче доказать, что убийство есть средство монархическое, походя практикуемое и рекомендуемое, и история свидетельствует, что ни Равальяк, ни Лувель не были республиканцами. Но автор удивляется бесстыдству бонапартистов, поднимающих такие же обвинения, забывая, что первый Бонапарт является юридическим убийцей герцога Энгиенского. Он даже позаботился по этому поводу объяснить, что убийство англичанина, совершенное французом, кажется ему актом, самым законным в мире.

Какие бы трагические события ни совершались в мире, французы находились в то время в таком положении, что не могли ни на минуту отрешиться от своих забот, от своей внутренней борьбы. Лишь изредка проскальзывают сведения из Петербурга, не окрашенные этими внутренними французскими заботами. Что делается в Петербурге? Одни уверяют, что там «разбирают вопрос о больших реформах, о конституции; другие рассказывают, что царь велел блиндировать Зимний дворец стальной броней, и что повсюду установили систему электрических звонков, чтобы предупредить о малейшей опасности... Эти предосторожности, если они верны, ужасны. Спрашиваешь себя, какое чувство чести обязывает человека оставаться во главе народа, которому он не смеет довериться? Если Россия созрела для конституции, грубое требование нигилистов не должно помешать здравому смыслу царя на нее согласиться. «Он оскорбляет достоинство власти, блиндируя себя таким образом. Когда подумаешь, что несколько маленьких предосторожностей, которые принял некогда Луи-Филипп, раздражили общественное мнение, и В. Гюго по поводу маленького рва, проведенного перед дворцом, сказал королю: «Напрасно вы украшаете зубцами ваши угрюмые Тюильри». Как далеко от этих зубцов до страшного блиндажа Зимнего дворца!»

19 июля 1881 г. дается отчет в отделе литературы о книге Б. Тиссо — «Русские и немцы»: «Есть две России: в Петербурге Россия официальная, феодальная, аристократическая и бюрократическая, полунемецкая и полуевропейская; в необозримых равнинах остальной империи — Россия овчинных полушубков, неподвижная, немая и задумчивая, как ее предок — Азия, застывшая в своем апатическом фанатизме и в своей окостенелой ортодоксии, подчиняясь с покорностью вьючного животного игу, которое взвалил на нее привилегированный класс. Между этими двумя антиподами волнуется мир революции, незначительное меньшинство, изолированное и без поддержки в нации. Вот почему оно скрывается в тени и наносит удар убегая. Таковы заключения г. Тиссо, и они действительно вытекают из свидетельств и документов, собранных в его книге».

Более откровенно выразилось отношение передовых французских буржуа к цареубийству, лишь когда его пришлось сопоставить с убийством турецкого султана Абдул-Азиса и покушением на президента С.-А. С. Штатов Гарфильда. При этом случае «Revue bleue» писала (19 июля 1881):

«Убит султан. Каково чувство Европы? Едва ли негодование. Таковы восточные нравы. Мидхат-паша отомстил государю, который его возвысил, но который стал неблагодарен. Вчера с английской трибуны запрашивали министров, не предполагают ли они вмешаться, чтобы требовать помилования этому великому государственному человеку, убийце по национальному чувству, но гуманному человеку по интернациональной философии.

«Как и для убийства русского императора, находят не оправдания, но исторические основания, которые ясно показывают, что это преступление — неизбежный вывод из состояния кризиса, который длится с начала истории.

«Но шесть дней тому назад, когда узнали, что стреляли в президента С. Ш., первым словом, которое оказалось и последним, было: это — акт сумасшедшего.

«Нигилисты и паши, которые замышляют ужасные убийства, — не сумасшедшие; они политики, каких неизбежно должны порождать Россия и Турция. В Соединенных Штатах человек, который убивает Линкольна, и человек, который ранит Гарфильда, мономаны, которых вешают, потому что нужно хорошо вешать, но которых так же основательно можно бы запереть в больницу.

«Вот разница, которую полезно выяснить, когда роялистские газеты весело говорят: «Ну, вот! Республика не лучше предохраняет своих глав, чем и монархия». Конечно, форма правления не может гарантировать ни от бешеных собак, ни от сумасшедших; но республика, тем не менее, имеет то преимущество, что в ней подобное покушение не имеет ни тайных соучастников в общественном мнении, ни адвокатов в европейских кабинетах».

Народовольцы, совершившие акт 1 марта, не имели адвокатов в европейских кабинетах. Ни английские, ни другие министры не признали в них «великих государственных людей», как в Мидхат-паше. Только Карл Маркс признал за ними это качество. Но тут и буржуазный журнал, притом очень умеренный, постоянно думающий «о возможном союзнике» Франции, проговорился и выдал свою тайну. Отношение к событиям в России по существу то же, что и к турецким. И лишь дипломатические соображения заставляют делать разницу между могущественным с виду русским императором и бессильным турецким султаном.

В заключение, быть может, интересно будет известие о романе И. Тургенева, оставшемся ненаписанным, которое мы находим в № 19 «Revue bleue», от 5 ноября 1881 г., и которое журнал заимствовал из лондонского «Athenaeum». В нем дело идет о разрушительных элементах, которые так глубоко волнуют Россию. Тургенев хочет показать, как глубока пропасть, которая отделяет русский социализм от западноевропейского; насколько тщетны усилия революционеров его страны войти в круг идей, напр., французских революционеров и, тем более, действовать в согласии с ними. Русский социалист смотрит на социалистов Запада, как на братьев и сестер, но он удерживается от этих братьев и сестер в отдалении влияниями, которые он лишь смутно сознает и против которых безуспешно борется».

4. *Нигилисты в «Illustration»*

В известной французской «Иллюстрации», 21 февраля 1880 г., в № 1930, помещены две гравюры, посвященные аресту типографии «Народной воли» в Саперном переулке 30 (18) января 1880 г.: одна изображает сцену вторжения полиции в помещение типографии, и вторая — перевозку арестованных в тюрьму. Подробно рассказывается, как был произведен арест, конечно, по газетам того времени. Застрелившийся в типографии — бывший армейский офицер Дейч (на самом деле — Лубков, известный под прозвищем «Птица»). Арест произведен по анонимному доносу, полученному начальником общей полиции. Гравюры сделаны «по наброскам нашего петербургского корреспондента», имя которого, «вопреки нашему обыкновению, не сообщаем по причинам, которые, думаем, бесполезно объяснять».

В № 1931, от 28 февраля 1880 г., помещена гравюра, изображающая арест Гартмана в Париже.

Как узнали Гартмана? По электрическим аппаратам, найденным в доме Сухоруковых, откуда велся подкоп под полотно Курской жел. дороги. Сухоруков-Гартман купил их в Москве и, не имея денег, дал за них дорогие часы. Разыскивают из города в город часовщика, который продал эти часы. Находят его в Петербурге. Часовщик показал, что он продал часы даме, которая в свою очередь подарила их некоему Гартману, брату или родственнику одной особы, хорошо известной в Петербурге. Эта же дама передала полиции и фотографию этого человека. — В Париже он был арестован на Елисейских полях, недалеко от Диорамы, в 3 часа пополудни двумя агентами муниципальной полиции. На гравюре изображена борьба с Гартманом и четырьмя его товарищами. Арест состоялся только благо-

даря вмешательству солдата и стражника. Друзья Гартмана скрылись.

В № 1988, от 2 апреля 1881 г. мы находим гравюру, изображающую «взрыв первой бомбы», и другую, изображающую открытие подкопа на Малой Садовой.

В № 1991 — процесс цареубийц с портретами всех преступников и, наконец, в № 1992 — казнь их.

В передовой № 1986, от 19 марта 1881 г., Пердикан в очередном обзоре «Парижский курьер» рассказывает о том впечатлении, которое произвело известие о цареубийстве в зале Оперы, полученное во время представления «Аиды».

В кулуарах возле бюстов покачивали головами: «Да, это была дуэль на-смерть! Но кто забудет, что Александр освободил крепостных и помешал шесть лет тому назад Германии напасть на Францию?» Ужас преступления превратил эту театральную залу и антракты оперы в род клуба, где философствовали кто во что горазд...

«У нас, кроме маниака Феликса Пиа, партизана того, что он называет королеубийством, цареубийством и даже гревиубийством,[1] все порицали дикие деяния нигилистов. Один русский вельможа, недавно вернувшийся из Петербурга, говорил нам, что этих сумасшедших, жадных до уничтожения, всего горсть и что рано или поздно русский народ, который любит царя, кончит тем, что передушит всех, кто более или менее походит на нигилиста, так ужасают эти дела. Ибо, наконец, наш царь не уверен, что умрет в своей постели. На что один из нас ответил, что такова, увы, была судьба царей, по крайней мере, в прошлом; не один из них умер насильственной смертью. — Да, — ответил наш дворянин, — но по крайней мере убитый вельможами, а не фанатическими мещанами» (№ 1986, 16 марта 1886 г.).

В № 1987 и 1988 «Иллюстрации» помещена большая статья Виктора Тиссо «Отцы нигилизма». Герцен был отцом доктринерского нигилизма, Бакунин — отцом воинствующего нигилизма, и Чернышевский — основателем нигилизма научного. О перспективах революции в России Тиссо держится такого мнения: «Часто говорят, что Россия накануне своего 93-го года. Если бы дела шли там, как в остальной Европе, революция была бы, может быть, возможна, особенно если пообещать крестьянину собственность на землю, которой он пользуется, и уничтожение налогов. Но все в государстве и нравах этой огромной империи напоминает Азию. Власть всецело сконцентрирована на голове одного. Могущество царей никогда не росло содействием народа, который всегда оставался коленопреклоненным и безмолвным. Пролетариат не существует,

[1] Греви был в то время президентом Французской республики.

городские рабочие — те же крестьяне, которые пришли зимой продавать свои руки, оставшиеся у себя без работы. Они живут артелями, помещенные в чем-то вроде казарм, имеют вид арестантов. Буржуазия едва возникает. Аристократия, которая до сих пор одна устраивала дворцовые революции, чужда нигилистическому движению. Кто же стал бы возводить баррикады? Армия? Она состоит из крестьянских сыновей. Остаются профессора, студенты, представители мелкого дворянства, разоренного эмансипацией; но они все вместе не продержались бы и часу против эскадрона казаков. Раз невозможно в России народное движение, естественно нигилисты предаются войне краснокожих, борьбе при помощи козней, засад и неожиданных нападений».

Среди приведенных нами отзывов французской буржуазной прессы нет ни одного, который по серьезности и симпатии к русской революции можно было бы поставить рядом с журналом Дж. Морлея. Сдерживает мысль о «возможном союзнике» да преувеличенное представление о дикости русских, которым еще не по плечу европейские учреждения. Но это не значит, что во французской буржуазии не было лиц и целых фракций и партий, которые были бы последовательны в политическом радикализме. Из приведенных выше фактов мы знаем о выступлениях в палате Таландье, крайних республиканцев, об агитации на митингах, о выступлениях В. Гюго. Одно из них — по поводу дела Гартмана — приведено «Times» в марте 1880 г. Оно составлено В. Гюго с обычной для него в таких случаях краткостью и силой: «Вы — честное правительство. Вы не можете выдать этого человека. Вы не можете, ибо закон между вами и им. И поверх закона есть право. Деспотизм и нигилизм — два чудовищных аспекта одного и того же факта, который есть политический факт. Законы о выдаче стоят впереди политического факта. Все нации соблюдают эти законы. Франция будет их соблюдать. Вы не выдадите этого человека». Мы знаем и об агитации по поводу смертного приговора над цареубийцами, по поводу «отсрочки» казни Геси Гельфман по случаю беременности, которую именно благодаря заграничной — и прежде всего французской — агитации пришлось превратить в «отмену». В этой агитации, помимо рабочих партий, приняли участие и более левые буржуазные элементы. К сожалению, непосредственные документы у нас отсутствуют. На основании парижских корреспонденций «Times» мы знаем, что Рошфор печатал в «Intransigeant» письма и телеграммы из Женевы, где его информатором называют нигилиста по имени Кропоткин, — содержащие информацию, которую надо принимать с осторожностью, но которая пропитана симпатией к заговорщикам. Он утверждает, что акт должен был

быть совершен четырьмя днями раньше, и что женевские изгнанники, которые были очень обеспокоены, ничего не слыша, обнимали друг друга на улицах и танцовали на тротуарах. В покушении на взрыв царского поезда участвовало 15 нигилистов, во взрыве Зимнего дворца — 18, в убийстве ген. Мезенцева — 3. В начале заговорщицкой деятельности люди выбирались на какое-либо «дело» по жребию, но все увеличивающееся число охотников сделало это излишним, и смерть царя была решена центральным комитетом только тогда, когда число охотников показало, что неудача одного покушения не помешает другим. Были выбраны молодые люди, способные делать бомбы, и женщины, которые искусно изготовляли нитроглицерин. Из множества волонтеров было выбрано 5 метальщиков бомб. Их могло бы быть 30, но комитет боялся, что появление такого количества молодых людей, большею частью находящихся у полиции на подозрении, вызвало бы тревогу. «Русаков [sic!], один из них, только что присоединился к обществу. Если бы вторая бомба была неудачна, три других были бы брошены по дороге царя во дворец. На случай неудачи покушения на Миллионной [?] улице, были приняты другие меры, о которых нельзя распространяться. Я ограничусь тем, что скажу вам, что со времени взрывов под Москвой и в Зимнем дворце нигилисты глубоко изучили пользование динамитом и гремучей ртутью. Рошфор заканчивает утверждением, что 17 апреля будут созваны Генеральные штаты для выработки конституции, и что крестьяне возят письма нигилистов взад и вперед через прусскую границу». («Times», 19 марта 1881.)

С этим письмами и телеграммами из Женевы Рошфору весьма не повезло. И Кропоткин и другие эмигранты не замедлили и в печати, и на митингах в Женеве опровергнуть эти измышления.

В. РАБОЧАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

Приветствия и одобрения борьба «Народной воли» находила лишь в рабочем и социалистическом мире.

Известно, как Маркс и Энгельс оценивали борьбу народовольцев и в частности 1 марта: «Во время революции 1848-49 гг. не только европейские монархи, но и европейская буржуазия обрели в русском вмешательстве единственный якорь спасения в виду только что выросшего пролетариата. Царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время он сидит пленником революции в Гатчине, а Россия является авангардом революционного движения Европы». Оставляя в стороне общеизвестные отзывы Маркса об основных положениях программы «Народной воли», о ее расчетах заду-

шить буржуазию в самом зародыше, не выжидая того времени, когда процесс капиталистического развития обезземелит значительную долю крестьянства, — приведу отзыв Маркса о самих первомартовцах в письме к дочери: «Следила ли ты, — пишет Маркс, — за процессом цареубийц в Петербурге? Это сплошь дельные люди, sans pose mélodramatique [без мелодраматической позы], люди простые, деловые, героические. Шуметь и действовать — это два непримиримые противоречия. Петербургский исполнительный комитет, который столь энергично действует, публикует исключительно «умеренные» манифесты. Он очень далек от мальчишеской манеры Мостов и других ребячьих крикунов—проповедывать тираноборство, как «теорию» и «панацею» от всех зол (этим занимались такие невинные англичане, как Дизраэли, Севедин, Лэндов, Маколей, Стэнсфильд, друг Мадзини). Комитет, наоборот, стремится убедить Европу, что его modus operandi [способ действия] специфически русский, исторически неизбежный способ действия, о котором столь же мало можно морализировать за или против, как о землетрясении в Хиосе». («Воинствующий материалист», IV, «Из семейной переписки Маркса», письмо XII.)

Еще «Народная воля» напечатала в № 4 резолюцию Гаврского социалистического конгресса, в которой собравшиеся на нем в ноябре 1880 г. представители 36 городов Франции, «через развалины Зимнего дворца и славные эшафоты ваших последних мучеников Квятковского и Преснякова» посылали выражения своей симпатии и своего удивления, свои приветствия и одобрения.

В № 7 «Народной воли» напечатано приветствие международного социалистического конгресса в Хуре (октябрь 1881 г.) «социалистам-революционерам России, которые, находясь в состоянии самозащиты, отвечают на насилие насилием, на террор террором. Конгресс призывает также все свободные народы открыто выразить свои симпатии тем, кто борются, страдают и умирают за свободу и социальную справедливость под гнетом московской тирании».

Немецкая социал-демократия, ведшая с 1878 г. свою агитационно-организационную работу под гнетом «закона против социалистов» и боровшаяся против естественно зарождавшихся в ее рядах стремлений насилием отвечать на полицейские насилия и преследования, была мало склонна смотреть дружелюбными глазами на террористическую борьбу землевольцев, а затем народовольцев. Иногда у отдельных и очень видных представителей этой партии срывались даже фальшивые ноты, вызывавшие протест со стороны других. Так, 4 мая 1880 г., при третьем чтении законопроекта о продлении «закона против социалистов», депутат Гассельман произнес резкую речь,

в которой выразил сожаление по поводу высказывания своих коллег о «тактике нигилистов», но, к сожалению, не ограничился этим протестом, а заявил, что и для Германии время парламентской болтовни прошло и настало время дела, за что и был исключен из партии. Бебель, отвечая на выходки против него буржуазных депутатов, отгородился однажды от русских революционеров совершенно недопустимым образом. «Могу только ответить депутату фон-Кардорфу, — сказал он, — что в России у меня нет никаких связей и что русские нигилисты вышли совсем из других кругов, нежели с.-д. Германии. Они принадлежат к общественным кругам господина фон-Кардорфа». Этот полемический выпад вызвал в рейхстаге смех, но он, конечно, не выражает действительной мысли Бебеля о русском революционном движении.

В виду нареканий, раздававшихся в рядах партии по поводу высказанных некоторыми депутатами суждений о «тактике нигилистов», конгрессу партии, собравшемуся в августе 1880 г. на швейцарской почве в Видене, пришлось заняться этим вопросом и вынести по нему резолюцию. Вот эта резолюция, принятая 22 августа 1880 г.: «Как все движения, направленные к освобождению народов от социального и политического гнета, немецкая социал-демократия встречает с полной симпатией, так, само собой разумеется, поступает она и по отношению к так называемым нигилистам, борющимся за освобождение русского народа, хотя их тактику, вызванную особенными условиями России, считает непригодной для Германии» (стр. 46 «Протоколов»). В другом месте резолюций того же конгресса эта тактика называется «тактикой отчаяния», с чем народовольцы, конечно, не согласились бы.

Приведу еще изложение корреспондентом «Times» того места речи Бебеля, произнесенной им в Дрездене в конце марта 1881 г., которое относится к убийству Александра II: «Что касается убийства Александра II, то он [Бебель] нисколько не оспаривал взглядов «Социал-демократа», официального органа партии, издающегося в Цюрихе, который выставил убийство царя, как ужасный пример для всех тиранов. Россия жила в совершенно ненормальных условиях, которые не были критерием для Германии. Обращаясь затем к некоторым клерикальным органам южной Германии, он утверждал, что они говорили о петербургском преступлении в терминах, немного менее возмутительных, чем те, которые цитировал министр внутренних дел Путкаммер (который хотел сделать немецких с.-д. ответственными за писания Моста в Лондоне и Гассельмана в Нью-Йорке). Бебель сказал, что он мог бы доказать, что церковь всегда восхваляла убийство монархов, ей враждебных, как например, в случае Равальяка и Климента IV, имевшем место после уни-

чтожения ордена иезуитов. Указав затем на убийство Оскара III шведского и Павла в России, как убийства аристократические, оратор утверждал, что ни одно из покушений, совершенных в этом столетии, не совершено социал-демократом, и напомнил палате, как популярный поэт Шиллер проповедывал тираноубийство в своем «Вильгельме Телле» и как оно ежедневно выставляется юношеству, как нечто славное, в греческой и римской истории. Бебель так убедительно доказал, что и великие поэты, и история (даже школьная), и, наконец, даже христианская церковь в известных случаях восхваляют убийство тиранов, что можно только пожалеть, что он выделил из этого общего хора немецких с.-д.

Из социалистических журналов того времени я имел возможность просмотреть лишь «Revue Socialiste» за 1880 г. В № 2, от 20 февраля 1880 г., помещен «Обзор социалистической прессы» т. Марно, который дает понятие о том, как следила западно-европейская печать за русскими делами. «Известно, что нигилисты, травимые, как дикие звери, бесчисленной царской полицией, тем не менее с опасностью жизни опубликовали в России некоторое количество социалистических брошюр и газет. Среди этих последних наиболее известна «Земля и воля», вышедшая после «Начала» и «Громады»,[1] которые уже два года изобличают все преступления русской полиции и правительства и приводят в ужас общественное мнение Европы, которая не могла поверить такой жестокости и подлости. Недавно открыли типографию «Народной воли»; редакторы-наборщики защищались с оружием в руках, один (Дейч)[2] застрелился. Но упорство героических русских революционеров справлялось с другими, еще более тяжелыми испытаниями; «Народная воля» будет продолжать выходить». Далее приводится длинная цитата из французской еженедельной социалистической газеты «Egalité» («Равенство»): типография арестована, полиция получила награды, но разочарование наступило скоро. Номер «Народной воли», который считали захваченным целиком, был распространен на следующий же день. Последняя страница помечена 26 (14) января: «Новости, которые мы находим в «Daily News» и других английских и немецких газетах относительно этого номера, отчасти неточны, и мы можем говорить об этом с полной уверенностью, так как получили полный номер. В нем все страницы; он содержит, как и предыдущие, 20 печатных страниц в 2 колонны, и если бы не немного бледные чернила на втором листе, он ничем не отличался бы от предыдущих». Автор, повидимому, предполагал, что номер допечатывался в другой типографии.

[1] Это ошибка: «Громада» выходила за границей.
[2] Ошибка: Лубков.

Далее следуют критические замечания о программе Исполнительного комитета: «Немецкие газеты, говоря об этом номере, уделяют много внимания программе И. К., которую там находят. Без сомнения, это — документ, заслуживающий внимания, потому что он выражает современные тенденции известного числа русских революционеров. Но, по нашим частным сведениям, число приверженцев этой программы не очень велико, и большинство социалистов не имеют очень крепкой веры в законодательство Учредительного собрания, которое эта программа превозносит и посредством которого она надеется достигнуть социальной революции, передающей землю народу, фабрики и заводы рабочим, устанавливающей экономическую и административную автономию сельской общины и т. д. Эти надежды на путь парламентарный, которым сторонники «Народной воли» думают следовать после революционного свержения современного правительства, нам кажутся менее ценными, чем определенное провозглашение социалистических принципов в начале программы и четыре первых параграфа ее последней части, где русские революционеры решают соединить социалистическую пропаганду и агитацию среди народа с террористической борьбой, которая должна продолжаться, с обширной тайной и централизованной организацией партии и с приобретением влиятельного положения в администрации, в армии, в обществе и в народе». Надо иметь в виду, что хотя «Revue Socialiste» объявляла себя журналом социалистической мысли вообще, а не какой-либо ее фракции, тем не менее в некоторых случаях, как мы увидим далее, редакция оговаривала свое несогласие со взглядами печатаемого автора. В нем мы встречаем имена Гэда, Лафарга, К. Каутского, Б. Малона, но и голландца Ньювенгуйса и др.

В № 6, от 20 мая 1880 г., журнал поместил статью известного русского эмигранта С. Подолинского под заглавием «Социализм, нигилизм, терроризм». Статья эта является ответом на статью «Старого русского социалиста» (П. Л. Лаврова). Редакция поместила эту статью лишь по настояниям автора, желавшего исправить ошибочные утверждения о нем «Старого русского социалиста»,[1] и оговорила, что снимает с себя ответственность за его мнения о нигилизме. Статья крайне путаная; различает «нигилизм консервативный» и «нигилизм воинствующий и разрушительный», и при всем различии это один и тот же нигилизм; хотя представителей первого надо искать в «Мертвых душах» Гоголя и в сатирах Щедрина, а представителей второго — на скамьях подсудимых в многочисленных политических процес-

[1] С. Подолинский поместил две статьи о русском нигилизме в «Réforme» 15 сентября и 15 октября 1879 г. О них-то П. Лавров и высказал несколько критических замечаний.

сах 70-х годов. Единственно, что стоит отметить в этой стать это — суждение автора о терроризме, да и то больше из-за того примечания, которое делает к этому месту редакция. «Вполне сомневаясь в моральности и в пользе тайных политических убийств, — говорит С. Подолинский, — как убийство Мезенцева, Кропоткина, Гейкина, — тайных покушений,[1] как московского и в Зимнем дворце, я рассматриваю все другие террористические акты: вооруженное сопротивление жандармам, инсуррекции, беспорядки в армии с революционной целью не только как право законной защиты, но как священный долг каждого активного революционера в России, пока будет существовать самодержавный режим в России. В русской социалистической партии, как и во всякой другой партии, многие не стоят на высоте доктрины социализма. Многие из представителей старого всеотрицающего и разрушительного нигилизма приняли лишь формулы социализма, а в глубине души остались нигилистами. «Таково, по моему мнению, объяснение вероломного и жестокого, в то же время — я хотел бы сказать — азиатского характера некоторых террористических актов, совершенных революционерами в России». К этому редакция делает свое очень интересное примечание: «Таковы средства во всяком тайном обществе. Мадзинисты не имели ничего азиатского, а их средства ни в чем не уступали средствам нигилистов. Например: что может быть более жестокого, чем эта инсуррекция 6 февраля 1853 г., когда заговорщики имели приказ поражать кинжалом всех австрийских солдат, которых найдут на улицах Милана? Или чем адские машины роялиста Кадудаля и либеральных буржуа Фиески и Орсини хуже взрыва поезда под Москвой и Зимнего дворца в Питере? Нигилисты поставлены в революционное положение, и они должны действовать революционно, как некогда роялистские и буржуазные заговорщики». Краткая, ясная формулировка вместо жалкой размазни С. Подолинского, подпавшего под влияние своего земляка, «тоже социалиста» или даже анархиста М. Н. Драгоманова и итальянца Арнаудо, усердно противопоставлявшего русским террористам «своего» Мадзини не только как либерального буржуа, что вполне справедливо, но по их тактике.

В №№ 9, 10 и 11 «Revue Socialiste» напечатана статья А. Блюменталя о «Социалистическом движении в России», переведенная с сокращениями с немецкого. А. Блюменталь, повидимому, русский студент в Берлине. Анализировать его статью не представляет поэтому интереса.

«Le Mirabeau», орган валлонских секций, который я мог просмотреть за 1879 — 1880 гг., по поводу взрыва в Зимнем дворце поместил такую статью (№ 549, от 28 февраля 1880 г.):

[1] Подчеркнуто самим автором.

«Россия накануне своего 1789 года. Буржуазия терроризована, население лихорадочно ждет исхода борьбы на-смерть, предпринятой друзьями свободы и равенства против безжалостного, деспотического и кровавого царского правительства. Для нас результат несомненен. Наши друзья восторжествуют, ибо, имея на своей стороне право и справедливость, они имеют и силу, и эта сила, набираемая среди массы, в живых источниках страны, стоит в тысячу раз больше, чем сила наемников и инвалидов, которые выполняют в настоящее время функции палачей.

«Трон крушится; император всех Россий трепещет; он видит, как его всемогущество обращается в прах, и несмотря на «Тебе, бога, славим», которое поет духовенство, Революция, несущая с собой свободу, равенство и солидарность, приближается гигантскими шагами. Покушения (ибо так надо назвать акты справедливости наших друзей), не дающие ни отдыха, ни срока, — верные ее предшественники. Вы это знаете, тупые притеснители, и потому вы подвергаете самым ужасным пыткам мучеников святого дела, которых вам удается схватить. Берегитесь! Ибо чем больше страдания, тем больше будет наказание; мы повторяем, оно очень близко.

«А! вы думаете, что этот бедный народ, распростертый на земле, униженный, третируемый хуже, чем рабы, еще долго будет терпеть вашу безжалостную тиранию. Вы ошибаетесь; его терпению настает конец, он хочет быть господином своих судеб, и он им будет, хотя бы пришлось для этого всю вашу империю превратить в груду развалин.

«А вам, русские братья, мы повторяем с легким изменением знаменитые слова Дантона, которые он сказал с французской трибуны в 1789 г.: «Мужества, мужества, всегда мужества».

«Поверх границ мы даем вам, товарищи, наш самый братский поцелуй».

В одном из предыдущих номеров этого журнала (от 25 мая 1879 г.) приводились и сведения о пытках, которым подвергаются русские революционеры. «Mirabeau» перепечатывает следующее сообщение орлеанистской газеты «Солнце» («Soleil»), воспроизведенное в «Journal de Genève».

«Говорил ли Соловьев? Это очень сомнительно. Впрочем, утверждают, что для того, чтобы победить молчание обвиняемого, использовали голод, жажду, не считая электрических разрядов такой силы, что подсудимый едва не умер. В таком состоянии человек не мог бы считаться ответственным за свои слова и действия». В том же номере газета сообщала о казни Дубровина.

Этот маленький провинциальный рабочий листок может служить нам примером того, с каким вниманием и сочувствием

западно-европейские рабочие даже в разных захолустьях следили за борьбой русских революционеров.

В заключение приведем сведения о том, как откликнулась на события в России сама рабочая масса; сведения эти взяты из русских газет, из французских журналов и из «Times».

В одном Париже в годовщину Коммуны было устроено 28 революционных банкетов. На многих Рысаков был провозглашен почетным председателем.[1] Почти на всех банкетах прославлялись русские социалисты, и их пример признан достойным подражания. В зале «Старый Дуб» председательствовала Луиза Мишель. Послав поздравление русским нигилистам, она выпила за социальную революцию. В зале «Прогресс» один оратор говорил, что надо убивать всех тиранов, хотя бы они заседали в Палэ Бурбон. По этому, очевидно, поводу «Иллюстрация» остроумничала по поводу Феликса Пиа, который проповедует истребление королей, царей и президентов республики (partisan du régicide, du tzaricide et même du grévicide) (Греви был в то время президентом Французской республики).

4 (16) марта в Париже были расклеены прокламации с поздравлениями русских социалистов и восхвалением их мужества и энергии. Полиция срывала эти прокламации. За расклейку их поплатились 8-месячным тюремным заключением и штрафом переплетчик Грибо и портной Вильгельм.

Ряд газет был привлечен к суду исправительной полиции за прославление цареубийства. Директор «Гражданина» Секондинье приговорен к 6 месяцам тюрьмы и 2000 франков штрафа, а его издатель Лезер — к 3 месяцам и 2000 франков. Рошфор и Дельпьер за статьи в «Непримиримом»—каждый к 1000 франков штрафа. Газета «Социальная Революция» и «Ювенал»—к 6 месяцам тюрьмы и 2000 франков штрафа. Газета «Ни бога, ни хозяина» — тоже.

В Чикаго собрался двухтысячный митинг, приветствовавший цареубийство. В Нью-Йорке и других городах происходили подобные же митинги. В Бовери (Нью-Йорк) 3 (15) марта состоялся митинг для празднования 1 марта. На митинге присутствовало около трехсот человек. Над столом президиума красовалась надпись «смерть тиранам». Речи произнесены русским нигилистом Клименко по-русски и бывшим депутатом германского рейхстага Гассельманом по-немецки.

В Лондоне журнал «Свобода» 7 (19) марта вышел с широкой красной каймой и крайне резкой революционной статьей по поводу петербургской катастрофы. Редактор Мост арестован за эту статью. Полиция закрыла типографию. Моста обвиняли в призыве населения иностранного государства к бунту и восстанию.

---

[1] Предательская роль Рысакова еще не была известна.

Из вопроса м-ра Беллингэма в заседании палаты общин 31 марта 1881 г. («Times», 1 апреля 1881) видно, что в Лондоне, по приглашению социалистического и демократического клуба на Розовой ул., состоялся митинг в Графтонгалле в память революции 1848 г. и Парижской коммуны 1871 г. и для прославления казни русского императора. На митинг собрались лица разных национальностей, председательствовал англичанин. Произносились речи в оправдание убийства царя; один из ораторов ставил Россию в пример революционным партиям других стран, смеялся над людьми, которые считали позорным убийство императора, и сказал, что «если кто заслужил смерть, так это царь». Один немец Мост, бывший член рейхстага, а теперь издатель революционного листка «Свобода», произнес такую речь на этом или другом митинге: «Капиталисты, аристократы, попы должны быть истреблены. Убийцы царя заслужили благодарность всех социалистов, ибо время теорий прошло. Кинжал, яд, бомба — законное оружие; и мы надеемся и желаем, чтобы подобные акты скоро последовали не только в России, но и во всех других странах». Эта речь была встречена многочисленным собранием рабочих аплодисментами. Хотя эти факты были изложены членом парламента в виде вопроса и хотя член правительства сказал, что ему эти факты неизвестны, нет никакого основания сомневаться в них.

Из другого вопроса депутата Тоттэнгэма в заседании 8 апреля 1881 г., мы узнаем, что ирландская газета «Jrish World», «открыто заявляемой целью которой было возбуждение ирландского народа к бунту и восстанию», рассматривала убийство царя, как законный инцидент в гражданской войне, и извещала о нем заголовками: «Война в России, начальник империалистов убит, офицеры и казаки убиты и ранены» и «Победа нигилистов».

В Копенгагене, по требованию русского посланника бар. Моренгейма, министр юстиции приказал арестовать редактора социалистической газеты Вильгельма-Людвига Флерона и произвести следствие по поводу напечатанных в газете статей под заглавием «Цареубийство».

В Вене, в одном из предместий, происходил нигилистический банкет, устроенный по случаю петербургской катастрофы. Произносились тосты за «удачное петербургское дело». Полиция, как и подобает, явилась слишком поздно.

Этих отрывочных сведений достаточно, чтобы показать, что мир рабочего социализма откликнулся радостным сочувствием на акт 1 марта. Тогда как даже наиболее передовые буржуазные журналисты, при всем своем отвращении к деспотизму, не шли дальше робкого полупризнания террористических форм борьбы с ним и пугались необузданной революционной энергии, про-

явленной народовольцами в этой борьбе, представители пробудившегося к борьбе рабочего класса радостно приветствовали как раз эту революционную энергию, видя в акте 1 марта яркий призыв к борьбе с тиранией и эксплоатацией. Они видели в борьбе народовольцев предвестие и начало нового революционного периода, который, начавшись на востоке отчаянной борьбой с наиболее отсталыми формами гнета и эксплоатации, завершится на Западе крушением буржуазного строя и социальной революцией.

Г. ДЕЛО НЕМЕЦКОЙ АНАРХИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «FREIHEIT» («СВОБОДА») В ЛОНДОНЕ

В газете «Times» от 1 апреля 1881 г. этому делу сразу посвящены: пространное сообщение из суда о возбуждении правительственного преследования против издателя «Freiheit» г. Моста, прения по запросу в палате общин и передовая статья. В своей статье «Times» пишет, что статья, восхваляющая цареубийство, появилась 19 марта в никому неизвестном темном немецком еженедельнике, издаваемом в Лондоне для немецких эмигрантов. «Times», конечно, заметил своевременно эту статью, но как-нибудь отмечать ее на своих столбцах значило бы придавать ей важность и, возможно, влияние, которых такая жалкая пустяковина не заслуживала. Поэтому почтенный орган Сити обошел ее молчанием и весьма сожалеет, что правительство не поступило так же. Нельзя не согласиться с основательностью этих соображений. Конечно, Мост и мечтать не мог о такой блестящей рекламе, какую устроило ему английское правительство. Мост был арестован инспекторами из Скотланд-ярда, причем у него взято много писем, шрифт, материал для печатания, бумаги, книги и т. д. и 2 фунта стерлингов. 28 марта он был представлен в суд при полиции, причем, натурально, значительные отрывки «преступной» статьи были прочитаны публично. Во время этого чтения один из слушателей был удален судьей за одобрительное восклицание «Слушайте, слушайте». Конечно, судья нашел в статье преступление, и Мост был оставлен под арестом. В тот же день в палате общин были заданы по этому делу три вопроса: мистер Грегори спросил, знает ли правительство об этой статье и какие меры приняты против издателя; лорд Черчилль спросил, правда ли, что издатель «Свободы» был вчера арестован и его деньги, его часы и его письма были взяты у него; если да, кем был дан приказ об его аресте и давал ли приказ право на такие суровые меры, и какой закон или статут дает право полиции насильно удалять наборщиков из помещения, овладевать ключами и запирать помещение; Коуэн спрашивает, было

ли преследование издателя «Freiheit» предпринято правительством по требованию или внушению какого либо иностранного правительства. Отвечал на эти вопросы В. Гаркур. Он утверждал, что дело возбуждено правительством без всякого указания со стороны иностранного правительства. В объяснение своих действий он опять прочитал в парламенте значительные отрывки и, конечно, наиболее резкие из статьи Моста. Объяснения его встретили одобрение со стороны депутатов. Черчилль однако вновь поставил свой юридический вопрос о деньгах, часах и закрытии помещения. Гаркур спрятался за обвинительный акт, который информировал бы благородного лорда об интересующем его пункте. Черчилль заявил, что он повторит свой вопрос завтра. На следующий день ему отвечал уже главный стряпчий и уверял, что никакого нарушения закона и прав частных лиц полицией при аресте допущено не было.

Интересны некоторые соображения «Times» в его статье по существу дела. Состав радикальной немецкой колонии в Лондоне достаточно хорошо известен. Это—кучка политических изгнанников, принадлежащих, главным образом, к той с.-д. партии, которую Бисмарк жестоко преследует, но идеи которой тем не менее крадет, и затем это ремесленники и рабочие Ист-Энда, для которых и публикуется «Freiheit». Хотя достаточно безобидные в своих гражданских отношениях, эти лондонские немцы имеют, повидимому, вкус к энергичным и пряным писаниям о политических делах страны, которую нашли подходящим для себя покинуть; и хотя имеются все основания предполагать, что они вполне воздержались бы от всякого рода дел, связанных с убийством, они любят на своих вечерних собраниях распространяться насчет тираноубийства и читать в своем излюбленном журнале самые экстравагантные доктрины, которые проповедывала какая-либо социалистическая секция. Это не конспираторы, которые могут причинить вред стране, которая их изгнала или которая их приютила. Кто убивает королей, те не говорят об этом на митингах и не пишут в газетах. Заговоры и конспирации делаются втайне, и преследованиями газет, даже самыми успешными, ничего против них не достигнешь. А в данном случае и успех весьма сомнителен. «Times» напоминает печальный для правительства исход дела, возбужденного им против Парнеля и его последователей, хотя улики были, казалось, очевидны. Тем менее надежды на успех государственного обвинения, направленного против организаций, лиц или мнений, неприятных другим европейским правительствам. Англия всегда давала приют и итальянским, и польским, и французским эмигрантам. Обвинение, по требованию французского императора, С. Бернара в 1858 г.

в соучастии в преступлении Орсини окончилось падением правительства лорда Пальмерстона, возбудившего это обвинение и полным оправданием узника.

1 апреля вечером состоялся митинг, по приглашению Комитета защиты «Freiheit», в помещении с.-д. клуба в Сохо. Стены зала, могущего вместить до 300 человек, все увешаны сотнями хорошо исполненных фотографий главных деятелей Парижской коммуны и социалистических, нигилистских и других демократических организаций. Кафедру занял В. Роуленд. При открытии митинга раздавалось издание «Freiheit», содержащее обращение к социалистам всех наций. Оратор сказал, что они собрались для того, чтобы протестовать против незаконного захвата «Freiheit» и против преследования социалистической партии. Не защищая лично убийства, он не колебался сказать, что человек, который бросил бомбу, которой убит русский император, перейдет в потомство, как герой, подобно В. Теллю. Он порицал затем поведение министра внутренних дел в возбуждении преследования Моста, как нарушения свободы и безопасности англичанина вообще. Он верит, во всяком случае, что тот найдет справедливость у либерального и конституционного жюри. В заключение была принята единогласно следующая резолюция: «Митинг держится того мнения, что арест издателя «Freiheit», г. Моста, а также захват типографии, шрифта и фондов типографской компании «Freiheit» являются произвольными и несправедливыми актами, достойными русского и германского деспотизма, под давлением которого это преследование начато. Митинг далее обязуется поддержать Комитет защиты «Freiheit» в его усилиях защищать свободу печати и права свободной дискуссии в Англии».

В заключение газета сообщает, что писания Моста давно осуждаются руководящими лицами с.-д. в Лондоне и Германии и что он и его последователи исключены из партии («Times», 2 апреля). «Sollicitor's Journal» пустился в поиски прецедентов и пришел к заключению, что публикация пасквиля на иностранного государя наказуема по общему закону, так как стремится нарушить дружеские отношения нашей страны с другими странами, и подтверждает это двумя прецедентами.

В заседании палаты общин 4 апреля В. Гаркур, которого, очевидно, немало донимали критическими замечаниями по этому мало удачному делу, воспользовался одним посторонним запросом, чтобы дать дополнительные разъяснения по делу «Freiheit». «Ошибочно предполагать, что это государственное обвинение политического характера. Ничего подобного. Это — полицейское обвинение, назначенное в случае серьезного преступления. (Слушайте, слушайте!) Я желаю далее сказать и я удивлен, что необходимо делать такое объяснение, что

убийство и подстрекательство к убийству в глазах английского закона есть гнусное преступление, кем бы и против кого бы ни было оно совершено. (Слушайте, слушайте!) Это — преступления, наказывать и преследовать которые есть долг всякого правительства, и я желаю добавить, что английский закон не признает никакого изъятия в пользу убийства какого-либо особого класса лиц, будь это суверены или частные лица, и далее, что в этом отношении иностранцы в нашей стране так же ответственны перед законом, как и английские подданные. (Слушайте, слушайте!)»

Правительство не долго отдыхало. Уже 7 апреля новый запрос Черчилля: правда ли, что два члена правительства делали взносы на издание «Freiheit»? Ответ дан отрицательный. Из прений видно, что дело касалось помощника секретаря по иностранным делам Дилька и лорда адмиралтейства Брассей. Черчилль объясняет, что сведение получил от Мальтмана Барри, который получил некоторую сумму от баронета, помощника секретаря по иностранным делам (Дилька), и что его можно вызвать к решетке парламента. Дильк не захотел ждать вызова Барри, в том же заседании взял слово и отрицал, чтобы он когда-либо видел или слышал о Мосте и его листке до возникновения этого дела, и утверждал, что сведение о нем ложно. [1] Брассей отсутствовал.

В «Times» от 2 апреля было упомянуто, что, по словам Моста, среди взятых у него бумаг есть очень важные, напр. адресная книга. В начале мая газеты принесли известие о больших арестах в Вене среди социалистов. По этому поводу правительству 5 мая был сделан запрос. В. Гаркур отрицал какую бы то ни было связь этих арестов с преследованием Моста и с какой бы

[1] В семейной переписке К. Маркса мы читаем об этом инциденте в палате общин: «По этому поводу произошел немалый скандал в палате общин. Ты знаешь, что эти жалкие Гладстончики, в угоду Бисмарку и Горчакову, предприняли в лице злополучного Моста покушение на свободу печати в Англии, что им вряд ли принесет пользу. Лорд Черчилль, бесстыдный молодой тори (из Malborough family), интерпеллировал Чарльза Дилька и Брассея по поводу денежной субсидии газете «Freiheit». Это нахально отрицалось, и Черчилль вынужден был назвать человека, давшего ему это сведение, — именно неизбежного мистера Мальтмана Барри.

«Прилагаю к этому письму выдержку об этом деле из «Weekly Dispatch» [газета Дилька, редактируемая «philosophical radical» Эштоном Дильком, братом «великого» Дилька] и объяснение Мальтмана Барри в «Daily News». Очевидно, лгал Дильк. Что за ничтожество этот сам себя прозвавший будущим «президентом английской республики» хвастунишка, который из боязни потерять свой пост позволяет Бисмарку предписывать себе, какие газеты он может осчастливить или не осчастливить каким-нибудь фунтом стерлингов! О, если бы стало известно, что Эштон Дильк пригласил к себе на чай Гартмана сейчас же по приезде его в Лондон! Но Гартман отклонил это приглашение, не желая дать себя «выставлять». («Воинствующий материалист», IV.)

то ни было информацией, исходившей от английского правительства или английской полиции. Но чувствуя за собой поддержку большинства, Гаркур не ограничился этим и пожелал объясниться на чистоту. «Я никогда не был одурачен той вредной ложью, что заговоры тайных обществ об убийствах суть извинительные преступления. (Одобрения.) На мой взгляд, они — обыкновенные убийства (новые рукоплескания) или покушения на убийство, и с ними надо поступать во всех отношениях, как с таковыми. (Одобрения.) И если бы наша полиция в отправлении своих обыкновенных обязанностей и в исполнении судебных функций узнала об обстоятельствах, которые ставят в опасность от руки убийцы жизнь какого-либо лица, будь то суверен или частные лица, в стране или за границей, было бы, по моему мнению, их долгом дать такую информацию, которая лучше всего могла бы предупредить совершение преступления. (Громкие одобрения.) Мы имели бы право ожидать такого поведения со стороны всякого цивилизованного правительства, если бы жизнь нашего суверена или наших граждан была в опасности, и что мы считаем долгом других в отношении себя, мы не преминем выполнить и сами. (Одобрения.)» («Times», 6 мая 1881.)

Благодаря возбужденному против Моста делу, широкая публика могла не только несколько раз прочитать в самых распространенных газетах наиболее пикантные выдержки из инкриминированной статьи и, наконец, всю статью целиком, прочитанную при окончательном разборе дела, но и выдержки из статьи, заготовленной Мостом для номера от 26 марта. Они были прочитаны в суде 7 апреля.

«Наконец-то революционное правосудие может записать победу. Александр II, самый ужасный и самый отъявленный из всех императорских бестий, счастливо убит. Надо надеяться, такая же судьба ждет его наследника. Многие, как мы, радуются героической казни Александра II; мы должны однако признать, что, благодаря таким изолированным актам, революция получает только моральный успех. Поэтому настоятельно необходимо без всякой отсрочки, как было до сих пор, продолжать войну против монархии и всего, что принадлежит ей, независимо от того, будут ли выполнены обещанные обманные реформы или нет. Установление конституционного режима вовсе не принесло бы добра русскому народу! Для революции это было бы опасно. Нейтралитет, соблюдаемый в настоящее время в России средними классами в отношении революционных актов русских социалистов, после установления конституции немедленно сменился бы резкой враждой по отношению к нашим товарищам. Могучая революционная деятельность стала бы невозможна. Будем, следовательно, надеяться в интересах рево-

люции, что наши друзья смогут следовать тем путем, которым шли до сих пор с таким невероятным успехом, так что скоро может быть воздвигнут могильный камень над царизмом, дворянством и чиновничеством. Когда хоронили труп разорванного Романова, полиция приняла такие меры охраны безопасности, о которых едва ли когда знали. Все дома на пути следования процессии были обысканы с чердаков до подвалов. Все подозрительные жители были арестованы. Кавалькада проходила между двойными шеренгами солдат и полиции. И однако принцы и другие дневные грабители, которые принудили себя следовать за гробом казненного преступника, видимо дрожали за свою жизнь. Так и должно быть». («Times», 8 апреля 1881.)

Суд состоялся 25 мая. Судили Моста в центральном уголовном суде. Судьей был Lord chief Justice лорд Кольридж, защищал Сулливан.

На суде «преступная» статья была прочитана полностью в английском переводе. Привожу ее.

НАКОНЕЦ-ТО!

Схвати этого, схвати того,
Тем не менее кто-то достанет
и тебя.

С. Веек

«Триумф! Триумф! Слово поэта исполнилось. Одного из самых ужасных тиранов Европы, гибель которого уже давно клятвенно решена и который поэтому в диких мстительных порывах погубил или заключил в тюрьмы бесчисленных героев и героинь русского народа, — русского императора нет более. В последнее воскресенье, в полдень, когда чудовище возвращался с одной из тех забав, которые обыкновенно состоят в смотрах хорошо вымуштрованных толп тупых и жестоких рабов и которые называются военными парадами, исполнитель воли народа, давно уже произнесшего ему смертный приговор, настиг и поверг его в прах. Он был готов еще раз поболтать насчет «перста божия», который недавно спас его проклятую жизнь, когда кулак народа заткнул ему рот навсегда. Один из тех отважных молодых людей, которых выдвигает социально-революционное движение в России, Рысаков — с почтением произносим мы его имя — бросил под карету деспота динамитную бомбу, которая причинила большое разрушение мостовой и в непосредственном соседстве, однако оставила коронованного убийцу невредимым. Михайлович, царский генерал, и другие сразу сбили с ног благородного исполнителя народной воли. Однако последний одной рукой размахивает кинжалом в лицо самодержца, а другой направляет

дуло револьвера в его грудь. В одно мгновение он обезоружен и связан и избит, а насквозь развращенная и подкупленная свита уже сочиняет сообщение об отклоненной опасности. Но вот летит новая бомба. Она падает у ног деспота, раздробляет ему голени, разрывает ему живот и причиняет многочисленные раны и опустошения среди окружающих военных, казаков и гражданских лиц. Свидетели этой сцены были как бы парализованы, только энергический бомбометатель не потерял присутствия духа и мог благополучно скрыться. Император был доставлен в свой дворец, где в продолжение $1^1/_2$ часа среди страшных страданий он еще мог размышлять о своей жизни, полной преступлений. Наконец он умер. Таковы факты. Тотчас же телеграф разнес известие о событии в отдаленнейшие концы мира. Действие этого известия было столь же различно, как и ошеломляюще. Подобно удару грома прогремело оно в королевских дворцах, где живут те обремененные преступлениями недоноски всяческого разврата, которые давно уже тысячу раз заслужили подобную участь. За последние три года много выстрелов просвистало около ушей этих чудовищ, не причинив им вреда. Еще и еще раз могли они вознаградить себя по-царски за перенесенный страх казнями и всяческими притеснениями масс. Более того, как раз в самое последнее время они нашептывали друг другу на ухо с удовлетворением, что всякая опасность прошла, так как самые энергические из всех тираноненавистников — русские нигилисты успешно истреблены до последнего человека. И вот такой случай! Вильгельм, король прусский, ныне протестантский папа и солдат-император германский, бился от возбуждения в судорогах в подобающих формах. Подобные вещи происходили и при других дворах. Завывания и скрежетание зубами преобладали в каждой резиденции. Но и другая сволочь, которая в разных других странах натягивает проволоки правительственного механизма господствующих классов, испытала сильную моральную головную боль и разливалась в слезах соболезнования, состояла ли она лишь из главных лакеев на ступеньках императорского трона или из республиканских бандитов первого класса. Хныканье во Франции, Швейцарии и Америке было не меньше, чем в Черногории и Греции. Гамбетта дошел до отсрочки заседаний Палаты и таким образом нанес Франции оскорбление, от которого даже Австрия была спасена президентом рейхсрата. Общественное мнение было поражено и тщетно искало оснований для такой жалкой позы. Одни думали о дипломатических мотивах и т. п., но это ошибка. Быть может, там и сям не обошлось без простого политического лицемерия. Но в общем основания лежат глубже. Защитники господства правящих классов в уничтожении самодержца видели нечто большее, чем простое убийство. Перед их лицом

успешное нападение на власть, как таковую. В то же время они все знают, что всякий успех имеет чудодейственную силу, не только внушая уважение, но и вызывая подражание. От Константинополя до Вашингтона они просто дрожат за свои давно осужденные головы. Этот страх дал нам высокое наслаждение, точно так, как мы слышали с величайшей радостью о героическом подвиге тех социалистов-революционеров в Петербурге, которые убили тирана в последнее воскресенье. В это время величайшего всеобщего унижения и горя, когда во многих странах только старые женщины и малые дети еще ковыляют около политической арены со слезами на глазах, с омерзительнейшим страхом в груди перед карающей дубинкой ночного сторожа, теперь, когда истинные герои стали так редки, подобные факты производят на лучшие натуры такое же действие, как освежающие бури. Пусть говорят за нашей спиной, что мы вошли в сделку с нигилистами; пусть другие порицают нас за цинизм и грубость; однако мы знаем, что, выражая нашу радость по случаю успешного подвига, мы не только высказываем наши собственные чувства, но даем выражение тому, что миллионы попираемых ногами и тиранизированных людей думают вместе с нами, когда они читают о казни Александра. Наверно, там и сям явятся даже социалисты, которые без чьего-либо спроса будут утверждать, что они со своей стороны гнушаются цареубийства, потому что оно в конце концов не приносит ничего хорошего и потому что они борются не с лицами, а с учреждениями. Эта софистика так груба, что может быть опровергнута одной фразой. Ясно даже и для новичка в политике, что государство и социальные учреждения не могут быть уничтожены, пока кто-либо не одолеет лиц, которые хотят их поддерживать. Одной философией вы не сможете прогнать и воробья с вишневого дерева, как и пчелы одним жужжанием не могут освободиться от своих трутней. С другой стороны, совершенно ложно, что уничтожение одного царя вполне бесполезно, так как заранее назначенный наследник тотчас же занимает его место. Можно сожалеть только о том, что убийства тиранов случаются редко. Если бы каждый коронованный бездельник располагал одним месяцем, в короткое время роль монарха перестала бы доставлять удовлетворение. Кроме того, каждый честно думающий человек, наверно, почувствует удовлетворение, если такой уголовный преступник снят, т. е. наказан по своим злым делам. Юристам гражданского общества не пришлось бы повесить ни одного убийцу или запереть в тюрьму ни одного вора, так как доказано, что наказания не устраняют ни убийства, ни воровства (оба учреждения этого общества). Если кто-либо имел дело с таким субъектом, каким был Александр Романов, то он должен

принять его уничтожение с двойным удовлетворением. Если верить газетам, то убитый царь был настоящим образцом благоволения. Факты доказывают, что он принадлежал к худшим злодеям, какие только позорили когда-либо человечество. В продолжение его царствования около 100 000 людей были изгнаны в Сибирь, дюжины были повешены после жесточайших мучений. Всех этих жертв русский коронованный молох потребовал только потому, что эти лица старались улучшить общество, желали общего благосостояния, может быть, пробежали одну запрещенную книжку или написали какое-либо письмо, в котором выразили осуждение правительству. Из военных ужасов, которые этот тиран накликал, мы возьмем только одну сцену из последней турецкой войны. Александр праздновал свои именины и желал военного зрелища. Он приказал штурмовать Плевну. Генералы рискнули заметить, что штурм не только был бы неудачен, но стоил бы огромного количества жертв. Напрасно! Приказ отдан, а чтобы с большим удовлетворением смотреть бойню, тиран заставил возвести специальное возвышение с чем-то вроде императорской театральной ложи, откуда он мог следить за штурмом, не подвергаясь опасности. Результат соответствовал предсказаниям генералов. Штурм был отбит, и 8000 убитых и раненых покрыли почву перед укреплениями Плевны. Но «царь-батюшка», как деспот предпочтительно заставляет себя звать, позабавился, как каннибал. На все петиции и ходатайства о введении всегда таких незначительных реформ, которые почти ежедневно клались к его ногам, он ответил только недавними пустяками азиатского правительственного варварства. Настоящие драгонады следовали за каждым предостережением и угрозой, неудачные покушения на его жизнь увеличивали его низость до чудовищного. Кто достаточно низок, чтобы действительно оплакивать смерть такого животного? Но говорят: «Разве наследник убитого сделает что-либо лучшее, чем он сделал?» Мы этого не знаем. Но одно мы знаем, что и ему вряд ли будет позволено долго царствовать, если только он пойдет по стопам своего отца. Да, мы хотели бы, чтобы случилось так, ибо лицемерных лже-либеральных монархов мы ненавидим не меньше, чем откровенных деспотов, так как они имеют, быть может, бо́льшую возможность замедлять развитие цивилизации, чем последние. Вдобавок упорство нового царя в старых принципах правления должно тотчас же удвоить и утроить число врагов, так как в России множество народа верило в «легенду наследника», обычную во всех странах и во все времена, согласно которой наследник только ждет момента, когда он сможет высыпать на свой народ целый рог благодеяний. Все эти энтузиасты немедленно обратятся, когда увидят, что новые указы так же пахнут русской кожей, как и старые.

Но будь что будет, ход был хорош, и мы надеемся, что он не последний. Пусть смелый подвиг, который, — мы повторяем это — имеет всю нашу симпатию, воодушевит повсюду революционеров новым мужеством. Пусть все вспомнят стихи Гервега

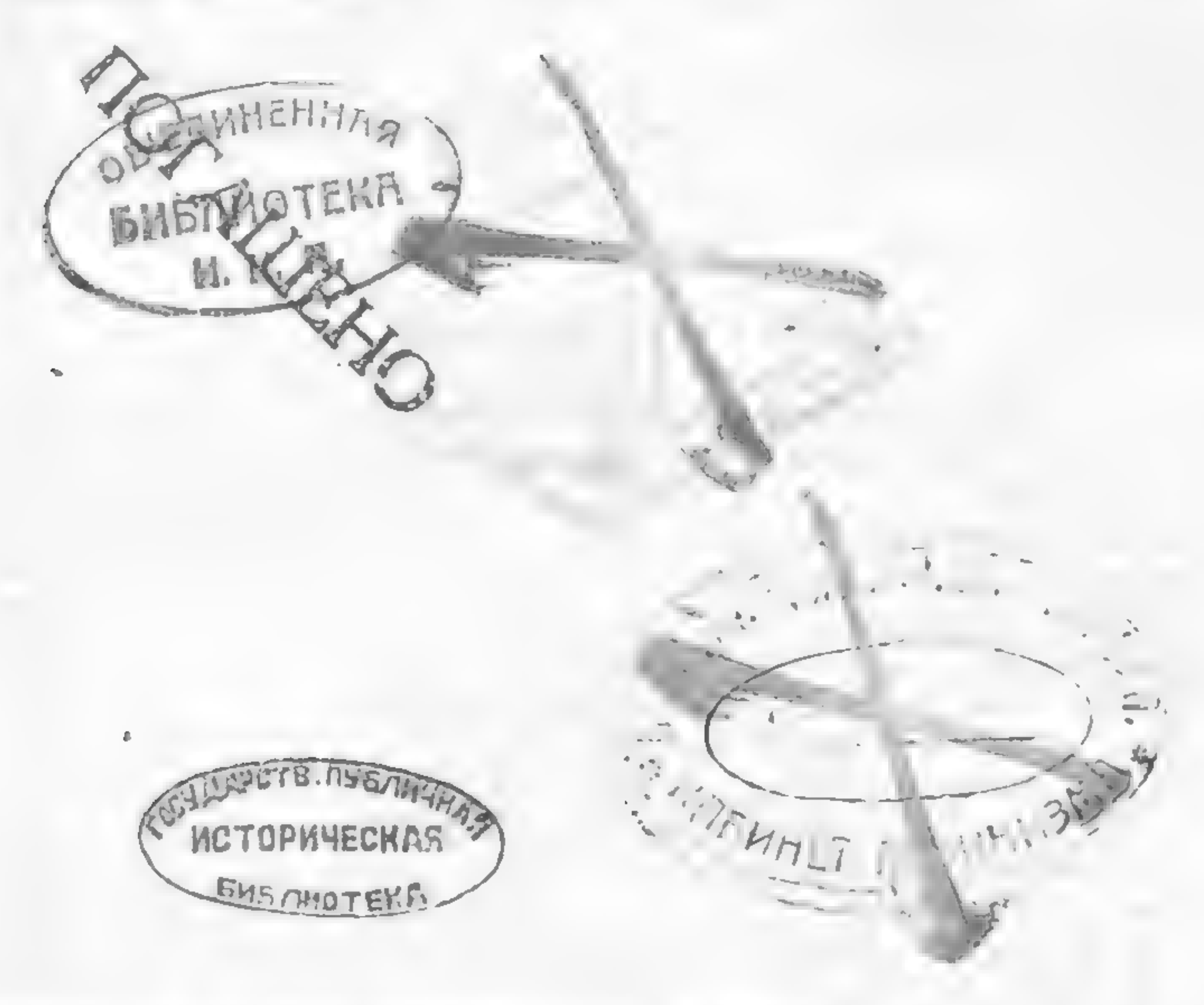
И где тираны еще существуют,
Смело овладеем ими.
Мы достаточно долго их любили,
Наконец мы хотим их ненавидеть».

Присяжные признали Моста виновным по всем пунктам, порекомендовали оказать ему милосердие, как нарушившему закон в первый раз и как иностранцу, «который мог потерпеть у себя на родине какие-нибудь обиды и несправедливости». («Times», 26 апреля 1881).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Отв. ред. И. А. Теодорович. Технич. ред. Ф. М. Точилин.
Сдано в набор 21 сентября 1932 г. Подписано к печати 10 марта 1933 г.
Печ. листов 20. Колич. печ. знак. в листе 44.368. Форм. бум. 62×94 — № 77.
Уп. Главлита № В-30885. Заказ № 7892. Тираж 5.000.

Типография им. Володарского, Ленинград, 11, Фонтанка, 57.

